

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Дубицкий В.В. – д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. – д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. – д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. – д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. – д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. – д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. – д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 – Финансы (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 – Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 – Демография (социологические науки), 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 – Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 – Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 – Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редакторы

А.В. Большова

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rg.ru можно оформить подписку на 2024 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 13.02.2024 г.

Формат 60×90/8

Объем 31,0 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 45 экз.)

Заказ № 15_Г

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-Chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

A.V. Bolshova

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

LR No. 020715 from 02.02.1998

Signed to print 13.02.2024

Format 60×90/8

Size 31,0 printed sheets

Offset paper

Digital printing

Circulation 1000 copies

(the first factory 45 copies)

Print order No. 15_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99

State University of Management

Tel.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ		ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО	
Строев В.В. Комплексный анализ региональных диспропорций в распределении доходов и благосостояния населения в регионах России 5		Бостанова П.И., Оздоева З.Х. Оценка воздействия введения карантинных ограничений COVID-19 на финансовые результаты деятельности предприятий сектора малого и среднего предпринимательства Российской Федерации..... 152	
Федченко Е.А., Бурякова А.О. Теоретические основы контроллинга в государственном секторе 13		Чмут Г.А. Финансовый суверенитет как одна из стратегических задач России на современном этапе 160	
СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ		СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ	
Тазов П.Ю. Совершенствование модели цифровой маркетинговой коммуникации на примере агентства ритуальных услуг..... 20		Литвиненко А.Н., Лозина Ю.А. Преодоление субъективизма в измерении новизны диссертационного исследования как проблема конвенциональности 175	
Хохлов Д.А., Бражникова А.С. Ключевые критерии выбора ресторанов и сценарии заказа доставки еды в Москве..... 29		Садыков Р.М. Оценка уровня жизни пожилых людей и их самочувствия в условиях изменения социальной среды 184	
РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ		СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ	
Абрамов Р.А. Взаимосвязь между экономической диверсификацией и устойчивым развитием регионов Российской Федерации 41		Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Зябликова О.А. Оценка уровня институционального доверия студенческой молодежи в современном российском обществе в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций..... 192	
Аслаева С.Ш. Потенциал развития промышленного производства в Республике Башкортостан и в соседних регионах 50		Бакушкин И.А., Ильичева И.М. Самоактуализация и смысложизненные ориентации студентов с различной иерархией ценностей..... 204	
Грабовский Я.А. Особенности государственной поддержки промышленных предприятий в условиях санкционного давления..... 61		Басимов М.М. Реальные зависимости и значимые корреляции для показателя «конформизм — нонконформизм» (модель кварт независимой переменной) 211	
Закревская А.Г., Любимова Н.Г., Флакман А.С. Механизм концессионных соглашений в системе теплоснабжения России 72		Забродина О.В. Проблемы формирования социальной зрелости учащихся в образовательном пространстве..... 223	
Клименко В.А., Чудинова Е.А., Банникова Т.И., Дыдыкин И.О. Региональный бренд: сущность и модель формирования 80		Расторгуева Е.Н. Эмоциональный интеллект: к проблеме определения понятия 230	
Широкова Е.Ю. Влияние факторов развития обрабатывающей промышленности на экономику Северо-Западного федерального округа..... 89		Титов С.Е., Черкасова С.В. Сравнительный анализ высшего образования на примере отдельных стран Европейского и Азиатско-Тихоокеанского регионов..... 240	
ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ			
Аржанова К.А., Качалова А.С. Особенности продвижения бизнес-экосистем..... 98			
Астафьева О.Е. Ресурсная база промышленности строительных материалов как основа устойчивого развития экономики..... 105			
Матвеевский С.С., Борисова А.Р. Кластеризация стран Азиатско-Тихоокеанского региона по значениям инклюзивного экономического роста..... 112			
Мацкуляк И.Д., Мацкуляк Д.И. Мобилизационные отношения: сущность, опыт и повышение безопасности 122			
Степанов Н.С. Формирование политики технологического суверенитета на территориях опережающего социально-экономического развития с помощью привлечения частного и государственного капитала 132			
ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ			
Худько Е.В., Дондопова Е.В. Детерминанты инвестиционной активности российских компаний реального сектора в условиях финансовых ограничений 140			

CONTENTS

CURRENT MANAGEMENT ISSUES

- V.V. Stroev**
Comprehensive analysis of regional disparities in the distribution of income and welfare of the population in the Russian regions.....5
- E.A. Fedchenko, A.O. Buryakova**
The theoretical basis of controlling in the public sector 13

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- P.Yu. Tazov**
Improving the model of digital marketing communication on the example of a funeral service agency 20
- D.A. Khokhlov, A.S. Brazhnikova**
Key criteria for choosing restaurants and food delivery scenarios in Moscow..... 29

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

- R.A. Abramov**
The correlation between economic diversification and sustainable development of the Russian regions..... 41
- S.Sh. Aslaeva**
Potential for industrial production development in the Republic of Bashkortostan and in neighbouring regions..... 50
- Ya.A. Grabovsky**
Features of state support of industrial enterprises under sanctions pressure..... 61
- A.G. Zakrevskaya, N.G. Lyubimova, A.S. Flaxman**
The mechanism of concession agreements in the Russian heat supply system 72
- V.A. Klimenko, E.A. Chudinova, T.I. Bannikova, I.O. Dydykin**
Regional brand: the essence and formation model..... 80
- E.Yu. Shirokova**
Influence of development factors of manufacturing industry on the economy of the North-Western Federal District 89

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

- K.A. Arzhanova, A.S. Kachalova**
Features of business ecosystems promotion 98
- O.E. Astafyeva**
Resource base of the building materials industry as the basis for sustainable development of the economy 105
- S.S. Matveevskii, L.R. Borisova**
Clustering the countries of the Asia-Pacific by values of inclusive economic growth..... 112
- I.D. Matskulyak, D.I. Matskulyak**
Mobilisation relations: essence, experience, and security improvement 122
- N.S. Stepanov**
Formation of a policy of technological sovereignty in the territories of advanced socio-economic development by attracting private and public capital 132

INVESTMENT VALUATION

- E.V. Khudko, E.V. Dondopova**
Determinants of investment activity of Russian companies in the real sector under financial constraints..... 140

FINANCE AND BANKING

- P.I. Bostanova, Z.Kh. Ozdoeva**
Impact assessment of the introduction of COVID-19 quarantine restrictions on financial performance of small and medium enterprise sector of the Russian Federation 152

G.A. Chmut

Financial sovereignty as one of Russia's strategic objectives at the present stage 160

N.N. Shkolnikova, E.A. Shkolnikov, M.A. Shkolnikov

Financial assessment of the implementation of state policy measures in the field of environmental protection: macroeconomic aspect..... 166

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

A.N. Litvinenko, Yu.A. Lozina

Overcoming subjectivism in measuring the novelty of dissertation research as a problem of conventionality..... 175

R.M. Sadykov

Assessment of the living standard of elderly people and their well-being in a changing social environment 184

M.A. Tanina, V.V. Bondarenko, V.A. Yudina, O.A. Zyablikova

Assessment of the institutional trust level of students in modern Russian society in the context of global cultural and digital transformations..... 192

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

I.A. Bakushkin, I.M. Ilicheva

Self-actualisation and life-purpose orientations of students with different hierarchy of values..... 204

M.M. Basimov

Real dependencies and significant correlations for the indicator "conformity — non-conformity" (the model of quarts of independent variable)..... 211

O.V. Zabrodina

Problems of formation of socially mature students in the educational space 223

E.N. Rastorgueva

Emotional intelligence: on the problem of defining the concept..... 230

S.E. Titor, S.V. Cherkasova

Comparative analysis of higher education on the example of certain countries of the European and Asia-Pacific regions 240

Комплексный анализ региональных диспропорций в распределении доходов и благосостояния населения в регионах России

Строев Владимир Витальевич

Д-р экон. наук, ректор

ORCID: 0000-0003-2887-1767, e-mail: inf@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Современная экономика России характеризуется значительными региональными диспропорциями в том, как распределяются доходы и благосостояние граждан страны. Они могут быть особенно заметны при анализе разнообразных секторов экономики, играющих важную роль в экономическом прогрессе регионов. В рамках данного исследования на основе сравнительного анализа осуществляется оценка степени зависимости уровня жизни населения от электромеханической отрасли промышленности. Выдвигается гипотеза о том, что опережающий рост данного сектора оказывает существенное положительное влияние на показатели занятости, доходов и качества жизни. Проверка данной гипотезы позволит выработать эффективную государственную политику выравнивания социально-экономического развития российских субъектов с учетом отраслевой специализации их экономик. Для исследования применялись статистические данные о доходах населения, индексы качества жизни, а также специфические показатели прогресса индустрии в разных регионах федерации. Использовались методы корреляционного и регрессионного анализа для выявления связей между уровнем развития отрасли и экономическим благополучием территориальных единиц. Анализ подчеркнул, что такие регионы, как Москва, Санкт-Петербург, где инфраструктурный сектор лидирует, и ряд нефтедобывающих регионов Сибири демонстрируют более высокие показатели доходов и качества жизни. В то же время субъекты с менее развитым данным сектором, например, некоторые районы Северного Кавказа и Сибири, испытывают затруднения в достижении аналогичных уровней благосостояния.

Ключевые слова

Региональные диспропорции, доходы населения, благосостояние, электромеханический сектор, экономическое развитие, российские регионы, данные Росстата

Для цитирования: Строев В.В. Комплексный анализ региональных диспропорций в распределении доходов и благосостояния населения в регионах России // Вестник университета. 2024. № 1. С. 5–12.

Comprehensive analysis of regional disparities in the distribution of income and welfare of the population in the Russian regions

Vladimir V. Stroev

Dr. Sci. (Econ.), Rector

ORCID: 0000-0003-2887-1767, e-mail: inf@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The modern Russian economy is characterised by considerable regional disparities concerning distribution of incomes and well-being of the citizens. These imbalances can be especially noticeable when analysing various sectors which play an important role in the economic progress of the regions. Within the framework of this study, based on a comparative analysis, the degree of dependence of the living standard on the electromechanical industry is assessed. The hypothesis is advanced that the outstripping growth of this sector has a significant positive impact on indicators of employment, income, and quality of life. Testing this hypothesis will make it possible to create a state policy for equalising the socio-economic development of Russian regions with consideration to the industry specialisation of their economies. Statistical data on personal income, quality of life indices, as well as specific indicators of industry progress in different regions of the Federation were used for the study. The employed methods of correlation and regression analysis identified the links between the level of sectoral development and economic well-being of the territorial units. The analysis showed that such regions as Moscow, St. Petersburg, where an infrastructure sector leads, and a number of oil-producing Siberian regions demonstrate higher indicators of income and quality of life. At the same time, subjects with a less developed sector, for instance some areas of the North Caucasus and Siberia, are experiencing difficulties in achieving similar levels of welfare.

Keywords

Regional disparities, incomes of population, welfare, electromechanical sector, economic development, Russian regions, statistics, data of Rosstat

For citation: Stroev V.V. (2024) Comprehensive analysis of regional disparities in the distribution of income and welfare of the population in the Russian regions. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 5–12.

ВВЕДЕНИЕ

Современное социально-экономическое развитие Российской Федерации (далее – РФ, Россия) характеризуется значительной региональной дифференциацией по уровню благосостояния населения и степени реализации экономического потенциала территорий. На фоне общих позитивных тенденций в макроэкономической динамике сохраняется большой разрыв между бюджетной обеспеченностью и инвестиционной привлекательностью отдельных субъектов. Это является серьезным ограничением достижения национальных целей развития российских регионов и порождает необходимость выравнивания его условий.

Особый научный интерес в этой связи представляет исследование отраслевой специфики регионального развития и ее влияния на дифференциацию доходов населения. Речь идет о выявлении степени зависимости уровня жизни граждан от приоритетности тех или иных секторов экономики в структуре хозяйственного комплекса территорий. Углубленный анализ подобных межрегиональных диспропорций позволит оптимизировать пространственное распределение факторов производства и сбалансировать социально-экономическое развитие субъектов РФ.

ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНИ РОССИИ

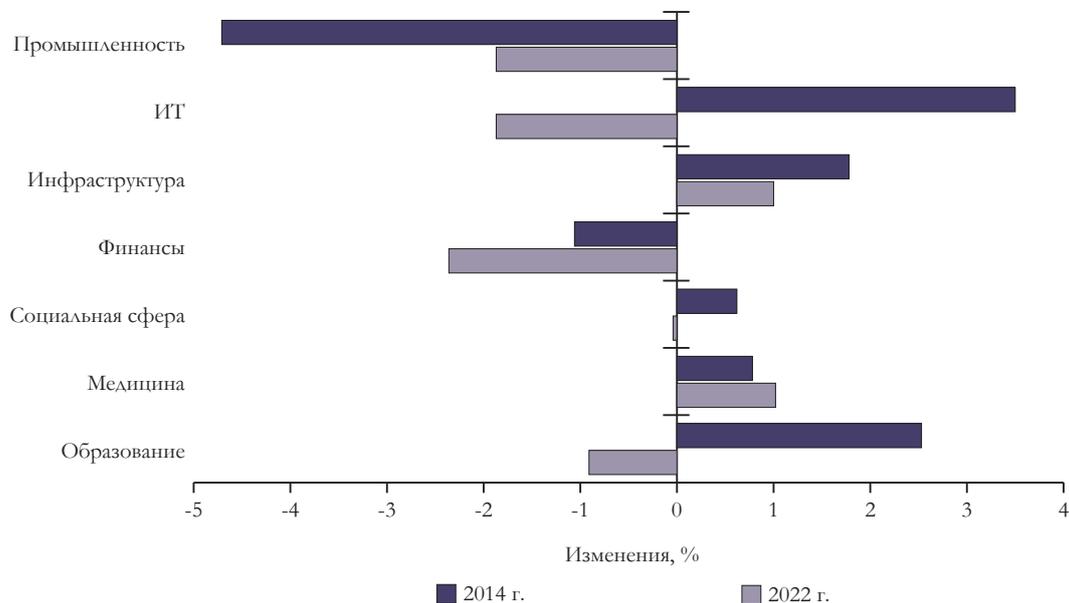
Исследование экономических диспаритетов в региональном контексте РФ, акцентируя внимание на сфере инфраструктуры и новых технологий, раскрывает показательные контрасты. Примером служит сопоставление Москвы и Московской области, где среднедушевой доход населения превышает 60 тыс. руб. в месяц, с Республикой Тыва, где аналогичный показатель едва достигает 20 тыс. руб. в месяц. Замечено, что высокий уровень развития индустрии коррелирует с повышенными доходами населения. Это особенно очевидно в индустриальных регионах, где находятся крупные промышленные предприятия, специализирующиеся на изготовлении и обслуживании оборудования. В контексте настоящего исследования анализировались данные по объему производства в различных субъектах России за последние 5 лет. Например, в Центральном федеральном округе общий объем составил приблизительно 500 млрд руб., что значительно больше, чем в Северо-Кавказском федеральном округе, где аналогичный показатель не превысил 50 млрд руб. Такие диспропорции прямо сказываются на благосостоянии регионов. Дополнительно был рассмотрен уровень занятости в секторе информационных технологий (далее – ИТ), который оказывает существенное влияние на экономическое положение населения. В Москве и Санкт-Петербурге, например, доля занятых в данной отрасли составляет около 5 %, что в абсолютных цифрах превышает 250 тыс. чел. В то же время в менее развитых субъектах, таких как Республика Алтай, эта доля не превышает 0,5 %, составляя в численном выражении менее 5 тыс. чел.

Интерес представляет также анализ качества жизни жителей в контексте доступности и качества обслуживания. Регионы с развитым производством и обслуживанием этой техники, как правило, имеют лучшую инфраструктуру, включая электроснабжение и транспортные связи, что в свою очередь способствует повышению уровня жизни. Например, в Свердловской области лидирует машиностроение и электротехника, а уровень доступности качественных услуг существенно выше, чем в Ивановской области: там такая индустрия представлена в меньшей степени.

В рамках проведенной работы, ориентированной на выявление несоответствий в распределении доходов и благосостояния населения в регионах России, особое внимание уделялось сфере промышленности. Обнаружено, что в субъектах с высоким уровнем прогресса данной отрасли, таких как Москва, где производство электромеханической продукции достигает 30 % от общего объема промышленного производства, средний доход на душу населения превышает аналогичные показатели в других субъектах, где доля электромеханических изделий составляет менее 10 % [1].

Исследование также выявило, что в регионах с низким уровнем развития электромеханической индустрии (например, в Республике Алтай производство в данной сфере составляет менее 5 % от общего объема), уровень жизни населения значительно ниже. Здесь среднедушевой доход не превышает 15 тыс. руб., в то время как в более развитых регионах эта цифра достигает 45 тыс. руб. [2]. Анализ данных Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) показал, что в некоторых субъектах, таких как Нижегородская область, в которых доля предприятий в структуре промышленного производства составляет более 20 %, уровень безработицы на 10 % ниже, чем в субъектах с менее развитой электромеханической отраслью [3].

Также было установлено, что в регионах с высокой долей производства, например в Свердловской области, средний уровень доходов населения на 30 % выше, чем в регионах с низкой долей таких организаций [4]. Это свидетельствует о прямой связи между развитием сектора и экономическим благополучием субъектов РФ. Помимо прямых экономических показателей, анализ позволил выявить и косвенные факторы. Так, в территориальных единицах, где электромеханическая отрасль развивается активно, инвестиции в социальную инфраструктуру, включая образование и здравоохранение, вкладываются чаще, что способствует повышению качества жизни (рис. 1) [5].

Источник¹

Рис. 1. Изменения в сферах жизни российского общества

Важным аспектом является и развитие технологической базы электромеханических предприятий. Регионы, в которых производство оснащено современным оборудованием (например, Татарстан), демонстрируют более высокие показатели производительности труда и, соответственно, более высокие доходы населения [6].

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПО РЕГИОНАМ РОССИИ

Изучение диспропорций в распределении доходов и благосостояния граждан РФ конкретного региона России, а именно Челябинской области, представляет значительный интерес с точки зрения рассмотрения экономической динамики и развития электромеханической отрасли. Согласно данным Росстата, в Челябинской области за последние 5 лет наблюдается устойчивый рост среднедушевых доходов населения, который коррелирует с развитием местной промышленности, в том числе электромеханической [7]. Примечательно, что среднемесячный доход в области за отчетный период увеличился с 25 тыс. руб. в 2018 г. до 35 тыс. руб. в 2023 г. Параллельно уровень производства в отраслях вырос на 15 %, свидетельствуя о прямой связи между развитием отрасли и повышением благосостояния населения [8].

Важно отметить, что в Челябинской области процент занятости в электромеханической сфере составляет около 20 % от общей численности занятого населения. Это существенно выше, чем в среднем по России, где данный показатель достигает около 12 % [9]. Такое положение способствует укреплению экономической стабильности региона и улучшению уровня жизни его жителей. Интересным аспектом является анализ инвестиций в электромеханическую отрасль региона. За последние 5 лет объем вкладываемых денежных средств увеличился на 30 %, что позитивно сказалось на уровне технологического развития производств и, как следствие, на качестве производимой продукции [10]. Кроме того, стоит отметить, что развитие отрасли в Челябинской области оказывает влияние на снижение уровня безработицы. В 2018 г. он составлял 5,5 %, в то время как к 2023 г. снизился до 4,3 % [11]. Это свидетельствует о создании новых рабочих мест и об улучшении социально-экономической ситуации в данном субъекте РФ.

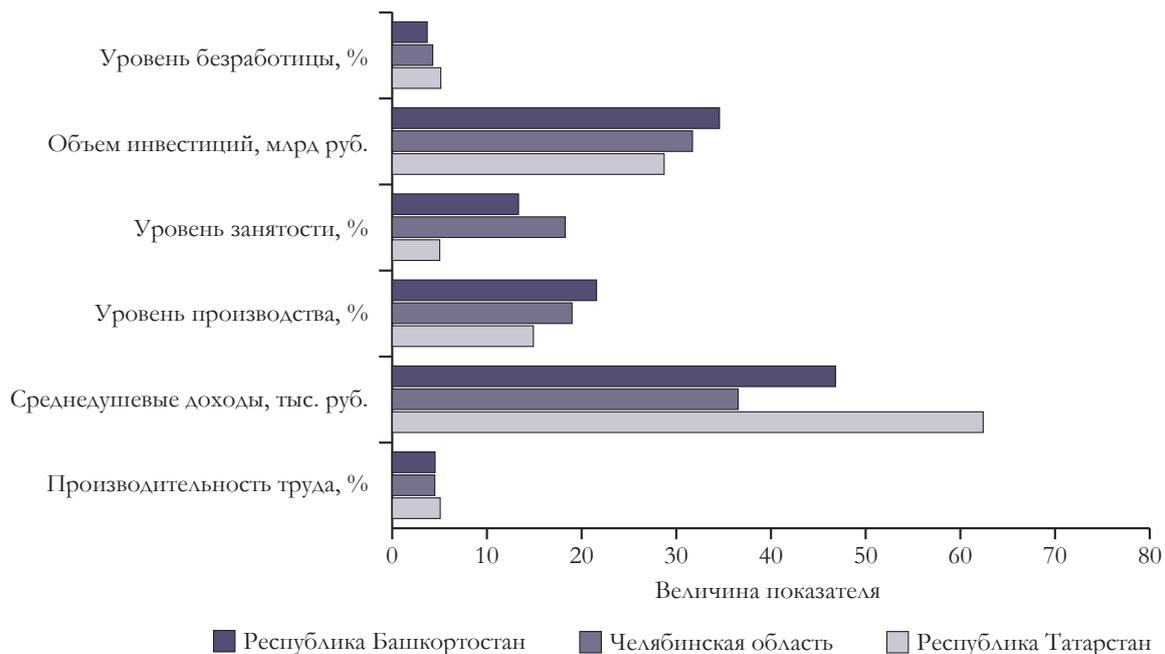
¹ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2023).

Анализ распределения доходов в различных слоях населения Челябинской области также показывает положительные тенденции. Разрыв между доходами жителей в городских и сельских районах сокращается, что говорит о распространении эффекта от развития электромеханической отрасли на всю территорию области [12].

Продолжая исследование расхождений в распределении доходов и благосостояния населения, обратим внимание на Республику Башкортостан, которая представляет собой значимый регион РФ, где инфраструктурный сектор занимает лидирующие позиции. По данным Росстата, в этом субъекте наблюдается динамичное развитие экономики, тесно связанное с развитием изучаемой нами отрасли [13].

В Республике Башкортостан среднедушевые доходы населения выросли с 27 тыс. руб. в 2018 г. до 33 тыс. руб. в 2023 г., подтверждая положительную динамику экономического развития региона, при этом значительная часть этого роста приходится на увеличение доходов от электромеханической промышленности [1]. Особое внимание в рамках исследования уделялось анализу занятости в данном секторе. В Башкортостане указанная доля составляет около 18 % от общей численности занятых, что значительно выше среднего показателя по РФ. Это обуславливает высокую концентрацию квалифицированных рабочих мест и способствует повышению общего уровня благосостояния [5]. Инвестиции в электромеханическую индустрию республики также продемонстрировали значительный рост. За последние 5 лет их объем в отрасль увеличился на 25 %, благодаря чему была обновлена технологическая база и повысилась эффективность производства [3]. Существенным аспектом является влияние развития сектора на социальную сферу региона. Выявлено, что в Башкортостане улучшилась доступность и качество образовательных и медицинских услуг, что зависит от повышения доходов от электромеханической промышленности [10]. Анализируя структуру безработицы, отмечаем, что в Башкортостане ее уровень снизился с 6 % в 2018 г. до 4,8 % в 2023 г. Это может быть связано с созданием новых рабочих мест в отраслях [4]. Важно отметить: распределение доходов в различных слоях населения в регионе также подверглось изменениям. Так, наблюдается сокращение разрыва между доходами населения в городских и сельских районах, что также указывает на распространение позитивного эффекта от развития сектора на всю территорию региона [7].

Башкортостан имеет заметное влияние в контексте экономического развития России, особенно с точки зрения укрепления электромеханической отрасли, что способствует повышению уровня жизни и благосостояния населения. Обратимся для большей наглядности к рис. 2.

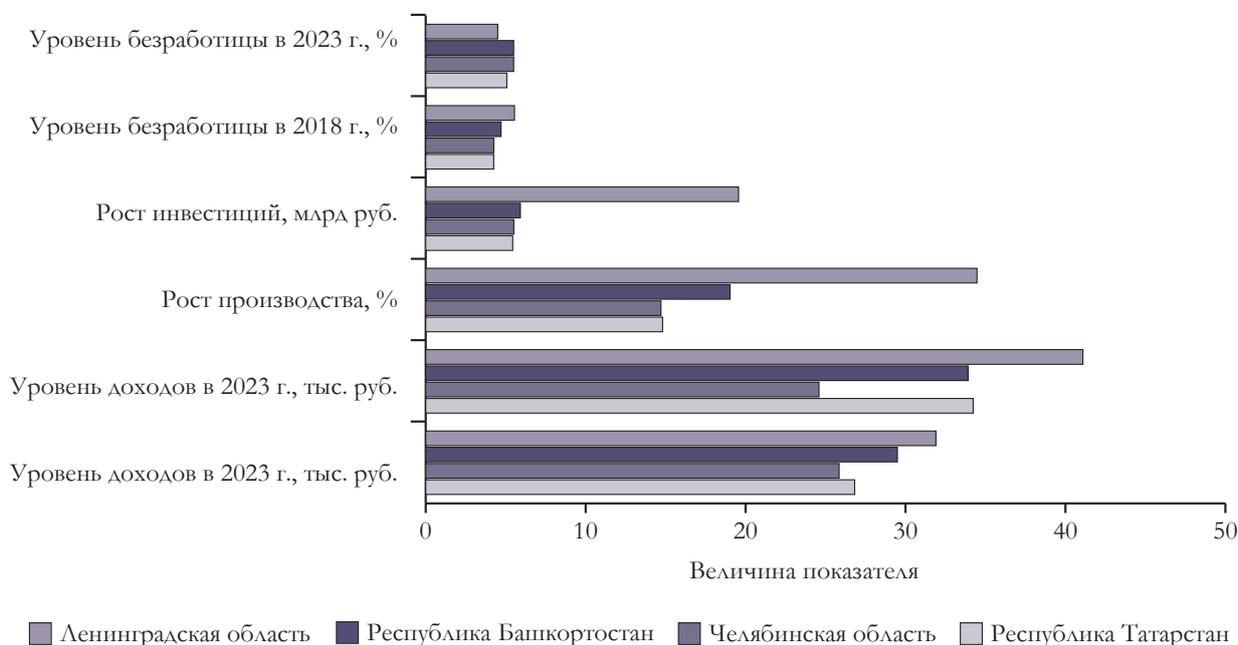
Источник²

Рис. 2. Анализ экономических показателей по трем регионам России

² Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2023).

Обратимся к Ленинградской области, где анализ диспропорций в распределении доходов и благополучия населения также выявляет уникальные тенденции. По данным Росстата, Ленинградская область демонстрирует стабильный экономический рост, обусловленный, в частности, развитием промышленности, включая электромеханический сектор [14]. В настоящее время в области наблюдается значительное увеличение среднедушевых доходов. Если в 2018 г. средний доход на каждого жителя составлял около 30 тыс. руб., то к 2023 г. он вырос до 40 тыс. руб. Это находит свое отражение в повышении уровня жизни и общего благосостояния [6]. Электромеханический сектор в Ленинградской области показал рост производительности на 20 % за последние 5 лет, способствовавших созданию новых рабочих мест и улучшению экономической ситуации в регионе [8]. Важно отметить: инвестиции в этот сектор увеличились на 35 %, что говорит о приоритетном развитии отрасли [3].

Занятость в отраслях в данном субъекте РФ составляет около 16 % от общей численности занятых. Это на 4 % выше среднего показателя по стране [4], благодаря чему уменьшается уровень безработицы в регионе (с 5,6 % в 2018 г. до 4,4 % в 2023 г.) [15]. Анализ распределения доходов в Ленинградской области показывает, что разрыв между доходами населения в городских и сельских районах сокращается. Таким образом, можно снова отметить положительное влияние развития электромеханической отрасли на улучшение жизни населения в различных частях области (рис. 3) [2].

Источник³

Рис. 3. Анализ экономических показателей по четырем регионам России

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Интерпретация результатов исследования в контексте региональных диспропорций в распределении доходов и благополучия граждан России, особенно в сфере электромеханической индустрии, подчеркивает ключевые аспекты экономического развития. В ходе анализа данных о Челябинской области и Республике Башкортостан было выявлено, что рост доходов населения тесно связан с укреплением рассматриваемой отрасли. Это находит свое отражение в увеличении объема инвестиций в отрасль, создании новых рабочих мест и повышении общего уровня благосостояния [5].

В Челябинской области рост среднедушевого дохода населения с 25 до 35 тыс. руб. за период с 2018 г. по 2023 г. коррелирует с 15 %-ным увеличением производительности в отраслях. В Республике Башкортостан аналогичный рост доходов с 27 до 33 тыс. руб. также сопровождался увеличением производства на 20 % и ростом инвестиций на 25 % [3]. Эти данные свидетельствуют о значительном вкладе электромеханической отрасли в экономическое благополучие регионов.

³ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2023).

Ленинградская область, демонстрирующая увеличение среднедушевого дохода с 30 до 40 тыс. руб., подтверждает тенденцию положительного влияния развития электромеханической промышленности на экономическое благосостояние. Здесь, как и в других анализируемых регионах, наблюдается сокращение уровня безработицы и повышение качества жизни населения [6].

Обсуждение данных позволяет сделать вывод о том, что развитие данной отрасли оказывает как прямое, так и косвенное влияние на экономическое развитие субъектов РФ. Прямое влияние заключается в создании рабочих мест и увеличении доходов отрасли, в то время как косвенное влияние проявляется через улучшение социальной инфраструктуры и повышение качества жизни граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты исследования подчеркивают необходимость укрепления электромеханической отрасли как ключевого фактора экономического роста в регионах России. Это в свою очередь требует принятия целенаправленных мер по стимулированию инвестиций в отрасль, повышению качества образования и профессиональной подготовки кадров, а также по разработке эффективной государственной политики в сфере промышленного развития.

Комплексный подход к развитию отраслей и его интеграция в экономику регионов может стать ключевым элементом в решении проблем диспропорционального распределения доходов и улучшения благополучия граждан России.

Список литературы

1. *Газетдинов Ш.М., Газетдинов М.Х., Семичева О.С.* Сельская территория как система взаимодействия экономических и социальных процессов. Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2021;4(64(16)):82–87. <https://doi.org/10.12737/2073-0462-2022-82-87>
2. *Абрамян Г.А.* Институциональная инфраструктура инновационной региональной экономики. Евразийское Научное Объединение. 2021;2–4(72):218–222.
3. *Зубаревич Н.В.* Регионы России в новых экономических условиях. Журнал Новой экономической ассоциации. 2022;3(55):226–234. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
4. *Мигранова А.А.* Заработная плата в России в 2015–2021 годах. Народонаселение. 2021;3(24):175–190. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.14>
5. *Вакуленко Е.С.* Сравнительный анализ межрегиональной и межсекторной мобильности в России. Экономика региона. 2020;4(16):1193–1207. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-13>
6. *Zbukova Ju., Sobol'eva-Tereshchenko O.* Modeling macroeconomic indicators in unstable economies. Journal of International Studies. 2021;2(14):128–148. <http://dx.doi.org/10.14254/2071-8330.2021/14-2/9>
7. *Головин Ал.А., Быстрицкая А.Ю., Зюкин Д.В., Башкатова В.Я., Головин А.А.* Заработная плата и безработица: динамика и территориальная дифференциация. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021;1:144–151.
8. *Газетдинов М.Х., Семичева О.С., Газетдинов Ш.М.* Механизмы влияния социально-экономических факторов сельских территорий на результаты аграрного производства. Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2022;2(66(17)):119–123. <https://doi.org/10.12737/2073-0462-2022-119-123>
9. *Малюшонко Н.Г., Щеглова И.А., Вилкова К.А., Абрамова М.О.* Гендерные стереотипы и выбор инженерно-технического направления подготовки. Вопросы образования. 2022;3:149–186. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-149-186>
10. *Ridhwan M.M.* Spatial wage differentials and agglomeration externalities: evidence from Indonesian microdata. Economic Analysis and Policy. 2021;1(71):573–591. <http://dx.doi.org/10.1016/j.eap.2021.06.013>
11. *Кособуцкая А.Ю., Трещевский Ю.И., Праченко А.А.* Высокая вариативность институциональной динамики – основа нестабильности региональных экономических систем. Теоретическая экономика. 2022;5(89):86–91.
12. *Евразийская экономическая комиссия.* 2022. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. М.; 2021. 546 с.
13. *Политковская И.В., Разумный А.С.* Оценка и анализ затрат на развитие инфраструктуры регионов. Экономика и бизнес: теория и практика. 2021;4–2:78–82. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-4-2-78-82>
14. *Сухарев О.С.* Инвестиционная функция экономического роста России. Финансы: теория и практика. 2021;25(1):35–50. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-1-35-50>
15. *Groizard J.L., Oliver X., Sard M.* An account of the exporter wage gap: wage structure and composition effects across the wage distribution. The World Economy. 2022;5(45):1528–1563. <http://dx.doi.org/10.1111/twec.13221>

References

1. *Gazetdinov Sh.M., Gazetdinov M.Kh., Semicheva O.S.* Rural territories as a system of interaction of economic and social processes. Vestnik of the Kazan State Agrarian University. 2021;4(64(16):82–87. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2073-0462-2022-82-87>
2. *Abramyan G.A.* Institutional infrastructure of innovative regional economy. Eurasian Scientific Association. 2021;2–4(72):218–222. (In Russian).
3. *Zubarevich N.V.* Regions of Russia in new economic conditions. Journal of the New Economic Association. 2022;3(55):226–234. (In Russian). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
4. *Migranova L.A.* Wages in Russia in 2015–2021. Population. 2021;3(24):175–190. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.14>
5. *Vakulenko E.S.* Comparative analysis of interregional and intersectoral mobility in Russia. Economy of region. 2020;4(16):1193–1207. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-13>
6. *Zbukova Ju., Soboljeva-Tereshchenko O.* Modeling macroeconomic indicators in unstable economies. Journal of International Studies. 2021;2(14):128–148. <http://dx.doi.org/10.14254/2071-8330.2021/14-2/9>
7. *Golovin A.A., Bysritskaya A.Yu., Zyukin D.V., Bashkatova V.Ya., Golovin A.A.* Wages and unemployment: dynamics and territorial differentiation. Vestnik of the Kursk State Agricultural Academy. 2021;1:144–151. (In Russian).
8. *Gazetdinov M.Kh., Semicheva O.S., Gazetdinov Sh.M.* Mechanisms of influence of socio-economic factors of rural areas on the results of agricultural production. Vestnik of the Kazan State Agrarian University. 2022;2(66(17):119–123. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2073-0462-2022-119-123>
9. *Malosbonok N.G., Shcheglova I.A., Vilkova K.A., Abramova M.O.* Gender stereotypes and the choice of an engineering undergraduate program. Educational Studies. 2022;3:149–186. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-149-186>
10. *Ridhwan M.M.* Spatial wage differentials and agglomeration externalities: evidence from Indonesian microdata. Economic Analysis and Policy. 2021;1(71):573–591. <http://dx.doi.org/10.1016/j.eap.2021.06.013>
11. *Kosobutskaya A.Yu., Treschchevskiy Yu.I., Prachenko A.A.* High variability of institutional dynamics as the basis of instability of regional economic systems. Theoretical Economics. 2022;5(89):86–91. (In Russian).
12. *Eurasian Economic Commission.* Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union. Moscow; 2021. 546 p. (In Russian).
13. *Politkovskaya I.V., Razumny A.S.* Evaluation and analysis of costs on development of regional infrastructure. Journal of Economy and Business. 2021;4–2:78–82. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-4-2-78-82>
14. *Sukharev O.S.* Investment function of economic growth in Russia. Finance: Theory and Practice. 2021;25(1):35–50. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-1-35-50>
15. *Groizard J.L., Oliver X., Sard M.* An account of the exporter wage gap: wage structure and composition effects across the wage distribution. The World Economy. 2022;5(45):1528–1563. <http://dx.doi.org/10.1111/twec.13221>

Теоретические основы контроллинга в государственном секторе

Федченко Елена Алексеевна

Д-р экон. наук, зам. зав. каф. финансового контроля и казначейского дела
ORCID: 0000-0002-4844-0991, e-mail: fedchenkoea@mail.ru

Бурякова Анастасия Олеговна

Аспирант
ORCID: 0000-0002-5963-5495, e-mail: anastasiya.buryakova@inbox.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты систематизации знаний по теории контроллинга, приведен анализ подходов отечественных авторов к истолкованию данного понятия. В ходе проведения настоящего исследования использовались методы классификации, математического моделирования, группировки и сравнительный анализ. Основываясь на базовых положениях экономической теории, авторы предложили определения таких понятий, как контроллинг, система контроллинга, предметная область контроллинга, разработали способы оценки эффективности деятельности организаций государственного сектора. Экономическое моделирование производилось с учетом наличия ограничений, налагаемых на объекты исследования: объем производимых благ задается целевыми показателями, экономические ресурсы ограничены лимитами бюджетных обязательств. Установлено, что эффективность деятельности предприятий рассматриваемого сектора определяется соотношением объемов затраченных факторов производства (C_f) и произведенных экономических благ (Q_f). О росте результативности будет свидетельствовать увеличение зоны эффективности на графике производства переменного продукта и использования этого типа факторов. С точки зрения экономической теории, повышение действенности реализации мероприятий возможно в следующих случаях: сокращение стоимости используемых факторов производства, сокращение их объемов, увеличение отдачи от их применения (сдвиг кривой совокупного продукта вверх).

Ключевые слова

Контроллинг, экономическая теория, экономическое благо, экономические ресурсы, факторы производства, эффективность факторов производства, сектор государственного управления, деятельность государственных организаций

Для цитирования: Федченко Е.А., Бурякова А.О. Теоретические основы контроллинга в государственном секторе // Вестник университета. 2024. № 1. С. 13–19.

The theoretical basis of controlling in the public sector

Elena A. Fedchenko

Dr. Sci. (Econ.), Deputy Head of the Financial Control and Treasury Department
ORCID: 0000-0002-4844-0991, e-mail: fedchenkoa@mail.ru

Anastasia O. Buryakova

Postgraduate Student
ORCID: 0000-0002-5963-5495, e-mail: anastasiya.buryakova@inbox.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article presents the results of scientific systematisation on the theory of controlling and analyses approaches of the Russian authors to the definition of controlling concept. In the course of the current study, the authors used methods of classification, mathematical modeling, grouping, and comparative analysis. On the basis of economic theory provisions, the authors proposed their own definitions of controlling, controlling system, subject area of controlling. Besides, certain ways to assess effectiveness of organisations' work in the public sector were developed. Economic modeling was conducted with consideration to existence of restrictions imposed on the objects of the study: the volume of goods produced is determined by target indicators, economic resources are limited by budgetary obligations. It has been established that efficiency of enterprises in the described sector is due to the volume ratio of input production factors (C_j) and produced economic goods (Q_j). An increased zone of efficiency on the production flow chart of the variable product and usage of these factors will indicate an enhanced productivity. In terms of the economic theory, improving effectiveness of implementation of measures is possible in the following cases: reduction in the cost of the used production factors, reduction of their volume, increase of the return on application of them (shifting the total product curve upwards).

Keywords

Controlling, economic theory, economic good, economic resources, production factors, production factors efficiency, public administration sector, public organisations' work

For citation: Fedchenko E.A., Buryakova A.O. (2024) The theoretical basis of controlling in the public sector. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 13–19.

ВВЕДЕНИЕ

В научной литературе существует множество различных подходов к определению понятия контроллинга: с функциональной точки зрения контроллинг представляет собой систему информационно-аналитической, методической и инструментальной поддержки принятия управленческих решений; с организационной точки зрения – структурное подразделение организации, осуществляющее соответствующие функции; с научной – систему, изучающую теорию изменения ресурсов, результатов производственно-хозяйственной деятельности и процессов [1; 2].

К вопросам определения рассматриваемого понятия обращались многие отечественные авторы. А.М. Карминский, С.Г. Фалько, А.А. Жеваго и Н.Ю. Иванова разделяют позиции функционального подхода, считая, что контроллинг – ориентированная на долгосрочное и эффективное развитие система поддержки руководителей предприятия по достижению поставленных целей [3]. В свою очередь Т.Ю. Серебрякова акцентирует внимание на общих характеристиках понятий контроля и контроллинга. Контроль и контроллинг являются системами, направленными на выявление и устранение рисков. Цель обеих систем заключается в информационном обеспечении процесса принятия управленческих решений [4].

И.В. Липатова, Н.В. Савина, Т.В. Плужникова, анализируя соотношение понятий контроллинга, внутреннего контроля и управленческого учета, выделяют следующие сравнительные критерии: спектр рассматриваемых вопросов, основная функция, пользователи информации и конечный результат. «Несмотря на имеющиеся пересечения понятий „контроллинг“ и „учет“, они не тождественны. Первый анализирует собранную информацию и использует ее в дальнейшем, учету же уготована пассивная роль подготовки данных», – утверждают авторы [5, с. 32]. Ю.И. Сигидов, М.С. Рыбьянцева, напротив, рассмотрев 38 определений контроллинга и 35 определений управленческого учета, утверждают, что «систему контроллинга следует трактовать именно в контексте тождества управленческого учета и контроллинга» [6, с. 148]. Ключевыми задачами данной системы, по мнению авторов, являются:

- взаимозависимость стратегических и оперативных целей и задач организации;
- обеспечение постоянного обмена данными между различными подразделениями предприятия;
- предоставление руководству необходимой информации для принятия управленческих решений [6].

Данные авторы действительно внесли значительный вклад, однако единый подход к определению исследуемого понятия отсутствует. Целью настоящей работы является систематизация знаний по теории контроллинга, взаимосвязь его основных понятий с положениями экономической теории. При обработке информации авторы использовали методы классификации и математического моделирования, группировки, а также сравнительный анализ.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНТРОЛЛИНГА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Контроллинг, его предметная область, элементы и функции могут быть определены ключевыми положениями экономической теории. Одно из базовых понятий теории – экономическая потребность, под которой понимается недостаток чего-либо необходимого для поддержания жизнедеятельности и развития личности, организации или общества в целом. Средства, удовлетворяющие эти потребности, – экономические блага, для производства которых используются экономические ресурсы [7].

В общем виде финансово-хозяйственная деятельность организации представляет собой процесс преобразования экономических ресурсов в экономические блага для удовлетворения экономических потребностей, из чего следует, что предметную область контроллинга могут составлять базовые экономические категории: потребности, ресурсы, экономические блага. Данные категории принимают различные состояния:

- плановые потребности (G_p), фактически реализованные потребности (G_f);
- плановые ресурсы (C_p), фактически затраченные ресурсы (C_f);
- плановые экономические блага (Q_p), произведенные экономические блага (Q_f).

Стимулом к преобразованию экономических ресурсов в экономические блага для частного сектора служит прибыль, для государственного сектора – законодательно определенная необходимость исполнения функций и полномочий, достижение целевых показателей.

Максимизация прибыли или эффективности деятельности организаций государственного сектора возможна за счет решения одних и тех же задач: максимизации совокупного продукта (если известен объем ресурсов) или минимизации объема ресурсов (если известен спрос).

Экономическая деятельность организации (процесс преобразования ресурсов в блага) может быть описана производственной функцией:

$$Q = f(C_1, C_2, \dots, C_n), \quad (1)$$

где Q – объем производства (экономическое благо), а C_n – используемый в производстве ресурс.

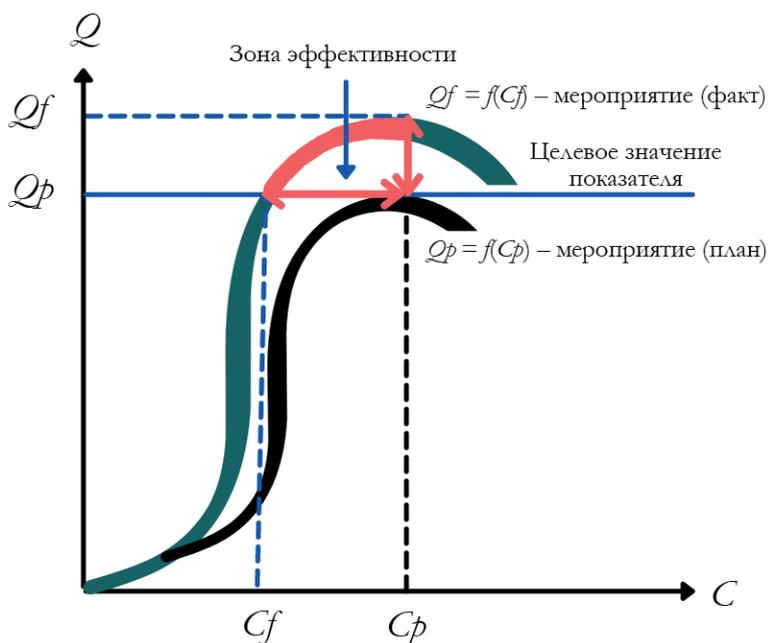
В соответствии с законом убывающей предельной полезности, с ростом использования ресурсов (факторов производства) совокупный продукт будет увеличиваться до определенного предела, после чего функция начнет убывать: на первой стадии увеличение ресурсов способствует все более полному использованию капитала, на второй стадии величина предельного продукта становится равна среднему продукту, на третьей стадии совокупный продукт растет медленнее вложенных ресурсов, на четвертой достигается точка, в которой дополнительное применение фактора производства ведет к снижению как абсолютных, так и относительных объемов выпуска [4]. Следовательно, перед организацией встает еще одна задача – обеспечить эффективность использования ресурсов для максимизации соотношения Q/C . Это можно сделать за счет применения новых технологий или методов производства, внедрения инноваций.

Таким образом, контроллинг можно определить как процесс сбора, обработки и анализа информации о деятельности организации и внешних обстоятельствах (процесс исследования предметной области), цель которого заключается в формировании оптимальных управленческих решений для обеспечения максимизации выпускаемого экономического блага, минимизации затраченных ресурсов и повышения эффективности использования факторов производства.

КОНТРОЛЛИНГ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

С точки зрения экономической теории, отличие государственного сектора от частного заключается в ограничениях, налагаемых на субъекты: экономические ресурсы ограничены бюджетными обязательствами, а объем производимых благ определяется целевыми показателями.

График производства переменного продукта и использования факторов производства приведен на рис. 1.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Закон убывающей предельной производительности

Пусть ось $x(C)$ – стоимость реализуемых мероприятий в денежном выражении, а ось $y(Q)$ – благо, необходимое для достижения целевого показателя (непосредственный результат), тогда кривая $Q=f(C)$ – функция реализации мероприятия (процесс преобразования экономических ресурсов в экономические блага).

Сдвиг кривой $Q_p=f(C_p)$ в положение $Q_f=f(C_f)$ свидетельствует о более эффективном использовании ресурсов:

- $Q_p > Q_f$ при постоянных C (достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств – принцип экономности);
- $C_p > C_f$ при постоянном Q (достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджета объема средств – принцип результативности).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повышение эффективности использования факторов производства будет приводить к увеличению зоны эффективности:

$$\begin{cases} Q_f - Q_p \geq 0 \\ C_p - C_f \geq 0 \end{cases} \quad (2)$$

Стоимость реализации мероприятий в денежном выражении (C) будет определена стоимостью использования ресурсов:

$$C = L \cdot Pl + K \cdot Pk, \quad (3)$$

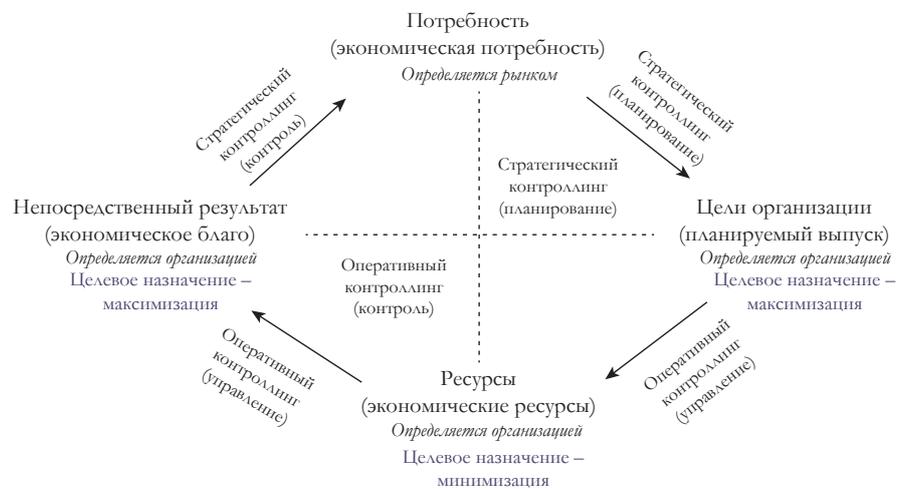
где L – трудовые ресурсы, затраченные в реализации мероприятия; Pl – оплата труда привлекаемых трудовых ресурсов; K – имущество (капитал), необходимое для осуществления мероприятия; Pk – стоимость имущества (капитала). Для целей настоящего исследования капиталом является имущество организаций сектора государственного управления, используемое в целях выполнения функций и полномочий, реализации инициатив, направленных на достижение целевых показателей.

Повышение эффективности данных инициатив возможно в следующих случаях:

- сокращение стоимости используемых факторов производства;
- сокращение их объемов;
- увеличение отдачи от их применения (например за счет повышения мотивации сотрудников или инновационных технологий, позволяющих автоматизировать отдельные операции).

Уровень задач контроллинга (стратегический или оперативный) задается предметной областью (рис. 2.):

- обеспечение высокого качества планирования целей и задач деятельности организации, отражающих экономические потребности (стратегический контроллинг);
- планирование оптимального объема экономических ресурсов, необходимых для удовлетворения этих потребностей (стратегический контроллинг);
- гарантия выпуска благ, удовлетворяющих экономические потребности (стратегический контроллинг);
- достижение наилучших значений целевых показателей с использованием наименьшего объема ресурсов (оперативный контроллинг);
- поддержка эффективного использования факторов производства для максимизации непосредственных результатов, выпуска экономических благ (оперативный контроллинг);
- контроль и обеспечение соответствия целей организации непосредственному результату (оперативный контроллинг).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Предметная область контроллинга

СИСТЕМА КОНТРОЛЛИНГА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

Совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов образуют систему, в связи с чем можно определить систему контроллинга как структуру взаимозависимых компонентов (организационное, нормативное, методическое и технологическое обеспечение), определяющих своевременность, качество и эффективность контроллинга (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Элементы системы контроллинга

Организационное обеспечение – подходы к организации деятельности контроллеров (например создание самостоятельной службы контроллинга или распределение его функций среди уже имеющихся структурных подразделений; решение вопроса о подотчетности контроллера в организации; определение порядка взаимодействия контроллера с иными подразделениями и другие вопросы).

Нормативное обеспечение – нормативно-правовая база, регулирующая порядок осуществления контроллинга (например упорядочение функций, прав и обязанностей контроллера или службы контроллинга в соответствующем положении о структурном подразделении, в должностных регламентах сотрудников и иных документах).

Методическое обеспечение – совокупность методик оценки деятельности организации и внешних факторов, используемых для достижения целей контроллинга (качественные и количественные методы).

Технологическое обеспечение – автоматизированная электронная среда контроллинга, эксплуатируемая в целях поддержания деятельности контроллеров и обмена информацией между различными подразделениями предприятия (базы данных, программное обеспечение, каналы обмена информацией).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования авторами сформулированы определения понятий контроллинга, системы контроллинга, предметной области контроллинга, разработаны подходы к оценке эффективности деятельности организаций государственного сектора с учетом положений экономической теории.

Предметную область контроллинга составляют базовые экономические категории: потребности, ресурсы, экономические блага.

Понятие контроллинга может быть определено как процесс сбора, обработки и анализа информации о деятельности предприятия и внешних факторах в целях принятия оптимальных управленческих решений для максимизации выпускаемого блага, минимизации затраченных ресурсов и повышения эффективности их использования.

Эффективность деятельности учреждений, находящихся в государственной собственности, с точки зрения базовых положений экономической теории представляет собой соотношение объемов затраченных ресурсов (C_f) и произведенных благ (Q_f). Повысить эффективность возможно при сокращении стоимости или объемов применяемых факторов производства или при увеличении отдачи от их использования.

Список литературы

1. Шешукова Т.Г., Гуляева Е.А. Теория и практика контроллинга: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». М.: Инфра-М; 2008. 173 с.

2. *Ананькина Е.А., Данилочкин С.В., Данилочкина Н.Г.* Контроллинг как инструмент управления предприятием. М.: Юнити-Дана; 2015. 279 с.
3. *Карминский А.М., Фалько С.Г., Жевага А.А., Иванова Н.Ю.* Контроллинг. 2^е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, Инфра-М; 2009. 336 с.
4. *Серебрякова Т.Ю., Бирюкова О.А.* Внутренний контроль и контроллинг: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки 38.04.01 «Экономика», 38.04.08 «Финансы» (квалификация (степень) «магистр»). М.: Инфра-М; 2019. 236 с.
5. *Липатова И.В., Савина Н.В., Плужникова Т.В.* Сравнительный анализ подходов к определению сущности контроллинга. Учет. Анализ. Аудит. 2022;9(3):27–38. <http://doi.org/10.26794/2408-9303-2022-9-3-27-38>
6. *Сигидов Ю.И., Рыбьянцева М.С.* Взаимосвязь контроллинга и управленческого учета. М.: Инфра-М; 2016. 168 с.
7. *Нуреев Р.М.* Курс микроэкономики: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по финансово-экономическим специальностям. 2^е изд., перераб. и доп. М.: Норма; 2009. 560 с.

References

1. *Sbeshukova T.G., Gulyaeva E.L.* Theory and practice of controlling: textbook for students studying in specialties “Finance and Credit”, “Accounting, Analysis, and Audit”. Moscow: Infra-M; 2008. 173 p. (In Russian).
2. *Anankina E.A., Danilochkin S.V., Danilochkina N.G.* Controlling as a tool for enterprise management. Moscow: Unity-Dana; 2015. 279 p. (In Russian).
3. *Karminskij A.M., Falco S.G., Zhevaga A.A., Ivanova N.Yu.* Controlling. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Finansy i statistika, Infra-M; 2009. 336 p. (In Russian).
4. *Serebryakova T.Yu., Biryukova O.A.* Internal control and controlling: textbook for university students studying in specialties 38.04.01 “Economics”, 38.04.08 “Finance” (qualification (degree) “Master”). Moscow: Infra-M; 2019. 236 p. (In Russian).
5. *Lipatova I.V., Savina N.V., Pluzhnikova T.V.* Comparative analysis of accesses to determining the controlling essence. Accounting, Analysis, Audit. 2022;9(3):27–38. (In Russian). <http://doi.org/10.26794/2408-9303-2022-9-3-27-38>
6. *Sigidov Yu.I., Rybyantseva M.S.* Correlation between controlling and management accounting. Moscow: Infra-M; 2016. 168 p. (In Russian).
7. *Nureev R.M.* Microeconomics course: textbook for university students studying in financial and economic specialties. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Norma; 2009. 560 p. (In Russian).

Совершенствование модели цифровой маркетинговой коммуникации на примере агентства ритуальных услуг

Тазов Петр Юрьевич

Ст. преп. каф. маркетинга

ORCID: 0000-0002-1852-5708, e-mail: islake@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В данной статье рассмотрены маркетинговые инструменты продвижения ритуальных услуг в рамках модели цифровых маркетинговых коммуникаций. Выделяются ключевые характеристики восприятия этого типа услуг их потребителями, особенности и методы повышения эффективности маркетингового продвижения в цифровой среде. Отдельное внимание было уделено практической реализации маркетинговых инструментов на примере ритуального агентства. Также в исследовании доказывается, что повышение эффективности сайта этого предприятия как модели цифровой маркетинговой коммуникации в условиях специфики восприятия рассматриваемых услуг представителями целевой аудитории во многом зависит от формирования доверия через различные коммуникативные инструменты. В рамках разработанной автором модели обосновывается, что максимальный эффект от реализации маркетинговых инструментов можно достичь только в единстве всех ее функций (информационной, коммуникативной, маркетинговой, интеракционной, репутационной). При этом в результате анализа было выяснено, что важнейшей функцией для потребителей, в силу особенностей рынка, выступает именно репутационная функция. На основе этого вывода был проведен ребрендинг компании, а также был трансформирован сайт. Произведенные изменения, как показала статистика, положительным образом повлияли на эффективность сайта.

Ключевые слова

Ритуальные услуги, маркетинг ритуальных услуг, продвижение ритуальных услуг, цифровой маркетинг, digital-маркетинг, маркетинговые коммуникации, вебсайт ритуального агентства

Для цитирования: Тазов П.Ю. Совершенствование модели цифровой маркетинговой коммуникации на примере агентства ритуальных услуг // Вестник университета. 2024. № 1. С. 20–28.

Improving the model of digital marketing communication on the example of a funeral service agency

Peter Yu. Tazov

Senior Lecturer at the Marketing Department
ORCID: 0000-0002-1852-5708, e-mail: islake@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses marketing tools for promotion of funeral services within the framework of the digital marketing communications model. The key characteristics of consumers' perception of these services, the features and methods of effectiveness improvement of marketing promotion in the digital environment are highlighted. Practical implementation of marketing tools on the example of a funeral agency is considered with special attention. It is proved that effectiveness improvement of the enterprise website as a model of digital marketing communication in the context of the specifics of the services perception by target audience largely depends on the formation of trust through various communication tools. Within the framework of the model developed by the author it is substantiated that the maximum effect from the marketing tools implementation can be achieved only in the unity of all its functions (informational, communicative, marketing, interactional, reputational). Moreover, as a result of the analysis, it was discovered that the most important function for consumers, due to the market specifics, is the reputational function. On the basis of this conclusion, the company was rebranded and the website was transformed. The made changes, as shown by statistics, have had a positive impact on the website effectiveness.

Keywords

Funeral services, funeral services marketing, funeral services promotion, digital marketing, marketing communications, funeral agency website

For citation: Tazov P.Yu. (2024) Improving the model of digital marketing communication on the example of a funeral service agency. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 20–28.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие маркетинговых инструментов ритуальных услуг является важной задачей для повышения эффективности маркетинговых коммуникаций между компаниями и потребителями. Формирование эффективной модели коммуникации влияет на создание правильного образа компании, способствует процессу взвешенного принятия решения о покупке представителями целевой аудитории ритуальных услуг. Важность анализа специфики продвижения ритуальной сферы в цифровой среде связана с необходимостью совершенствования цифровых маркетинговых коммуникаций, которые в условиях их более эффективной персонализации и оптимизации маркетинговых бюджетов набирают все большую популярность.

Цель статьи – проанализировать элементы существующих маркетинговых коммуникаций и их предпосылки и на примере сайта ритуального агентства рассмотреть методы повышения его эффективности (конверсии). Задачами работы являются: исследование положений изучения сферы ритуальных услуг в гуманитарном знании и маркетинговых инструментов продвижения данного типа услуг, выделение методов повышения эффективности сайта ритуального агентства на примере Первого областного похоронного дома, реализация модели продвижения, анализ результатов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДОЛОГИИ

В рамках анализа социологических, экономических и других аспектов ритуальных услуг можно выделить работы Ф. Арьеса, С.В. Мохова, К.И. Князева, Е.Н. Моисеевой, А.Д. Соколовой, Е.В. Кожевиной, И.А. Разумовой, А.А. Барабановой, А.В. Салимовой, А.В. Сулоева, Г.Н. Сюткина, М.Э. Елютиной, С.В. Филипповой.

Несмотря на то, что существует интерес к проблеме продвижения ритуальных услуг в маркетинговой литературе [1–3], по вопросу цифровых маркетинговых коммуникаций этого вида услуг, в особенности их совершенствования, практически нет публикаций в научных изданиях.

Предпосылками продвижения организации похорон можно считать теоретические основы известного исследователя Ф. Арьеса, который в своей книге «Человек перед лицом смерти» указывает, что на современном этапе развития общества происходит вытеснение страха смерти на периферию культурных практик в формате ее медиализации [4].

На данный момент фактически отсутствуют научные статьи, посвященные повышению эффективности (конверсии) сайта ритуальных услуг. Так, например, в статье А. Шестакова¹ разбираются методы данного процесса, но не показываются содержательные характеристики трансформации сайта как модели коммуникации, не приводятся гипотезы, выдвинутые маркетологами, которые были поставлены перед реализацией процесса изменений. Также не было предложено теоретической модели цифровой маркетинговой коммуникации сайта. Представленные преобразования касаются трансформации внешнего вида, однако не рассматриваются по отдельности в контексте факторов принятия решения целевой аудиторией, отчего произведенные изменения кажутся ситуативными. Так, вместо формы обратной связи было поставлено описание компании. Таким образом, научная ценность предложенного подхода не может быть оценена.

Ряд исследователей ритуальной сферы отмечают несовершенство правового регулирования [5], закрытость и всеобщее распространение неформальных и даже криминальных практик [6; 7]. Отсутствие информации о ценообразовании на ритуальные услуги влечет за собой, как верно отметили А.А. Веретено и К.И. Чернов, формирование образа ритуальных услуг как «черного ящика» в глазах потребителя [3]. Кроме того, исследователями фиксируется амбивалентность и теневой характер данной сферы, отсутствие четких нормативных актов, регулирующих ее, что, безусловно, формирует недоверие со стороны представителей целевой аудитории.

По мнению С.В. Мохова, «все ключевые объекты похоронной инфраструктуры (морг, залы прощания, кладбища) отдалены друг от друга в пространстве, функционируют в различных правовых статусах на основании не связанных между собой законов и подзаконных актов, а чаще на основании неформальных договоренностей» [8, с. 94]. Кроме того, сама услуга, по сути, является инфраструктурным решением проблем целевой аудитории: «похороны как ритуал, обладающий внутренней целостностью и автономным культурным и социальным смыслом, разбиваются ими на ряд действий, каждое из которых не имеет ритуального смысла само по себе. Они продают не ритуал, а решение конкретных проблем,

¹ Шестаков А. Как комплексное продвижение ритуальных услуг помогло увеличить конверсию сайта в 2 раза. Режим доступа: <https://leadmachine.ru/kejsy/prodvizhenie-ritualnyh-uslug/> (дата обращения 27.10.2023).

связанных с наличием у родни трупа» [8, с. 94]. Однако, если законодательно эти процессы могут быть не совсем отрегулированы, неформальные отношения между выделенными структурами сформированы достаточно хорошо. Анализируя маркетинговые коммуникации ритуальных агентств, можно прийти к выводу, что многие пытаются достигнуть стилистической близости с государственными структурами. По наблюдению И. Левиной, это реализуется в следующих фразах на сайтах:

- не «Ф.И.О. сотрудника», а «табельный номер агента»;
- не «стоимость», а «государственные цены»;
- не «контакты», а «пункт приема населения»;
- не «телефон», а «горячая линия» или «справочная служба»;
- не «профессиональные агенты», а «аккредитованные агенты»².

Другая особенность ритуальной сферы – образы, связанные с темой смерти и похорон, которые закреплены в культуре. Это влияет на формирование неформальных правил в похоронной сфере и проявляется в процессе коммуникаций между клиентом и ритуальным агентством. Так, по мнению Е.Н. Моисеевой [9], к ним можно отнести следующие:

- нельзя вернуть товар (в связи с отсутствием практики возврата товара в течение 15 дней после покупки);
- нельзя торговаться (в силу этических аспектов);
- нельзя делать вид, что совершается экономическая транзакция (элементы, определяющие ситуацию как рыночную, должны быть нивелированы);
- обмен на рынке ритуальных услуг должен выглядеть не как экономическая сделка, а как обслуживание ритуала.

Отсюда и появление терминов, маскирующих коммерческий характер услуг или делающих их не такими явными: не «ящик», а «гроб»; не «труп», а «тело»; не «похоронщик», а «ритуальный агент»; не «мертвый», а «усопший» («скончавшийся»); не «выкопать могилу», а «подготовить место захоронения»; не «работа», а «заказ» («вызов») и т.д. [9]. Не согласимся с Е.Н. Моисеевой в части запрета на торговлю при обсуждении ритуальных услуг. По нашим данным, торговля не только разрешена неформальными нормами, но и достаточно хорошо представлена на этом рынке. Однако нюансы данной сферы способствуют использованию агентами ряда манипулятивных приемов. Например, при выборе ритуальной атрибутики и согласовании стоимости одежды для умершего один агент часто предлагала своим клиентам товары «премиум» сегмента, отвечая на возражения о высокой цене следующей фразой: «Вам не надо, а ему – надо», неформально используя социальную установку о том, что на этой сфере нельзя экономить.

Ввиду немалых сумм в ритуальной сфере многие агентства для поддержания доверия посетителей используют определенные способы и приемы, обеспечивающие при создании модели цифровой маркетинговой коммуникации большую благосклонность. В этом контексте, кроме стилистической близости, применяется графическая близость логотипов и сайтов агентств с сайтами государственных органов, используются гербы городов и пр. Данные элементы направлены на построение доверительной коммуникации с посетителями сайта ритуального агентства. В то же время на первом этапе важно создать ощущение связи с государственными структурами через партнерские программы, лицензии, договоры, государственные стандарты и др. В дальнейшем по «пути» движения клиента на этапе привлечения агентству необходимо обозначить свое уникальное торговое предложение, миссию, скидки, информацию о заведении. Часто встречаются следующие формулировки миссии: забота, внимание, теплота, достойно и т.п. Наиболее распространенная фраза – «берем все хлопоты по организации похорон».

Таким образом, один из главных факторов при принятии решения о сотрудничестве с ритуальными агентствами – доверие к нему. Отсутствие четкой нормативной регуляции ритуальной сферы формирует страх быть обманутым. Действительно, организации важно создать образ переноса «груза» проблем (основного эмоционального состояния представителей целевой аудитории) на себя, трансформировать страх смерти и эмоциональное напряжение потребителей в формат привычной услуги, формализовать ее или медикализировать, как верно отмечал Ф. Арбес, делая ее обыденным ритуалом.

² Левина И. Какие 35 неочевидных техник из когнитивных искажений используют самые конверсионные сайты ритуальных услуг? Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/240763-kakie-35-neochevidnyh-tehnik-iz-kognitivnyh-iskazheniy-ispolzuyut-samyie-konversionnye-sayty-ritualnyh-uslug> (дата обращения: 28.10.2023).

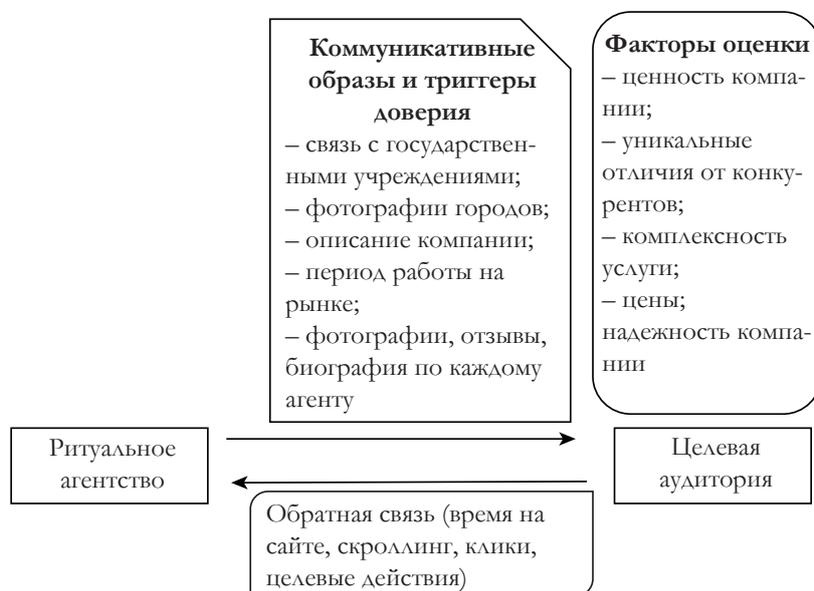
Методологической основой нашего исследования выступает классический подход маркетинга (Ф. Котлер [10]), социокультурный подход (в части анализа культурно-символического содержания ритуальных услуг), теоретические основы цифрового маркетинга (Г.А. Азоев и др. [11]), теоретические аспекты формирования моделей цифровых маркетинговых коммуникаций (П.Ю. Тазов [12]).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

Говоря о модели маркетинговой коммуникации, следует определить это понятие. По академику Н.Н. Моисееву, она включает «вполне определенную, ограниченную информацию о предмете (явлении), отражающую те или иные его отдельные свойства. Модель можно рассматривать как специальную форму кодирования информации. В отличие от обычного кодирования, когда известна вся исходная информация и мы лишь переводим ее на другой язык, модель, какой бы язык она не использовала, кодирует и ту информацию, которую люди раньше не знали. Можно сказать, что модель содержит в себе потенциальное знание, которое человек, исследуя ее, может приобрести, сделать наглядным и использовать в своих практических жизненных нуждах» [13, с. 55].

В нашем случае сайт выступает информационно-коммуникативной средой, в пространстве которой формируется взаимодействие (интеракция) посетителей сайта с его элементами. При этом поведение посетителя во многом предопределяется структурой сайта как модели коммуникации. К элементам структуры можно отнести страницы, разделы, системы навигации, информационные блоки, интерактивные блоки (формы) и пр.

Сама модель цифровой маркетинговой коммуникации для ритуального агентства будет выглядеть, как показано на рис. 1. В соответствии с данной моделью были выдвинуты гипотезы, которые необходимо проверить в ходе реализации следующего этапа исследования. К факторам принятия решения о покупке ритуальных услуг относятся: субъективная ценность компании для потребителя, отличия от конкурентов, комплексность услуги (реализация всех составляющих «под ключ» без дополнительных затрат), цена, надежность организации. В качестве коммуникативных образов и материалов на сайте, которые связаны с предложенными факторами, нами были выделены: связь с государственными структурами, фотографии городов, описание агентства и период работы, общие фотографии, отзывы с «Яндекс Карт», биографии агентов.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Модель цифровой маркетинговой коммуникации ритуального агентства

Рассмотрим сайт ритуального агентства в контексте разработанной нами модели. Инструменты цифровых маркетинговых коммуникаций исследуются с точки зрения реализации ими следующих функций: информационной, интерактивной, коммуникативной, маркетинговой, репутационной [12], которые будут использоваться при формировании модели продвижения сайта. Максимальный эффект от ее реализации можно достичь путем применения всех вышеназванных функций (таблица).

Ключевые функции сайта как модели цифровой маркетинговой коммуникации ритуального агентства

Коммуникативная функция	Репутационная функция (триггеры доверия)	Информационная функция	Маркетинговая функция	Интеракционная функция
<ul style="list-style-type: none"> – биография агентов, фотографии; – слоган; – логотип 	<ul style="list-style-type: none"> – договор с государственным бюджетным учреждением (далее – ГБУ) «Центр мемориальных услуг»; – страница «О компании»; – сертификат соответствия; – рейтинг на «Яндекс Картах»; – отзывы на «Яндекс Картах»; – фотографии городов 	<ul style="list-style-type: none"> – раздел «Полезная информация»; – страницы «О компании», «О бренде» 	<ul style="list-style-type: none"> – акция 15 % на все услуги до конца месяца 	<ul style="list-style-type: none"> – форма обратной связи; – модальные окна «Получить консультацию» и «Рассчитать стоимость похорон»; – гарантия качества – «Ваш партнер в области ритуальных услуг с 2002 г.»

Составлено автором по материалам исследования

Перед нами была поставлена задача провести аудит и выявить причины снижения количества звонков ритуальному агентству «Первый областной похоронный дом». Дело в том, что владелец агентства несколько раз менял сайт, делая его еще более привлекательным (с его точки зрения). Однако сайт так и не стал конверсионным.

В результате нашего аудита и анализа данных с помощью сервиса «Яндекс Метрики» мы пришли к следующему выводу: логотип, включавший в себя три образа, не давал возможности целевой аудитории распознать символы бренда и сформировать единое представление. Сам логотип представлял собой дом, внутри которого была свеча в форме единицы. Единица обозначала слово «первый» (похоронный дом), свеча – память и узнаваемый символ ритуальной сферы (рис. 2).

Источник³

Рис. 2. Предыдущий логотип ритуального агентства «Первый областной похоронный дом»

Было принято решение провести ребрендинг, чтобы донести до целевой аудитории символы надежности агентства. Гипотеза заключалась в том, что коммуникативная связь (текст, фотография), отражающая отношение к государственным органам, выполняет задачу формирования надежности и доверия в сознании целевой аудитории. Это связано с тем, что раньше похоронные бюро были государственными. Теперь отсылка к связям с государственными организациями, вероятно, выступает важной составляющей позиционирования компании.

В рамках совершенствования модели цифровой маркетинговой коммуникации был разработан новый логотип, в котором используются колонны. Колонна создает образ защиты. Также колонны часто

³Первый областной похоронный дом. Официальный сайт. Режим доступа: <http://pohorony.info> (дата обращения: 30.10.2023).

использовались в древних гробницах античности. Второй символ – символ дома. Дом в форме буквы П означает «первый», то есть Первый похоронный дом. Две колонны выходят вперед, отражая динамику. Шрифт был также изменен в соответствии с идеей логотипа (увеличились его жирность и толщина) (рис. 3).

Источник⁴

Рис. 3. Новый логотип ритуального агентства «Первый областной похоронный дом»

На следующем этапе мы начали менять сайт. В качестве фотографий для слайдера были взяты планы основных городов сверху, в которых работает агентство: Дмитров, Лобня, Зеленоград, Химки. Использование данного рода фотографий было направлено на повышение доверия, так как они часто используются на сайтах государственных органов. Кроме того, выяснилось, что страница с агентами была так далеко «спрятана», что не каждый посетитель мог ее найти (три просмотра за три месяца). При этом данная вкладка является одним из главных факторов принятия решений по работе с агентством, на наш взгляд, так как выполняет коммуникативную функцию. В условиях изначального сомнения и первичного недоверия краткая информация и биография об агенте – важный фактор принятия решения о сотрудничестве с организацией, поэтому агенты были помещены на странице «О нас». Ранее там содержалась краткая биография о самом руководителе компании – его 18-летний опыт работы в этой сфере. По каждому агенту были также приведены скриншоты отзывов с «Яндекс Карт» вместо текстовых первоначальной версии сайта.

13.09.2022 г. – 03.10.2022 г.	04.10.2022 г. – 24.10.2022 г.
<p>1. Клик по номеру 📞</p> <p>Конверсия 0,47%</p> <p>Достижения цели 1</p> <p>Целевые визиты 1</p> <p>2. Клик по почте ✉️</p> <p>Конверсия 0,47%</p> <p>Достижения цели 1</p> <p>Целевые визиты 1</p> <p>3. Отправка формы 📄</p> <p>Конверсия 3,3%</p> <p>Достижения цели 13</p> <p>Целевые визиты 7</p> <p>4. Автоцель: поиск по сайту 🔍</p> <p>5. Автоцель: переход в мессенджер 📧</p> <p>Конверсия 0,47%</p> <p>Достижения цели 1</p> <p>Целевые визиты 1</p> <p>6. Автоцель: заполнил контактные данные 📄</p> <p>7. Автоцель: скачивание файла 📄</p>	<p>1. Клик по номеру 📞</p> <p>Конверсия 0,93%</p> <p>Достижения цели 3</p> <p>Целевые визиты 2</p> <p>2. Клик по почте ✉️</p> <p>Конверсия 0,47%</p> <p>Достижения цели 5</p> <p>Целевые визиты 1</p> <p>3. Отправка формы 📄</p> <p>Конверсия 3,74%</p> <p>Достижения цели 16</p> <p>Целевые визиты 8</p> <p>4. Автоцель: поиск по сайту 🔍</p> <p>5. Автоцель: переход в мессенджер 📧</p> <p>Конверсия 1,87%</p> <p>Достижения цели 5</p> <p>Целевые визиты 4</p> <p>6. Автоцель: заполнил контактные данные 📄</p> <p>Конверсия 0,93%</p> <p>Достижения цели 2</p> <p>Целевые визиты 2</p> <p>7. Автоцель: скачивание файла 📄</p> <p>Конверсия 2,34%</p> <p>Достижения цели 5</p>

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Динамика конверсий сайта «Первый похоронный дом»⁵

важным преимуществом этого сайта выступило то, что достаточно большое количество отзывов (более 140) было размещено на «Яндекс Картах», поэтому данная информация разместилась сразу же в шапке сайта. Кроме того, фраза «Специализированная служба по вопросам похоронного дела», содержащаяся там же, была заменена на более коммуникативную, формирующую партнерское общение – «Ваш надежный партнер в области ритуальных услуг с 2002 года», что подчеркивает период работы компании и направлено на повышение доверия.

Наши предположения оказались верными: конверсия существенно повысилась, увеличилось количество звонков, впервые стали приходить заявки через форму обратной связи и форму «Заказать обратный звонок», что также, на наш взгляд, является результатом повышения доверия к организации.

Оценить произведенные преобразования помогут данные конверсии, которые с 03.10.2022 г. демонстрируют увеличение показателей по всем заложенным целям (переход в мессенджер, клик по номеру, отправка формы обратной связи) (рис. 4).

⁴Первый областной похоронный дом. Официальный сайт. Режим доступа: <http://pohorony.info> (дата обращения: 30.10.2023).

⁵Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ поведения посетителей на сайте и выделение ключевых факторов принятия решения, а также выявление элементов, составляющих модель цифровой маркетинговой коммуникации ритуальных услуг, позволили перейти к совершенствованию сайта и логотипа компании, что повлияло на повышение уровня конверсии сайта: увеличилось количество заявок и пользовательская активность.

Исследование поведения посетителей сайта и практическая реализация теоретических подходов к повышению его конверсионности позволили сформулировать авторскую модель, в которой важное значение получили коммуникативные образы, направленные на повышение доверия пользователей к ритуальному агентству. К ним относятся: связь с государственными учреждениями (договор с ГБУ на сайте); отзывы на «Яндекс Картах»; фотографии городов в слайдере; описание компании; период работы на рынке (с 2002 г.). Факторами оценки при принятии решения о работе с агентством являются: ценность компании (субъективная оценка полезности для потребителя); уникальные отличия от конкурентов; комплексность услуги (услуга «под ключ»); цены; надежность компании (отсутствие возникающих неожиданностей, сбоев и рисков). Таким образом, выдвинутая гипотеза о факторах принятия решения подтвердилась, о чем свидетельствует статистика повышения конверсии сайта.

В тоже время перспективы изучения данной темы связаны с необходимостью глубокого исследования восприятия данных услуг потенциальными потребителями, а также со сравнительным анализом представленных инструментов цифрового маркетинга ритуальных фирм.

Список литературы

1. *Халдина Ю.Е.* Основные ограничения развития маркетинга ритуальной индустрии в России. В кн.: Новые императивы устойчивого развития социально-экономической системы: сборник докладов профессорско-преподавательского состава по материалам XI Национальной научно-практической конференции Института магистратуры с международным участием, Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2022 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 2022. С. 131–136.
2. *Ильина И.А., Московчук А.С., Уварова К.А.* Коммуникационные и этические проблемы в продвижении товаров и услуг с отрицательным спросом. В кн.: Вестник факультета социальных цифровых технологий Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича: сборник научно-теоретических статей XXIV Международного Коммуникационного Балтийского Форума, Санкт-Петербург, 02–03 декабря 2022 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича; 2022. С. 66–71.
3. *Веретено А.А., Чернов К.И.* Брендинг на рынке ритуальных услуг. *Economics*. 2018;3(35):49–54.
4. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. Пер. с фр. В.К. Ронина М.: Прогресс; 1992. 528 с.
5. *Грачев Р.Ю.* Гражданско-правовое регулирование рынка ритуальных услуг. Автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М.: Московская академия экономики и права; 2012. 24 с.
6. *Абелев М.Ю., Рожков С.В., Зульфугарзаде Т.Э.* Похоронное дело в России. Заместитель главного врача. 2006;4:137–140.
7. *Абелев М.Ю., Рожков С.В., Горбылев В.М., Зульфугарзаде Т.Э.* Особенности совершенствования методов правового регулирования похоронного обслуживания населения. В кн.: Строительство. Современные исследования и технологии. Опыт реконструкции: сборник научных трудов Всероссийской конференции. Выпуск 6, Москва, 14 декабря 2005 г. М.: ГАСИС НИУ ВШЭ; 2005. С. 238–247.
8. *Мохов С.В.* Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный ресурс. *Социология власти*. 2016;4(28):83–103.
9. *Моисеева Е.Н.* Твоя последняя покупка, выбранная кем-то другим: как покупатели принимают решения на рынке ритуальных услуг. *Экономическая социология*. 2013;1(14):13–27.
10. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. Пер. с англ. В.Б. Боброва. М.: Прогресс; 1991. 651 с.
11. *Азов Г.А., Александрова И.Ю., Аleshникова В.И., Бутковская Г.В., Коикс В.Я., Косяков М.А. и др.* Цифровые маркетинговые коммуникации: введение в профессию: учебник для вузов. СПб.: Питер; 2021. 336 с.
12. *Тазов П.Ю.* Веб-сайт и его продвижение как модель цифровой маркетинговой коммуникации. *Вестник МИРБИС*. 2021;1(25):61–68. <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2021.1.7>
13. *Моисеев Н.Н.* Алгоритмы развития. М.: Наука; 1987. 302 с.

References

1. *Khaldina Ju.E.* The main limitations of the development of marketing of the funeral industry in Russia. In: New imperatives of sustainable development of the socio-economic system: Proceedings of the academic staff of the XI National Scientific and Practical Conference of the Institute of Magistracy with international participation, St. Petersburg, April 21–22, 2022. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Economics; 2022. Pp. 131–136. (In Russian).
2. *Ilyina I.A., Moskovchuk L.S., Uvarova K.A.* Communication and ethical problems in promoting products and services with negative demand. In: Bulletin of the social digital technologies faculty of the Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications: Proceedings of XXIV International Communication Baltic Forum, St. Petersburg, December 02–03, 2022. St. Petersburg: The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications; 2022. Pp. 66–71. (In Russian).
3. *Vereteno A.A., Chernov K.I.* Branding in the market of funeral services. *Economics*. 2018;3(35):49–54. (In Russian).
4. *Ariès Ph.* Man confronted by death. Trans. from Fr. V.K. Ronin Moscow: Progress; 1992. 528 p. (In Russian).
5. *Grachev R.Yu.* Civil legal regulation of the funeral services market. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Jur): 12.00.03. Moscow: Moscow Academy of Economics and Law; 2012. 24 p. (In Russian).
6. *Abelev M.Yu., Rozhkov S.V., Zulfugarzade T.E.* Funeral business in Russia. *Zamestitel glavnogo vracha*. 2006;4:137–140. (In Russian).
7. *Abelev M.Yu., Rozhkov S.V., Gorbylev V.M., Zulfugarzade T.E.* Features of improving methods of legal regulation of funeral services for the population. In: Construction. Modern research and technology. Reconstruction experience: Proceedings of the All-Russian Conference. Issue 6, Moscow, December 14, 2005. Moscow: GASIS HSE; 2005. Pp. 238–247. (In Russian).
8. *Mokhov S.V.* The market of funeral services in modern Russia: breakdown of funeral infrastructure as a power resource. *Sociology of Power*. 2016;4(28):83–103. (In Russian).
9. *Moiseeva E.N.* Your last purchase, chosen by someone else: how consumers decide in the market of funeral services. *Journal of Economic Sociology*. 2013;1(14):13–27. (In Russian).
10. *Kotler Ph.* Marketing Essentials. Trans. from Eng. V.B. Bobrov Moscow: Progress; 1991. 651 p. (In Russian).
11. *Azoev G.L., Aleksandrova I.Yu., Aleshnikova V.I., Butkovskaya G.V., Konsks V.Ya., Kosyakov M.A. et al.* Digital marketing communications: introduction to the profession: textbook for universities. St. Petersburg: Piter; 2021. 336 p. (In Russian).
12. *Tazov P.Yu.* Website and its promotion as a model of digital marketing communication. *MIRBIS Research Journal*. 2021;1(25):61–68. (In Russian). <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2021.1.7>
13. *Moiseev N.N.* Algorithms of development. Moscow: Nauka; 1987. 302 p. (In Russian).

Ключевые критерии выбора ресторанов и сценарии заказа доставки еды в Москве

Хохлов Даниил Александрович¹

Ассист. каф. маркетинга

ORCID: 0000-0002-7858-3766, e-mail: Daniluk53@gmail.com

Бражникова Анастасия Сергеевна²

Маркетолог

ORCID: 0009-0006-8905-9448, e-mail: brazhnikova.a.s@gmail.com

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²Общество с ограниченной ответственностью «УК-ФБ», г. Москва, Россия

Аннотация

В условиях растущего рынка доставки еды понимание потребительского поведения становится важным фактором развития сервисов доставки. Данное исследование изучает проблему определения критериев выбора ресторана потребителями и сценариев заказа доставки еды. Основная цель исследования заключается в том, чтобы выявить потребительские задачи и поведенческие сценарии клиентов, связанные с услугами доставки готовых и охлажденных блюд. В работе использовались методы количественных опросов и глубинных интервью. Результаты и выводы апробировались в тест-маркетинговых рекламных кампаниях. По итогам анализа удалось определить три ключевые потребительские задачи: «быстро поесть», «порадовать себя и близких» и «накормить компанию». Также были выделены различные сценарии, по которым покупатели решают свои потребительские задачи в различных условиях, определены два уровня критериев для выбора ресторана: первичные, выявляющие соответствие ресторана задачам клиента, и вторичные, используемые для выбора наилучшего варианта среди подходящих ресторанов. Исследование не только расширяет текущее понимание потребительских предпочтений и поведенческих сценариев в контексте доставки еды, но и предоставляет практические рекомендации для оптимизации существующих и разработки новых сервисов доставки.

Ключевые слова

Доставка еды, JTVBD, критерии выбора ресторана, сценарии заказа еды, рынок доставки еды, маркетинг служб доставки, поведение потребителей, потребительские задачи

Для цитирования: Хохлов Д.А., Бражникова А.С. Ключевые критерии выбора ресторанов и сценарии заказа доставки еды в Москве // Вестник университета. 2024. № 1. С. 29–40.

Key criteria for choosing restaurants and food delivery scenarios in Moscow

Daniil A. Khokhlov¹

Assistant at the Marketing Department
ORCID: 0000-0002-7858-3766, e-mail: Daniluk53@gmail.com

Anastasiia S. Brazhnikova²

Marketing Specialist
ORCID: 0009-0006-8905-9448, e-mail: brazhnikova.a.s@gmail.com

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Limited Liability Company “UK-FB”, Moscow, Russia

Abstract

In a growing food delivery market, understanding consumer behaviour becomes a basic factor in the development of food delivery services. This study identifies criteria for selecting a restaurant by consumers and scenarios of ordering food delivery. The main purpose of the research is to define consumer objectives and behavioural scenarios of clients connected to services of ready and chilled meals delivery. Quantitative surveys and in-depth interviews were employed as research methods. The findings and conclusions were approved through test marketing campaigns. On the basis of the analysis results, three key consumer objectives were presented: “quick meal”, “pleasing oneself and loved ones”, and “feeding a company”. Also, various scenarios were highlighted, according to which customers meet their consumer objectives under different conditions. In addition, two levels of criteria for selecting a restaurant were given: primary criteria that determine the restaurant’s compliance with the customer’s objectives, and secondary criteria that are used to choose the best option among suitable restaurants. The study not only expands the current understanding of consumer preferences and behavioural scenarios in the context of food delivery but also provides practical recommendations to optimise existing delivery services and to develop the new ones.

Keywords

Food delivery, JTBD, restaurant selection criteria, ordering food scenarios, food delivery market, delivery services marketing, consumer behaviour, consumer objectives

For citation: Khokhlov D.A., Brazhnikova A.S. (2024) Key criteria for choosing restaurants and food delivery scenarios in Moscow. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 29–40.

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия коронавируса стала причиной ускорения изменений в потребительском поведении. В связи с введением правительственных мер по сдерживанию заболеваемости все больше потенциальных клиентов стали обращаться к сервисам доставки еды. Согласно оценкам РБК¹, рынок доставки готовых блюд существенно вырос в 2020–2021 гг. на 189 % со 179,6 млрд руб. в год до 334,6 млрд руб. в год, а доля доставки еды в общем обороте общественного питания увеличилась с 9,6 до 19,6 %.

Целевая аудитория услуг доставки сильно расширилась за последние годы. По данным того же исследования РБК, доля россиян, хотя бы раз в год заказывавших доставку готовой еды, к 2021 г. составила 67,7 %. Из-за самоизоляции большому числу людей пришлось воспользоваться данными услугами, и они стали неотъемлемой частью их потребительского поведения. Теперь рестораны взаимодействуют со значительной базой потенциальных клиентов с различными географическими, потребительскими, социальными, экономическими и демографическими характеристиками [1].

Повышение конкуренции побуждает маркетологов совершенствовать эффективность рекламных кампаний, а также качество предоставляемых услуг и продуктов. Для этого крайне важно изучить, что мотивирует потенциального клиента сделать заказ, какими критериями он руководствуется при выборе ресторана, на что обращает особенное внимание, что стимулирует его, а что может оттолкнуть от данного ресторана.

Основная цель исследования – определить потребительские задачи и поведенческие сценарии покупателей, которые связаны с доставкой готовых и охлажденных блюд. Для достижения цели необходимо идентифицировать потребительские задачи потенциальных клиентов, провести анализ поведенческих сценариев, определить критерии выбора ресторана.

РАЗРАБОТКА ГИПОТЕЗ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сначала необходимо провести обзор исследований на тему доставки еды или на смежные темы. В статье К.И. Сироткиной приводятся следующие поводы для заказа: потребность в чем-то вкусном – 38,6 % от общего количества поводов, нежелание готовить или покупать продукты – 33,7 %, встреча с друзьями – 15,3 %, экономия времени – 9,9 %, день рождения – 1 %, другое – 1 %, корпоратив – 0,5 % [2]. Подобный подход представляется нам бесперспективным, так как поводы, которые называют сами респонденты в открытых вопросах, не всегда можно с уверенностью отделить друг от друга. Например, мотив «нежелание готовить или покупать продукты» может быть фоновым для любого заказа: «нежелание готовить на день рождения», «потребность во вкусном и нежелание готовить». Мотив «экономия времени» может быть актуальным в рамках ограниченного обеденного перерыва или заключаться в желании тратить время на семью, а не на приготовление пищи. Также не совсем понятно, как применить эти данные. Неизвестно, какое предложение будет наиболее эффективным для поводов «нежелание готовить или покупать продукты», «экономия времени» и «потребность в чем-то вкусном» и будут ли это разные предложения.

Если поводы для заказа не подходят для целей нашего исследования, то попробуем рассмотреть причины заказа доставки. В исследовании «Кто, как и почему заказывает доставку продуктов»² выявлены причины, по которым клиенты предпочитают заказать онлайн, а не идти за покупками:

- регулярное приобретение продуктов онлайн – 41 %;
- отсутствие времени для совершения покупок – 33 %;
- нежелание идти в магазин – 33 %;
- тяжелый/объемный заказ – 28 %;
- наличие акции/скидки на онлайн-заказ – 25 %;
- отсутствие нужного ассортимента в ближайшем магазине – 15 %;
- нежелание общения – 6 %;
- другая причина – 2 %.

Из списка причин можно выделить пункты 2–7, которые указывают на желание клиентов решать практические задачи и избегать проблем при совершении покупок: например удобно заказать продукты онлайн и не нести тяжелые сумки или не тратить время на магазин.

¹ РБК. Магазин исследований. Российский рынок доставки готовой еды 2021. Режим доступа: <https://marketing.rbc.ru/research/issue/70949/> (дата обращения: 25.10.2023).

² DataInsight. Кто, как и почему заказывает доставку продуктов. Результаты опроса покупателей. Режим доступа: https://2022.ecomretailweek.ru/images/2022/presentations/1day_1000_amfiteatr_pashkova.pdf (дата обращения: 27.10.2023).

Основываясь на данных исследования заказов продуктов онлайн, можно предположить, что потенциальные клиенты, заказывая готовую еду, действуют рационально: формулируют цели и выбирают оптимальные пути их достижения. Так, если клиент находится дома и хочет вкусно поесть, но у него нет желания готовить, то рациональным решением будет заказать доставку готовой еды. В другом случае, когда клиент находится в офисе во время обеденного перерыва и хочет полноценное блюдо, но время ограничено, оптимальным вариантом будет заказать еду через сервис, который обеспечит быструю доставку в течение 15–20 мин., например «Самокат», «Яндекс Лавка», «ВкусВилл» и др.

Сформулируем первую гипотезу исследования: «Потребители, заказывая доставку готовых или охлажденных блюд, пытаются решить свою потребительскую задачу». Обратимся к концепции JTBD (англ. Jobs to Be Done – работа, которую нужно сделать)³. Одна из ее главных идей заключается в том, что обстоятельства, при которых клиент принимает решение, играют более важную роль, чем характеристики самого клиента.

Один и тот же человек может столкнуться с разными задачами и менять свое потребительское поведение в течение одного дня [3]. Рассмотрим ситуации, описанные ранее: женщина, работающая в отделе управления персоналом крупной компании, может в обед столкнуться с задачей быстро поесть, а после тяжелого рабочего дня – с задачей вкусно поесть и не готовить. В таких разных ситуациях у нее возникают разные требования к сервису доставки, но ее характеристики как представителя целевой группы остаются неизменными. В первом случае главным критерием выбора является скорость доставки, а во втором – вкусная еда.

Таким образом, критерии выбора зависят от «работы, которую нужно выполнить», или потребительской задачи клиента. Сервисам доставки важно понимать, могут ли они решить ту или иную задачу.

В статье В.В. Пак проводится анализ конкурентоспособности блюд по критериям: цена, вкус, запах, свежесть ингредиентов, состояние теста, начинка, форма, упаковка и стоимость доставки [4]. Набор критериев для оценки заслуживает дискуссии, так как многие из них являются составляющими вкуса, а не отдельными критериями. Также вызывает сомнения оценка критерия «свежесть ингредиентов» для термически обрабатываемой пиццы. Однако отметим критерии, которые формируют клиентский опыт, такие как вкус, скорость доставки и упаковка.

Другой набор критериев предлагается В.М. Тиуновым: ассортимент блюд, цена, разнообразие рациона, отсутствие сервировки, нарушение целостности, возможность питания в условиях сильной загруженности и отсутствия времени на приготовление пищи, наличие скидок и акций, программа лояльности, экономия временных ресурсов, КБЖУ (калории, белки, жиры, углеводы) и бесконтактная система оплаты [5]. С учетом отмены режима самоизоляции некоторые критерии, такие как «бесконтактная система оплаты» и «возможность оставаться в режиме полной самоизоляции», могли потерять значимость для большей части целевой аудитории. Критерии «КБЖУ» и «разнообразие рациона», вероятно, специфичны для сервисов доставки здоровой еды, но остальные остаются актуальными для доставки еды из ресторанов.

Можно рассмотреть критерии с точки зрения недовольства клиентов. В исследовании Российской ассоциации электронных коммуникаций и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»⁴ выявлены основные причины такого недовольства:

- долгая, несвоевременная доставка – 31,5 %;
- низкое качество доставленных товаров – 20,9 %;
- трудность в удаленном составлении полного представления о товаре, его качестве – 11 %;
- дорогая доставка, наценка на товары – 9,2 %;
- претензии к качеству транспортировки, к курьерам – 8,3 %;
- ошибки в комплектации заказа – 7,3 %;
- недостаточный ассортимент товаров – 5 %;
- неразвитость или недоступность доставки в месте проживания заказчика – 2,7 %;
- различные сложности, недостатки в системе оплаты товаров – 2,5 %.

Лишь 13,1 % опрошенных остались довольными оказанными услугами.

Одними из главных причин отрицательных отзывов являются опоздания и долгая доставка, что подчеркивает важность скорости доставки как одного из основных критериев выбора ресторана. Также стоит выделить другие критерии: стоимость доставки, ассортимент блюд, зону доставки и удобство оплаты.

³ Christensen C.M., Hall T., Dillon K., Duncan D.S. Know your customers' "jobs to be done". Режим доступа: <https://hbr.org/2016/09/know-your-customers-jobs-to-be-done> (дата обращения: 28.10.2023).

⁴ Исследование: рынок доставки еды и продуктов питания в России. Режим доступа: <https://www.retail.ru/articles/issledovanie-rynok-dostavki-edy-i-produktov-pitaniya-v-rossii/> (дата обращения: 28.10.2023).

Однако среди причин неудовлетворенности потребителей выделяются такие элементы клиентского опыта, как трудность удаленной оценки качества товаров, проблемы с транспортировкой и курьерами, а также ошибки комплектации заказа. Хотя эти факторы не являются прямыми критериями выбора нового ресторана, негативный клиентский опыт может привести к отказу от повторного заказа.

С учетом обнаруженных факторов составим предварительный список критериев выбора ресторана, который будем проверять, уточнять и расширять в процессе исследования:

- 1) цена;
- 2) скорость доставки;
- 3) вкус блюд;
- 4) упаковка блюд;
- 5) сервировка блюд;
- 6) ассортимент блюд;
- 7) наличие скидок и акций;
- 8) программа лояльности;
- 9) стоимость доставки;
- 10) зона доставки;
- 11) удобство оплаты;
- 12) клиентский опыт.

Сформулируем следующую гипотезу исследования: в зависимости от потребительской задачи набор критериев выбора ресторана меняется или изменяется значимость того или иного критерия.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для проверки разработанных гипотез авторы использовали методологию, базирующуюся на комбинации количественных и качественных методов сбора данных. В целях изучения потребительского поведения в сфере общественного питания и определения различных сценариев заказа еды были проведены исследования, описанные ниже.

Количественные опросы включали несколько этапов онлайн-опросов жителей Москвы за период с 2020 г. по 2023 г. Всего была собрана 7 521 анкета. В опросах участвовали представители различных возрастных групп:

- младше 18 лет – 2,01 %;
- 18–24 лет – 10,52 %;
- 24–34 лет – 32,78 %;
- 36–44 лет – 33,28 %;
- 45–54 лет – 9,99 %;
- старше 55 лет – 11,43 %.

По экономическим показателям респонденты распределились следующим образом:

- экономлю на продуктах питания – 9,47 %;
- хватает на продукты и оплату жилищно-коммунального хозяйства, но экономлю на покупке одежды – 14,74 %;
- хватает на продукты и одежду, но нужно копить на бытовую технику – 40,79 %;
- хватает на бытовую технику, но нужно копить на автомобиль – 30,70 %;
- никакие покупки не вызывают сложностей – 4,31 %.

По частоте заказов респонденты распределились так:

- чаще 2 раз в неделю – 2,25 %;
- 1–2 раза в неделю – 9,53 %;
- 2–3 раза в месяц – 24,18 %;
- 1 раз в месяц – 18,58 %;
- 1 раз в 2–3 месяца – 22,68 %;
- реже 1-го раза в 2–3 месяца – 22,78 %.

В процессе опросов респондентам предлагались вопросы о предпочтениях в сфере общественного питания, частоте заказов, критериях выбора ресторанов, важности различных факторов при принятии решения о заказе и т.д.

Для получения более детальной информации и понимания мотивов поведения клиентов были проведены глубинные интервью с респондентами в возрасте от 19 до 56 лет. Респондентов просили вспомнить, в каких ресторанах или сервисах доставки они делали последние три заказа. Далее по каждому заказу задавались следующие вопросы.

1. Когда вы заказывали доставку в [название ресторана или сервиса доставки]?
2. Какой повод или событие был для заказа?
3. Какие блюда вы заказали? Почему именно их?
4. В каком ресторане вы делали заказ? Почему выбрали именно этот ресторан?
5. Пользовались ли вы скидками в этом заказе? Насколько это важно для вас?
6. Пользовались ли вы программой лояльности: копили или списывали баллы?
7. На что вы еще обращали внимание: скорость доставки, качество блюд, отзывы, цена, известность бренда?
8. Как именно делали заказ: пользовались сайтом, приложением, агрегатором?
9. Чем в целом понравился заказ? Стали бы заказывать там еще?
10. Что можно было бы улучшить?

Глубинные интервью позволили лучше понять психологию потребителей, выявить их предпочтения, ожидания и оценки в сфере общественного питания.

Полученные данные из количественных опросов и глубинных интервью обеспечили разработку рекламных гипотез, которые тестировались в рекламных кампаниях в сервисах «Яндекса» и «ВКонтакте», рекламных интеграциях у блогеров и на других онлайн-площадках. К таким кампаниям можно отнести: «4 пиццы за 990 рублей», «Килограмм роллов за 999 рублей», «Бесплатная доставка в обед», «Не суп, а пицца Том Ям за 490 рублей», «1+1=4», «Скидка до 25 % на все меню», «Большой сет для больших компаний: 5 пицц за 2 490 рублей» и др. Изучение рекламных кампаний и реакций клиентов на них позволило подтвердить и уточнить выводы, сделанные на основе этих опросов и интервью.

Общая методология исследования базировалась на сборе и анализе данных из различных источников, что позволило получить всестороннее представление о потребительских предпочтениях и поведении.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование выявило три основные потребительские задачи, которые клиенты сервисов доставки стремятся решить: «быстро поесть», «порадовать себя и близких», «накормить компанию». Потребители при этом реализуют разные сценарии (рисунок).

Составлено авторами по материалам исследования

Рисунок. Сценарии решения потребительских задач при заказе доставки еды

Требования, которые клиенты предъявляют к сервису доставки, изменяются в зависимости от их текущей задачи. В рамках решения каждой из них пользователи могут действовать по разным сценариям. Далее в статье мы подробнее опишем эти задачи, указав основные сценарии и факторы, влияющие

на оценку ресторанов или служб доставки. Однако стоит отметить, что будут рассмотрены только те сценарии, при которых пользователи заказывают доставку еды. Сценарии «приготовить самому», «сходить в кафе» нами рассматриваться не будут.

Первая задача, которую мы опишем, – «быстро поесть». В рамках ее решения клиенты стремятся поесть с минимальными временными и денежными затратами. Пользователи стараются решить утилитарную задачу утоления голода, а не получить эмоциональное удовольствие от вкусной пищи. Клиенты решают ее двумя сценариями: «мало времени» и «планирование питания». Охарактеризуем каждый сценарий подробнее.

Клиенты реализуют сценарий «мало времени» в рабочие дни в обеденное время, однако такие заказы могут быть актуальны в любое другое время дня, так как все зависит от ситуации, в которой находится клиент. Потребители заказывают как горячую еду, так и охлажденную при наличии возможности ее разогреть. В основном пользователи принимают решение о покупке в момент осознания потребности или в отведенное на обеденный перерыв время, и именно это является основной особенностью сценария. Клиент намерен поесть как можно быстрее. Скорость доставки становится самым главным критерием выбора ресторана или сервиса. Потребитель ожидает, что доставка займет 15–30 мин. и готов заплатить за порцию примерно 300–400 руб. при условии высокой скорости. Вкус блюд не является для него важным фактором, также не требуется большой их выбор, а скидки и акции рассматриваются как приятные бонусы. Срок хранения блюд не имеет значения, поскольку еда заказывается для немедленного употребления. Респонденты отметили, что предпочитают сервисы с удобным приложением, имея в виду понятную и быструю процедуру заказа. Если такой функционал будет реализован без приложения, например в мессенджере, то потенциальные клиенты не воспримут это как негативный фактор.

По степени важности факторы выбора можно расположить в следующем порядке:

- 1) скорость доставки;
- 2) стоимость заказа;
- 3) вкус еды;
- 4) удобство оформления заказа;
- 5) выбор блюд;
- 6) акции и скидки;
- 7) срок хранения блюд.

Следующий сценарий решения задачи «быстро поесть» – «планирование питания», когда клиенты предполагают заказ охлажденных блюд на период от двух до пяти дней. В отличие от сценария «мало времени», у потребителей нет жестких временных ограничений. Обычно такие заказы делаются на выходных вместе с покупкой продуктов на предстоящую неделю, поэтому потенциальные клиенты готовы ждать свой заказ в течение дня. Задача «быстро поесть» в этом случае решается подготовкой запаса охлажденной еды, которую можно разогреть в микроволновой печи или другим доступным способом при появлении необходимости.

В сценарии «планирование питания» стоимость порции блюда становится более значимой по сравнению со сценарием «мало времени» – потребители стремятся купить порцию за 200–300 руб. Кроме того, повышается важность ассортимента блюд. Пользователи стремятся разнообразить недельный рацион. Последний критерий, который приобретает значение только в этом сценарии, – срок хранения блюда.

Таким образом, очередность критериев выбора выглядит так:

- 1) цена порции;
- 2) срок хранения блюд;
- 3) вкус блюд;
- 4) выбор блюд;
- 5) акции и скидки;
- 6) скорость доставки.

Этими двумя сценариями ограничиваются способы решения задачи «быстро поесть», связанные с доставкой готовых блюд. Далее перейдем к задаче «порадовать себя и близких». Ключевая особенность всех сценариев, по которым клиенты решают эту задачу, заключается в стремлении получить эмоциональное удовольствие от потребления пищи и избежать ее приготовления и уборки после. Ее решение может происходить по четырем сценариям:

- 1) привычный ресторан;
- 2) поиск новых вкусов;
- 3) небольшая компания друзей;
- 4) конкретное блюдо.

Теперь рассмотрим каждый из них отдельно. Первый сценарий – «привычный ресторан». Главная особенность поведения клиентов в нем – стремление воспроизвести позитивный опыт и осторожность по отношению к новым предложениям, обусловленные страхом разочарования в заказе. В крайней форме этот страх формулируется как страх отравиться. Тем не менее, чаще всего респонденты указывают, что хотят порадовать себя и не желают тратить денежные средства и время на предложения, которые могут разочаровать.

При реализации первого сценария пользователи чаще всего предпочитают вести себя консервативно и стараются заказывать в проверенных службах доставки и ресторанах, то есть стремятся воспроизводить позитивный опыт. Эта особенность потребления отмечается и центром исследования «Ромир»⁵. В некоторых случаях это может привести к тому, что клиенты становятся постоянными заказчиками определенного ресторана на протяжении многих лет. Стремление к воспроизведению позитивного опыта снижает требования к скорости доставки: клиенты готовы ожидать 60 мин., а в некоторых случаях и до 120 мин. Так как в первую очередь пользователь стремится воспроизвести позитивный опыт, потенциальный клиент выбирает ресторан по памяти или из истории заказов. Поэтому акции и скидки не являются критерием выбора ресторана, но могут сгладить клиентский опыт в случае проблем в заказе, например при опоздании на 10–15 мин. или незначительном недокомплекте заказа.

Позитивный опыт – главный фактор повторных заказов клиента в ресторане или службе доставки при заказах по сценарию «привычный ресторан». Позитивный клиентский опыт складывается из пяти основных факторов:

- 1) вкусная, по оценкам клиента, еда;
- 2) доставка в течение 60 мин.;
- 3) приемлемый средний чек заказа;
- 4) удобный процесс заказа;
- 5) программа лояльности.

Следующий сценарий решения задачи «порадовать себя и близких» – «конкретное блюдо». Он реализуется, когда у потенциального клиента формируется потребность заказать определенную еду. Чаще всего такая потребность связана с аутентичными и специфичными блюдами национальной кухни или фирменными блюдами отдельных ресторанов. В этом сценарии на 1-е место по важности критериев выходит наличие необходимой клиенту пищи, например супа Том Ям или курицы по-пекински. Потенциальный клиент, имеющий такую потребность, готов ждать более долгую доставку, платить более высокую цену за заказ и не требует акций и скидок, так как наличие необходимого блюда становится важнее.

Рестораны могут использовать этот сценарий для привлечения новых клиентов и удержания существующих. Добавление аутентичных и специфичных блюд позволит увеличить частоту повторных заказов у части клиентов, которые заказывают их в других ресторанах или в службах доставки.

Следующий сценарий, который тоже можно использовать для привлечения новых клиентов, – «поиск новых вкусов». Респонденты упомянули несколько ситуаций, в которых решение задачи «порадовать себя и близких» реализуется по этому сценарию.

1. Усталость от однообразных вкусов не связана с неприязнью по отношению к конкретному ресторану или блюду. Поэтому клиенты могут обратить внимание на другие категории блюд в привычном ресторане или начать поиск нового заведения.

2. Разочарование в привычном ресторане из-за ухудшения сервиса или качества еды. Эта ситуация ведет к отказу от заказов в привычном месте, что влечет за собой поиск нового ресторана.

3. Нахождение вне зоны доставки привычного ресторана. Клиент может временно оказаться за пределами зоны доставки, например будучи у друзей в гостях, в отпуске, или постоянно из-за переезда или закрытия организации.

Так как в остальных сценариях клиенты стремятся заказывать в проверенных ресторанах, именно «поиск новых блюд» – главная возможность для привлечения новых клиентов. Часть респондентов отметила, что

⁵ Крашевский С.. Исследование: Россияне продолжают заказывать еду по телефону напрямую у ресторанов. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/06/23/issledovanie-rossiiane-prodolzhaiut-zakazyvat-edu-po-telefonu-napriamuiu-u-restoranov.html> (дата обращения: 02.11.2023).

предпочитает искать новые рестораны в агрегаторах служб доставки, таких как «Яндекс Еда» или Delivery Club. Процесс принятия решения о выборе нового ресторана заслуживает отдельной публикации, здесь мы ограничимся перечислением главных критериев выбора: известность бренда, скидки на первый заказ, рекомендации авторитетных источников, рейтинг ресторана, время доставки и расстояние, качество фотографий блюд и цены.

Респонденты указали, что однообразие блюд может мотивировать их на поиск новых ресторанов, следовательно, заведениям для удержания клиента необходимо систематически вводить новые блюда или категории блюд, делать сезонные предложения и доводить до потребителей информацию о новинках, чтобы мотивировать их сделать следующий заказ у них, а не у конкурентов.

Последний сценарий задачи «порадовать себя и близких» – «небольшая компания друзей». Потенциальный клиент планирует встречу с друзьями и, чтобы не тратить время на приготовление пищи и уборку, заказывает еду из ресторана. Важность критериев выбора при этом сценарии схожа с критериями заказа в привычном ресторане, но отличается более высокой финансовой нагрузкой на клиента, так как он заказывает не только для себя или своей семьи, но и для гостей (обычно заказ делается на 3–5 персон).

Все сценарии задачи объединяет стремление пользователя получить эмоциональные впечатления от заказа, которое обуславливает более высокие требования ко вкусу еды и готовность совершать достаточно дорогую покупку, а также ожидать заказ дольше.

Заключительная задача, выявленная в процессе исследования, – «накормить компанию». Главная особенность этой задачи, которая оказывает влияние на потребителя, – количество персон, которых нужно накормить. Клиенту необходимо накормить от 6 и более чел., поэтому общая стоимость заказа приобретает высокую значимость, а вместе с ней важны акции и скидки.

Решение задачи «накормить компанию» может развиваться по двум сценариям, отличающимся отношением заказчика к тем, кого нужно накормить или угостить: большая компания друзей или большая компания знакомых.

Рассмотрим каждый сценарий отдельно и начнем с «заказа для большой компании друзей». В этой ситуации значимость критериев выбора смещается в сторону общей стоимости заказа, но вкус блюд должен быть удовлетворительным, чтобы не было стыдно перед знакомыми и друзьями. Поэтому клиенты стараются заказать более доступные по цене блюда: для пиццы ценовые ожидания – 500–600 руб., для роллов – 300–400 руб. Потребители часто заказывают готовые наборы, так называемые «сет» или «комбо». Остальные критерии меняются незначительно. Например, требование привезти заказ в течение 60 мин. остается, но может трансформироваться в требование доставить к определенному времени (см. табл.).

Таблица

Сравнение критериев выбора ресторанов первой очереди

Задача	Сценарий	Скорость доставки	Цена	Вкус	Срок хранения
Быстро поесть	Мало времени	< 30 мин.	300–600 руб.	Приемлемый	–
	Планирование питания	< 24 часов	до 300 руб./шт.	Приемлемый	От 2 дней
Порадовать себя и близких	Привычный ресторан	~ 60 мин.	500–2 000 руб.	Вкусный	–
	Конкретное блюдо	< 120 мин.	500–2 000 руб.	Вкусный	–
	Поиск новых вкусов	~ 60 мин.	500–2 000 руб.	Вкусный	–
	Небольшая компания друзей	~ 60 мин.	от 1 000 руб.	Вкусный	–
Накормить компанию	Большая компания друзей	Ко времени	до 400 руб. на чел.	Приемлемый	–
	Большая компания знакомых	Ко времени	до 300 руб. на чел.	Приемлемый	–

Составлено авторами по материалам исследования

Из ответов респондентов делаем вывод, что значимость критериев можно расположить в следующем порядке:

- 1) средний чек заказа;
- 2) вкусная еда;
- 3) доставка заказа вовремя;
- 4) разнообразие выбора блюд;
- 5) удобство процесса заказа;
- 6) участие в программе лояльности;
- 7) круглосуточный режим работы.

Второй сценарий задачи «накормить компанию» – «большая компания знакомых». Его отличает от предыдущего стремление к еще более низким ценам, так как это заказ для знакомых или коллег, с которыми нет сильной эмоциональной связи. Чаще всего такие заказы делают по особым поводам: праздникам или знаковым событиям в жизни. При реализации этого сценария самым важным критерием становится стоимость заказа. Клиенты не стремятся впечатлить своих знакомых и коллег, поэтому не стараются учитывать их вкусы, а заказывают универсальные блюда, например пиццу «Пепперони» или «Маргариту», пироги с сыром или картошкой, нагетсы, картошку фри и т.д. Так как гости чаще всего не те, кого пригласили на мероприятие, а коллеги, которые оказались в данный момент в офисе, заказчик стремится оптимизировать траты на угощения и потратить до 300 руб. в расчете на 1 чел. Критерии выбора ресторана располагаются следующим образом:

- 1) средний чек заказа;
- 2) доставка заказа вовремя;
- 3) вкусная еда;
- 4) разнообразие выбора блюд;
- 5) участие в программе лояльности;
- 6) удобство процесса заказа.

Как видно из описания, оба сценария задачи «накормить компанию» объединены стремлением потребителя к минимальной стоимости и снижением значимости вкуса блюд.

Теперь, когда все сценарии и задачи описаны, рассмотрим более подробно критерии выбора ресторана. Начать необходимо с их систематизации. Несмотря на то, что клиенты оценивают рестораны по большому количеству критериев, они имеют разное значение при принятии решения о заказе. На текущем этапе исследования можно выделить критерии первой и второй очереди. К первым относятся скорость доставки, цена, вкус, срок хранения блюд и круглосуточный режим работы. Они выполняют функцию фильтров, по которым потенциальный клиент оценивает, сможет ли ресторан решить свою задачу в текущем сценарии или нет.

Особенно следует отметить, что критерий вкуса крайне субъективен и часто гибок. Для отдельно взятого клиента достаточно сложно определить, что будет вкусным, а что нет, но для групп целевых потребителей эта задача решается и требует отдельных исследований. Респонденты также часто оценивали вкус блюд одновременно с ценой, о чем свидетельствует фраза «достаточно вкусно за такие деньги». Поэтому оценки «вкусный» и «приемлемый» стоит рассматривать как личное впечатление клиента. Не менее важно для поставленной задачи понимать, что если клиент оценил вкус блюд как «невкусно», то заказ в этом ресторане он уже не сделает даже при очень быстрой доставке, низкой цене и высоких оценках остальных критериев.

В таблице не упомянут критерий «круглосуточный режим работы», который в дневное время теряет какую-либо значимость, но становится критерием первой очереди в ночное время. Это говорит о том, что необходимо выделить дополнительные сценарии или задачи, связанные с заказами ночью. Таким образом, стоит сделать примечание к таблице, что задачи и сценарии, описанные в ней, относятся к заказам с 7:00 до 23:00.

Еще один критерий первой очереди, который не представлен в таблице, – это доставка по адресу клиента. Он не был включен в таблицу, так как нет никакой разницы между задачами и сценариями: если ресторан не доставляет по адресу клиента, то клиент не сделает в нем заказ ни в одном из сценариев.

Остальные критерии, которые упомянули респонденты, воспринимаются ими как конкурентные преимущества ресторанов. В нашей классификации это критерии второй очереди. К ним относятся:

- удобство оформления заказа;
- разнообразие выбора блюд;
- программа лояльности;
- минимальная сумма заказа.

Особенность этих критериев в том, что для отдельно взятого клиента каждый из них может быть более или менее значимым, но для решения задачи и реализации сценария они не являются первостепенными. Например, если ресторан доставляет в течение двух часов, то неважно, насколько удобно оформлять заказ и какова минимальная сумма заказа: для решения задачи «быстро поесть» он не подойдет. Можно сказать, что критерии второй очереди важны для оценки ресторанов, которые уже были рассмотрены с точки зрения критериев первой очереди.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование потребительских сценариев и критериев выбора ресторанов представляет собой важную область для понимания предпочтений и поведения клиентов в сфере общественного питания. Наше исследование позволило выявить, что существуют различные сценарии заказа еды, каждый из которых имеет свои особенности и важные критерии выбора для потребителей, тем самым подтвердив гипотезы.

Понимание потребительских задач и критериев выбора заведения позволяет рестораторам лучше осознавать ожидания клиентов в различных сценариях заказа. Для привлечения и удержания покупателей важно учитывать особенности каждого сценария и предлагать подходящее меню и сервис. Конкурентные преимущества ресторана могут заключаться в соответствии критериям первой и второй очереди, а также в постоянном обновлении и разнообразии предложений, чтобы удовлетворить различные потребности клиентов. Важно помнить, что вкус блюд остается важным фактором для многих потребителей и может повлиять на их лояльность к ресторану. Таким образом, оптимизация предложения, учет потребительских сценариев и критериев выбора являются ключевыми аспектами успешной работы.

Сервисам доставки и ресторанам необходимо сосредотачиваться на тех потребительских задачах, которые они могут удовлетворить наиболее эффективно. Так, например, пиццерия или суши-бар могут очень ограниченно работать со сценарием «мало времени» и совсем не работать со сценарием «планирование питания». В тоже время сервисы доставки «Яндекс Лавка» или «ВкусВилл» не могут работать со сценариями задачи «порадовать себя и близких».

Как уже было сказано в результатах исследования, расширение меню и ввод сезонных предложений могут увеличить частоту заказов и сохранить клиентов, которые хотят попробовать что-то новое. Новых клиентов могут привлечь рекламные кампании, призывающие ознакомиться с недавно появившимся или уникальным блюдом, которого нет в меню других ресторанов. Однако если ресторан концентрируется на необычных блюдах, то существует вероятность, что его меню, условия и сервис не подойдут для решения задач, связанных с большими компаниями.

В процессе анализа полученных данных получилось обозначить дальнейшие направления исследования темы, среди которых можно отметить сценарии ночных заказов, задачи заказов потенциальных клиентов с детьми, исследования вкусовых предпочтений отдельных групп целевых аудиторий и др.

Список литературы

1. *Соколова Е.Ю.* Анализ современного рынка услуг доставки еды в ресторанной сфере. В кн.: Актуальные проблемы развития индустрии гостеприимства: сборник научных статей XVI Международной практической конференции, Санкт-Петербург, 08 июля 2020 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 2021. С. 200–208.
2. *Сироткина К.И.* Тенденции продвижения на рынке доставки готовой еды. *Аллея Науки.* 2018;6(22(7)):695–699.
3. *Новикова М.В., Павленко А.А.* Как создавать продукты, ориентированные на пользователей: методы персон и JTBD. *Интернет-маркетинг.* 2019;3:208–214.
4. *Пак В.В.* Расчет конкурентоспособности товара «пицца „Пешперони“ на тонком тесте» службы доставки еды «Dostaевский». В кн.: Проблемы конкурентоспособности потребительских товаров и продуктов питания: сборник научных статей 2-й Международной научно-практической конференции, Курск, 13 апреля 2020 г. Курск: Юго-Западный государственный университет; 2020. С. 295–299.

5. *Тиунов В.М.* Сервисы доставки здоровой еды как современное явление в условиях карантина. Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. 2020;3:56–64.

References

1. *Sokolova E.Y.* Analysis of the modern market of food delivery services in the restaurant sphere. In: Current development issues of the hospitality industry: Proceedings of the XVI International Practical Conference, St. Petersburg, July 08, 2020. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2021. Pp. 200–208. (In Russian).
2. *Sirotkina K.I.* Trends of promotion in the market of ready-to-eat food delivery. *Alley Science*. 2018;6(22(7)):695–699. (In Russian).
3. *Novikova M.V., Pavlenko A.A.* How to create user-centred products: persona methods and JTBD. *Internet marketing*. 2019;3:208–214. (In Russian).
4. *Pak V.V.* Calculating competitiveness of the product “Pepperoni pizza on thin dough” of the food delivery service “Dosttaevsky”. In: Problems of competitiveness of consumer goods and food products: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference, Kursk, April 13, 2020. Kursk: The Southwest State University; 2020. Pp. 295–299. (In Russian).
5. *Тиунов В.М.* Health food delivery services as a modern phenomenon under quarantine. Technologies of the food and processing industry of AIC – healthy food. 2020;3:56–64. (In Russian).

Взаимосвязь между экономической диверсификацией и устойчивым развитием регионов Российской Федерации

Абрамов Руслан Агарунович

Д-р экон. наук, проф. деп. экономики и управления,
дир. Института экономики, управления и права
ORCID: 0000-0002-1736-5693, e-mail: abramovra@mgpu.ru

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Аннотация

Разнообразие экономической деятельности и ее диверсификация обуславливают ключевые факторы устойчивого развития регионов Российской Федерации. Актуальность данного исследования заключается в поиске взаимосвязи между этим экономическим процессом и такими параметрами устойчивого развития, как социальное благополучие, экономическая стабильность и экологическая устойчивость. Исследование базируется на изучении данных Федеральной службы государственной статистики, ее публикациях и иных научных источниках. Методология включает комплексный анализ экономических показателей диверсификации и их корреляцию с тремя описанными выше индексами. Представленные результаты демонстрируют прямую взаимосвязь между уровнем экономической диверсификации в регионах и их устойчивым развитием. Показано, что регионы с более разнообразной экономической структурой имеют более высокие показатели в области социальной стабильности, экономического роста и экологической безопасности. Авторами определяется, что диверсификация в целом не зависит от производственной ориентированности или традиционного промышленного оснащения региона. Установлено, что инновативные практики могут быть реализованы практически во всех субъектах в том случае, если будет преодолен ряд административных барьеров. Выявлено, что уровень устойчивости регионального развития напрямую зависит от степени диверсификации экономических процессов.

Ключевые слова

Экономическая диверсификация, устойчивое развитие, российские регионы, региональное развитие, социальное благополучие, экономическая стабильность, экологическая устойчивость

Для цитирования: Абрамов Р.А. Взаимосвязь между экономической диверсификацией и устойчивым развитием регионов Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 1. С. 41–49.

The correlation between economic diversification and sustainable development of the Russian regions

Ruslan A. Abramov

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics and Management Department,
Director of the Institute of Economics, Management and Law
ORCID: 0000-0002-1736-5693, e-mail: abramovra@mgpu.ru

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract

Diversity of economic activities and their diversification determine the key factors of sustainable development of the Russian regions. The relevance of this study lies in the search of connection between the present economic process and such parameters of sustainable development as social well-being, economic and environmental stability. The research is based on examination of data of the Federal State Statistics Service, its publications, and other scientific sources. The methodology includes a comprehensive analysis of economic indicators of diversification and their correlation with the three indices described above. The presented results demonstrate a direct connection between the level of economic diversification in the regions and their sustainable development. It is shown that regions with a more varied economic structure have higher indicators in the field of social stability, economic growth, and environmental safety. The authors determine that diversification as a whole does not depend on the production orientation or the traditional industrial equipment of a region. It is identified that innovative practices may be implemented in almost all subjects in case if a number of administrative barriers will be overcome. It is revealed that the level of sustainability of regional development directly depends on the degree of diversification of economic processes.

Keywords

Economic diversification, sustainable development, Russian regions, regional development, social well-being, economic stability, environmental stability

For citation: Abramov R.A. (2024) The correlation between economic diversification and sustainable development of the Russian regions. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 41–49.

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая диверсификация является значимым аспектом в контексте устойчивого развития территориальных единиц. Рассмотрение Российской Федерации (далее – РФ, Россия), обладающей многообразием региональных экономик, предоставляет уникальные возможности для анализа этой взаимосвязи. Данная статья направлена на исследование специфики взаимодействия между диверсификацией экономических процессов и уровнем устойчивости регионального развития.

Оценка уровня экономической диверсификации в регионах России показала, что субъекты с высоким уровнем данного феномена (например Москва и Санкт-Петербург) имеют значительно более высокий валовый внутренний продукт (далее – ВВП) на душу населения по сравнению с монопрофильными регионами, такими как Республика Коми или Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Исследование уровней безработицы и социального благополучия показало, что диверсификация экономики напрямую влияет на снижение уровня незанятости и улучшение социального статуса населения. Так, в Москве уровень безработицы в 2021 г. составил 1,7 %, в то время как в менее диверсифицированных регионах (Республика Бурятия) этот показатель достигал 7,3 %.

В работе использовались специальные, всеобщие и общенаучные методы научного познания. Методология исследования основана на теории рисков, а также теории эколого-ориентированного инновационного развития.

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ РЕГИОНОВ

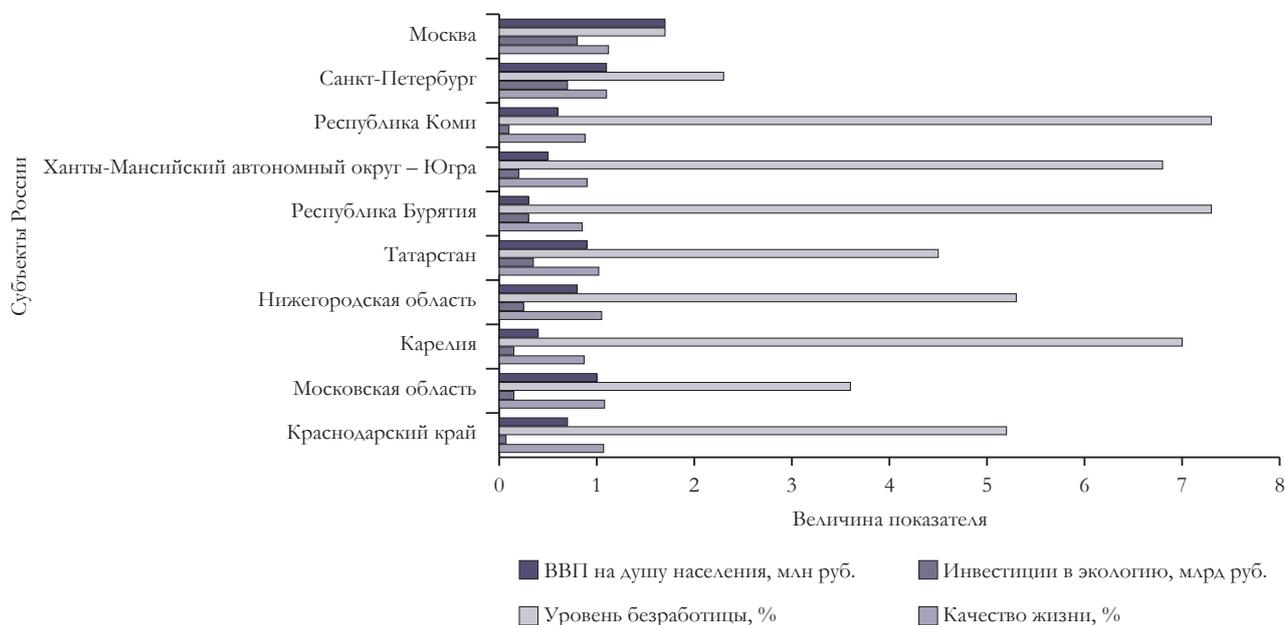
Анализ экологических показателей выявил, что регионы с развитой и диверсифицированной экономикой обладают более высоким уровнем экологической ответственности и вкладывают значительное количество средств в экологически устойчивые технологии. Примером служит Республика Татарстан, где инвестиции в подобные проекты в 2020 г. составили более 3,5 млрд руб. Статистический анализ показал, что экономическая диверсификация положительно коррелирует с показателями качества жизни населения. В более диверсифицированных регионах, таких как Нижегородская область, данные индикаторы на 12 % выше, чем в менее диверсифицированных регионах, таких как Республика Карелия. Исследование также выявило, что данный процесс способствует увеличению инвестиций в научные исследования и разработки: в Московской области объем финансирования в 2021 г. составил 15 % от общего бюджета субъекта, что значительно превышает средний показатель по стране (8 %).

Эти результаты демонстрируют прямую взаимосвязь между степенью экономической диверсификации и уровнем устойчивого развития регионов РФ. Они подчеркивают ее значимость как стратегического направления в региональном развитии, обеспечивающего рост производства, социальное благополучие и экологическую устойчивость.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Рассмотрение диверсификации экономики в Краснодарском крае демонстрирует интересные результаты. В регионе, занимающем ключевую позицию в аграрном секторе России, наблюдается значительное развитие других экономических отраслей, включая туризм, промышленное производство и транспортные услуги. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), вклад аграрного сектора в региональный ВВП Краснодарского края в 2020 г. составил 12,5 %, что является важным показателем, однако не доминирующим [1]. Туристическая отрасль в Краснодарском крае за последние годы показала существенный рост. Привлекательность Черноморского побережья и горнолыжных курортов Кавказа привела к увеличению туристического потока на 7 % в 2021 г. по сравнению с 2019 г. Такой рост способствовал диверсификации местной экономики и созданию новых рабочих мест в сфере гостеприимства и обслуживания [2]. Промышленный сектор рассматриваемого субъекта также демонстрирует положительную динамику. По данным за 2020 г., объем промышленного производства увеличился на 6,3 % по сравнению с предыдущим годом. Развитие пищевой промышленности, машиностроения и химической промышленности вносит значительный вклад в экономическую диверсификацию региона [3]. Транспортный сектор Краснодарского края, включающий портовые

услуги и железнодорожные перевозки, также играет немаловажную роль в диверсификационном процессе. Объем грузоперевозок через морские порты региона вырос на 8 % в 2020 г., что способствует развитию торговли и логистических услуг [4]. Прогресс в сфере информационных технологий (далее – ИТ) и инновационных индустрий в данном регионе остается важным направлением для дальнейшей экономической диверсификации. В 2021 г. этот субъект РФ получил инвестиции в размере 4 млрд руб. на развитие ИТ-парков и технополисов для создания новых высокотехнологичных рабочих мест [5] (рис. 1).

Источник¹

Рис. 1. Экономическая диверсификация и уровень устойчивого развития в регионах РФ

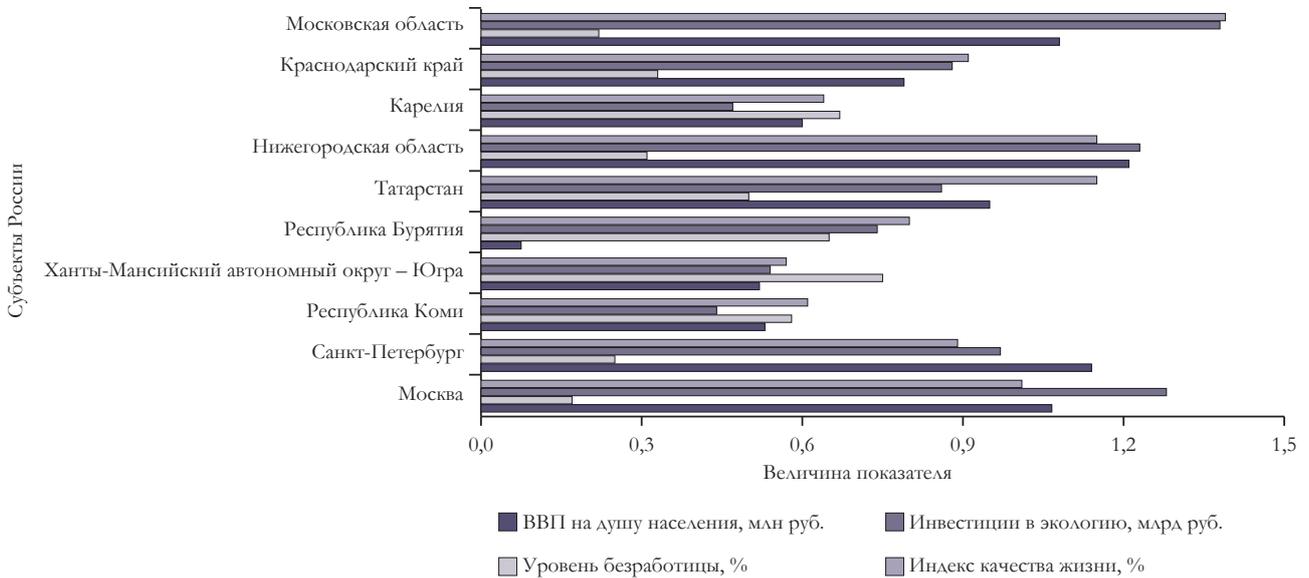
АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Рассматривая Московский регион, нельзя не отметить его уникальное положение в контексте экономической диверсификации. Благодаря широкому спектру экономических активностей Москва занимает лидирующие позиции среди российских регионов по многим экономическим показателям. Производственный сектор в Московской области, включающий высокотехнологичное машиностроение и электронику, в 2020 г. выявил рост на 9,2 %, согласно данным Росстата [6].

Заметные успехи наблюдались в секторе услуг, особенно в сфере информационных технологий и финансовых услуг. В 2020 г. доля ИТ-индустрии в экономике региона составила 12,3 %, что на 3 % больше, чем в 2019 г. [7]. Кроме того, существенную роль в стимулировании экономической деятельности субъекта РФ сыграла фискальная сфера, в которую входят банковские учреждения, страховые компании и инвестиционные фонды: ее вклад составил 15,4 % от всего ВВП Московской области [8]. К тому же, благоприятная динамика заметна в туристической сфере. Так, приток туристов в Москву в 2021 г. вырос на 6,5 % по сравнению с предыдущим годом, что привело к росту доходов от туризма на 7,7 % [9]. Коммерческая промышленность региона также является значительным стимулом экономических изменений. По сравнению с 2019 г. розничные продажи субъекта в 2020 г. выросли на 5,2 %, свидетельствуя о росте потребительского интереса и развитии розничной торговли [10]. Инвестиционная деятельность Московской области также имеет основополагающее значение для ее экономического развития. В прошлом году общая сумма капитальных вложений в основной капитал составила 3,4 трлн руб., увеличившись на 8 % по сравнению с предыдущим периодом [11]. Эти данные подчеркивают привлекательность региона для инвесторов, а также энергичное расширение инфраструктуры.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

Для Москвы и Московской области характерен повышенный экономический полиморфизм, являющийся побочным продуктом расцвета обрабатывающей промышленности, сферы услуг, туристического сектора, рыночных операций и финансового предпринимательства. Данные составляющие являются катализаторами стабильного финансового процветания, способствуют созданию новых возможностей трудоустройства и повышению уровня жизни граждан (рис. 2).

Примечание: в графике показана относительная разница 2022 г. к 2020 г.

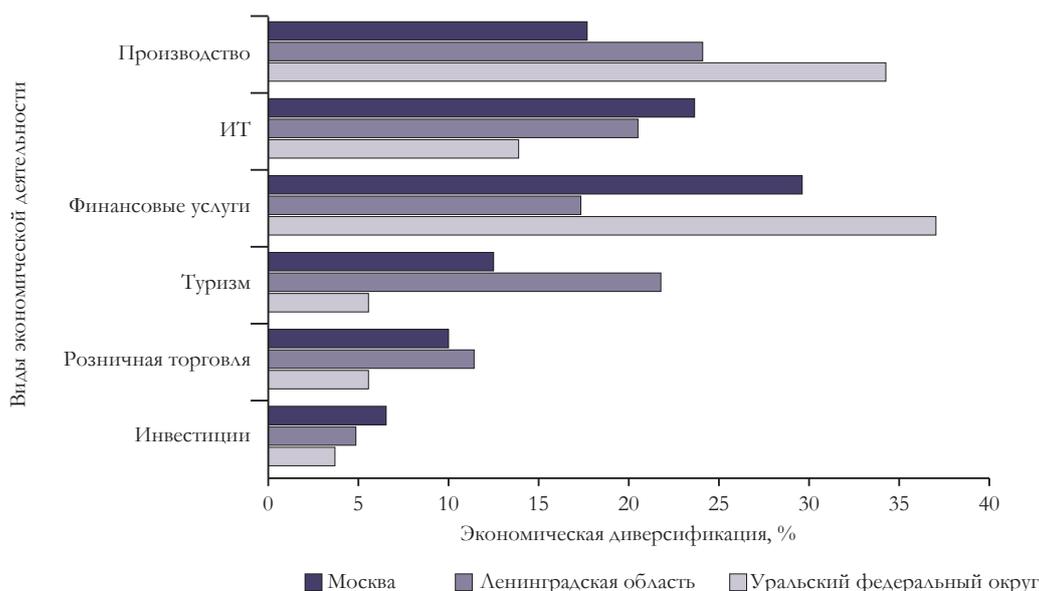
Источник²

Рис. 2. Экономические показатели регионов РФ

Ленинградская область, признанная одним из передовых регионов РФ, демонстрирует заметный прогресс на пути к диверсификации экономики. Статистические данные, опубликованные Росстатом, свидетельствуют о заметной склонности к расширению масштабов экономической деятельности, что способствует устойчивому развитию. Промышленная сфера занимает прочное место в экономической системе провинции, уместно подчеркивая процветание химической промышленности и машиностроения. В 2020 г. в химической отрасли объем производства вырос на 11,4 % по сравнению с предыдущим годом, а в машиностроении – на 9,7 %. Сельскохозяйственная отрасль также обнаруживает восходящий тренд. Как сообщает Росстат, в 2021 г. объем сельскохозяйственного производства увеличился на 8,2 %, что укрепило продовольственную безопасность региона и стимулировало новые возможности трудоустройства. Существенное значение имеет транспортный сегмент, особенно морские порты, который несет критическую нагрузку в экономическом ландшафте Ленинградской области. Прирост грузоперевозок в морском порту Усть-Луга в 2020 г. достиг 103 млн т, что на 10 % больше, чем в предыдущем году [12]. Улучшение портовой инфраструктуры поддерживает активизацию импортной и экспортной деятельности, а это, следовательно, ведет к благоприятным экономическим изменениям в данном районе.

Заметный рост наблюдается в сфере услуг Ленинградской области. Развитие туристической инфраструктуры, особенно в Выборгском районе и на берегу Финского залива, привлекает все больше туристов. По сравнению с показателями 2019 г. в 2021 г. количество туристов, посещающих указанные достопримечательности, выросло на 6,5 % [13]. Диверсификация экономики в равной степени стимулируется значительным инвестиционным потоком Ленинградской области. Финансирование прямых инвестиций в экономику региона в 2020 г. составило 2,3 млрд долл. США, что на 12 % больше, чем в предыдущем году [14]. Притягательность региона как для местных, так и для зарубежных финансистов очевидна. Рост мелких и средних торговых предприятий на 5,4 % в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в пределах Ленинградской области является дополнительным фактором экономической дисперсии и свидетельствует о формировании новых профессий, росте семейных доходов [15] (рис. 3).

² Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

Источник³

Рис. 3. Процесс экономической диверсификации регионов России

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В УФО

Значительный прогресс в расширении экономики демонстрирует важнейшая промышленная зона РФ – УФО, ранее управляемая промышленностью, а теперь преобразованная в результате создания новых секторов, таких как высокие технологии и услуги. Их консолидация привела к хорошим результатам. Несмотря на то, что Уральский регион уступил ведущее положение в промышленном производстве, его экономика претерпевает масштабные преобразования. В 2020 г. в округе доля металлургии и машиностроения – отраслей, которыми традиционно славится регион, – снизилась на 4 %, что составило 37 % от общего объема промышленного производства по данным [16]. Этот сдвиг указывает на переход к более диверсифицированным и передовым методам производства. В УФО наблюдается заметный прогресс в сфере высоких технологий. Инвестиции в исследования и разработки в этой области выросли на 15 % в 2021 г. по сравнению с 2019 г., в связи с чем инновационная активность растет и появляются новые секторы, такие как биотехнологии и ИТ. В экономике Уральского округа прослеживается положительная динамика: преобладают туристические, финансовые и педагогические возможности. Доля сферы услуг составила 40 % от регионального ВВП в 2021 г., что на 7 % больше, чем в 2015 г.

В период прогресса УФО мы наблюдаем поступательную трансформацию его транспортной инфраструктуры. Благодаря акценту на расширении железнодорожного и автомобильного сообщения в сочетании с тщательной модернизацией аэропортов, целостная связь региона со страной и остальным миром значительно усиливается. Это улучшение служит неотъемлемой частью подъема внешней торговли и постоянного притока инвестиций. Аналогичным образом комплексный рост и распространение малых и средних предприятий по всему Уральскому округу играют центральную роль в процессе диверсификации экономической матрицы. По сравнению с 2018 г. в 2020 г. в регионе наблюдалось заметное увеличение количества организаций малого и среднего бизнеса на 6 %. Это феноменологическое изменение служит ускорением инновационной и усиленной экономической стабилизации за счет создания новых рабочих мест.

При анализе эффектов диверсификации экономики в УФО важно учитывать то, как она влияет на социально-экономические элементы развития региона. Наблюдение за усиленным инновационным аспектом экономики Урала, достигаемым за счет развития сложных секторов, является одной из основных тем, рассматриваемых в этом исследовании. Значительный рост инвестиций в исследования и разработки, обнаруженный в округе, демонстрирует стремление региона сформировать наукоемкую экономику. Следует должным образом отметить, что финансирование научно-технических достижений не только способствует экономическому росту, но и повышает общее благосостояние общества, открывая новые перспективы для образования и трудоустройства. Разнообразие отраслей в Уральском регионе также

³ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

можно выявить по изменениям в конфигурации трудовых ресурсов. С другой стороны, снижение зависимости от традиционных отраслей, таких как металлургия и горнодобывающая промышленность, уменьшает угрозу монолитной экономической структуры, а также предотвращает нестабильность экономики из-за колебаний мировых рынков. В результате создаются предпосылки для появления новых областей деятельности, особенно в сфере информационных технологий и удобств. Трансформация рынка труда, вызванная экономической дифференциацией, требует приоритетной подготовки специалистов и повышения квалификации рабочей силы. Реализация программ, способствующих переподготовке и актуализации знаний и навыков специалиста и соответствующих колеблющимся требованиям рынка, представляет собой важный фактор устойчивого прогресса региона.

В УФО проведены социально-экономические исследования, изучающие благосостояние его жителей. Чтобы добиться успеха в снижении уровня безработицы и повышении качества жизни, необходимо воспользоваться преимуществами диверсификации экономики, но при этом учесть региональные особенности и разнообразие социальных групп. Согласно исследованиям, распространение сферы услуг и туризма в Уральском округе оказывает положительное влияние на экономическую и социальную стабильность региона. Однако необходимо подчеркнуть, что продвижение туризма приносит не только непосредственную денежную выгоду, но и служит созданию благоприятной общественной концепции, ведущей к обширному потенциалу развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вывод по анализу экономической диверсификации в различных регионах РФ подчеркивает важность этого процесса для устойчивого развития и социально-экономического благополучия населения. Изучение Краснодарского края, Московской и Ленинградской областей, а также УФО показывает, что диверсификация является ключевым фактором в достижении экономической стабильности и снижении зависимости от монопрофильных отраслей.

В Краснодарском крае наблюдается успешное сочетание аграрного сектора с развитием туризма и промышленного производства, что способствует созданию новых рабочих мест и повышению качества жизни населения. Московская область, благодаря акценту на развитие ИТ-сектора и финансовых услуг, демонстрирует переход к знаниевой экономике и укрепление инновационного потенциала. В Ленинградской области, развивающей транспортную инфраструктуру и туристический сектор, заметно существенное увеличение экономического разнообразия, что способствует привлечению инвестиций и развитию малого и среднего бизнеса. УФО с его вектором на промышленное производство и инновации подчеркивает важность диверсификации для поддержания конкурентоспособности и экономического роста.

Общий вывод из проведенных исследований заключается в том, что диверсификация экономики благоприятствует более сбалансированному и устойчивому развитию регионов. Она позволяет снижать риски, связанные с экономическими колебаниями, и создает условия для инновационного развития, улучшения социальной сферы и повышения качества жизни граждан. Таким образом, экономическая диверсификация выступает основным фактором для достижения долгосрочного социально-экономического процветания в различных субъектах РФ.

Список литературы

1. Белоусова А.В. Оценка эффектов межотраслевых взаимодействий в экономике Хабаровского края с использованием структурной балансовой модели. Регионалистика. 2022;2(9):5–25. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.2.5>
2. Гегечкори И.М. Экономические санкции против Российской Федерации и внешнеэкономическая безопасность: вызовы и угрозы. Аудиторские ведомости. 2022;1:97–100. <https://doi.org/10.24411/1727-8058-2022-1-97-100>
3. Камиллов М.К., Камиллова П.Д., Камиллова З.М., Эминова Э.М. Влияние санкционной политики зарубежных стран на агропромышленный комплекс России. Региональные проблемы преобразования экономики. 2018;9:57–67.
4. Абдикеев Н.М., Киселев А.Д. Управление знаниями корпорации и ренжиниринг бизнеса: учебное пособие. М.: Инфра-М; 2011. 384 с.
5. Новая диверсификация на рынках газа. Энергетические тренды. Выпуск № 107. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации; 2022. 16 с.
6. Воробьев С.В., Рабочев Г.Б. Сотрудничество России и Ирана в сфере безопасности: проблемы и перспективы. Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2021;7(378):61–69. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_7_61

7. Джавадова С.А. Глобальные перспективы экономического противостояния России и Запада. Дискуссия. 2022;115(6):29–38. <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-6-115-29-38>
8. Качанова Л.С. Механизм обеспечения финансово-экономической безопасности регионов. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023;3:38–41.
9. Мартыненко Т.В., Коноплева В.Д. Политика Российской Федерации в области возобновляемой энергетики: современное состояние, законодательная база и перспективы развития. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022;1:127–132. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-127-132>
10. Медведев С.С., Макаров Е.И., Паршин Н.М. Ключевые вызовы и возможности диверсификации предприятий оборонно-промышленного комплекса. ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2020;7(17):12–18.
11. Передерий С. Санкции и сертификация. ЛесПромИнформ. 2022;2(164):90–99.
12. Боркова Е.А., Ватлина Л.В., Курбанов А.Х., Плотников В.А. Оценка влияния макроэкономических шоков на устойчивость развития секторов национальной экономики и проблемы экономической безопасности: монография. СПб: Инфо-да; 2022. 248 с.
13. Матвеев В.А., Уянаев С.В. Углеводородная отрасль РФ в условиях санкций: возможности компенсации за счет сотрудничества с КНР. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022;27:56–70. <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.86.63.028>
14. Филимонова И.В. Диверсификации направлений экспорта углеводородов из России в новых геополитических условиях. Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022;4(2):234–240. <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2022-2-4-234-240>
15. Великороссов В.В., Коречков Ю.В., Ежов А.С. Инновационные стартапы в экспортно-ориентированной экономике. Финансовый Бизнес. 2021;8(218):15–19.
16. Шеголева Н.Г., Мальсагов Т.Г. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: проблемы и направления реализации. Проблемы теории и практики управления. 2020;6:17–29.

References

1. Belousova A.V. Assessment of effects of interindustry interactions in the economy of the Khabarovsk Territory with the use structural balance model. Regionalistika. 2022;2(9):5–25. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.2.5>
2. Gegechkori I.M. Economic sanctions against the Russian Federation and foreign economic security: challenges and threats. Audit Journal. 2022;1:97–100. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1727-8058-2022-1-97-100>
3. Kamilov M.K., Kamilova P.D., Kamilova Z.M., Eminova E.M. The impact of sanctions policies of foreign countries on the agro-industrial complex of Russia. Regional problems of transforming the economy. 2018;9:57–67. (In Russian).
4. Abdikeev N.M., Kiselev A.D. Corporate knowledge management and business reengineering: textbook. Moscow: Infra-M; 2011. 384 p. (In Russian).
5. New diversification in the gas markets. Energy trends. Issue No. 107. Moscow: Analytical Center for the Government of the Russian Federation; 2022. 16 p. (In Russian).
6. Vorobyov S.V., Rabochev G.B. Cooperation between Russia and Iran in the field of security: problems and prospects. Scientific-analytical journal “Observer”. 2021;7(378):61–69. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_7_61 (In Russian).
7. Javadova S.A. Global prospects of economic confrontation between Russia and the West. Discussion. 2022;115(6):29–38. <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-6-115-29-38> (In Russian).
8. Kachanova L.S. Mechanism for ensuring financial and economic security of regions. Competitiveness in the global world: economics, science, technology. 2023;3:38–41. (In Russian).
9. Martynenko T.V., Konopleva V.D. Russian Federation policy in the field of renewable energy: current state, legislative framework and development prospects. State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;1:127–132. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-127-132> (In Russian).
10. Medvedev S.S., Makarov E.I., Parshin N.M. Key challenges and opportunities for diversification of defense industry enterprises. FES: Finance. Economy. Strategy. 2020;7(17):12–18. (In Russian).
11. Perederiy S. Sanctions and certification. LesPromInform. 2022;2(164):90–99. (In Russian).
12. Borikova E.A., Vatlina L.V., Kurbanov A.Kh., Plotnikov V.A. Assessment of the impact of macroeconomic shocks on sustainability in the development of national economy sectors and problems of economic security: monograph. St. Petersburg: Info-da; 2022. 248 p. (In Russian).
13. Matveev V.A., Uyanaev S.V. The hydrocarbon industry of the Russian Federation under sanctions: the possibility of compensation through cooperation with China. China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2022;27:56–70. <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.86.63.028> (In Russian).

14. *Filimonova I.V.* Diversification of directions for the export of hydrocarbons from Russia in the new geopolitical conditions. *Interexpo Geo Siberia*. 2022;4(2):234–240. <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2022-2-4-234-240> (In Russian).
15. *Velikorossov V.V., Korechkov Yu.V., Ezhov A.S.* Innovative startups in an export-oriented economy. *Financial Business*. 2021;8(218):15–19. (In Russian).
16. *Shchegoleva N.G., Malsagov T.G.* State program “Digital economy of the Russian Federation”: problems and directions of implementation. *International Journal of Management Theory and Practice*. 2020;6:17–19. (In Russian).

Потенциал развития промышленного производства в Республике Башкортостан и в соседних регионах

Аслаева Салима Шамилевна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-6958-5391, e-mail: Salima2006A@mail.ru

Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

Аннотация

Социально-экономическое развитие регионов зависит от уровня межрегионального взаимодействия на основе их отраслевой специализации. Цель исследования – определить потенциал развития промышленного производства регионов для дальнейшей активизации межрегионального взаимодействия. Объектом исследования являются виды промышленного производства Республики Башкортостан и соседних регионов. В работе произведена оценка его развития в динамике и в статике по видам деятельности. Определена его специализация с выделением ведущих видов экономической деятельности с использованием коэффициентов локализации и интенсивности локализации. Уровни развития промышленного производства в Российской Федерации и в соседних с Республикой Башкортостан регионах имеют схожие тренды, но при этом в Челябинской и Свердловской областях происходят резкие перепады. В данных субъектах наибольшую долю в обрабатывающих производствах занимает металлургическое производство. Также многие виды деятельности повышенной локализации по обороту организации и численности занятых находятся в зоне низкой эффективной локализации. Меньшим перепадам подвержено промышленное производство в Удмуртской Республике и в Республике Татарстан. В Башкортостане наибольшая доля приходится на добычу кокса и нефтепродуктов. Для укрепления технологического суверенитета необходима активизация межрегионального взаимодействия в промышленном производстве.

Ключевые слова

Промышленность, виды промышленного производства, обрабатывающие производства, специализация, коэффициенты локализации, межрегиональное взаимодействие, Республика Башкортостан

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 г. и на плановый период 2024 г. и 2025 г.

Для цитирования: Аслаева С.Ш. Потенциал развития промышленного производства в Республике Башкортостан и в соседних регионах // Вестник университета. 2024. № 1. С. 50–60.

Potential for industrial production development in the Republic of Bashkortostan and in neighbouring regions

Salima Sh. Aslaeva

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

ORCID: 0000-0001-6958-5391, e-mail: Salima2006A@mail.ru

Institute of Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract

Socio-economic development of regions depends on the level of interaction between them on the basis of their industry specialisation. The purpose of the study is to determine the potential for the industrial production development of the regions for further activation of interregional interaction. Types of industrial production of the Republic of Bashkortostan and its neighbouring regions are the object of the study. The paper assesses its development in dynamics and statics by type of activity. Its specialisation is determined, the leading types of economic activity are identified with the use of localisation coefficients and localisation intensity. The development level of industrial production in the Russian Federation and in the regions near the Republic of Bashkortostan have similar trends, however, sharp fluctuations occur in Chelyabinsk and Sverdlovsk regions. In these subjects, the largest share in manufacturing belongs to metallurgical production. Also many activities that are to be in the zone of increased localisation in terms of the turnover of an organisation and the number of employees are actually in the zone of low effective localisation. Industrial production in the Udmurt Republic and the Republic of Tatarstan is less affected by the fluctuations. In Bashkortostan, the largest share is occupied by extraction of coke and petroleum products. To strengthen technological sovereignty, it is necessary to activate the interaction between regions in industrial production.

Keywords

Industry, industrial production types, manufacturing, specialisation, localisation coefficients, interregional interaction, Republic of Bashkortostan

Acknowledgements. The research was conducted within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 075-01134-23-00 for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025.

For citation: Aslaeva S.Sh. (2024) Potential for industrial production development in the Republic of Bashkortostan and in neighbouring regions. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 50–60.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется задачами социально-экономического развития, которые требуют новой модели реализации государственной промышленной политики, индустриализации и протекционизма. Президент Российской Федерации (далее – РФ) В.В. Путин неоднократно подчеркивал необходимость увеличения объемов инвестиций, обновления рабочих мест, основных фондов в промышленности и обеспечения технологического суверенитета¹. Перспективная модель промышленной политики должна определить оптимальную траекторию перехода к новому состоянию с соответствующими целевыми показателями, обеспечивая структурную сбалансированность, адекватную реакцию на внешние вызовы [1].

Модели формирования и реализации промышленной политики в России в первой половине XIX в. описаны М.В. Арсентьевым [2]. Макроэкономические модели, иллюстрирующие характер технологической модернизации в промышленности, разрабатывались М.В. Афанасьевой [3]. Формированию модели эффективной инновационной деятельности в производстве посвящены работы Н.В. Климовой и Е.В. Хорошильцевой [4]. Комплексная оценка экономической безопасности РФ с учетом анализа эффективности производства представлена в работах С.В. Кайманакова и А.А. Кайгародцева [5].

Одним из приоритетных направлений развития новой промышленной политики является активизация межрегионального взаимодействия, так как оно сокращает территориальные диспропорции в социально-экономическом развитии регионов, укрепляет федеративное устройство страны. С.В. Кузнецов, Н.М. Межевич и С.С. Лачининский обосновали в своих работах необходимость активизации межрегионального сотрудничества [6]. Кроме того, Е.В. Лукин и Т.В. Ускова указывают на то, что уровень социально-экономического развития региона зависит от степени участия в межрегиональном взаимодействии [7]. Ключевыми аспектами межрегионального сотрудничества занимались российские ученые Д.А. Гайнанов и А.Г. Атаева [8], Р.Ф. Гатауллин и С.Ш. Аслаева [9], М.П. Буров [10], М.Ю. Махотеева [11], П.А. Миннакир [12], В.В. Окрепилов [13], А.Г. Шеломенцев и др. [14]. Возможности и перспективы межрегионального сотрудничества в производстве определяются исходя из потенциала промышленности в соседних регионах.

Каждый субъект РФ характеризуется уникальной структурой экономики, которая отражает его специализацию в производстве. Знание о регионе и его ведущих видах деятельности формируется в определенной мере из анализа развития промышленного комплекса [15]. Поэтому необходимо определить уровень специализации промышленности в соседних регионах. Цель исследования заключается в установлении приоритетов структурной трансформации промышленного производства с соседними территориями в современных условиях на примере Республики Башкортостан на основе поиска перспективных видов экономической деятельности.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование развития промышленных производств в Республике Башкортостан и в соседних регионах выполняется с помощью системного подхода. В связи с этим в ходе исследования применяются общенаучные методы, такие как анализ, моделирование, синтез, сравнение и др. Оценка фактического материала выполняется с помощью статистических и экономико-математических методов. Информационной базой исследования является электронная система Федеральной службы государственной статистики.

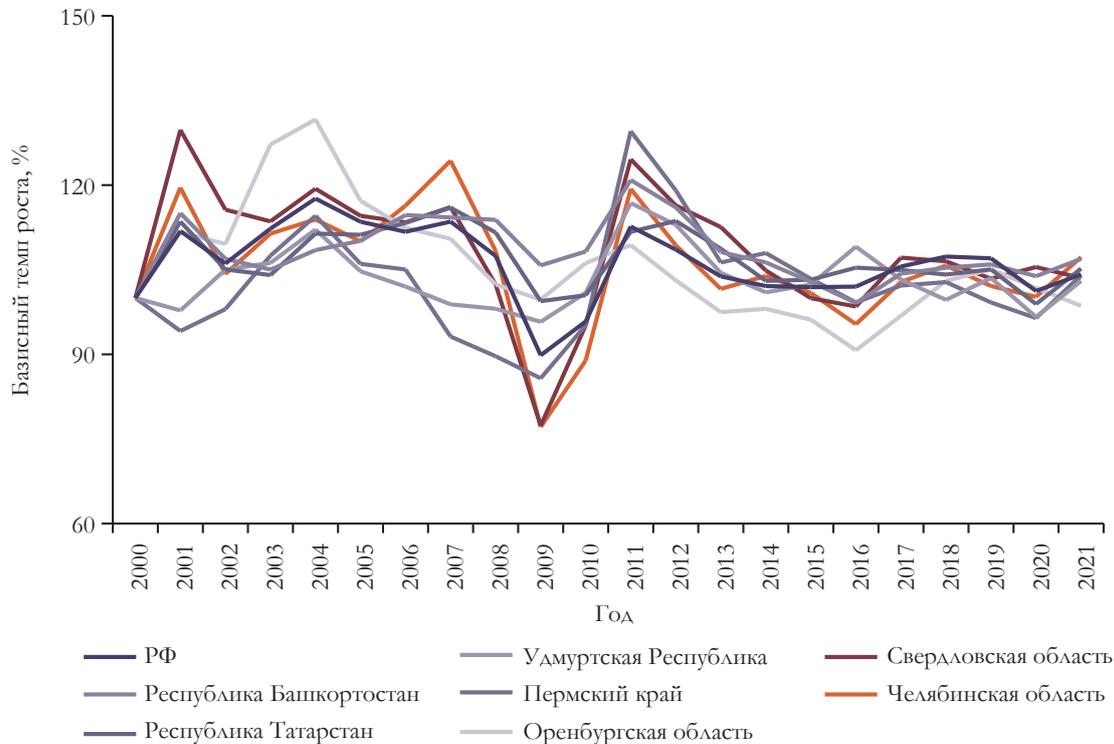
Для определения перспективы развития межрегионального взаимодействия в промышленном секторе Республики Башкортостан и соседних регионов вначале анализируется динамика развития в исследуемых регионах с помощью базисных темпов роста. Далее рассматривается структура промышленного производства регионов. На основе структуры видов промышленного производства, их динамики, специализации оцениваются перспективы межрегионального взаимодействия. Специализация субъектов России определяется ведущими видами промышленного производства (объем произведенной продукции – не ниже среднего в РФ, а коэффициенты локализации – больше 1) [16]. Принадлежность видов деятельности к зонам повышенной локализации по обороту организации и численности занятых находится сравнением коэффициентов локализации соответствующего показателя с единицей. Коэффициенты вычисляются делением удельного веса вида промышленного производства в регионе на соответствующий показатель по стране [17]. Вид деятельности, находящийся в зоне эффективной локализации,

¹ Президент России. Послание Президента Федеральному Собранию. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 25.10.2023).

определяется коэффициентами интенсивности локализации – отношением коэффициента локализации оборота к численности занятых по видам промышленного производства.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Промышленное производство выполняет ведущую роль в экономике Республики Башкортостан. В 2018–2022 гг. в объеме отгруженной продукции собственного производства доля промышленности сохранялась на уровне 70 % в регионе. Рассмотрим динамику промышленности с 2000 г. (рис. 1).

Источник²

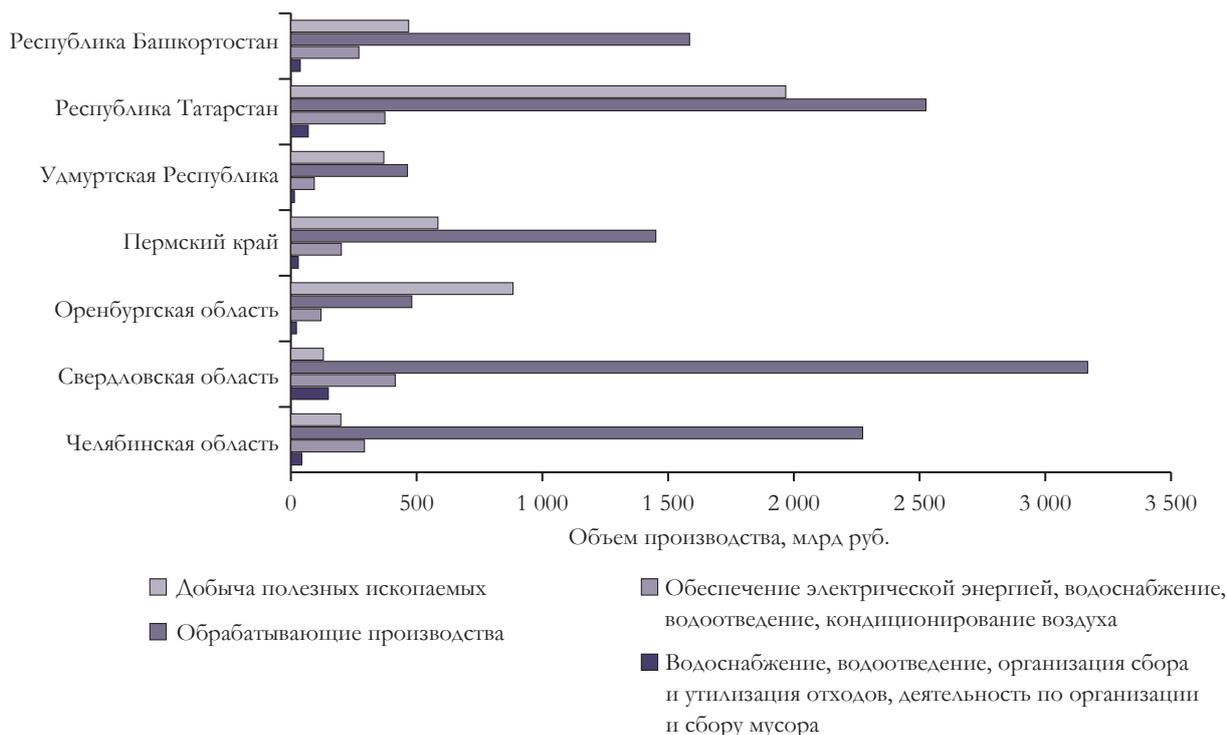
Рис. 1. Базисные темпы роста промышленного производства в РФ и в соседних с Республикой Башкортостан регионах

Развитие промышленного производства в РФ и в соседних с Республикой Башкортостан регионах имеет схожие тренды. После кризисных 90-х гг. в 2000 г. начался рост производства, прежде всего в Свердловской и Челябинской областях, с опозданием – в Оренбургской области. В следующий кризисный период в 2008 г. резкий спад также произошел в Челябинской и Свердловской областях. Восстановление дореформенного уровня по стране удалось достигнуть к 2021 г. В Республике Башкортостан это произошло гораздо раньше. На протяжении рассматриваемого периода меньше всего перепадам было подвержено промышленное производство в Удмуртской Республике и Татарстане. Рассмотрим структуру производства по видам промышленного производства (рис. 2).

Наименьший объем в промышленности во всех соседних регионах занимает деятельность по водоснабжению, водоотведению, утилизации отходов. Наибольший объем принадлежит обрабатывающим производствам, лидерами в которых являются Свердловская и Челябинская области, Республика Татарстан. Также в Татарстане больше всего развита деятельность по добыче полезных ископаемых.

Рассмотрим регионы по видам обрабатывающих производств. В Башкортостане наибольшая доля приходится на производство кокса и нефтепродуктов (18 % в объеме промышленного производства), в Татарстане и в Пермском крае – на производство химических веществ, что составляет 7 % и 18 % от объема промышленного производства соответственно. В Удмуртской Республике – на производство готовых металлических изделий (8 %). В оставшихся соседних регионах большую долю в структуре занимает металлургическое производство: в Оренбургской области – 8 %, в Свердловской – 11 %, в Челябинской – 25 %.

²ЕМИСС. Государственная статистика. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 26.10.2023).

Источник³

Рис. 2. Структура промышленного производства в соседних с Башкортостаном регионах в 2022 г.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ ПО ВИДАМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Определим специализацию регионов по видам промышленного производства по удельному весу производства и коэффициентам локализации оборота организаций, численности занятых и интенсивности локализации с 2017 г. Представим коэффициенты локализации оборота организаций (LQ^V), численности занятых (LQ^E), интенсивности локализации (LQ) по видам промышленного производства в Башкортостане и в соседних регионах, находящихся в тройке лидеров по объему обрабатывающих производств (табл. 1).

На основе рассчитанных коэффициентов определяем ведущие виды деятельности в промышленном производстве в рассматриваемых регионах, находящиеся в зоне эффективной локализации ($LQ > 1$). В Башкортостане это виды деятельности обрабатывающих производств: производства лекарственных препаратов, химических веществ, пр. транспортных средств, одежды, неметаллической минеральной продукции, машин, не включенных в др. группы. Объем производства напитков и обработки древесины в республике составляет меньше 1 % от промышленного производства, в этих видах деятельности недостаточно локализована рабочая сила.

В Татарстане это добыча полезных ископаемых и виды следующих обрабатывающих производств: производства химических веществ, резиновых и пластмассовых изделий, машин и оборудования, не включенных в др. группы. Производство пищевых продуктов, водоснабжение и деятельность полиграфическая характеризуются недостаточной локализацией трудовых ресурсов.

Ведущие виды деятельности, находящиеся в зоне эффективной локализации в Свердловской области: водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов и некоторые виды обрабатывающих производств (производства неметаллической минеральной продукции, пр. готовых изделий, монтаж машин и оборудования).

В Челябинской области ведущими видами деятельности являются водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов и следующие виды обрабатывающих производств: производства изделий из кожи, пр. неметаллической минеральной продукции, металлургическое производство. При этом многие виды деятельности повышенной локализации по обороту организаций и численности занятых Свердловской и Челябинской областей находятся в зоне низкой эффективной локализации. В Свердловской области – металлургическое производство, производство готовых металлических изделий.

³ ЕМИСС. Государственная статистика. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 26.10.2023).

В Челябинской области – производства металлических изделий, исключая машины и оборудование, электрического оборудования, производства машин и оборудования, не включенных в др. группы, автотранспортных средств, прицепов (табл. 1).

Таблица 1

**Коэффициенты локализации по видам промышленного производства
в Республике Башкортостан и в соседних регионах
с наибольшим объемом обрабатывающих производств в 2021 г.**

ВЭД	Республика Башкортостан			Республика Татарстан			Свердловская область			Челябинская область		
	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ
Добыча полезных ископаемых	0,88	1,36	0,65	2,12	1,35	1,57	0,21	0,85	0,25	0,24	0,72	0,33
Обрабатывающие производства:	1,58	1,05	1,50	1,16	1,21	0,96	1,35	1,43	0,94	1,77	1,56	1,13
пищевых продуктов;	0,85	0,90	0,94	1,10	0,96	1,15	0,38	0,62	0,61	0,81	1,06	0,76
напитков;	1,23	0,95	1,29	0,85	0,81	1,05	1,44	0,64	2,25	0,25	0,66	0,38
текстильных изделий;	2,11	0,80	2,64	0,39	0,52	0,75	0,33	0,58	0,57	0,57	0,86	0,66
одежды;	1,51	1,01	1,50	0,45	0,83	0,54	0,26	0,68	0,38	0,36	0,76	0,47
кожи и изделий из нее;	0,51	0,78	0,65	0,39	0,88	0,44	0,64	0,60	1,07	2,23	1,45	1,54
обработка древесины и изделия из дерева;	1,83	0,70	2,61	0,91	0,88	1,03	0,72	1,05	0,69	0,26	0,96	0,27
бумажных изделий;	0,50	0,51	0,98	0,85	1,00	0,85	0,21	0,71	0,30	0,28	0,51	0,55
деятельность полиграфическая;	0,39	0,74	0,53	2,49	0,82	3,04	0,47	0,68	0,69	0,37	1,08	0,34
кокса и нефтепродуктов;	3,27	5,31	0,62	0,72	1,88	0,38	0,00	0,02	0,00	0,17	0,33	0,52
химических веществ и продуктов;	2,28	2,23	1,02	3,14	2,82	1,11	0,54	1,34	0,40	0,47	1,37	0,34
лекарственных средств и материалов;	3,24	1,20	2,70	0,17	0,50	0,34	0,20	0,81	0,25	0,48	0,40	1,20
резиновых и пластмассовых изделий;	0,83	1,23	0,67	1,92	1,85	1,04	0,81	0,96	0,84	0,53	1,03	0,51
пр. неметаллической минеральной продукции;	1,69	1,17	1,44	0,96	0,89	1,08	1,80	1,65	1,09	3,07	2,09	1,47
металлургическое;	0,26	0,51	0,51	0,17	0,37	0,46	5,01	6,39	0,78	6,80	5,02	1,35
готовых металлических изделий;	0,55	0,65	0,85	1,32	1,63	0,81	1,82	1,85	0,98	1,94	2,08	0,93
компьютеров, электронных изделий;	0,45	0,54	0,83	0,86	0,97	0,89	0,99	1,59	0,62	0,67	0,98	0,68
электрического оборудования;	0,69	0,54	1,28	1,29	1,34	0,96	1,22	1,40	0,87	0,79	1,12	0,71
машин и оборудования, не включенных в др. группы;	1,50	1,21	1,24	1,14	1,10	1,04	1,09	1,29	0,84	2,13	2,62	0,81
автотранспортных средств и прицепов;	0,76	1,10	0,69	4,73	4,00	1,18	0,14	0,19	0,74	1,44	1,77	0,81
пр. транспортного оборудования;	2,69	1,92	1,40	0,62	0,75	0,83	1,76	2,15	0,82	0,39	0,87	0,45
мебели;	0,86	0,96	0,90	0,33	0,78	0,42	0,52	0,92	0,57	0,89	1,56	0,57
пр. готовых изделий;	0,74	0,67	1,10	0,85	0,78	1,09	1,65	1,01	1,63	0,40	0,89	0,45

ВЭД	Республика Башкортостан			Республика Татарстан			Свердловская область			Челябинская область		
	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ
ремонт и монтаж оборудования	1,14	0,86	1,33	0,65	1,03	0,63	1,74	1,49	1,17	1,43	1,90	0,75
Обеспечение электричеством, газом, кондиционирование	1,44	1,04	1,38	0,99	0,99	1,00	1,03	1,08	0,95	1,34	0,89	1,51
Водоснабжение, сбор и утилизация отходов	1,31	0,99	1,32	1,16	0,98	1,18	2,63	1,02	2,58	1,44	1,02	1,41

Примечание: ВЭД – внешнеэкономическая деятельность

Источник⁴

Показатели численности занятых по видам экономической деятельности выложены в открытом доступе только до 2021 г. включительно, показатели по обороту организаций – до 2022 г. Поэтому коэффициенты локализации в табл. 1 и в табл. 2 представлены за 2021 г. Аналогичным образом определим ведущие виды промышленного производства в остальных соседних регионах с 2017 г., представим коэффициенты локализации по обороту и занятому населению в 2021 г. в табл. 2.

Таблица 2

Коэффициенты локализации в соседних регионах Республики Башкортостан с наименьшим объемом обрабатывающих производств в 2021 г.

ВЭД	Удмуртская Республика			Пермский край			Оренбургская область		
	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ
Добыча полезных ископаемых	2,85	1,11	2,57	1,42	0,91	1,56	3,92	2,91	1,35
Обрабатывающие производства:	1,17	1,47	0,80	1,27	1,41	0,90	0,72	0,87	0,83
пищевых продуктов;	1,66	0,88	1,89	0,68	0,84	0,81	0,72	0,96	0,75
напитков;	1,10	1,49	0,74	0,48	0,60	0,80	0,24	0,56	0,43
текстильных изделий;	0,38	0,74	0,51	1,48	0,80	1,85	0,08	0,53	0,15
одежды;	0,82	0,98	0,84	1,37	0,81	1,69	0,21	1,14	0,18
кожи и изделий из нее;	0,87	0,88	0,99	0,06	0,37	0,16	0,26	0,75	0,35
обработка древесины и изделия из дерева;	3,10	1,69	1,83	1,45	1,75	0,83	0,08	0,35	0,23
бумажных изделий;	0,82	0,44	1,86	2,77	2,65	1,05	0,00	0,13	0,00
деятельность полиграфическая;	0,39	0,68	0,57	4,49	1,08	4,16	0,14	0,64	0,22
кокса и нефтепродуктов;	–	–	–	0,47	1,73	0,27	0,72	4,10	0,18
химических веществ и продуктов;	0,28	0,36	0,78	7,30	5,12	1,43	0,40	0,58	0,69
лекарственных средств и материалов;	0,05	0,18	0,28	0,22	0,77	0,29	0,00	0,07	0,00
резиновых и пластмассовых изделий;	0,94	0,88	1,07	1,07	0,92	1,16	0,43	0,68	0,63
пр. неметаллической минеральной продукции;	0,88	0,86	1,02	0,54	1,01	0,53	1,21	1,06	1,14
металлургическое;	0,88	1,39	0,63	0,43	1,19	0,36	1,63	1,71	0,95
готовых металлических изделий;	5,55	4,36	1,27	0,86	1,56	0,55	1,17	1,51	0,77
компьютеров, электронных и оптических изделий;	6,24	4,99	1,25	0,54	0,68	0,79	0,00	0,03	0,00
электрического оборудования;	1,65	2,02	0,82	2,61	1,74	1,50	0,21	0,93	0,23

⁴ ЕМИСС. Государственная статистика. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 26.10.2023).

ВЭД	Удмуртская Республика			Пермский край			Оренбургская область		
	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ	LQ ^V	LQ ^E	LIQ
машин и оборудования, не включенных в др. группы;	2,41	1,52	1,59	2,05	2,10	0,98	0,52	0,91	0,57
автотранспортных средств и прицепов;	0,98	1,33	0,74	0,24	0,61	0,39	0,13	0,27	0,48
пр. транспортного оборудования;	0,15	0,17	0,88	1,28	2,01	0,64	0,18	0,51	0,35
мебели;	3,40	1,52	2,24	0,83	0,36	2,31	0,08	0,65	0,12
пр. готовых изделий;	0,41	0,78	0,53	1,49	1,77	0,84	0,41	0,69	0,59
ремонт и монтаж оборудования	0,87	0,66	1,32	2,55	1,79	1,42	0,71	0,64	1,11
Обеспечение электричеством, газом, кондиционирование	1,55	0,92	1,68	1,19	1,03	1,16	1,06	1,18	0,90
Водоснабжение, сбор и утилизация отходов	1,48	1,08	1,37	1,61	0,90	1,79	1,87	1,05	1,78

Источник⁵

В Удмуртии ведущими видами деятельности в промышленном производстве, находящимися в зоне эффективной локализации, являются добыча полезных ископаемых, водоснабжение, утилизация отходов, обрабатывающие производства (производства изделий из дерева, готовых металлических изделий, компьютеров и электронных изделий, машин и оборудования, не включенных в др. группы, мебели); в Пермском крае – обеспечение электричеством, газом, кондиционирование, обрабатывающие производства (производства бумажных изделий, химических веществ, электрооборудования, деятельность полиграфическая, монтаж машин и оборудования); в Оренбургской области – добыча полезных ископаемых, водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов, производство неметаллической минеральной продукции.

Определим ведущие виды деятельности в промышленном производстве в рассматриваемых регионах, находящиеся в зоне эффективной локализации.

В Башкортостане это следующие виды деятельности обрабатывающих производств: производства лекарственных препаратов, химических веществ, пр. транспортных средств, одежды, неметаллической минеральной продукции, машин, не включенных в др. группы. В деятельности по производству напитков недостаточно локализована рабочая сила.

В Татарстане это добыча полезных ископаемых и следующие виды обрабатывающих производств: производства химических веществ, резиновых и пластмассовых изделий, машин и оборудования, не включенных в др. группы.

В Удмуртии это добыча полезных ископаемых, водоснабжение, утилизация отходов, производства изделий из дерева, готовых металлических изделий, компьютеров и электронных изделий, мебели.

В Пермском крае – обеспечение электричеством, газом, кондиционирование и производства бумажных изделий, химических веществ, электрооборудования, деятельность полиграфическая, монтаж машин и оборудования.

В Оренбургской области – добыча полезных ископаемых, водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов, производство неметаллической минеральной продукции.

В Свердловской области – водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов, а также следующие виды обрабатывающих производств: производства неметаллической минеральной продукции, пр. готовых изделий, монтаж машин и оборудования.

В Челябинской области это водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов, производства изделий из кожи, прочей неметаллической минеральной продукции, металлургическое производство.

При этом многие виды деятельности повышенной локализации в Свердловской и Челябинской областях находятся в зоне низкой эффективной локализации. Так, в Свердловской области это водоснабжение, обеспечение электроэнергией, металлургическое производство, производства готовых металлических изделий, прочего транспортного оборудования. В Челябинской области – производства

⁵ ЕМИСС. Государственная статистика. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 26.10.2023).

металлических изделий, исключая машины и оборудование, электрического оборудования, машин и оборудования, не включенных в др. группы, автотранспортных средств, прицепов.

За счет межрегионального взаимодействия в соседних регионах возможно организовать трудовую миграцию для видов деятельности с низкой локализацией трудовых ресурсов. К примеру, низкая локализация численности занятых наблюдается в Башкирии и Свердловской области в деятельности по производству напитков (произошло небольшое сокращение в последние годы), в Татарстане – в полиграфической деятельности, в Удмуртии – в производстве пищевой продукции, в Пермском крае – в деятельности по водоотведению и обеспечению электроэнергией, газом, водой, в производстве пр. минеральной продукции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование было посвящено анализу соотношения развития промышленного производства в Республике Башкортостан и в соседних регионах. Была определена специализация по видам обрабатывающих производств.

Промышленность в рассматриваемых территориальных образованиях является одним из основных секторов региональной экономики, который определяет экономическое положение и выполняет важную роль в региональном бюджете. В процессе развития в хозяйственных системах, в том числе и в промышленности, произошли существенные изменения, вследствие чего наступило изменение специализации в регионах. Для каждого рассматриваемого региона определены центральные виды промышленного производства.

Добыча полезных ископаемых является ведущей деятельностью в Республике Татарстан, Удмуртской и Оренбургской областях. В Пермском крае по данному виду деятельности наблюдается недостаток локализации численности занятых. Обрабатывающие производства выступают ведущим видом деятельности в Башкортостане, Удмуртии, Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях. В Татарстане наблюдается низкая эффективность локализации, также в последние годы в зону неэффективной интенсивности локализации вошли Удмуртская Республика, Пермский край, Свердловская область. Деятельность по обеспечению электрической энергией, газом и паром являлась ведущей для Оренбургской и Свердловской областей, но они перешли в зону низкой эффективности локализации. Данный вид деятельности стал ведущим для Республики Башкортостан, Пермского края, Челябинской области. Водоснабжение и водоотведение – ведущий вид деятельности для Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей, а в последний год и для Удмуртии и Татарстана. Пермский край имеет недостаток локализации численности занятых. Развитие промышленности в соседних регионах со схожими ведущими видами деятельности имеет одинаковый тренд.

В современных условиях развития экономики для того, чтобы укрепить технологический суверенитет, необходимо активизировать межрегиональное взаимодействие в промышленном производстве на основе выделенных ведущих видов деятельности с определением пространственной локализации производств, либо с выделением кластеров исходя из имеющихся ведущих отраслей производств на территории в соседних регионах. Эффективное развитие видов промышленности способно обеспечить импортозамещение, высокий уровень конкурентоспособности и устойчивое социально-экономическое развитие регионов. Исследование динамики и потенциала развития видов экономической деятельности регионов, процессов концентрации их деятельности и ресурсов позволят более эффективно разрабатывать стратегии развития регионов и межрегионального развития, принимать управленческие решения, целенаправленно проводить региональную политику.

Список литературы

1. *Майтуров Д.В.* О промышленной политике России на перспективу 2018–2030 гг. Вестник МГИМО-Университета. 2018;4(61):7–22. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-7-22>
2. *Арсентьев М.В.* Россия на пути к индустриализации: модели промышленного развития в первой половине XIX века. В кн.: Индустриальное наследие: сборник материалов Международной научной конференции, Саранск, 23–25 июня 2005 г. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; 2005. С. 344–356.
3. *Афанасьева М.В.* Двухэтапная модель макроэкономического развития. Проблемы экономики. 2009;4.
4. *Климова Н.В., Хорошильцева Е.В.* Модели инновационного развития промышленности: отечественный и зарубежный опыт. Полнматический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014;103:961–972.

5. *Кайгородцев А.А., Кайманаков С.В.* Экономическая безопасность России: теория, виды, обеспечение: монография. М. МАКС Пресс; 2018. 276 с.
6. *Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Лачининский С.С.* Пространственные возможности и ограничения модернизации российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона. Экономика региона. 2015;3:25–38. <https://doi.org/10.17059/2015-3-3>
7. *Лукин Е.В., Ускова Т.В.* Межрегиональное экономическое сотрудничество. Состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН; 2016. 148 с.
8. *Гайнанов Д.А., Атаева А.Г.* Перспективы формирования межрегиональных агломераций как направления реализации фронтальной стратегии России (на примере Республики Башкортостан и Челябинской области). Проблемы развития территории. 2021;6(25):100–117. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.6.116.6>
9. *Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш.* Определение перспективы активизации межрегиональных экономических взаимодействий в современных условиях. Вестник университета. 2022;8:86–93. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-8-86-93>
10. *Буров М.П.* Государственное регулирование национальной экономики: современные парадигмы и механизмы развития российских регионов: монография. М.: Дашков и К; 2020. 343 с.
11. *Николаев Н., Махотеева М.* Выбор стратегии регионального экономического развития. Экономист. 2000;10:3–9.
12. *Минакир П.А.* Стратегии для России и в России. Пространственная экономика. 2021;1(17):7–17. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.007-017>
13. *Окрепилов В.В.* Пространственное развитие и качество: монография. СПб.: Наука; 2011. 293 с.
14. *Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Трушкова Е.А., Шихвердиев А.П.* Стратегии-2030: подходы к разработке в регионах России. Ars Administrandi (Искусство управления). 2017;9(4):570–592. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-4-570-592>
15. *Аносова С.В.* Специализация промышленности Еврейской автономной области в период рыночных преобразований. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014;4:319–324.
16. *Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш.* Локализация и эффективность видов экономической деятельности в Республике Башкортостан. Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019;47:67–79. <https://doi.org/10.17223/19988648/47/5>
17. *Головин В.А.* Идентификация и оценка развития региональных экономических кластеров. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022;5:47–65. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_47_65

References

1. *Manturov D.V.* On the industrial policy of Russia for 2018–2030. MGIMO Review of International Relations. 2018;4(61):7–22. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-7-22>
2. *Arsentev M.V.* Russia on the way to industrialisation: models of industrial development in the first half of the 19th century. In: Industrial heritage: Proceedings of the International Scientific Conference, Saransk, June 23–25, 2005. Saransk: Ogarev Mordovia State University; 2005. Pp. 344–356. (In Russian).
3. *Afanaseva M.V.* Two-stage model of macroeconomic development. Problemy ekonomiki. 2009;4. (In Russian).
4. *Klimova N.V., Horosbiltseva E.V.* Innovative development model industry: domestic and foreign experience. Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University. 2014;103:961–972. (In Russian).
5. *Kaygorodtsev A.A., Kaymanakov S.V.* Economic security of Russia: theory, types, provision: monograph. Moscow: Max Press; 2018. 276 p. (In Russian).
6. *Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Lachininskii S.S.* The spatial recourses and limitations of the Russian economy modernization: the example of the North-West macro region. Economy of region. 2015;3:25–38. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2015-3-3>
7. *Lukin E.V., Uskova T.V.* Interregional economic cooperation. State, problems, prospects: monograph. Vologda: ISEDT RAS; 2016. 202 p. (In Russian).
8. *Gainanov D.A., Ataeva A.G.* Prospects for the formation of interregional agglomerations as a direction to implement the frontal strategy of Russia (the case of the Republic of Bashkortostan and the Chelyabinsk oblast). Problems of Territory's Development. 2021;6(25):100–117. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.6.116.6>
9. *Gataullin R.F., Aslaeva S.Sh.* Determining the prospect for activation of interregional economic interactions in modern conditions. Vestnik universiteta. 2022;8:86–93. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-8-86-93>
10. *Burov M.P.* State regulation of the national economy: modern paradigms and mechanisms of the Russian regions development: monograph. Moscow: Dashkov i K; 2020. 343 p. (In Russian).
11. *Nikolaev N., Makhoteeva M.* Choosing a strategy for regional economic development. Economist. 2000;10:3–9. (In Russian).

12. *Minakir P.A.* Strategies for Russia and Russia. *Spatial Economics*. 2021;1(17):7–17. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.007-017>
13. *Okrepilov V.V.* Spatial development and quality: monograph. St. Petersburg: Nauka; 2011. 293 p. (In Russian).
14. *Shelomentsev A.G., Doroshenko S.V., Trushkova E.A., Shikhverdiev A.P.* Strategies-2030: approaches to development in the Russian regions. *Ars Administrandi (The Art of Governance)*. 2017;9(4):570–592. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-4-570-592>
15. *Anosova S.V.* Specialisation of the industry in the Jewish Autonomous Region during market transformations. *Humanities, social-economic and social sciences*. 2014;4:319–324. (In Russian).
16. *Gaynanov D.A., Gataullin R.F., Aslaeva S.Sb.* Localization and efficiency of economic activities in the Republic of Bashkortostan. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2019;47:67–79. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/19988648/47/5>
17. *Golovin V.A.* Identification and evaluation of the development of regional economic clusters. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022;5:47–65. (In Russian). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_47_65

Особенности государственной поддержки промышленных предприятий в условиях санкционного давления

Грабовский Ярослав Александрович

Исполнительный директор

ORCID: 0000-0002-1696-7553, e-mail: yar_grab@mail.ru

Публичное Акционерное Общество «Газпромбанк», г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются проблемы современного положения и развития российских промышленных предприятий в условиях санкций, которые были введены против России в 2014 г. и существенно усилены в 2022 г. Предметом изучения являются особенности поддержки промышленности страны со стороны государства: проводимая им политика поддержки, субсидирование, отраслевые приоритеты, а также определение первоочередных направлений этой помощи. Данная статья посвящена вопросам совершенствования государственной политики исходя из условий введенных ограничений. Исследуется также деятельность основных промышленных предприятий Российской Федерации, находящихся под санкционным давлением, снижение показателей их деятельности. Цель работы – изучение мер и принципов государственной поддержки промышленных компаний в период ограничений. Методология исследования включает в себя анализ статистических данных по объемам производства предприятий промышленности за последние три года, сравнение показателей, изучение различных источников, статей, монографий по государственной поддержке в течение санкционных ограничений. Полученными результатами служат обобщающие выводы о том, что в данный непростой период большое значение имеет эффективная государственная политика, направленная на прямую помощь ключевым предприятиям страны.

Ключевые слова

Санкции, ограничения, кризис, политика государственной поддержки, меры поддержки, промышленные предприятия, обрабатывающие производства

Для цитирования: Грабовский Я.А. Особенности государственной поддержки промышленных предприятий в условиях санкционного давления // Вестник университета. 2024. № 1. С. 61–71.

Features of state support of industrial enterprises under sanctions pressure

Yaroslav A. Grabovsky

Executive Director

ORCID: 0000-0002-1696-7553, e-mail: yar_grab@mail.ru

Public Joint-Stock Company "Gazprombank", Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the problems of the current situation and development of the Russian industrial enterprises in the context of sanctions that were imposed against Russia in 2014 and significantly increased in 2022. The subject of study is the peculiarities of state support of the country's industry: the conducted support policy, funding, sectoral priorities, and determination of the most important directions of this assistance. The article is devoted to issues of improving state policy based on the introduced restrictions. The author also considers the activities of the main industrial enterprises of the Russian Federation placed under sanctions and a decrease in their performance indicators. The purpose of the work is to study measures and principles of state support of industrial companies during the period of sanctions pressure. The research methodology includes the analysis of statistical data on the volume of industrial enterprises production over the past three years, comparison of indicators, as well as the study of various sources, articles, monographs on state support during the period of sanctions. The results obtained are generalising conclusions that during this complicated period competent state policy aimed at direct assistance to key enterprises in the country is of great importance.

Keywords

Sanctions, restrictions, crisis, government support policy, support measures, industrial enterprises, manufacturing

For citation: Grabovsky Ya.A. (2024) Features of state support of industrial enterprises under sanctions pressure. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 61–71.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы данной статьи обуславливается тем, что I квартал 2022 г. стал неожиданным началом тяжелой операции на Украине, и это послужило в итоге причиной введения санкций против Российской Федерации (далее – РФ) со стороны ряда государств. Кроме того, пандемия коронавируса внесла свои серьезные коррективы в развитие экономики страны за последние три года. Эти обстоятельства негативным образом отразились на деятельности большинства промышленных предприятий. Так, введенные в марте 2022 г. санкции ударили как по крупнейшим производственным предприятиям, так и по частному бизнесу. Российские предприниматели понесли огромнейшие убытки по причине закрытия поставок из-за рубежа целого ряда товаров.

Наступивший геополитический кризис в конце концов коснулся всех сфер деятельности. Со стороны иностранных партнеров были закрыты поставки продукции из России, а также ряд стран прекратил поставлять и нефть. Возникшая в экономике кризисная ситуация привела к высокой инфляции, цены на товары сильно повысились, покупательская способность упала. Все это серьезным образом отразилось и на текущем положении промышленного производства [1].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Для мировой политической практики применение различных санкций – уже далеко не новое или необычное явление и даже не событие. Правильнее сказать, что сейчас это один из самых действенных рычагов, которыми владеют наиболее влиятельные государства. С помощью санкций принято усиливать эффект демонстрации силы и власти с целью усиления влияния государства во внешней политике и скорейшего разрешения конфликта [2].

Ученые, исследователи, в частности экономисты, рассматривают санкции в своей деятельности с разных точек зрения. Анализу подвергается функциональная составляющая, цели и задачи в разрезе оказываемого влияния на развитие страны в экономической и социальной сферах. С этим понятием нередко связывают также такие термины, как «торговая война» и «экономическая война». С точки зрения историков и юристов, санкции по своей сути – это меры, принимаемые с целью обеспечения соблюдения законов.

Сейчас в центре дискуссий зачастую оказываются вопросы применения санкций на уровне международных отношений. Стоит отметить, что это происходит не просто так, ведь подобная тема весьма интересна и многогранна, в первую очередь потому, что международные нормы и правила очень часто меняются, и в таком случае невозможно обойтись без глубокого исследования каждого нового положения, его анализа и проработки.

Наибольшую актуальность сейчас приобретают экономические санкции, направленные против России и проявляющиеся в ограничениях, касающихся экспорта и импорта многих товаров, а также крупных финансовых операций, трансграничных расчетов и инвестиций. Только за последние несколько лет через решения Организации Объединенных Наций международным сообществом были наглядно продемонстрированы самые разнообразные санкционные механизмы. Например, еще в 2014 г. был ограничен доступ к финансовым рынкам Евросоюза и Соединенных Штатов Америки, что не могло не отразиться на работе крупных промышленных, энергетических и оборонных предприятий [3].

Учитывая сложные экономические и геополитические обстоятельства, важно уметь разработать государственную экономическую политику, которая будет эффективна в отношении промышленности как главного звена экономики страны. Настолько сложные условия могут усугубить любые принятые меры, и поддержка со стороны государства особенно важна.

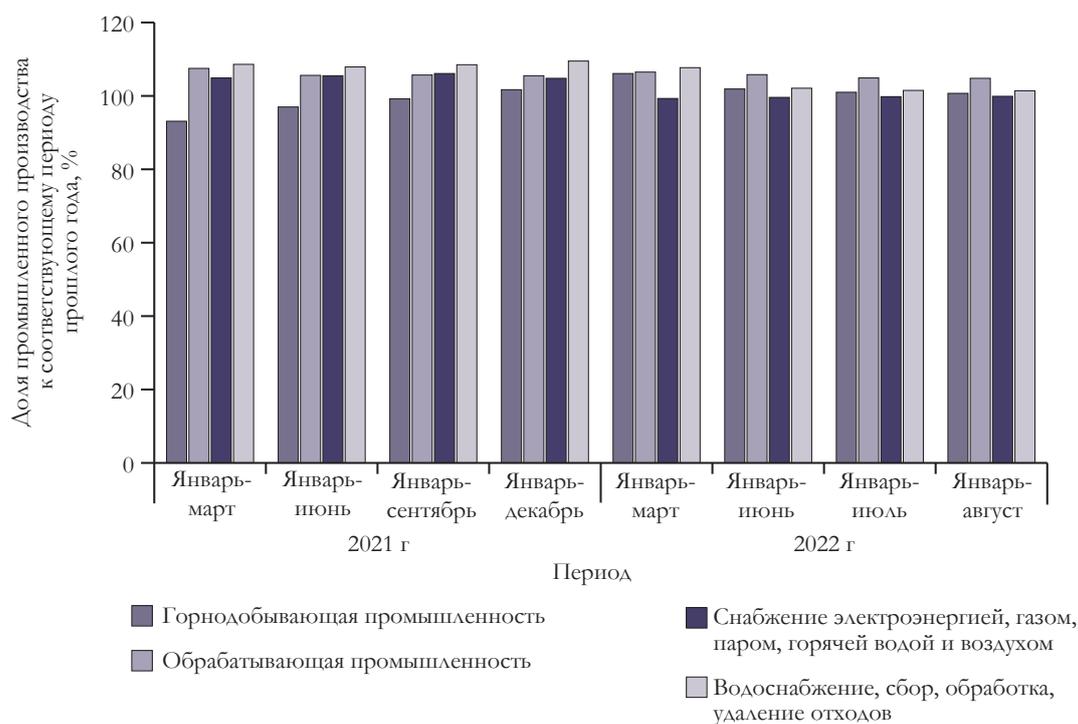
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя современные методы государства по поддержке российской обрабатывающей промышленности, можно сказать, что то, насколько этот механизм проработан, не совпадает по глубине и сложности с рассматриваемым объектом воздействия. Если говорить конкретнее, то основной проблемой выступает неэффективность российской системы государственной поддержки обрабатывающей промышленности. В первую очередь эта неэффективность возникает по причине значительного сдвига характера принимаемых мер в сторону финансово-кредитной направленности вопроса и оставленных без внимания организационно-управленческих моментов. Между тем именно они наиболее тесно связаны со сложными

производственно-технологическими системами. Если вновь обратить внимание на то, насколько актуальна эта теория по отношению к теме данной статьи, то можно начать представлять взаимосвязь между совокупностью мер государственной поддержки (субъект управления) и промышленностью (объект управления). Динамическое развитие промышленности и его показатели стоит анализировать уже на начальном этапе [4].

К примеру, если рассматривать показатели промышленности в первой половине 2022 г., можно заметить, что их индексы выглядят следующим образом:

- в первом полугодии 2022 г. по сравнению с первым полугодием предыдущего года индекс составил 102,0 %,
- в июне 2022 г. по сравнению с июнем 2021 г. индекс составил 98,2 %, по сравнению с маем 2022 г. – 102,0 % (см. рис.).

Составлено автором по материалам источника [5]

Рисунок. Индекс промышленного производства

Далее в табл. 1 можно увидеть индексы промышленного производства по месяцам.

Таблица 1

Индексы промышленного производства

Период	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду		В % к среднемесячному значению 2019 г.	
		Фактически	За исключением сезонного и календарного факторов	Фактически	За исключением сезонного и календарного факторов
2021 г.					
Январь	98,2	78,7	98,1	93,0	98,9
Февраль	97,3	99,5	101,1	92,5	100,0
Март	102,8	113,6	102,1	105,1	102,1
I квартал	99,5	89,7	–	–	–
Апрель	108,8	96,2	102,5	101,1	104,6
Май	112,9	97,7	100,1	98,8	104,7
Июнь	111,3	102,1	99,9	100,9	104,7
II квартал	110,9	103,4	–	–	–

Окончание табл. 1

Период	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду		В % к среднемесячному значению 2019 г.	
		Фактически	За исключением сезонного и календарного факторов	Фактически	За исключением сезонного и календарного факторов
I полугодие	105,0	–	–	–	–
Июль	107,7	99,9	99,0	100,8	103,6
Август	105,4	101,3	99,6	102,1	103,2
Сентябрь	107,8	103,6	102,0	105,8	105,2
III квартал	107,0	102,6	–	–	–
Январь-сентябрь	105,7	–	–	–	–
Октябрь	108,2	104,8	100,4	110,8	105,6
Ноябрь	107,8	100,8	100,2	111,7	105,8
Декабрь	107,5	113,8	102,0	127,1	107,9
IV квартал	107,9	113,3	–	–	–
Год	106,3	–	–	–	–
2022 г.					
Январь	108,0	79,0	98,3	100,4	106,1
Февраль	105,5	97,2	99,4	97,6	105,5
Март	102,3	110,1	99,1	107,5	104,5
I квартал	105,1	87,4	–	–	–
Апрель	97,3	91,4	98,0	98,2	102,4
Май	97,5	97,9	99,9	96,2	102,3
Июнь	97,5	102,1	100,0	98,2	102,4
II квартал	97,4	95,8	–	–	–
I полугодие	101,2	–	–	–	–
Июль	99,5	101,9	101,3	100,1	103,7
Август	100,0	101,9	99,2	102,0	102,8
Сентябрь	96,9	100,4	99,5	102,4	102,3
III квартал	98,8	104,1	–	–	–
Январь-сентябрь	100,4	–	–	–	–
Октябрь	97,4	105,3	100,7	107,8	103,0
Ноябрь	98,2	101,6	100,8	109,5	103,8
Декабрь	95,7	110,9	100,1	121,5	103,8
IV квартал	97,0	111,3	–	–	–
Год	99,4	–	–	–	–

Составлено автором по материалам источника [6]

Если говорить о дальнейшем развитии промышленности в ближайшие пару лет, то можно спрогнозировать следующее: по большей части предпринимаемые действия будут направлены на реализацию различных мер по государственной поддержке промышленного производства и грамотное составление стратегического плана экономических мероприятий с целью разработки программы адаптации экономики и производства в нынешних реалиях [6].

При попытке прогнозов дальнейших изменений в экономике можно определить следующие тенденции:

- 1) баланс государственной бюджетной политики будет тщательно продуман и грамотно сформирован, что необходимо для поддержания должного интереса к отечественному производству;
- 2) государственная политика, учитывающая меняющийся уровень инфляции и структуру цен, будет направлена на сферу кредитования;
- 3) по отношению к экономической политике будут приниматься меры, нацеленные на смену ориентирования российского экспорта [7].

Далее в табл. 2 можно проследить динамику производства по видам промышленности.

Таблица 2

Динамика производства по видам промышленности за 2021–2022 гг.

Период	Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства		Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха		Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	
	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду
2021 г.								
Январь	92,2	93,7	100,9	66,0	108,4	100,9	109,8	84,2
Февраль	90,9	93,4	99,7	105,9	108,7	94,0	106,1	100,4
Март	95,5	111,9	106,8	118,5	109,6	98,1	110,8	107,6
I квартал	92,9	96,4	102,7	81,9	108,9	111,6	108,9	90,2
Апрель	98,3	98,7	117,6	96,4	105,3	82,6	126,6	110,5
Май	112,1	101,8	113,9	97,1	107,9	83,3	122,7	99,8
Июнь	113,4	98,2	109,7	106,4	108,1	90,7	129,4	103,6
II квартал	107,5	104,5	113,6	109,7	106,9	68,9	126,2	117,4
I полугодие	99,8	–	108,1	–	108,1	–	117,6	–
Июль	111,5	101,2	105,2	99,1	106,4	102,4	114,5	92,3
Август	106,5	100,6	104,5	101,8	106,4	101,4	109,5	100,6
Сентябрь	108,1	101,7	107,3	104,2	109,6	109,4	108,2	102,4
III квартал	108,7	101,6	105,7	104,9	107,5	93,4	110,7	95,6
Январь-сентябрь	102,7	–	107,2	–	107,9	–	115,1	–
Октябрь	109,4	104,1	107,5	103,2	108,9	122,3	104,1	99,4
Ноябрь	108,3	97,9	108,1	101,4	104,4	109,8	107,1	101,8
Декабрь	107,9	105,8	108,1	118,9	103,0	116,2	106,8	106,8
IV квартал	108,5	106,0	107,9	114,5	105,2	146,6	106,0	104,7
Год	104,2	–	107,4	–	107,1	–	112,6	–
2022 г.								
Январь	107,9	93,7	110,2	67,3	101,1	99,2	100,1	78,8
Февраль	107,5	93,1	106,5	102,4	95,2	88,4	105,5	105,8
Март	106,7	111,0	99,3	110,5	101,3	104,5	109,0	111,3
I квартал	107,4	95,4	104,9	79,5	99,2	105,3	105,0	89,3
Апрель	97,3	90,0	96,8	94,0	102,0	83,1	92,9	94,2
Май	98,0	102,6	96,3	96,6	104,2	85,1	96,2	103,4
Июнь	101,5	101,7	95,2	105,1	99,6	86,8	84,4	90,9
II квартал	98,9	96,3	96,1	100,5	102,0	70,8	91,1	101,9
I полугодие	103,1	–	100,3	–	100,4	–	97,5	–
Июль	101,0	100,8	99,0	103,0	99,5	102,2	85,5	93,6

Период	Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства		Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха		Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	
	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду	В % к соответствующему периоду предыдущего года	В % к предыдущему периоду
Август	101,0	100,6	99,6	102,4	101,6	103,6	91,6	107,7
Сентябрь	98,3	98,9	96,1	100,7	98,3	105,9	92,5	103,4
III квартал	100,1	102,8	98,2	107,2	99,8	91,3	89,9	94,3
Январь-сентябрь	102,0	–	99,5	–	100,2	–	94,9	–
Октябрь	97,4	103,2	97,6	104,8	97,6	121,4	92,0	98,9
Ноябрь	97,7	98,2	98,4	102,2	101,5	114,2	89,3	98,8
Декабрь	97,4	105,5	94,3	113,9	100,0	114,5	91,8	109,7
IV квартал	97,5	103,3	96,6	112,7	99,8	146,6	91,1	106,1

Составлено автором по материалам источника [8]

На данный момент прогнозы таковы: в ближайшие два года увеличение показателей производства будет наблюдаться именно в обрабатывающей промышленности, а также в сфере информационных технологий, науке, строительстве и транспортной отрасли. Также есть предположения, что в текущем году будет заметно увеличение темпов промышленного производства на 4,3 % по сравнению с 2019 г. [9].

Осуществление поддержки промышленности со стороны государства подразумевает значительный рост инвестиционного спроса, поскольку именно он определяет увеличение производственных темпов машиностроительных отраслей. Прежде всего это будет касаться компьютеров, машин, электрического оборудования, электронных и оптических изделий.

Однако также планируется развивать и другие отрасли, способные оказать положительное влияние на инвестиционную экономику. Речь идет о промежуточных направлениях производства. Например, производство резины, пластмассы, деревообработка, химическая и продуктовая промышленность и т.д.

При рассмотрении обрабатывающих производств в среднесрочной перспективе можно спрогнозировать, что в этом году их доля в промышленности, вероятно, увеличится на 3,7 процентных пункта (далее – п.п.) за счет машиностроения (на 0,7 п.п.), химического производства (на 0,6 п.п.) при сокращении доли производства кокса и нефтепродуктов (на 0,3 п.п.) [10].

Все используемые методы государственной поддержки делятся на две категории: финансово-кредитные и организационно-управленческие.

Первые воздействуют на объект применения поддерживаемых мер финансово (чаще всего речь идет о безвозмездной помощи в виде субсидий) или с помощью кредитных инструментов (материальная помощь оказывается не безвозмездно, однако по сравнению с обычными кредитами здесь условия гораздо мягче).

Вторая категория мер обычно применяется либо для облегчения взаимодействия предприятия с его внешней средой, либо для упрощения самой среды. Однако наиболее сложная ситуация возникает, когда нужно направить воздействие внешней среды таким образом, чтобы долгосрочные цели предприятия могли быть достигнуты проще и быстрее. Данный вид мер государственной поддержки можно считать наиболее подходящим для сложной системы промышленности, поскольку он имеет проектное значение, рассчитан на достижение долгосрочных стратегических целей и учитывает все синергетические

и эмерджентные свойства. Что же касается финансово-кредитных мер, то они могут быть успешно применены для краткосрочных мероприятий, рассчитанных на получение финансовой выгоды. Это объясняет их соответствие более упрощенному взгляду на объект воздействия как на систему. Следовательно, при одновременном использовании этих двух видов государственных мер по поддержке промышленности задачи поиска и обозначения четкого вектора действия, разработки стратегий и целеполагания стоит решать с помощью организационно-управленческих мер, а вспомогательными средствами регулирования ситуации могут послужить финансово-кредитные меры [10].

К сожалению, в действительности обстоятельства складываются не лучшим образом. Важно понимать, что в ведомствах, занимающихся промышленным развитием, отсутствует полное и четкое понимание того, зачем использовать подход к системе поддержки промышленности как к чему-то сложному. На данный момент в большей степени используются только финансово-кредитные меры, и это воспринимается руководством Министерства промышленности и торговли (далее – Минпромторг) как что-то очевидное.

В табл. 3 можно увидеть основные меры государственной поддержки отраслей обрабатывающей промышленности России.

Таблица 3

Ключевые меры государственной поддержки некоторых отраслей обрабатывающей промышленности России

Отрасль	Меры государственной поддержки
Авиационная промышленность	Субсидии на создание сервисных центров, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР), компенсация процентов по кредитам, затрат по выходу на мировой рынок
Автомобильная промышленность	Субсидии на содержание рабочих мест, на НИОКР, компенсация затрат по выпуску и поддержке гарантийных обязательств
Легкая промышленность	Субсидии процентов по кредитам на пополнение оборотных средств, на закупку оборудования
Специализированное машиностроение	Субсидирование 15–20 % скидок на технику, 10 % лизинга, льготных кредитов на покупку техники

Составлено автором по материалам источника [10]

Стоит упомянуть, что в данный момент действует учрежденная Правительством РФ программа, где обозначены основные приоритеты и цели, которые используются как ориентиры при распределении действий по поддержке промышленности и повышению конкурентоспособности предприятий. Программа направлена на ориентацию государственной политики на решение системных проблем, стоящих перед инновационным развитием промышленности. Также указано, что промышленная политика должна эффективно сглаживать влияние рисков любого рода, начиная от глобальных и заканчивая отраслевыми [11].

В отраслях, где государство принимает наибольшее участие, был создан важный элемент промышленной политики – интегрированные структуры, находящиеся под государственным контролем и преследующие цель сосредоточения мер государственной поддержки проектов и направлений, которые представляют наибольшую ценность и интерес. Процесс этой работы был завершен в момент создания объединенных корпораций, например корпорации «Ростех», занимающейся развитием разработок, производства и экспорта высокотехнологичной продукции [11].

Российская промышленность переживает период перемен, происходящих на фоне невероятно быстрых изменений в мировой промышленности, к числу которых относятся трансформации организационных, технологических и товарных областей промышленности. Эти изменения связаны с появлением новых информационных технологий и материалов. Соответственно, можно утверждать, что сейчас необходимо создать новый сектор биоэкономики, способный к конкуренции глобальных масштабов, а также к основанию постиндустриальной экономики наряду с информационными технологиями и нанотехнологиями.

Политика поддержки промышленности должна быть сформирована с пониманием динамичности государства и отсутствия постоянства в наличии финансирования кратковременных и долгосрочных затрат. Материальная помощь должна предоставляться только для проектов, нацеленных на реализацию

конкретных задач. Что касается средних сроков, то здесь следует перейти с бюджетного финансирования на внебюджетные источники. Общий объем инвестиций в промышленность может быть увеличен при условии, что материальная помощь будет иметь предел, и при прохождении определенного этапа развития предприятия должны продолжать развиваться самостоятельно, используя ресурсы рынка и генерируя стоимость в самых успешных компаниях.

Основная проблема заключается в том, что оборонно-промышленный комплекс направляет всю получаемую прибыль только на то, чтобы погасить проценты по государственным кредитам, и поэтому выплатить основной долг становится почти невозможно. На данный момент субсидии – это практически единственный действующий источник финансирования обрабатывающей промышленности [12].

В рамках постановления Правительства РФ предприятиям отрасли машиностроения были выплачены субсидии, чтобы покупателям могли быть предоставлены скидки на покупку техники. Минпромторг выделил финансы для предприятий, осуществляющих производство оборудования для пищевой и перерабатывающей отраслей. В рамках государственной программы по дисконту можно было приобрести сельскохозяйственную технику, силос, упаковочные машины и т.д.

Для государственной промышленной политики наибольшую важность сейчас имеет вопрос импортозамещения, то есть создание производств, способных составить конкуренцию и впоследствии заместить импортные товары, как производственные, так и потребительские. Этот принцип основан на отказе производить только ту продукцию, в создании которой РФ превосходит на данный момент другие страны [13].

Политика импортозамещения направлена на стремление реформировать отраслевую структуру экономики так, чтобы у России было преимущество перед другими государствами в производстве современной продукции на базе высоких технологий, имеющей высокую добавленную стоимость, но главным преимуществом должен стать значительный экспортный потенциал. Эти критерии учитываются при определении требований и ограничений по отношению к целям, задачам и мероприятиям Программы. Например, одна из главных задач – необходимость создать и внедрить в отечественное производство современные, экологичные и способные сберечь ресурсы технологии производства конкурентоспособной продукции [13].

Таким образом, достичь целей программы можно, создав передовое оборудование и технологии, которые могут быть испытаны в порядке эксперимента с использованием демонстрационных образцов и установок, на основе которых можно будет определить готовность инновационных решений к их реализации на практике.

Сейчас государство осуществляет поддержку промышленности путем применения мер по нескольким направлениям: защита инвестиций, кадровая, информационная и локализационная политика. В ходе деятельности были разработаны и внедрены инвестиционные контракты, федеральные и региональные фонды развития промышленности, меры поддержки, направленные на привлечение в промышленность частных инвестиций. Были предприняты действия по поддержке экспортной продукции, начаты разработки определения понятия «российский продукт» и системы его подтверждения. Помимо этого, были приняты к реализации 20 документов стратегического планирования отраслей обрабатывающей промышленности [14].

По распоряжению Правительства РФ в июне 2020 г. была утверждена Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности (далее – Стратегия), определившая основные направления промышленной политики. Согласно данной Стратегии, государственная промышленная политика должна не только способствовать развитию российской промышленности, но и обеспечивать гибкость реагирования на экономические, биологические и экологические угрозы. В содержании Стратегии присутствует оценка нынешнего состояния промышленности в стране, приоритетные направления развития в 15 областях промышленности, препятствия и возможности, цели и индикаторы их выполнения, задачи.

Направлениями, представляющими наибольшую ценность, являются цели стратегического планирования и развития. Так, например, к следующему году планируется создание секторов, обладающих высокой производительностью и ориентированных на экспорт, в базовых экономических отраслях, таких как агропромышленность и обрабатывающая промышленность. Также ставится задача достичь ускорения технологического и инновационного развития РФ на 50 %, внедрив цифровые технологии в экономику и социальную жизнь и достигнув тем самым темпов экономического роста, превосходящих мировые.

Согласно прогнозам, российская промышленность сможет эффективно интегрироваться в мировую технологическую среду, если будут решены такие задачи, как обновление технологической и материальной баз промышленности, координация программ отраслевого технологического развития в промышленности с тенденциями спроса на продукцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог в проведенном исследовании, можно сказать, что сложная геополитическая ситуация в мире, а также ковидные меры и санкции сыграли отрицательную роль в деятельности многих промышленных предприятий, в частности негативно отразившись на работе оборонных, энергетических и обрабатывающих отраслей. Сейчас государство разрабатывает ряд мероприятий, которые направлены на поддержку промышленного производства и устранение негативных последствий событий прошедших лет. В настоящее время одной из проблем, мешающих полноценно развиваться этим предприятиям, по-прежнему является действующая система субсидирования. Это проявляется в том, что предприятия тратят большой объем прибыли на погашение кредитных и финансовых долгов. Кроме этого, политика поддержки со стороны государства сейчас направлена на то, чтобы увеличивать объемы инвестиций для развития промышленных предприятий.

Список литературы

1. *Архитова В.В.* Экономические санкции против России: проклятие или перспектива роста? Экономические стратегии. 2018;8(158(20)):14–23.
2. *Волочиенко В.А., Серышев Р.В.* Логистика производства: теория и практика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт; 2014. 454 с.
3. *Бахин С.В., Еременко И.Ю.* Односторонние экономические «санкции» и международное право. Закон. 2017;11:162–175.
4. *Ермолина Л.В.* Виды показателей эффективности, возможности их применения для стратегического анализа деятельности промышленного предприятия. Основы экономики, управления и права. 2013;2(8):54–59.
5. *Воробьева И.П., Селевич О.С.* Экономика и организация производства: учебное пособие для среднего профессионального образования. М.: Юрайт; 2023. 191 с.
6. *Абдукаримов И.Т., Беспалов М.В.* Финансово-экономический анализ хозяйственной деятельности коммерческих организаций (анализ деловой активности): учебное пособие. М.: Инфра-М; 2012. 319 с.
7. *Басов Ф.А.* Антиросийские санкции как тест для общей внешней политики Евросоюза. Мировая экономика и международные отношения. 2018;10(62):55–63. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-10-55-63>
8. *Ершов М.В.* Санкции против РФ: механизмы нейтрализации. Экономические стратегии. 2017;7(19):46–51.
9. *Сыроужко В.В., Требушкин А.А.* Инвестиционная деятельность организации в современной системе бухгалтерского учета. Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2018;1(45):087–092.
10. *Зиганшина А.Р.* Факторы конкурентоспособности, влияющие на эффективность управления инновационной деятельностью предприятия. В кн.: Научный поиск в современном мире: сборник материалов 5-й Международной научно-практической конференции. Часть 2, Махачкала, 31 января 2014 г. Махачкала: ООО «Апробация»; 2014. С. 66–67.
11. *Серебрякова Н.А., Смольянова Е.А.* Основные проблемы развития инновационно-инвестиционного потенциала Воронежской области. Региональная экономика: теория и практика. 2019;2:52–60.
12. *Иноземцев В.А.* Возможная ошибка в санкционной политике. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021;4(138):23–36.
13. *Иноземцев В.А.* Как санкции ударят по России. М.: Алгоритм; 2014. 254 с.
14. *Образцова О.И., Чепуренко А.Ю.* Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? Вопросы государственного и муниципального управления. 2020;3:71–95.

References

1. *Arkhipova V.V.* Economic sanctions against Russia: a curse or a growth prospect? Economic Strategies. 2018;8(158(20)):14–23. (In Russian).
2. *Volochienko V.A., Seryshev R.V.* Production logistics: theory and practice: textbook and workshop for bachelors and masters. Moscow: Urait; 2014. 454 p. (In Russian).
3. *Bakhin S.V., Eremenko I.Y.* Unilateral economic “sanctions” and international law. Statute. 2017;11:162–175. (In Russian).
4. *Ermolina L.V.* Types of indicators of effectiveness, possibilities of their application for the strategic analysis of activity of industrial enterprises. Economy, governance and law basis. 2013;2(8):54–59. (In Russian).
5. *Vorobyova I.P., Selenich O.S.* Economics and production organisation: textbook for secondary vocational education. Moscow: Urait; 2023. 191 p. (In Russian).

6. *Abdulkarimov I.T., Bespalov M.V.* Financial and economic analysis of the economic activity of commercial organisations (analysis of business activity): textbook. Moscow: Infra-M; 2011. 319 p. (In Russian).
7. *Basov F.A.* Anti-Russian sanctions as a test for the common foreign policy of the European Union. *World Economy and International Relations*. 2018;10(62):55–63. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-10-55-63>
8. *Ersbov M.V.* Sanctions against the Russian Federation: neutralization mechanisms. *Economic Strategies*. 2017;7(19):46–51. (In Russian).
9. *Syroizbko V.V., Trebunskikh A.A.* Investment activity of an organisation in the modern accounting system. *Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2018;1(45):087–092. (In Russian).
10. *Ziganshina A.R.* Competitiveness factors affecting the effectiveness of innovative enterprise activity management. In: *Scientific search in the modern world: Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference. Part 2*, Makhachkala, January 31, 2014. Makhachkala: LLC “Approbation”; 2014. Pp. 66–67. (In Russian).
11. *Serebryakova N.A., Smolyanova E.L.* The main problems of innovation and investment potential development of Voronezh region. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2019;2:52–60. (In Russian).
12. *Inozemtsev V.L.* A possible mistake in the sanctions policy. *Neprikosnovenny Zapas*. 2021;4(138):23–36. (In Russian).
13. *Inozemtsev V.L.* How sanctions will hit Russia. Moscow: Algorithm; 2014. 254 p. (In Russian).
14. *Obraztsova O.I., Chepurenko A.Yu.* SME policy in the Russian Federation: renewal after the pandemic? *Public Administration Issues*. 2020;3:71–95. (In Russian).

Механизм концессионных соглашений в системе теплоснабжения России

Закревская Аэлига Геннадьевна

Магистрант

ORCID: 0000-0003-3613-4513, e-mail: zakrevskaya18@yandex.ru

Любимова Наталия Геннадьевна

Д-р экон. наук, проф. каф. экономики и управления
в топливно-энергетическом комплексе

ORCID: 0000-0003-4021-4487, e-mail: sebez221@rambler.ru

Флакман Алина Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления
в топливно-энергетическом комплексе

ORCID: 0000-0001-8122-0862, e-mail: flax75@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящем исследовании рассматривается механизм концессионного соглашения, функционирующий в сфере теплоснабжения, способы его заключения, преимущества и отличия от договора аренды. Доказывается эффективность применения концессий на примере воронежской и пермской энергетических компаний. Система теплоснабжения в Российской Федерации обновляется, к сожалению, крайне медленно. Несмотря на все принятые меры, динамику отказов оборудования, аварий и потерь теплоэнергии пока не удалось изменить: они по-прежнему растут. В год удается обновить только половину основных фондов из потребности. Причиной этого является их резкое моральное и физическое старение и отсутствие инвесторов, которые вложили бы средства в реконструкцию, модернизацию и строительство новых объектов системы теплоснабжения. Собственниками данных систем во многих российских регионах выступают муниципалитеты, бюджетных средств которых недостаточно для их обновления. Механизмы государственно-частного партнерства (одно из его проявлений – концессионные соглашения) совместно с моделью «альтернативной котельной» должны способствовать исправлению ситуации. Однако недобросовестность некоторых инвесторов, невыполнение ими взятых на себя обязательств по строительству и реконструкции систем теплоснабжения ставят под вопрос эффективность механизма концессионных соглашений и сводят их до договоров аренды, предполагающих только эксплуатацию взятого в аренду изношенного оборудования. По результатам исследования авторы пришли к выводу, что рассматриваемый механизм нуждается в совершенствовании, также необходим контроль за выполнением соглашений и ужесточение административной ответственности за несоблюдение договоренностей.

Ключевые слова

Система теплоснабжения, концессионные соглашения, договор аренды, отказы оборудования, потери тепловой энергии, реконструкция системы теплоснабжения, модернизация системы теплоснабжения, недобросовестность инвесторов, административная ответственность

Для цитирования: Закревская А.Г., Любимова Н.Г., Флакман А.С. Механизм концессионных соглашений в системе теплоснабжения России // Вестник университета. 2024. № 1. С. 72–79.

The mechanism of concession agreements in the Russian heat supply system

Aelita G. Zakrevskaya

Graduate Student

ORCID: 0000-0003-3613-4513, e-mail: zakrevskaya18@yandex.ru

Natalya G. Lyubimova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics and Management
in the Fuel and Energy Complex Department

ORCID: 0000-0003-4021-4487, e-mail: sebez221@rambler.ru

Alina S. Flaxman

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department

ORCID: 0000-0001-8122-0862, e-mail: flax75@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The current research examines the mechanism of concession agreements, functioning in the sphere of heat supply, the ways of its conclusion, its advantages and differences from lease agreements. The effectiveness of the use of concessions is proved on the example of Voronezh and Perm energy companies. The renewal of the Russian heat supply system is, unfortunately, extremely slow. Despite the measures taken, the dynamics of equipment failures, accidents and heat losses have not yet been changed: their number is still growing. In a year, it is possible to update only half of the fixed assets from the need. The reasons for this are their sharp moral and physical ageing and lack of investors who would finance reconstruction, modernisation and erection of new heating system objects. The owners of the systems in many Russian regions are municipalities whose budget funds are insufficient to upgrade them. Mechanisms of public-private partnership (concession agreements are one of its manifestations) together with the “alternative boiler house” model should contribute to rectifying the situation. However, unconscientiousness of some investors, the failure to fulfill their obligations for construction and reconstruction of heat supply systems question the effectiveness of the mechanism and reduces them to lease agreements involving only operation of leased worn equipment. According to the research, the authors concluded that it is necessary to improve the discussed mechanism, monitor implementation of the agreements and strengthen administrative responsibility for non-compliance.

Keywords

Heat supply system, concession agreements, lease agreement, equipment failures, heat losses, heating system reconstruction, heating system modernisation, unconscientiousness of investors, administrative responsibility

For citation: Zakrevskaya A.G., Lyubimova N.G., Flaxman A.S. (2024) The mechanism of concession agreements in the Russian heat supply system. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 72–79.

ВВЕДЕНИЕ

Отрасль теплоснабжения играет значительную роль в экономике Российской Федерации (далее – РФ, Россия), составляя существенную долю (2,2 %) от общего объема валового внутреннего продукта страны. Данная отрасль является одним из важнейших секторов национальной экономики, оказывая прямое влияние на благосостояние государства и качество жизни населения. Технологическое развитие указанной сферы – важный аспект для наращивания экономического потенциала РФ.

В последние несколько десятилетий наблюдается критическое снижение эффективности функционирования этой отрасли. Согласно статистике, суммарная мощность источников централизованного теплоснабжения снизилась на 7 % за период с 2015 г. по 2022 г. Также наблюдается снижение отпуска тепловой энергии на 15 % за тот же отрезок времени. Такой негативный тренд связан прежде всего с ростом доли децентрализованного теплоснабжения в стране и увеличением числа котельных малой мощности (более чем на 23 %). Однако более серьезной причиной может являться неудовлетворительное состояние оборудования системы теплоснабжения в целом: отмечается весомерное превышение нормативного срока службы тепловых сетей (свыше 70 %), котлов (свыше 60 %), турбин (свыше 45 %). Средний возраст всего оборудования на теплоэлектроцентралях и котельных составляет 40 лет и старше, а большая часть тепловых сетей эксплуатируется уже более 35 лет, из-за чего заметен рост потерь энергии (в 1,5 раза за последние 13 лет) [1].

В целях изменения сложившейся ситуации Правительство РФ предпринимает ряд мер, связанных с привлечением в отрасль теплоснабжения частного инвестиционного капитала. Рассмотрим это более подробно.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЦЕЛЕВОЙ МОДЕЛИ РЫНКА ТЕПЛОВОЙ ЭНЕРГИИ

Основные принципы целевой модели рынка тепловой энергии были установлены Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 279-ФЗ¹. Изменения существующей модели направлены на трансформацию отношений между участниками процесса теплоснабжения и системы ценообразования в отрасли в целом. Также предусмотрена возможность финансирования долгосрочных проектов по совершенствованию коммунальной инфраструктуры за счет Фонда национального благосостояния. Организации теперь могут брать кредиты на реконструкцию активов под 3 % годовых на срок до 25 лет. Помимо этого, для целей модернизации активов отрасли можно использовать энергосервисные контракты, заключение которых способствует внедрению энергосберегающих технологий в энергокомпаниях.

Основным результатом реализации данных мер стало снижение количества аварий на источниках систем теплоснабжения на 9 % с 2017 г. по 2022 г. и увеличение оборотных средств в отрасли до 1,5 трлн руб. Однако процесс замены устаревшего оборудования на новое все еще движется слишком медленно – всего 2 % в год. Согласно оценкам экспертов, накопленный к 2023 г. недостаток финансирования в рассматриваемой сфере составляет более 5,2 млрд руб. [2]. Данная ситуация обусловлена недостаточным интересом со стороны инвесторов. Один из эффективных методов для стимулирования частных инвестиций в модернизацию инфраструктуры отрасли – заключение концессионных соглашений. Этот механизм достаточно многообещающий и способствует не только устойчивому развитию сектора теплоснабжения, но и повышению его конкурентоспособности в долгосрочной перспективе.

ОСНОВЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Основы заключения концессионных соглашений заложены Федеральным законом от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», согласно которому под концессией понимается особый вид государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), при котором государственное или муниципальное имущество передается от государства или муниципалитета (концедента) в пользование инвестору (концессионеру). В этом случае инвестор обязан провести строительство, реконструкцию или модернизацию переданного ему во владение имущества за свой счет, имея право на получение дохода от его использования².

Наиболее близким по своей правовой природе к концессионному соглашению является договор аренды. Основные отличия двух документов представлены в таблице.

¹ Российская Федерация. Федеральный закон от 29.07.2017 № 279-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О теплоснабжении» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования системы отношений в сфере теплоснабжения». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221237/ (дата обращения: 25.10.2023).

² Российская Федерация. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 26.10.2023).

**Различия между концессионным соглашением и договором аренды
в сфере теплоснабжения**

Признак	Концессионное соглашение	Договор аренды
Обязательства	Обслуживание и эксплуатация объекта соглашения, а также строительство, реконструкция и модернизация движимого и недвижимого имущества, определенного концессионным соглашением	Обслуживание и эксплуатация объектов, переданных в договоре аренды
Инвестиции и финансирование	Инвестирование и финансирование проекта – задача концессионера, включая капитальные вложения в строительство, реконструкцию и модернизацию инфраструктуры. Концессионер имеет право вкладывать собственные денежные средства в проект, а также брать займы в кредитных организациях или за счет Фонда национального благосостояния	Арендатор не обязан вкладывать средства в строительство, реконструкцию и модернизацию инфраструктуры. Вложение средств и финансирование зависят от владельца объекта (арендодателя)
Ответственность за риски, связанные со строительством, модернизацией, реконструкцией, обслуживанием и эксплуатацией	Ответственность за риски берет на себя концессионер	Чаще всего ответственность за риски остается на стороне собственника системы, если договором аренды не предусмотрено иное
Срок договора	Соглашение заключается на длительный срок (более 10 лет), что обеспечивает стабильные отношения между сторонами. Позволяет концессионеру спланировать инвестиции в проект на долгосрочный период	Договор не более чем на 10 лет
Оплата по соглашению (договору)	Предусмотрен выбор одной из форм концессионной платы, а также сочетание нескольких из них: 1) фиксированные платежи, которые концессионер периодически или единовременно вносит в бюджет муниципалитета (государства); 2) установленная соглашением доля доходов, полученных концессионером от деятельности, оговоренной в соглашении; 3) передача концеденту объекта имущества, которое ранее принадлежало концессионеру	Фиксированные платежи, предусмотренные договором аренды, которые арендатор периодически платит арендодателю

Составлено авторами по материалам исследования

Существует два основных способа заключения концессионных соглашений: по частной инициативе или по конкурсу. В первом случае потенциальный инвестор вправе самостоятельно обратиться к концеденту с предложением о модернизации объекта [3].

Во втором случае учитываются технические, финансово-экономические и юридические критерии концедента. Данный способ обеспечивает более открытый и конкурентный процесс, на основе которого представляется возможность выбрать наилучшего инвестора для заключения соглашения.

К сожалению, в малых городах и удаленных районах провести конкурсные процедуры бывает непросто, поэтому там для выбора концессионера в системе теплоснабжения используется способ частной инициативы, а в крупных развитых регионах наиболее распространен конкурс.

В условиях реформирования рынка тепла все населенные пункты разделены на отнесенные и не отнесенные к ценовым зонам.

В населенных пунктах, которые не считаются частью ценовых зон теплоснабжения, применяется государственное регулирование тарифов на тепловую энергию. Под ценовой зоной теплоснабжения

понимаются те населенные пункты, в которых определены единые теплоснабжающие организации (далее – ЕТО) и все взаимоотношения между теплоснабжающими, теплосетевыми компаниями и потребителями осуществляются через ЕТО, а тарифы на тепловую энергию (мощность) не регулируются государством: уполномоченный орган регулирования устанавливает лишь предельный уровень цены [4].

Если жилая территория была отнесена к указанной зоне, то существует ряд особенностей заключения концессионных соглашений.

При заключении концессионного соглашения до перехода населенного пункта в ценовую зону с теплоснабжающей (теплосетевой) организацией или с ЕТО условия данного соглашения остаются неизменными до конца его срока действия. Тарифы на тепловую энергию (включая услуги по ее передаче) регулируются государством. В этом случае ЕТО обязана приобретать у концессионера тепловую энергию (или услуги по ее передаче) по тарифам, утвержденным на основе долгосрочных параметров регулирования деятельности концессионера (далее – ДПР). Они представляют собой фиксированные параметры расчета тарифов на тепловую энергию (мощность), в том числе на ее передачу, установленные регулирующим органом до конца действия концессионного соглашения, в течение которого они не подлежат пересмотру. ДПР позволяют рассчитать инвестиционную составляющую в тарифе на тепловую энергию (мощность), а также размер процентов по кредитам [5].

При заключении концессионного соглашения после перехода населенного пункта в ценовую зону с ЕТО происходит отмена государственного регулирования тарифов на тепловую энергию (включая услуги по ее передаче). Концессионное соглашение исполняется при помощи модели «альтернативной котельной», которая предполагает, что тарифы на тепловую энергию (мощность) становятся «свободными» и определяются на основе договоров теплоснабжения с ЕТО по соглашению сторон, но не выше предельного уровня цены, определенного регулируемыми органами государства [4]. Инвестиционные обязательства ЕТО, предусмотренные концессионными соглашениями, должны быть включены в схему теплоснабжения и соглашение об исполнении данной схемы [5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Положительный опыт применения концессий в сфере теплоснабжения можно рассмотреть на примере Воронежа, в котором в 2018 г. было заключено концессионное соглашение с акционерным обществом (далее – АО) «Квадра». Общий объем частных инвестиций за 5 лет составил 2 млрд руб., вследствие чего была произведена замена 100 км тепловых сетей в зоне деятельности компании, реконструированы 40 центральных тепловых пунктов, модернизировано оборудование в 41 котельной, а также восстановлены линии рециркуляции к 110 жилым домам³.

Итоги деятельности АО «Квадра» в рамках заключенного соглашения следующие:

- 1) снижение аварийности на тепловых сетях в два раза;
- 2) снижение потерь в тепловых сетях с 10,84 до 8,36 %;
- 3) снижение количества отключений на центральных тепловых пунктах в три раза;
- 4) снижение количества аварий в котельных на 20 %.

При этом тарифы на тепловую энергию для конечных потребителей АО «Квадра» продолжили рост в среднем на 3 % в год, соответствуя заявленной индексации Правительства РФ.

В период с 2024 г. по 2026 г. в Воронеже будет реализован ключевой проект – «Цифровое теплоснабжение», который в настоящее время проходит успешное тестирование в Советском районе города. В рамках этой инициативы создана уникальная цифровая база данных, содержащая информацию об объектах теплопотребления. Автоматизированные системы позволяют оперативно корректировать режимы теплопотребления, а также обеспечивают возможность контроля и оценки качества обслуживания клиентов в режиме реального времени⁴.

В ходе изучения реализации концессионных соглашений в регионах России необходимо рассмотреть опыт Пермского края, в котором на настоящий момент заключено 63 соглашения, а общий объем инвестиций составил 12,1 млрд руб.

Одно из соглашений было заключено в 2018 г. на 20 лет с обществом с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Пермская сетевая компания» (далее – ООО «ПСК»), которое входит в состав

³ Коммерсантъ. Время массовых концессий. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5558173> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ Там же.

Пермского филиала публичного акционерного общества (далее – ПАО) «Т Плюс». В течение последующих трех лет с момента начала действия концессии была построена новая блочно-модульная котельная в Орджоникидзевском районе Перми. Были полностью модернизированы две котельные в микрорайонах Верхняя Курья и Нижняя Курья. Обе котельные были переведены на природный газ, заменив низкоэффективные виды топлива (уголь и мазут). Кроме того, были внедрены автоматизированные системы с умными датчиками, обеспечивающими регулирование подачи теплоносителя без участия персонала. Всего за период с 2019 г. по 2021 г. ООО «ПСК» совместно с администрацией Перми инвестировала 193,8 млн руб. в реконструкцию инфраструктуры отрасли в рамках концессионных соглашений⁵.

Однако в октябре 2021 г. Управление Федеральной антимонопольной службы (далее – УФАС) по Пермскому краю выявило нарушение антимонопольного законодательства со стороны администрации Перми в части заключения концессионного соглашения с ООО «ПСК». Выяснилось, что заявку на заключение концессии в отношении объектов теплоснабжения подавала также ООО «РКап Концессионная Компания № 10». При проведении конкурса обе организации не смогли предоставить администрации необходимые документы о наличии финансов в компаниях, либо документы, подтверждающие возможность получить денежные средства в кредит на сумму не менее 5 % от запланированной суммы инвестиций. Тем не менее, заявка ООО «РКап Концессионная Компания № 10» была отклонена, в то время как с ООО «ПСК» было заключено соглашение. По итогам проверки УФАС постановило, что администрация Перми неправоммерно поставила ООО «ПСК» в преимущественное положение, нарушив при этом основные принципы конкуренции. В результате концессионное соглашение с данной организацией было расторгнуто⁶.

Несмотря на это, в феврале 2022 г. ПАО «Т Плюс» и департамент имущественных отношений администрации Перми произвели вторую попытку заключения концессионного соглашения до 2046 г. в отношении объектов теплоснабжения и централизованных систем горячего и холодного водоснабжения, которая оказалась успешной. По ходу проверки УФАС по Пермскому краю теперь уже не было выявлено нарушений в процессе заключения соглашения. Ожидается, что за 24 года компания вложит в реконструкцию и модернизацию инфраструктуры отрасли более 3,1 млрд руб.⁷

Однако следует отметить, что в практике некоторых концессионеров наблюдается невыполнение обязательств. К примеру, в конце 2017 г. было заключено концессионное соглашение между мэрией Новосибирска и Сибирской генерирующей компанией (далее – СГК). Предполагалось, что СГК проведет реконструкцию 71 км тепловых сетей и тепловой электростанции при инвестициях в 655 млн руб. Через два года соглашение было отозвано администрацией города, поскольку компания не выполнила условия и вложила значительно меньше средств, чем было предусмотрено договором. При этом СГК требовала повышения тарифов на тепловую энергию для конечных потребителей на 15 % к 2018 г., из-за чего население города начало высказывать свое недовольство, поскольку не было понимания, на что конкретно тратятся денежные ресурсы в условиях отсутствия улучшений в работе системы теплоснабжения. В результате организация компенсировала городу 300 млн руб., которые были направлены на ремонт муниципальных теплосетей мэрией города [6].

Рассмотрев разнообразный опыт использования концессионных соглашений в системе теплоснабжения, можно отметить следующие преимущества этого механизма:

- 1) стороны концессионного соглашения имеют возможность выстраивать свою деятельность с учетом долгосрочных перспектив и четко определенных целей, принимая во внимание довольно длительный срок заключения договора;
- 2) концессионер получает свободу в принятии стратегически важных решений, однако концедент сохраняет возможность воздействия в случае нарушения инвестором ключевых условий соглашения;
- 3) сохраняется муниципальная собственность объектов, в то время как ответственность за строительство, реконструкцию и модернизацию возлагает на себя частный инвестор.

Несмотря на вышеописанные преимущества, важно учитывать и наличие весомых проблем, связанных с заключением и исполнением концессионных соглашений.

⁵ МК в Перми. «Т Плюс» модернизировала котельные в Заозерье и Курье в рамках концессии. Режим доступа: <https://perm.mk.ru/social/2019/12/31/t-plus-modernizirovala-kotelnye-v-zaozere-i-kurye-v-ramkakh-koncessii.html> (дата обращения: 02.11.2023).

⁶ Астахов Д. Теплая концессионная компания. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5118776> (дата обращения: 04.11.2023).

⁷ Коммерсантъ. «Т Плюс» получит в концессию 11 пермских котельных. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5218151> (дата обращения: 05.11.2023).

В настоящее время муниципалитетам часто нелегко привлечь заинтересованного инвестора, что особенно актуально для реализации механизма в сельской местности и малых городах. Вложение средств в старые, изношенные инфраструктурные объекты в небольших населенных пунктах, которые практически не приносят денежный доход, представляет серьезные финансовые риски для потенциальных инвесторов, поскольку окупаемость таких проектов крайне низка. Конечно, повышение тарифов на тепловую энергию для конечных потребителей в условиях модели «альтернативной котельной» может увеличить доходы компании, однако это может вызвать социальное недовольство и рост дебиторской задолженности. В результате концессионеры могут столкнуться с финансовыми трудностями и банкротством еще до завершения срока концессионного соглашения [7].

Также в связи с тем, что в некоторых регионах система теплоснабжения находится в состоянии сильного износа, концессионные соглашения заключаются в спешке. При этом детальная проработка условий и критериев выполнения обязательств со стороны концессионера часто остается на втором плане, что позволяет концессионеру уклоняться от исполнения некоторых своих обязанностей. На практике такие соглашения нередко выполняют роль договоров аренды, при которых компании выплачивают муниципалитету сумму за пользование имуществом, не способствуя улучшению показателей эффективности в зоне своей ответственности.

ОБСУЖДЕНИЕ

С 2015 г. по 2023 г. в России в рамках ГЧП было заключено 1 186 концессионных соглашений в сфере теплоснабжения, общий объем обязательств по инвестированию в которых составил 315,5 млрд руб.

ПАО «Т-Плюс» является одной из первых компаний, подписавших данные соглашения, и на сегодняшний момент считается лидером по числу заключенных концессий. По мнению сотрудников организации, механизм концессии нуждается в доработке, но является сегодня единственным действенным путем привлечения инвестиций в отрасль теплоснабжения РФ совместно с механизмом «альтернативной котельной»⁸.

С другой стороны, согласно анализу Счетной палаты РФ, большинство концессионных соглашений в описываемой сфере формальны и характеризуются низким качеством исполнения. Результаты исследования подчеркивают недостаточную эффективность и надежность механизмов реализации данных соглашений на практике⁹.

Члены Комитета Государственной Думы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству также, как и энергетическая компания ПАО «Т Плюс», придерживаются мнения, что механизм концессии должен быть активно задействован для решения текущих проблем в секторе теплоснабжения, соответственно направляя инвестиции на те проекты, которые на данный момент критически важны для городской инфраструктуры. Однако они согласны и с имеющей место в современных реалиях недобросовестностью, когда концессионеры в результате не выполняют свои обязательства по соглашениям¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концессия в сфере теплоснабжения рассматривается как перспективный механизм для привлечения частных инвестиций в отрасль. Тем не менее, несмотря на ряд выявленных преимуществ, прослеживаются существенные трудности, связанные со сложностью привлечения инвесторов в экономически неразвитые районы ввиду отсутствия гарантий возврата вложенных концессионером инвестиций на законодательном уровне, непрозрачностью процессов вхождения концессионера в проект и экономики всех процессов в целом. В связи с этим необходима комплексная доработка концессионной модели. В первую очередь нужно провести обширную ревизию всех концессий в сфере теплоснабжения с целью выявления тех соглашений, по которым не выполняются обязательства. Также важным направлением совершенствования является усиление механизмов контроля за деятельностью инвестора. Помимо этого, требуется укрепление штрафных мер в случае несоблюдения концессионером основных норм и сроков. Это может послужить дополнительным стимулом для эффективного выполнения всех своих обязательств.

⁸ РБК+. Российский энергетический рынок невосприимчив к турбулентности. Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/63986ad07a8aa98e6d5807a1> (дата обращения: 05.11.2023).

⁹ Общероссийская общественная организация «Деловая Россия». Владимир Кошелев считает необходимым ревизию всех концессионных соглашений в сфере теплоснабжения. Режим доступа: <https://deloros.ru/press-centr/novosti/novosti-komitetov/vladimir-koshelev-schitaet-neobkhodimym-reviziyu-vsekh-kontsессионnykh-soglasheniy-v-sfere-teplosnab/> (дата обращения: 07.11.2023).

¹⁰ Там же.

Кроме того, формирование прозрачных механизмов ценообразования и учет интересов общества позволят предотвратить неоправданные повышения тарифов и обеспечат более ясные условия для потребителей.

Таким образом, комплексная доработка концессионной модели будет способствовать эффективному и сбалансированному функционированию системы теплоснабжения в населенных пунктах РФ.

Список литературы

1. Маневич Ю.В. Альтернативная котельная – новая форма для инвестиций в теплоснабжение. Энергетическая политика. 2020;5(147):52–61.
2. Цуверкалова О.Ф. Анализ современного состояния и тенденций развития отрасли теплоснабжения в РФ. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020;11–3:554–559. <https://doi.org/10.17513/vaael.1462>
3. Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Концессионные соглашения в теплоснабжении. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020;3(17):53–62. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(3\).53-62](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(3).53-62)
4. Матвеева В.В., Любимова Н.Г. Новый подход к формированию источника финансирования систем теплоснабжения. Вестник МИРБИС. 2021;2(26):126–133. <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2021.2.12>
5. Муравьева М.С., Прокофьева А.В. Концессионные соглашения в сфере теплоснабжения: законодательные новеллы и проблемы их реализации. Энергосовет. 2018;1(51):37–43.
6. Невфёдкин В.И., Фадеева О.П., Гинзбург Д.Р. Концессии в теплоснабжении: инвестиции вместо субсидий. Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2019;3(537):37–56. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-3-37-56>
7. Кузнецова А.В., Новокшоновна Н.А. Проблемные вопросы заключения концессионных соглашений в сфере теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения. Управление в современных системах. 2019;2(22):19–22.

References

1. Manevich Yu.V. Alternative boiler station – a new form investments in heat supply. Energy Policy. 2020;5(147):52–61. (In Russian).
2. Tsverkalova O.F. Analysis of the current state and trends of development of the heat supply industry in the Russian Federation. Journal of Altai academy of economics and law. 2020;11–3:554–559. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.1462>
3. Makarova L.A. Nevzgodina E.L. Concession agreements in heat supply. Herald of Omsk university. Series “Law”. 2020;3(17):53–62. (In Russian). [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(3\).53-62](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(3).53-62)
4. Matveeva V.V., Lyubimova N.G. A new approach to the formation of a source of funding heat supply systems. Vestnik MIRBIS. 2021;2(26):126–133. (In Russian). <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2021.2.12>
5. Muravyeva M.S., Prokofjeva A.V. Concession agreements in the field of heat supply: legislative novelties and problems of their implementation. Energosovet. 2018;1(51):37–43. (In Russian).
6. Nefedkin V.I., Fadeeva O.P., Ginzburg D.R. Concessions in heat supply: investments instead of subsidies. The all-Russian ECO Journal. 2019;3(537):37–56. (In Russian). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-3-37-56>
7. Kuznetsova A.V., Novokshonova N.A. Problem issues of conclusion of concession agreements in the area of heat supply, water supply and water determination. Management in modern systems. 2019;2(22):19–22. (In Russian).

Региональный бренд: сущность и модель формирования

Клименко Виктор Александрович

Канд. техн. наук, дир. Сибирского центра
промышленного дизайна и прототипирования
ORCID: 0000-0001-7995-4728, e-mail: klimenko@siberia.design

Чудинова Екатерина Александровна

Зам. дир. Сибирского центра
промышленного дизайна и прототипирования
ORCID: 0000-0002-7373-3913, e-mail: catherine.chudinova@gmail.com

Банникова Татьяна Игоревна

Канд. пед. наук, мл. науч. сотр. Сибирского центра
промышленного дизайна и прототипирования
ORCID: 0000-0002-1958-0661, e-mail: tanya-b1@yandex.ru

Дыдыкин Игорь Олегович

Зав. лабораторией перспективных исследований Сибирского центра
промышленного дизайна и прототипирования
ORCID: 0009-0004-1719-2691, e-mail: dydykin.mail@gmail.com

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация

Региональный брендинг, наряду с другими инструментами стратегического управления, рассматривается в качестве важнейшего ресурса, необходимого для развития и продвижения регионов и городов России. Эффективность брендинга зависит от множества условий, в том числе от глубины проработки, системности и научного понимания бренда как инструмента привлекательности региона. В статье на основе теоретического анализа научной литературы конкретизировано понятие «региональный бренд» в части определения ключевых характеристик, отражающих специфику термина. Результаты исследования позволили заключить, что разработка и продвижение регионального бренда являются достаточно сложными процессами, начинающимися с формирования комплексной системы элементов бренда. Анализ опыта разработки регионами Российской Федерации собственных брендов, а также применение метода структурного моделирования позволили представить модель формирования регионального бренда, описывающую основные его элементы. В представленной модели было выделено шесть следующих элементов: платформа бренда, позиционирование, внутренняя сила бренда, внешняя сила бренда, коммуникации, резонанс. Определена взаимосвязь каждого элемента в общей системе, их значение и влияние на формирование имиджа и повышение эффективности продвижения региона. Полученные в процессе работы результаты могут оказаться востребованными представителями региональных администраций, занимающихся вопросами брендинга территорий.

Для цитирования: Клименко В.А., Чудинова Е.А., Банникова Т.И., Дыдыкин И.О. Региональный бренд: сущность и модель формирования // Вестник университета. 2024. № 1. С. 80–88.

Ключевые слова

Региональный бренд, модель формирования бренда, имидж региона, маркетинг территорий, бренд-менеджмент, позиционирование, платформа бренда, маркетинговые коммуникации

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Regional brand: the essence and formation model

Viktor A. Klimenko

Cand. Sci. (Tech.), Director of the Siberian Design Centre
ORCID: 0000-0001-7995-4728, e-mail: klimenko@siberia.design

Ekaterina A. Chudinova

Deputy Director of the Siberian Design Centre
ORCID: 0000-0002-7373-3913, e-mail: catherine.chudinova@gmail.com

Tatiana I. Bannikova

Cand. Sci. (Ped.), Junior Researcher of the Siberian Design Centre
ORCID: 0000-0002-1958-0661, e-mail: tanya-b1@yandex.ru

Igor O. Dydykin

Head of Advanced Research Laboratory of the Siberian Design Centre
ORCID: 0009-0004-1719-2691, e-mail: dydykin.mail@gmail.com

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract

The most critical resource for development and promotion of Russian regions and cities, along with other strategic management tools, is regional branding. Branding effectiveness depends on many conditions, including the depth, consistency and scientific understanding of the brand as a tool of a region's attractiveness. Using a theoretical analysis of scientific literature, the article explains the concept of "regional brand" in terms of key characteristics definition that reflect the specificity of the term. The results of the study concluded that the development and promotion of a regional brand is a complex process which starts with the formation of an integrated system of brand elements. The analysis of experience in designing of the Russian regions' own brands and the use of the structural modeling method allowed to present a regional brand formation model, describing the main elements of the brand. In the presented model the following six elements were identified: brand platform, positioning, internal brand power, external brand power, communications, resonance. The correlation of each element in the overall system, their importance and influence on the formation of the image and increase in effectiveness of a region's promotion were determined. The obtained results may be required by representatives of regional administrations that address the branding of territories issues.

Keywords

Regional brand, brand formation model, image of region, territorial marketing, brand management, positioning, brand platform, marketing communications

Acknowledgements. The study was supported by the Development Programme of Tomsk State University (Priority-2030).

For citation: Klimenko V.A., Chudinova E.A., Bannikova T.I., Dydykin I.O. (2024) Regional brand: the essence and formation model. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 80–88.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире создание сильных региональных брендов является важным условием повышения конкурентоспособности не только городов и регионов, но и страны в целом. Как правило, региональный брендинг рассматривается как инструмент, направленный на привлечение внимания целевой аудитории к товарам и услугам местных производителей. Формируется ассоциативная цепочка: товар – регион. Однако основная задача регионального бренда намного сложнее – необходимо сформировать позитивный имидж целого региона. При привлекательном имидже регион выступает в качестве специфического товара.

Стоит отметить, что в последние годы многие регионы стали приходить к осознанию значимости создания брендов. Так, в России по состоянию на февраль 2023 г. было зарегистрировано 305 региональных брендов, 268 из них относятся к наименованию места происхождения товара и географическим указаниям. Между тем 37 субъектов (41,5 %) до сих пор не зарегистрировали ни одного регионального бренда, что создает серьезные направления для работы¹. Региональный бренд обычно подчеркивает достоинства того или иного места, что позволяет не только удерживать достигнутый уровень экономического развития, но и выходить на новые рынки. Позитивный имидж способствует увеличению политического влияния региона как внутри страны, так и за рубежом, и это приобретает особое значение в текущих условиях негативного имиджа страны в целом [1; 2].

Региональный брендинг – это сложный процесс формирования бренда-имиджа региона. Очень часто данная деятельность ассоциируется только с разработкой визуальной айдентики и маркетинговыми коммуникациями. Однако такой подход, заключающийся в транслировании эффективных логотипов, зачастую не приводит к ожидаемым результатам. Как отметил в своем выступлении С. Анхольт, чтобы добиться признания, регионы должны «акцентировать внимание на решении своих внутренних проблем» [3, с. 17]. Следовательно, достижение успеха в региональном брендинге возможно только через понимание бренда как совокупности элементов, позволяющих в комплексе получить синергетический эффект при управлении развитием и продвижением региона.

В 2022–2023 гг. Сибирским центром промышленного дизайна и прототипирования Томского государственного университета было проведено исследование. Основной его целью являлся анализ практик управления региональными брендами, а также определение основных элементов, влияющих на их эффективное формирование. На первом этапе на основании теоретического анализа научной литературы была раскрыта суть основных понятий исследования. На втором этапе был проведен анализ материалов из открытых источников данных, отражающих практические результаты формирования и внедрения брендов в субъектах Российской Федерации. Третий этап позволил обобщить полученные результаты и сформировать модель регионального бренда.

ПОНЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДА

Несмотря на повышенный в научном сообществе интерес к теме исследования, понятийный аппарат теории регионального брендинга до сих пор не сформирован. В представленной работе определено два основных направления. Первое направление касается области понятийного аппарата, второе связано с определением структуры бренда региона.

Понятие «региональный бренд» является сложным и многофакторным. Возможно, поэтому оно все еще вызывает много споров и обсуждений. Впервые понятие регионального бренда как «бренда места» было сформулировано С. Анхольтом в 2002 г. Основное внимание при описании бренда города было уделено 6 направлениям: политике, туризму, экспорту, бизнес-инвестициям, социуму и культуре. Все это, по мнению ученого, в комплексе должно создать конкурентную идентичность территории [3].

В настоящее время проблема формирования бренда региона получила широкое распространение во всем мире. В исследовании мы представили работы ученых (Ф. Котлера, Т. Мойланена, С. Райнисто и др.), которые в контексте изучаемой проблемы вызвали наибольший интерес. Как отмечает Ф. Котлер, «бренд территории – это совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории» [4, с. 68].

¹ Бизнес Online. В России зарегистрировано 305 региональных брендов. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/news/583915> (дата обращения: 27.10.2023).

Т. Мойланен и С. Райнисто считают, что региональный бренд – это в первую очередь впечатление, производимое территорией на всех стейкхолдеров. При этом впечатление можно создавать как материальными, так и символическими элементами, являющимися уникальными для конкретного региона [5].

Под брендом города/территории М. Каварацис и Г.Дж. Эшворт понимают «многомерный конструкт, состоящий из функциональных, эмоциональных и материальных элементов, которые в совокупности создают уникальный набор ассоциаций с местом в общественном сознании» [6, с. 154].

Значительный вклад в теорию регионального брендинга внес Д.В. Визгалов [7]. В структуре бренда города он выделял два основных элемента. Первый элемент – территориальная идентичность, выраженная в уникальных, наиболее точно отражающих особенности города образах, символах, идеях. Второй элемент – имидж города. Создание бренда города/территории возможно только при гармоничном сочетании обоих элементов.

На основе проведенного анализа научной литературы были определены ключевые характеристики, которые, на наш взгляд, отражают специфику регионального бренда, – уникальность и производимые впечатления. Данные характеристики не только позволили уточнить понятие регионального бренда, но и легли в основу представленной ниже модели. В исследовании под региональным брендом понимается совокупность складывающихся представлений о соответствующем регионе в сознании людей, подкрепленных ценностными характеристиками данного региона в различных сферах деятельности.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДА

Второе направление исследования касается структуры бренда региона. Анализ научных публикаций позволил сделать вывод об отсутствии в настоящее время универсальной модели формирования регионального бренда. Кроме того, большинство ученых для описания модели берут в основу модель бренда товара. Однако определение структуры товарных брендов не подходит для определения структуры брендов регионов. Регион является более сложной системой. В данном исследовании нами предложена авторская модель формирования регионального бренда. В ее основу положены модель Бурманна и Зеплина, анализирующая внутреннюю силу бренда [8], и модель Бурманна, Джост-Бенца и Райли, позволяющая оценить внешние силы [9].

Формирование регионального бренда как сложной системы, с нашей точки зрения, можно представить в виде следующей модели (см. рис.).

Модель включает в себя 6 блоков, каждый из которых вносит свой вклад в формирование регионального бренда.

Платформа бренда, согласно мнению И.В. Щепетовой, является его идеологическим базисом, фундаментом и лежит в основе позиционирования [10]. На наш взгляд, платформа бренда может быть построена на трех элементах: легенде, миссии и индивидуальности бренда.

Под легендой понимается уникальная история региона, позволяющая успешно позиционировать его не только среди других регионов страны, но и, возможно, на мировом рынке. Как подчеркнуто в трудах А.Д. Полуосьмак, легенда помогает транслировать ценности, представлять бренд в выгодном свете для повышения узнаваемости [11].

Составлено авторами по материалам исследования

Рисунок. Модель формирования регионального бренда

История развития регионального бренда во взаимосвязи с остальными элементами его структуры оказывает достаточно сильное влияние на потребителей. Бренд с более детальной и глубокой историей будет пользоваться большим доверием, что положительно скажется на его продвижении. Стоит отметить, что легенда нуждается в грамотном управлении. В противном случае она не сможет способствовать достижению планируемых результатов. Примером слабого управления является легенда Костромы, связанная с родиной Снегурочки. Проект менее известен, чем проект г. Великий Устюг, родины Деда Мороза, несмотря на одновременное возникновение с последним. Об этом свидетельствует статистика посещения объектов: если Терем Снегурочки за 10 лет посетило свыше 500 тыс. чел.², то количество посетителей резиденции Деда Мороза выросло до 300 тыс. чел. в год³.

Миссия регионального бренда как основная цель его существования должна тесно перекликаться со стратегией регионального развития, отражать роль, функции и предназначение региона, способствовать устойчивому повышению его конкурентоспособности. Так, например, миссия «За здоровьем – на Алтай!» отражает позиционирование республики как рекреационно-туристического региона⁴.

Индивидуальность бренда в научной литературе редко рассматривается применительно к региону. Часто ее отождествляют с идентичностью. В данном исследовании под индивидуальностью понимается совокупность характеристик, в том числе эмоциональных, вызывающих однозначные ассоциации с конкретным регионом на протяжении длительного периода. Примерами индивидуальности могут выступать как образы товаров и услуг, ассоциируемые с конкретным регионом, так и коммуникативная политика, проводимая им.

Необходимо подчеркнуть, что грамотно проработанная платформа позволяет создать уникальный образ региона, что в свою очередь способствует его идентификации и запоминанию целевой аудиторией. Так, по результатам исследования, проведенного сервисом «Работа.ру», именно локальные бренды, имеющие сильную платформу, в основе которой заложены ассоциации с регионом, оказались наиболее узнаваемыми и популярными: тульский пряник (57 %), оренбургский пуховый платок (37 %), адыгейский сыр (35 %)⁵.

Целью позиционирования региона является определение его ключевых характеристик, указывающих на уникальную территориальную особенность региона. В представленной модели позиционирование бренда основывается на трех взаимосвязанных элементах: выгодах бренда, целевой аудитории, отличиях от конкурентов.

Выгоды бренда показывают рациональные преимущества, получаемые от его использования. Основной задачей региона становится определение преимуществ, которые он будет предоставлять лучше других [12]. Выгода может восприниматься по-разному: через свойство (объективное качество товаров и услуг региональных производителей), через характеристику (субъективное мнение о регионе), через эмоцию (чувство, связанное с регионом) [8].

Определение стратегии позиционирования невозможно без определения целевой аудитории. В системе регионального брендинга под потенциальными потребителями многие ученые и специалисты понимают не только тех, на кого рассчитана стратегия развития (туристы, бизнесмены, инвесторы), но и основных участников процесса (местных жителей), оказывающих помощь в самом продвижении бренда территории. Стоит отметить, что в брендинге особое значение играет не только выявление потребителей, но и определение контекста потребления, иначе говоря, установки к использованию товаров и услуг.

Все, что относится к региону (товары, услуги, коммуникации), рассматривается потребителями через призму конкурентных предложений. Регион, продвигающий свои бренды, должен эффективно дифференцироваться от конкурентов. По мнению И.А. Красюк и Э.А. Назаровой, регионы могут получить серьезное конкурентное преимущество через новые подходы к решению известных проблем, через формирование новой культурной платформы, нового потребительского опыта [13]. Стоит отметить, что чем больше регион, тем труднее сформулировать ключевую имиджевую идею его бренда. Такие субъекты страны вынуждены продвигать себя как мультибрендовые, либо концепция бренда региона в поисках уникальной идеи, объединяющей все его стратегические цели, может меняться несколько раз.

² Терем Снегурочки. Официальный сайт. <https://teremsnegurochki.ru/> (дата обращения: 28.10.2023).

³ РБК. На Вологодчине запустили программу развития вотчины Деда Мороза. Режим доступа: <https://vo.rbc.ru/vo/11/12/2019/5df0e8bd9a7947cd7ba97fa> (дата обращения: 28.10.2023).

⁴ Колесникова О. За здоровьем – на Алтай! Режим доступа: <https://altai.tpprf.ru/ru/news/458212/> (дата обращения: 29.10.2023).

⁵ Тульский пряник с краснодарским чаем: россияне определили 15 самых узнаваемых региональных брендов. Режим доступа: <https://press.rabota.ru/rossiyane-opredelili-15-samykh-uznavamykh-regionalnykh-brendov/> (дата обращения: 01.11.2023).

Под внутренней силой бренда, согласно теории Бурманна и Зеплина, понимается система коммуникаций внутри региона. Основная задача такой системы направлена на формирование представителями региона (руководством, жителями) основных ценностей бренда [8]. Разделение жителями ценностей региона может стать мощным катализатором развития. К основным элементам внутренней силы, на наш взгляд, стоит отнести имидж власти, имидж территории и обязательства бренда.

Как правило, имидж власти оказывает непосредственное влияние на имидж региона в целом. В финансово-экономическом плане это проявляется в степени инвестиционной и туристической привлекательности региона [14]. Однако необходимо учитывать, что региональный бренд сочетает в себе имидж территории и репутацию руководителей одновременно, так как при его упоминании возникает комплекс сведений о власти, который сложился в информационном пространстве. Положительный имидж руководителя может повысить репутацию региона, а отрицательный – существенно ухудшить.

Имидж территории рассматривается большинством исследователей как образ, складывающийся в сознании людей относительно индивидуальных особенностей и ресурсов территории (природно-климатических, культурно-исторических, этнических, социально-экономических, политических и др.) [15]. Создание и продвижение положительного регионального имиджа является одним из факторов конкурентоспособности региона, выделяющих его на фоне всех остальных территориальных образований и способствующих привлечению в регион туристов, инвесторов и потенциальных жителей. При его формировании необходимо учитывать возможность использования в комплексе как объективных компонентов, устойчивых, не поддающихся быстрому изменению (природа, климат, природные ресурсы), так и компонентов, отражающих самобытность региона (атрибутика, концептуальные элементы, финансово-экономические, демографические и прочие особенности).

Под обязательствами бренда понимаются ожидания покупателей от взаимодействия с регионом, которые подкреплены его устойчивым имиджем и формируются в ходе тесного общения компании и потребителя [8]. В большинстве случаев процесс разработки бренда региона завершается созданием уникальной айдентики. «Внешняя оболочка», безусловно, важна для привлечения внимания потребителей. Однако формирование положительного потребительского опыта возможно, только если обещания региона соответствуют действительности.

Внешняя сила бренда в представленной модели предполагает степень побуждающего влияния бренда на потребительскую среду. Данная сила проявляется через четыре элемента. Рассмотрим данные элементы подробнее.

1. Символьные выгоды. Известно, что некоторые товары воспринимаются потребителями как бренды-символы [16]. Через такие товары потребитель может демонстрировать свой статус, передавать информацию о принадлежности к определенным группам, выражать свои эмоции и пр. Не являются исключением в данном контексте и города. В условиях развитой конкуренции стейкхолдеры все чаще обращают внимание на имидж города, формируемый символьными образами. Примерами городов-символов могут служить Иннополис как инновационный центр, наукоград России [17], Санкт-Петербург как «культурная столица» России⁶.

2. Функциональные выгоды. В отличие от символьных выгод, функциональные выгоды предоставляют потребителям конкретные решения проблем. К функциональным выгодам применительно к региону стоит отнести качество и доступность товаров и услуг, производимых в регионе, уровень развития инфраструктуры, доступность общественных благ и пр. Особую ценность придает эксклюзивность товаров или услуг. Примером применения эксклюзивных товаров в основе концепции регионального бренда является Кавказ, известный своими минеральными лечебными водами⁷.

3. Ассоциации с атрибутами предполагают устойчивые связи между атрибутами бренда – совокупностью элементов коммуникации, с помощью которых потребитель узнает, запоминает и воспринимает товар и бренд, – и другой информацией в памяти целевой аудитории.

4. Осведомленность о региональном бренде означает, что потребители и инвесторы не только слышали о регионе, но и могут вспомнить его уникальные характеристики, особенности позиционирования, популярные товары и услуги местных производителей.

⁶ Почему Санкт-Петербург – «культурная столица» России? Режим доступа: <https://www.culture.ru/s/vopros/sankt-peterburg/> (дата обращения: 02.11.2023).

⁷ Исаев В.А. Города-курорты Кавказских Минеральных Вод: главные достопримечательности. Режим доступа: <https://vodasila.ru/voda-i-chelovek/goroda-kurorty-kavkazskih-mineralnyh-ysclid=llcf5gyvcvq26455501> (дата обращения: 02.11.2023).

Как правило, разработчики брендов регионов делают основной акцент на формирование внешних сил бренда. Отчасти это обосновано тем, что под брендом многие исследователи понимают лишь создание айдентики региона. Однако стоит учитывать, что пока не будут решены внутренние проблемы региона (внутренние силы бренда), достичь успеха в данном процессе будет невозможно.

Факт активного применения маркетинговых коммуникаций в системе регионального брендинга является общеизвестным. При этом именно низкое качество коммуникаций, по мнению потребителей, является одним из важных препятствий повышения привлекательности производителей и брендов российских регионов. Так по результатам исследования, проведенного в 2022 г. Сибирским центром промышленного дизайна и прототипирования Томского государственного университета, на вопрос «Какие препятствия, на Ваш взгляд, существуют для повышения привлекательности производителей и брендов российских регионов?» респонденты ответили следующим образом: конкуренция со стороны брендов зарубежных производителей (53,3 %), низкое качество коммуникаций (42,3 %), негативное отношение к товарам отечественных производителей (41,6 %), низкое качество визуальной айдентики (33,4 %).

Для определения основных направлений коммуникативной политики региона в контексте исследования авторами обозначены три типа коммуникаций. Стоит отметить, что в основу классификации заложена модель имиджа города М. Каварациса [6]. Первый тип (природно-климатические особенности региона, уникальная архитектура городского пространства и достопримечательности, особенности организации городского пространства, включая развитость систем навигации, общественного транспорта, наличие культурных центров и т.п.) направлен на распространение сведений о регионе через значимые объекты или символы.

В основе коммуникаций второго типа, как правило, лежит целенаправленное доведение информации об особенностях регионального субъекта до целевой аудитории. Данные коммуникации направлены на формирование позитивного восприятия региона при помощи маркетинговых инструментов (рекламы, связей с общественностью и пр.).

Третий тип коммуникаций (передача «на словах», передача посредством средств массовой информации, через пропаганду) нуждается в особом внимании со стороны разработчиков регионального бренда. Сложность состоит в том, что ассоциации, мнения, представления и образ региона, а также их передача являются практически неконтролируемым процессом, но при этом вызывают наибольшее доверие у целевой аудитории. Повышение эффективности третьего типа коммуникаций возможно с использованием партиципаторных практик, то есть с вовлечением населения в принятие решений, поскольку население является основным стейкхолдером брендинга региона.

Представленные типы коммуникаций в совокупности призваны положительно влиять на представление целевых групп о регионе и инициировать их поведение, желательное для региона.

Продуманная и тщательно спланированная система регионального бренда позволяет сформировать резонанс бренда. Под резонансом авторами понимается отношение потребителей к бренду, восприятие его целей и ценностей, возникающая эмоциональная связь. Резонанс бренда имеет решающее значение для успеха региона, выступая кульминацией всех его усилий по формированию позитивного отношения. Как правило, резонанс возникает вследствие наличия определенных знаний о регионе, опыта покупки и опыта потребления товаров региональных производителей, а также определяет уровень лояльности, приверженности потребителя, поддержки и доверия. Именно прочная и углубленная эмоциональная связь с потребителями способствует формированию долгосрочных отношений, является важным катализатором повторных покупок. Резонанс бренда – конечная цель брендинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Формирование регионального бренда – это сложный процесс, включающий комплекс мер по разработке основы (платформы) бренда, определению уникальных ключевых характеристик, позволяющих в условиях серьезной конкурентной борьбы привлечь внимание потребителей, а также по разработке системы коммуникаций, способствующих доведению основных преимуществ региона до целевой аудитории. Региональный брендинг требует активного участия всех стейкхолдеров данного процесса, начиная от руководства регионов и заканчивая местными жителями. Только комплексный подход к формированию регионального бренда позволит получить

позитивный резонанс и сформировать положительный образ целого региона. В результате анализа была разработана модель формирования регионального бренда, отражающая основные его элементы, которые будут последовательно актуализироваться на протяжении всего его существования.

Список литературы

1. *Сморodinская Н.В., Катукoв Д.Д.* Россия в условиях санкций: пределы адаптации. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022;6:52–67. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
2. *Van Hoose K., Hoekstra M., Bontje M.* Marketing the unmarketable: place branding in a postindustrial medium-sized town. *Cities*. 2021;2(114):103216. <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2021.103216>
3. *Anholt S.* Competitive identity. The new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan; 2007. 147 p.
4. *Kotler Ph.* Marketing places Europe: how to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe. Financial Times Prentice Hall; 1999. 302 p.
5. *Moilanen T., Rainisto S.* How to brand nations, cities and destinations: a planning book for place branding. Springer; 2008. 202 p.
6. *Kavaratzis M., Ashworth G.J.* Place marketing: how did we get here and where are we going? *Journal of Place Management and Development*. 2018;2(1):150–165. <http://dx.doi.org/10.1108/17538330810889989>
7. Визгалов Д.В. Бренддинг города. М.: Институт экономики города; 2011. 155 с.
8. *Burmann Ch., Zeplin S.* Building brand commitment: a behavioral approach to internal brand management. *Journal of Brand Management*. 2005;4(12):279–300. <http://dx.doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540223>
9. *Burmann Ch., Zeplin S., Riley N.* Key determinants of internal brand management success: an exploratory empirical analysis. *Journal of Brand Management*. 2009;6(16):264–284. <http://dx.doi.org/10.1057/bm.2008.6>
10. *Щенетова И.В.* Формирование платформы бренда для компании в сфере horeca (методика, исследование, результат). Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2023;1(20):211–226. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2023-1-211-226>
11. *Полусьмак А.Д.* Лингвокогнитивные характеристики коммуникативной стратегии «легенда бренда». Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017;10(783):37–49.
12. *Моисеев А.Д.* Позиционирование территории как фактор повышения конкурентоспособности региона. В кн.: Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы: материалы XII очной Международной научно-практической конференции, Липецк, 26 апреля 2018 г. Липецк: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина; 2018. С. 95–99.
13. *Красюк И.А., Назарова Э.А.* Позиционирование региона как базис стратегического развития. Экономические науки. 2022;3(208):7–11.
14. *Bayraktaroglu F.* Management of a city brand: an examination on three stakeholders' attitudes. In: Advancing insights on brand management. London: IntechOpen; 2017. Pp. 157–174. <https://doi.org/10.5772/intechopen.69458>
15. *Беляева Ю.В.* Теоретические подходы к понятию имиджа территории. Молодой ученый. 2019;26(264):396–398.
16. *Бойко С.Г.* Роль знаков, символов и мифов в рекламной и PR-деятельности. Молодой ученый. 2020;16(306):290–292.
17. *Красносельских Е.А., Нагаева А.С.* Тенденции и проблемы развития инновационных центров (на примере IT-города Иннополис). Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017;4–2:22–24.

References

1. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Russia under sanctions: limits of adaptation. The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022;6:52–67. (In Russian). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
2. *Van Hoose K., Hoekstra M., Bontje M.* Marketing the unmarketable: place branding in a postindustrial medium-sized town. *Cities*. 2021;2(114):103216. <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2021.103216>
3. *Anholt S.* Competitive identity. The new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan; 2007. 147 p.
4. *Kotler Ph.* Marketing places Europe: how to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe. Financial Times Prentice Hall; 1999. 302 p.
5. *Moilanen T., Rainisto S.* How to brand nations, cities and destinations: a planning book for place branding. Springer; 2008. 202 p.
6. *Kavaratzis M., Ashworth G.J.* Place marketing: how did we get here and where are we going? *Journal of Place Management and Development*. 2018;2(1):150–165. <http://dx.doi.org/10.1108/17538330810889989>
7. *Vizgalov D.V.* City branding Moscow: The Institute for Urban Economics; 2011. 155 p. (In Russian).
8. *Burmann Ch., Zeplin S.* Building brand commitment: a behavioral approach to internal brand management. *Journal of Brand Management*. 2005;4(12):279–300. <http://dx.doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540223>

9. *Burmam Ch., Zeplin S., Riley N.* Key determinants of internal brand management success: an exploratory empirical analysis. *Journal of Brand Management*. 2009;6(16):264–284. <http://dx.doi.org/10.1057/bm.2008.6>
10. *Shchepetova I.V.* Building brand platform for the company in horeca sphere (methodology, research, result). *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2023;1(20):211–226. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2023-1-211-226>
11. *Poluosmak A.D.* Lingvocognitive characteristics of the “brand story” communicative strategy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2017;10(783):37–49. (In Russian).
12. *Moiseev A.D.* Territory positioning as a factor of competitiveness increase of the region. In: Sustainable development of Russia in the period of instability: external challenges and prospects: Proceedings of the XII Internal International Scientific and Practical Conference, Lipetsk, April 26, 2018. Lipetsk: Yelets State University named after I.A. Bunin; 2018. Pp. 95–99. (In Russian).
13. *Krasyuk I.A., Nazarova E.A.* Region positioning as a basis for strategic development. *Economic Sciences*. 2022;3(208):7–11. (In Russian).
14. *Bayrakdaroglu F.* Management of a city brand: an examination on three stakeholders’ attitudes. In: Advancing insights on brand management. London: IntechOpen; 2017. Pp. 157–174. <https://doi.org/10.5772/intechopen.69458>
15. *Belyaeva Yu.V.* Theoretical approaches to the image of the territory concept. *Young scientist*. 2019;26(264):396–398. (In Russian).
16. *Boyko S.G.* The role of signs, symbols and myths in advertising and PR activities. *Young scientist*. 2020;16(306):290–292. (In Russian).
17. *Krasnoselskikh E.D., Nagaeva A.S.* Trends and problems of innovation centers development (on the example of the IT-city Innopolis). *Actual problems of humanities and sciences*. 2017;4–2:22–24. (In Russian).

Влияние факторов развития обрабатывающей промышленности на экономику Северо-Западного федерального округа

Широкова Елена Юрьевна

Мл. науч. сотр. отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
ORCID: 0000-0002-7457-7844, e-mail: shir11@bk.ru

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия

Аннотация

В условиях постоянного ужесточения санкций против России стабильная работа обрабатывающей промышленности – один из основополагающих факторов устойчивости и активного роста экономики страны. С начала 2022 г. в России прилагается достаточно усилий для нейтрализации негативных последствий ухода иностранных компаний с рынка и замещения импортных товаров и технологий отечественными. Актуальным вопросом является оценка важности стабильной работы обрабатывающей промышленности для экономики государства и регионов. Для промышленно развитого Северо-Западного макрорегиона, значительно пострадавшего от разрыва взаимосвязей с Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки, важная задача – быстрое преобразование и переориентация товарных потоков, а также увеличение производств продукции с высокой добавленной стоимостью на основе добываемых в макрорегионе ресурсов. Целью исследования стало выявление силы влияния факторов развития обрабатывающей промышленности на валовый региональный продукт (далее – ВРП) на душу населения в Северо-Западном федеральном округе (далее – СЗФО). С помощью построенной эконометрической модели удалось оценить наиболее серьезные факторы, увеличение которых позволит воздействовать на экономику макрорегиона. Доказано, что преимущественно сильное положительное влияние на ВРП на душу населения в СЗФО имеет средняя численность работников малых предприятий: ее повышение на одного человека приводит к росту результирующей переменной на 1 055,76 руб. при прочих равных. Таким образом, в настоящее время активизация обрабатывающей промышленности с увеличением числа работников малого бизнеса станет драйвером восстановления и устойчивого развития экономики макрорегиона.

Ключевые слова

Северо-Западный макрорегион, обрабатывающая промышленность, эконометрическая модель, оценка факторов развития, влияние на экономику, внутренние факторы развития, драйверы экономического роста

Благодарности. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Для цитирования: Широкова Е.Ю. Влияние факторов развития обрабатывающей промышленности на экономику Северо-Западного федерального округа // Вестник университета. 2024. № 1. С. 89–97.

Influence of development factors of manufacturing industry on the economy of the North-Western Federal District

Elena Yu. Shirokova

Junior Researcher at the Problems of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems Department
ORCID: 0000-0002-7457-7844, e-mail: shir11@bk.ru

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract

Due to constant tightening of the sanctions policy against Russia, the stable manufacturing industry is among fundamental factors of sustainability and active growth of the country's economy. Since the beginning of 2022, sufficient efforts have been made to neutralise the negative consequences of foreign companies leaving the market and replace imported goods and technologies with domestic ones. An urgent issue is to assess importance of stable manufacturing industry for the economy of the country and its regions. For the industrially developed North-Western macroregion, which has been seriously affected by the disruption of relations with the European Union and the United States of America, the rapid restructuring and reorientation of commodity flows is an important task, alongside with the increase in production of high value-added goods based on the resources of the macroregion. The purpose of the study was to identify how much factors of development of the manufacturing industry influence gross regional product (hereinafter referred to as GRP) per capita in the North-Western Federal District (hereinafter referred to as NWFD). The constructed econometric model made it possible to assess the most serious factors, the increase of which will allow to influence the economy of the macroregion. It is proved that the average number of employees of small enterprises has the strongest positive impact on GRP per capita in the NWFD as its increase by 1 person leads to an increase in the resulting variable by 1,055.76 rubles, all other things being equal. Thus, currently, the activation of the manufacturing industry with more employees of small business will become a driver of recovery and sustainable development of the macroregion's economy.

Keywords

North-Western macroregion, manufacturing industry, econometric model, development factors assessment, impact on economy, internal development factors, economic growth drivers

Acknowledgments. The study was conducted within the scientific-research work No. FMGZ-2022-0012 "Factors and methods of sustainable socio-economic development of territorial systems in changing conditions of external and internal environment."

For citation: Shirokova E.Yu. (2024) Influence of development factors of manufacturing industry on the economy of the North-Western Federal District. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 89–97.

ВВЕДЕНИЕ

С начала 2022 г. с Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) прекратило сотрудничать большое количество зарубежных компаний, ранее поставлявших в страну свою продукцию или разместивших на ее территории свои заводы и представительства. Судя по данным таможенной статистики, существенная доля импорта во внешней торговле со странами, впоследствии занесенными в список недружественных и поддержавшими санкции против РФ, приходилась на высокотехнологичное оборудование, машины, станки и механизмы. Не стоит также забывать об импортной зависимости от технологий и сервисных услуг, которые в современном мире более важны, нежели механизмы. Активизация политики импортозамещения и внедрение практики параллельного импорта способствуют решению актуальных для экономики России задач: восстановление производства ранее создаваемых или собираемых в государстве зарубежных товаров, нивелирование негативных эффектов от серьезной импортной зависимости от товаров из недружественных стран и поддержание устойчивого развития экономики.

На регионы страны по-разному повлияло прекращение поставок определенного вида продукции, усиление санкционного давления и отказ зарубежных партнеров от совместной деятельности. В Северо-Западном федеральном округе (далее – СЗФО) насчитывается множество крупных промышленных предприятий, активно сотрудничавших со странами Европейского союза, Соединенными Штатами Америки и другими государствами, которые поддерживают санкции против России. Часть этих производств составляла практически всю продукцию на экспорт в данные страны¹, многие предприятия оснащены станками и другим производственным оборудованием, произведенным в недружественных странах, и зависят от поставок зарубежных запасных частей, сырья и полуфабрикатов. Динамика индекса промышленного производства (далее – ИПП) за 2022 г. позволила выделить наиболее пострадавшие регионы: субъекты с активно развивающимся автопроизводством, лидеры лесной отрасли, металлургические и угледобывающие территории². Антилидером в СЗФО по этому показателю стала Калининградская область: производственные показатели снизились из-за остановки работы крупнейшего автопроизводителя. В то же время ИПП в Санкт-Петербурге стабильно остается выше 100 % (2021 г. – 107,7 %; 2022 г. – 103,7 %), губернатор города отмечает серьезный вклад обрабатывающей промышленности в доходную часть бюджета [1].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является оценка влияния факторов развития обрабатывающей промышленности на экономику СЗФО. Для достижения цели решены следующие задачи:

- 1) отбор доступных статистических данных, представляющих показатели функционирования обрабатывающих производств для макрорегиона, на максимально доступном временном промежутке (2011–2020 гг.);
- 2) составление корреляционной матрицы показателей для выявления связи между индикаторами и возможной мультиколлинеарности;
- 3) разработка модели для количественной оценки влияния обрабатывающей промышленности на экономику макрорегиона и определение силы воздействия индикаторов на подушевой валовой региональный продукт (далее – ВРП).

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Предприятия, занимающиеся обрабатывающими видами экономической деятельности (химические производства, машиностроительные предприятия, электронная промышленность и др.), в современном мире являются драйверами экономического роста. Сектор обрабатывающих производств до начала активного расширения сферы услуг приносил в экономику государств максимальную прибыль. Страны, на территории которых находятся производители, выпускающие продукцию с высокой добавленной стоимостью, разрабатывают меры стимулирования их расширения и появления новых организаций вследствие их положительного влияния на социально-экономическое развитие государства. Обрабатывающие производства выступают внутренними факторами экономического роста [2], базисом для развития при наличии проблем и ограничений во внешнеторговой сфере страны и региона.

¹Максимова Е. Автопром, лес, уголь, газ... Какие отрасли экономики упали и не отжились. Режим обращения: <https://newizv.ru/news/2022-12-06/avtoprom-les-ugol-gaz-kakie-otrasli-ekonomiki-upali-i-ne-otzhalis-372520> (дата обращения: 20.10.2023).

²Тен А. Индекс с неясными перспективами. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5644810> (дата обращения: 22.10.2023).

Исследование возможности активизации обрабатывающей промышленности [3] и ее перспективы [4; 5] в научных кругах ведется для установления возможностей ускорения экономического роста стран и регионов. Определение текущего состояния сектора помогает выявить потенциал его развития для конкретного региона [6] и страны [7; 8]. Так как обрабатывающие производства для выпуска конкурентной продукции и поддержания ее качества должны инвестировать в модернизацию оборудования, повышение квалификации сотрудников и проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, то государство прорабатывает конкретные меры поддержки для сектора [9].

Интерес ученых вызывает четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0), которая подразумевает массовое внедрение информационных технологий в промышленность, автоматизацию бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта. Авторы определяют перспективы промышленного производства после ее завершения для мира в целом [10] и конкретного региона в частности [11], а также характеризуют уже полученный опыт [12; 13]. Отдельные работы посвящены факторам, влияющим на развитие обрабатывающей промышленности [14; 15]: человеческому капиталу [16], износу основных фондов [17], взаимному влиянию регионов [18], инновационно-технологическим факторам [19] и т.д. Некоторые исследователи доказывают, что сама обрабатывающая промышленность является фактором, положительно влияющим на экономику страны и региона [20–22].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной основой исследования являются статистические данные Федеральной службы государственной статистики. В качестве переменных для модели влияния обрабатывающей промышленности на ВРП на душу населения были выбраны индикаторы, отражающие функционирование предприятий этого вида деятельности и доступные в официальной статистике в разрезе макрорегионов на максимальном временном промежутке. Показатели отражают разные стороны функционирования обрабатывающих производств: кадры, объем выпускаемой продукции, инвестиционную деятельность, состояние основных фондов, количество организаций и пр.

Предмет исследования – обрабатывающая промышленность СЗФО, для которого нарастание выпуска конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью представляется драйвером роста экономики в условиях высокой импортной зависимости от недружественных стран и серьезных изменений геополитической ситуации.

В работе применены общенаучные методы, корреляционный анализ и многофакторное эконометрическое моделирование. Для построения регрессионной модели использован пакет Microsoft Excel.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

После выделения показателей, рассчитанных для обрабатывающей промышленности в СЗФО, из их перечня были исключены те, что имеют сильную положительную или отрицательную взаимосвязь для избегания мультиколлинеарности в модели. Исходный перечень показателей представлен в табл. 1.

Таблица 1

Показатели, отражающие функционирование обрабатывающих производств

№	Индикатор
1	Степень износа основных фондов
2	Удельный вес полностью изношенных основных фондов в их общем объеме
3	Количество фактически отработанного времени на всех видах работ по производству товаров и услуг (в среднем за год)
4	Поступление налогов и сборов в бюджетную систему РФ по основным видам экономической деятельности
5	Средняя численность работников малых предприятий (без микропредприятий)
6	Количество рабочих мест на всех видах работ по производству товаров и услуг (в среднем за год)
7	Рентабельность активов
8	Количество отгруженных товаров собственного производства, количество выполненных работ и услуг собственными силами
9	Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности

Окончание табл. 1

№	Индикатор
10	Ввод новых основных фондов по полному кругу организаций
11	Количество организаций по данным государственной регистрации
12	Долгосрочные финансовые вложения, осуществленные организацией
13	Амортизация основных фондов, начисленная за отчетный год, в коммерческих организациях (без субъектов малого предпринимательства)

Источник³

Результирующей переменной в эконометрической модели является ВРП на душу населения. Последовательное исключение показателей, тесно связанных между собой, привело к составлению корреляционной матрицы, отраженной в табл. 2.

Таблица 2

Корреляционная матрица

Переменная	Y	X1	X2	X3	X4	X5
Y	1	-0,04	-0,07	0,68	0,82	0,68
X1	-0,04	1	-0,14	0,62	-0,07	-0,39
X2	-0,07	-0,14	1	-0,11	-0,37	-0,58
X3	0,68	0,62	-0,11	1	0,54	0,15
X4	0,82	-0,07	-0,37	0,54	1	0,77
X5	0,68	-0,39	-0,58	0,15	0,77	1

Составлено автором по материалам исследования

Из списка переменных были исключены показатели, сила связи между которыми превышала значение 0,9, что можно интерпретировать как высокую степень их взаимозависимости. Чтобы избежать мультиколлинеарности в модели, установим порог парного коэффициента корреляции для отбора показателей в модель по итогам построенной корреляционной матрицы в 0,85.

Таким образом, в перечень переменных для модели вошли:

- X1 – количество фактически отработанного времени на всех видах работ по производству товаров и услуг, в среднем за год, тыс. человеко-часов;
- X2 – средняя численность работников малых предприятий (без микропредприятий) с 2017 г., чел.;
- X3 – количество рабочих мест на всех видах работ по производству товаров и услуг, в среднем за год, ед.;
- X4 – рентабельность активов, %;
- X5 – количество отгруженных товаров собственного производства, количество выполненных работ и услуг собственными силами, тыс. руб.

Все индикаторы отражают функционирование обрабатывающих производств в СЗФО с 2011 г. по 2020 г. Линейная множественная регрессия была выбрана для оценки влияния факторов развития этого сектора на экономику макрорегиона, потому что она позволяет четко интерпретировать соотношение между зависимой и независимыми переменными, выявить значимость конкретного фактора для ВРП СЗФО и спрогнозировать его изменение при росте или уменьшении переменных в модели.

При построении эконометрической модели было выявлено, что некоторые из вышеперечисленных показателей не являются статистически значимыми и их можно удалить из уравнения без потери качества оценки влияния. Так, незначимыми оказались индикаторы, отражающие фактически отработанное время (X1) и рентабельность активов (X4). В итоговую эконометрическую модель вошли три индикатора, значительно влияющие на экономику макрорегиона (1).

$$Y = -527\,563\,594 + 1\,055,76 \cdot X2 + 550,52 \cdot X3 + 0,02 \cdot X5,$$

где Y – ВРП на душу населения, руб.

³ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 27.10.2023).

Коэффициент детерминации уравнения составляет 97,4 %, то есть изменение ВРП на душу населения практически полностью объясняется присутствующими в уравнении переменными. Коэффициент множественной корреляции, показывающий тесноту связи зависимой переменной Y с включенными в модель факторами, равен 0,99. Общая статистика F для модели равна 74,44. $F_{крит} = 4,76$: более высокое значение F , превышающее $F_{крит}$, указывает на наличие линейной функциональной связи между объясняющими переменными (X_2 , X_3 и X_5) и переменной отклика Y . $F = 3,8$ доказывает статистическую значимость регрессионной модели.

Все коэффициенты при переменных также являются статистически значимыми, так как их t -критерии Стьюдента превышают табличные значения показателя. Качество построенной модели можно оценить, рассчитав относительную ошибку аппроксимации. Ее значение равно 4,6 %, что указывает на ее хорошее качество, так как уровень ошибки меньше 15 %.

Таким образом, из построенной модели понятно, что наращивание всех переменных приводит к увеличению ВРП на душу населения и, соответственно, к росту экономики Северо-Западного макрорегиона. Наибольшее влияние на ее рост имеет средняя численность работников малых предприятий обрабатывающей промышленности: при увеличении показателя на одного человека ВРП на душу населения в СЗФО также увеличится на 1 055,76 руб., если остальные переменные останутся неизменными.

Второй показатель, имеющий сильное положительное влияние на экономику СЗФО, – количество рабочих мест в обрабатывающих производствах: при их росте на одну единицу произойдет увеличение результирующего показателя на 550,52 руб. при неизменности остальных индикаторов. Наименее сильное влияние на экономику макрорегиона имеет показатель, отражающий объем отгруженного товара собственного производства, выполненных работ и оказанных собственными силами услуг на обрабатывающих предприятиях: с его увеличением на 1 млрд руб. произойдет увеличение ВРП на душу населения на 20 тыс. руб. при условии отсутствия изменения других переменных.

Математическая интерпретация полученного значения свободного члена регрессии – значение при нулевом уровне всех переменных. Однако в большинстве экономических задач регрессор не может принять нулевое или близкое к нулю значение, поэтому свободный член линейной регрессии в данном случае относится к неинтерпретируемым параметрам.

Перед построением прогноза изменения величины ВРП на душу населения для СЗФО необходимо дать интервальную оценку изменения величины данного показателя в связи с тем, что оценки прогноза будут построены по выборочной совокупности для переноса на генеральную совокупность. С этой целью рассчитаем среднее предсказанное значение Y – 318 502 013. Для определения величины разброса показателя величина дисперсии будет равна 17 885 413,65 (доверительная вероятность – 99 %, количество наблюдений – 10, критерий Стьюдента – 3,25). Используя все полученные данные, получим точность и построим 99 %-ный доверительный интервал (318 502 013 + 18 380 629,15; 318 502 013 – 18 380 629,15). В результате можно указать, что величина ВРП имеет разброс $\pm 18 380 629,15$ от среднего значения: 336 882 642,2; 300 121 383,9.

С помощью построенной модели создадим прогноз роста ВРП на душу населения в СЗФО, учитывая наращивание отдельных факторов развития обрабатывающей промышленности (табл. 3).

Таблица 3

Прогноз изменения ВРП на душу населения

№	Изменение показателя	Изменение результирующей переменной, %
1	$X_2 = 1,1 \cdot X_2$	105,4
2	$X_3 = 1,1 \cdot X_3$	121,7
3	$X_5 = 1,1 \cdot X_5$	102,7
4	$X_2 = 1,1 \cdot X_2$ $X_3 = 1,1 \cdot X_3$ $X_5 = 1,1 \cdot X_5$	128,3

Составлено автором по материалам исследования

При прогнозировании изменения ВРП на душу населения были использованы данные за 2020 г., прогноз является одношаговым, то есть составлен на следующий год. Для составления прогноза развития экономики региона были взяты следующие изменения показателей:

- 1) при увеличении средней численности работников малых предприятий на 10 %;
- 2) при увеличении количества рабочих мест на всех видах работ по производству товаров и услуг на 10 %;
- 3) при увеличении объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на 10 %;
- 4) при одновременном росте всех переменных, входящих в модель, на 10 %.

Стоит отметить существенный рост результирующей переменной при увеличении количества рабочих мест в обрабатывающих производствах. Это объясняется тем, что ее значение в 8,6 раза превышает среднее число работников малых предприятий. Усиление каждого фактора развития данного сектора будет способствовать росту ВРП на душу населения в макрорегионе на 28,3 % относительно уровня 2020 г.

Следует отметить, что составление прогноза развития экономики СЗФО на основе данных 2020 г. необходимо использовать с уточнением контекста. В 2020 г. началось распространение пандемии коронавируса, поэтому на всей территории РФ был введен период локдауна с прекращением работы большинства предприятий. В то же время работа некоторых промышленных предприятий, особо значимых для экономики регионов СЗФО, не была остановлена, и поэтому производственный сектор этого макрорегиона не понес серьезных потерь. Следовательно, показатели 2020 г. не считаются выбросами и могут быть включены в модель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом в работе были выявлены три фактора, отражающие функционирование обрабатывающих производств в СЗФО и напрямую влияющие на развитие экономики макрорегиона. Установлено, что наиболее сильное положительное влияние на рост ВРП на душу населения в Северо-Западном макрорегионе имеет средняя численность работников малых предприятий обрабатывающей промышленности. Менее серьезное влияние на наращивание экономики оказывает число рабочих мест на данных предприятиях. Обосновано, что наименее сильным влиянием обладает объем отгруженного товара собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг собственными силами.

Результаты исследования представляют интерес для органов исполнительной власти регионов СЗФО при корректировке и разработке мероприятий по развитию экономики и обрабатывающих производств. Работа вносит вклад в исследования по оценке воздействия внутренних факторов развития на экономику территориальных образований, достигнутые результаты могут служить основой для региональных сопоставлений и анализа силы воздействия разных видов деятельности на экономические показатели регионов.

Список литературы

1. Широкова Е.Ю. Внешнеторговая зависимость экономики регионов СЗФО: проблемы и возможности. Вопросы территориального развития. 2022;1(10):1–19. <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.1.61.3>
2. Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В., Смирнова Т.Г. Проблемы экономического роста территории. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН; 2013. 170 с.
3. Корнев А.К., Максимцова С.И. Как обеспечить рост производства продукции обрабатывающей промышленности. Проблемы прогнозирования. 2020;5:108–119.
4. Шиплюк В.С., Мазилев Е.А. Перспективы развития обрабатывающих производств региона в условиях цифровизации. Проблемы развития территории. 2021;6(25):82–99. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.116.5>
5. Широкова Е.Ю. Инновационные точки роста обрабатывающей промышленности региона. Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022;60:48–69. <https://doi.org/10.17223/19988648/60/4>
6. Соколов А.В., Бажанов В.А. Обрабатывающие производства Сибирского макрорегиона в условиях современных вызовов. Проблемы прогнозирования. 2020;1:110–116.
7. Ларичева Е.А. Оценка состояния обрабатывающих производств в России. Экономика и эффективность организации производства. 2020;32:26–30.
8. Сухарев О.С., Глазунова В.В. Обрабатывающие производства России: структура инноваций и стратегия экспорта и замещения импорта машин. Экономические стратегии. 2019;6(164):78–89. <https://doi.org/10.33917/es-6.164.2019.78-89>
9. Бажанов В.А. Государственное регулирование производства продукции обрабатывающей промышленности. Мир экономики и управления. 2020;20(2):5–23. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-2-5-23>

10. *Carvalho N.G.P., Chaim O., Cazarini E., Gerolamo M.C.* Manufacturing in the fourth industrial revolution: a positive prospect in sustainable manufacturing. *Procedia Manufacturing*. 2018;4(21):671–678. <http://dx.doi.org/10.1016/j.promfg.2018.02.170>
11. *Kamble S.S., Gunasekaran A., Sharma R.* Analysis of the driving and dependence power of barriers to adopt Industry 4.0 in Indian manufacturing industry. *Computers in Industry*. 2018;101:107–119. <http://dx.doi.org/10.1016/j.compind.2018.06.004>
12. *Veile J.W., Kiel D., Müller J.M., Voigt K.-I.* Lessons learned from Industry 4.0 implementation in the German manufacturing industry. *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2020;5(31):977–997. <http://dx.doi.org/10.1108/JMTM-08-2018-0270>
13. *Ustinova L.N.* Analysis of industrial development in the country's regions based on Industry programs 4.0. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2021;2(14):105–114. <https://doi.org/10.18721/JE.14207>
14. *Ермакова К.А., Штоколова К.В.* Оценка влияния факторов внутренней и внешней среды на предприятие обрабатывающего производства. *Вектор экономики*. 2018;11(29):51–55.
15. *Николаев М.А., Махотеева М.Ю.* Факторы устойчивости обрабатывающей промышленности регионов России. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2021;3(14):62–72. <https://doi.org/10.18721/JE.14305>
16. *Мухомова Д.Х.* Человеческий капитал в развитии обрабатывающей промышленности. *Человеческий капитал*. 2021;3(147):151–162. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.03.13>
17. *Наумов П.В., Никулина Н.А.* Сценарное моделирование и прогнозирование степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;4(15):155–171. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.10>
18. *Петров М.Б., Серков А.А., Кожов К.Б.* Моделирование гетерогенности взаимовлияния регионов страны в сфере обрабатывающей промышленности. *Экономика региона*. 2021;3(17):944–955. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-16>
19. *Борисов В.Н., Почукаев К.Г.* Факторы инновационно-технологического развития промышленного сектора. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2018;16:419–436.
20. *Себастиану Б.Ж.* Развитие обрабатывающей промышленности Анголы как фактор, обеспечивающий конкурентоспособность экономики страны. *Вестник университета*. 2018;11:84–90. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-11-84-90>
21. *Мухомова Д.Х.* Обрабатывающая промышленность – важный фактор устойчивого развития экономики. *Colloquium-journal*. 2019;24–8(48):57–59.
22. *Wang Sh.-X., Lu W.-M., Hung Sh.-W.* Improving innovation efficiency of emerging economies: the role of manufacturing. *Managerial and decision economics*. 2019;4(41):503–519. <https://doi.org/10.1002/mde.3116>

References

1. *Shirokova E.Yu.* Foreign trade economic dependence of the NWFD regions: problems and opportunities. *Territorial Development Issues*. 2022;1(10):1–19. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.1.61.3>
2. *Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G.* Problems of economic growth of the territory. *Vologda: Institute of Socio-Economic Development of the RAS*; 2013. 170 p. (In Russian).
3. *Kornev A.K., Maksimtsova S.I.* How to ensure the growth of manufacturing production. *Problemy prognozirovaniya*. 2020;5:108–119. (In Russian).
4. *Shiplyuk V.S., Mazilov E.A.* Prospects for developing the region's manufacturing industries in the context of digitalization. *Problems of Territory's Development*. 2021;6(25):82–99. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.116.5>
5. *Shirokova E.Yu.* Innovative growth points of the region's manufacturing industry. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2022;60:48–69. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/19988648/60/4>
6. *Sokolov A.V., Bazhanov V.A.* Manufacturing industries of the Siberian macroregion in the context of modern challenges. *Problemy prognozirovaniya*. 2020;1:110–116. (In Russian).
7. *Laricheva E.A.* Assessment of the state of manufacturing industries in Russia. *Economics and efficiency of production organisation*. 2020;32:26–30. (In Russian).
8. *Sukharev O.S., Glazunova V.V.* Machining production of Russia: structure of innovations and export strategy and replacement of import of machines. *Economic Strategies*. 2019;6(164):78–89. (In Russian). <https://doi.org/10.33917/es-6.164.2019.78-89>
9. *Bazhanov V.A.* State regulation of manufacturing and manufacturing markets. *World of Economics and Management*. 2020;20(2):5–23. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-2-5-23>
10. *Carvalho N.G.P., Chaim O., Cazarini E., Gerolamo M.C.* Manufacturing in the fourth industrial revolution: a positive prospect in sustainable manufacturing. *Procedia Manufacturing*. 2018;4(21):671–678. <http://dx.doi.org/10.1016/j.promfg.2018.02.170>
11. *Kamble S.S., Gunasekaran A., Sharma R.* Analysis of the driving and dependence power of barriers to adopt Industry 4.0 in Indian manufacturing industry. *Computers in Industry*. 2018;101:107–119. <http://dx.doi.org/10.1016/j.compind.2018.06.004>

12. *Veile J.W., Kiel D., Müller J.M., Voigt K.-I.* Lessons learned from Industry 4.0 implementation in the German manufacturing industry. *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2020;5(31):977–997. <http://dx.doi.org/10.1108/JMTM-08-2018-0270>
13. *Ustinova L.N.* Analysis of industrial development in the country's regions based on Industry programs 4.0. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2021;2(14):105–114. <https://doi.org/10.18721/JE.14207>
14. *Ermakova K.L., Shtokolova K.V.* Assessment of influence of internal and external factors on the manufacturing enterprise. *Vektor ekonomiki*. 2018;11(29):51–55. (In Russian).
15. *Nikolaev M.A., Makhotova M.Yu.* Factors of the manufacturing industry sustainability in the regions of Russia. *St. Petersburg State Polytechnic University Journal. Economics*. 2021;3(14):62–72. (In Russian). <https://doi.org/10.18721/JE.14305>
16. *Mukhsimova D.Kb.* Human capital in the development of the processing industry. *Human capital*. 2021;3(147):151–162. (In Russian). <https://doi.org/10.25629/HC.2021.03.13>
17. *Naumov I.V., Nikulina N.L.* Scenario modeling and forecast of the degree of depreciation of fixed assets at manufacturing enterprises in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;4(15):155–171. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.10>
18. *Petrov M.B., Serkov L.A., Kozhov K.B.* Modelling the heterogeneity of the mutual influence between Russian regions in the manufacturing industry. *Economy of region*. 2021;3(17):944–955. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-16>
19. *Borisov V.N., Pochukaev K.G.* Factors of innovative and technological development of the industrial sector. *Scientific papers: Institute of Economic Forecasting of the RAS*. 2018;16:419–436. (In Russian).
20. *Sebastian B.J.* The development of manufacturing industry of Angola as a factor of ensuring the competitiveness of the country's economy. *Vestnik universiteta*. 2018;11:84–90. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-11-84-90>
21. *Mubsimova D.H.* Processing industry is an important factor of sustainable economic development. *Colloquium-journal*. 2019;24–8(48):57–59. (In Russian).
22. *Wang Sh.-X., Lu W.-M., Hung Sh.-W.* Improving innovation efficiency of emerging economies: the role of manufacturing. *Managerial and decision economics*. 2019;4(41):503–519. <https://doi.org/10.1002/mde.3116>

Особенности продвижения бизнес-экосистем

Аржанова Кристина Александровна¹

Канд. психол. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0002-9785-5069, e-mail: ka_arzhanova@guu.ru

Качалова Арина Сергеевна²

Ведущий контент-менеджер
ORCID: 0009-0000-9953-1298, e-mail: arinakachalova@bk.ru

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²Общество с ограниченной ответственностью «СОК», г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена инструментарию продвижения бизнес-экосистем России в 2023 г. Цель исследования – определить данный инструментарий. Методологическую основу составили базовые работы по продвижению бизнеса, бизнес-экосистем. В процессе проведения исследования были изучены интернет-ресурсы российских компаний и рассматриваемого объекта, источники средств массовой информации по направлению маркетинга, рекламы и связей с общественностью, а также работы российских и зарубежных авторов. Рассматриваются основные инструменты продвижения бизнеса через геосервисы, инфлюенсеров и электронную почту, описываются их особенности и специфика применения. Анализируются направления, при помощи которых российские бизнес-экосистемы уже продвигают свои товары и услуги: ведение собственного медиа, масштабный ребрендинг, который затрагивает позиционирование и визуальную составляющую, а также проведение различных мероприятий, направленных на достижение целей компании. Также в статье прогнозируется направление трендов при продвижении бизнес-экосистем, которые новые бизнес-экосистемы смогут включить в процесс построения собственной маркетинговой стратегии. Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с работой над определением этапов продвижения, пониманием того, каким образом это можно делать с учетом специфики определенной компании.

Ключевые слова

Продвижение бизнеса, цифровая среда, бизнес-экосистема, продвижение бизнес-экосистемы, маркетинг, реклама, инфлюенсеры, геосервисы, медиа, ребрендинг

Благодарности. Работа выполнена в рамках гранта Государственного университета управления (НИР № 4009-23) «Выявление маркетинговых трендов и их применение при продвижении компаний».

Для цитирования: Аржанова К.А., Качалова А.С. Особенности продвижения бизнес-экосистем // Вестник университета. 2024. № 1. С. 98–104.

Features of business ecosystems promotion

Kristina A. Arzhanova¹

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department
ORCID: 0000-0002-9785-5069, e-mail: ka_arzhanova@guu.ru

Arina S. Kachalova²

Leading Content Manager
ORCID: 0009-0000-9953-1298, e-mail: arinakachalova@bk.ru

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Limited Liability Company “SOK”, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the tools for promoting business ecosystems in Russia in 2023. The purpose of the study is to determine the tools. The methodological basis of this study was formed by the main works on business and business ecosystems promotion. In the course of the research, the following sources were examined: the Internet resources of Russian companies and the object in question, mass media sources in the field of marketing, advertising and public relations, as well as the works of Russian and foreign authors. The main tools of business promotion with the help of geo-services, influencers, and electronic mail are considered, and their features, application specifics are described. The following directions that Russian business ecosystems are already using to promote their goods and services are analysed: management of their own media, large-scale rebranding, which affects positioning and visual component, holding various events aimed at achieving a company's goals. The article also predicts the direction of trends in business ecosystems promotion. They can be included by new business ecosystems when building their own marketing strategy. Further research in this field may be connected to work on determining the stages of business ecosystems promotion, understanding how this can be done with consideration to the specificity of a particular company.

Keywords

Business promotion, digital environment, business ecosystem, business ecosystem promotion, marketing, advertising, influencers, geo-services, media, rebranding

Acknowledgements. The research was conducted within the framework of the State University of Management grant (Scientific Research No. 4009-23) “Market trends identification and their application in business promotion.”

For citation: Arzhanova K.A., Kachalova A.S. (2024) Features of business ecosystems promotion. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 98–104.

ВВЕДЕНИЕ

В период импортозамещения отечественные бизнес-экосистемы становятся все более существенными для функционирования современного рынка, страны, бизнеса и общества в целом. Основным посылом к развитию таких систем является развитие сложных организационных структур, а также форматов партнерств, которые напрямую связаны с изменениями внешней среды, появлением новейших цифровых технологий, ожиданиями пользователей и рынка [1]. Сегодня эти факторы требуют от бизнес-экосистем быстрых инновационных подходов к реализации и решениям, чтобы компания оставалась конкурентоспособной на быстроразвивающемся рынке.

Важно отметить, что роль бизнес-экосистем возрастает с каждым годом. Так, например, аналитики J'son & Partners Consulting прогнозируют, что к 2024 г. объем российского рынка экосистем вырастет с 21 млрд руб. до 39,4 млрд руб., а успешность их развития будет зависеть от понимания потребностей клиентов, темпа разработки продуктов, эффективного продвижения и других факторов¹. Именно благодаря бизнес-экосистемам компании смогут расти, делиться ресурсами, знаниями и опытом, объединяться и совместно работать над созданием инновационных технологий.

В рамках данной статьи будет рассматриваться инструментарий, необходимый при продвижении бизнес-экосистем в 2023 г. на российском рынке.

Вначале раскроем содержание двух основных понятий: «бизнес-экосистема» и «продвижение бизнеса». Р. Аднер в своей работе отмечал, что бизнес-экосистема – это структура, которая выстроена вокруг существующего единого центра и состоит из некоторого количества партнеров. Им важно взаимодействовать друг с другом, чтобы воплотить предложение, которое будет ценно для общества [2]. Другое направление понятия отметил Д.С. Ох, подчеркивая, что бизнес-экосистема представляет собой прежде всего комплекс отношений, который существует между некоторыми объектами и объединен одной целью – обеспечением инновационного и технологического развития [3]. Под продвижением бизнеса понимается набор маркетинговых инструментов, практик или действий, а также форм коммуникации, которые направлены на преодоление уровня продаж путем привлечения внимания потенциальных покупателей через точки продаж, информацию, убеждения, обучение и поддержание заинтересованности покупателя к продукту и самой компании [4].

МЕТОДОЛОГИЯ

Проблема исследования заключается в отсутствии системного подхода к продвижению быстро развивающихся бизнес-экосистем. Цель исследования состоит в определении основного инструментария для их продвижения.

Задачи исследования:

- провести анализ основного инструментария продвижения бизнеса в России;
- рассмотреть существующий инструментарий для продвижения отечественных бизнес-систем;
- спрогнозировать направление трендов продвижения бизнес-экосистем в 2023 г.

Методологическая основа исследования – базовые работы отечественных и зарубежных авторов по продвижению бизнеса и бизнес-экосистем. Были изучены различные интернет-ресурсы и источники российских компаний, бизнес-экосистем, а также средств массовой информации, работающих в сфере общественных отношений, рекламы и маркетинга. Методами исследования выступили теоретические методы: анализ, синтез, проблематизация, дедукция и индукция. Общим методом был выбран метод анализа. Статья состоит из введения, трех разделов и заключения.

АНАЛИЗ ОСНОВНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ БИЗНЕСА В РОССИИ

Прежде чем определить и проанализировать основной инструментарий продвижения бизнеса в Российской Федерации, важно обратиться к данным об объеме рынка рекламы в средствах ее распространения от Ассоциации коммуникационных агентств России. Нами была рассмотрена динамика рекламного

¹ Цомык Г. Почему открытые экосистемы – это win-win для клиентов и бизнеса. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/crmr/6177de3d9a79471b02d6ce82> (дата обращения: 22.10.2023).

рынка с 2018 г. по 2022 г.² Исходя из результатов анализа ниже будет выделен основной инструментальный продвижения бизнеса в интернет-среде. Можно заметить, что наибольший объем рекламного рынка в 2022 г. был представлен в интернет-сегменте. Он составил 313,8 млрд руб.^{3,4}

Основными целями продвижения бизнеса являются следующие: привлечение новых клиентов (в период импортозамещения важно привлечение аудитории, которая ранее пользовалась зарубежными товарами/услугами), укрепление позитивного имиджа на рынке среди других конкурентов, повышение спроса на товар или услугу, а также увеличение продаж. Для достижения этих целей подходят следующие четыре инструмента продвижения.

1. Продвижение в геосервисах. В период, когда с российского рынка ушли основные социальные сети и каналы для размещения платной рекламы, важно находить новые каналы для поиска «своей» аудитории и дальнейшего увеличения продаж. Сегодня предприниматели и их команды могут продвигать свой бизнес не только при помощи привычных инструментов, медийной и баннерной рекламы в отечественных поисковиках, но и в различных агрегаторах с ежемесячной аудиторией более 39 млн чел. (уникальные пользователи)⁵. Одним из основных инструментов является покупка рекламы в «Яндекс Картах» и «2ГИС», а также поддержание актуальной информации в этих агрегаторах: название, адрес, время работы, описание, фото, карточки с акциями в формате историй⁶.

При рассмотрении инструментария геосервисов было замечено, что большую популярность набирает формат отзывов. Данные агрегаторы становятся важной платформой для коммуникации бизнеса с потребителем. Исследование BrightLocal в 2022 г. показало, что 98 % пользователей читают онлайн-отзывы до покупки⁷.

2. Работа с блогерами. Сегодня около 94 % маркетологов используют в своей работе инфлюенс-маркетинг. Такой большой процент использования обоснован тем, что, по подсчетам экспертов, ROI (англ. return on investment – коэффициент возврата инвестиций) в 11 раз выше при инфлюенс-маркетинге, чем при традиционных инструментах продвижения [5]. Прежде чем начать эффективное продвижение через инфлюенсеров, бизнес должен пройти следующие этапы: определить цели компании и основную ее аудиторию, установить примерный бюджет и выбрать на основе этих данных тип блогера (микро-инфлюенсер, нано-инфлюенсер и др.), сделать выборку инфлюенсеров и проанализировать деятельность и смежность с целями бизнеса, разработать рекламное сообщение, оценить эффективность кампании на протяжении всего рекламного процесса, подвести конечные итоги⁸.

Многие бизнесы в 2023 г. взаимодействуют с инфлюенсерами, исходя из рассмотренного выше инструментария. Однако существует и другая сторона такого инструмента – привлечение блогеров к своему бизнесу при помощи разработок новых проектов. Например, в марте 2023 г. платформа «Яндекс Маркет» сообщила о запуске программы поддержки начинающих контент-мейкеров. Представители компании отмечали, что такой инструмент поможет сформировать сообщество креаторов, которые будут в дальнейшем создавать контент для сервиса⁹. Его можно считать эффективным для продвижения самой платформы, а также для поддержания лояльности к компании среди инфлюенсеров и UGC (англ. user-generated content – пользовательский контент).

3. Email-маркетинг. Опрос от известной компании Mailjet by Sinch, где приняло участие около 1 300 отправителей электронных писем, показал, что в условиях меняющейся экономики email-маркетинг обеспечивает максимальный процент ROI¹⁰.

² Телереклама не поддавалась оценке: АКАР подсчитал потери российского рынка рекламы в 2022 году. Режим доступа: <https://adpass.ru/obiom-reklamnogo-rynka-2022/> (дата обращения: 23.10.2023).

³ Там же.

⁴ Объем рекламы в средствах ее распространения в январе-сентябре 2019 года. Режим доступа: https://www.akarussia.ru/press_centre/news/id9024 (дата обращения: 23.10.2023).

⁵ Дубовой К. Продвижение бизнеса в Яндекс.Картах и 2ГИС: сравниваем возможности. Режим доступа: <https://ppc.world/articles/prodvizhenie-biznesa-v-yandekskartah-i-2gis-sravniваем-vozmozhnosti/> (дата обращения: 24.10.2023).

⁶ Онлайн-карты для бизнеса в 2023 году: новости, тренды, прогнозы. Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/onlajn-karty-dlya-biznesa-v-2023-godu-novosti-trendy-prognozy-58915.html> (дата обращения: 25.10.2023).

⁷ Не отзывами едиными: восемь репутационных факторов, на которые важно обратить внимание. Режим доступа: <https://adindex.ru/publication/opinion/marketing/2022/04/21/303933.phtml> (дата обращения: 25.10.2023).

⁸ Baker K. What will influencer marketing look like in 2023? Режим доступа: <https://blog.hubspot.com/marketing/how-to-work-with-influencers> (дата обращения: 25.10.2023).

⁹ Мамиконян О. «Яндекс Маркет» запустит акселератор для блогеров. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/485879-andeks-market-zapustit-akselerator-dla-blogetov> (дата обращения: 26.10.2023).

¹⁰ Special report: email in an evolving economy. Режим доступа: <https://www.mailjet.com/resources/research/email-economy-survey/> (дата обращения: 27.10.2023).

В период ухода ключевых форматов продвижения бизнес может увеличить продажи и создать необходимый имидж при помощи этого инструмента. Сегодня важно помнить о следующих его возможностях:

- интерактивность. На протяжении долгих лет email-маркетинг считался форматом, в котором нет возможности для экспериментов. Однако в 2023 г. появились самые различные варианты для творческого оформления письма, а также внедрения в него геймификации, например опроса;
- «чистота» базы. Необходимо следить за качеством email-базы бизнеса и ее вовлеченности, чтобы как можно меньше писем уходило в спам;
- персонализация. В 2023 г. пользователи ценят не только персонализированные предложения, но и межличностную коммуникацию. Бренды постепенно будут отходить от общих рассылок для всей базы, на их место придет личное предложение, отличающее эти бренды от конкурентов.

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩЕГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ БИЗНЕС-СИСТЕМ

В России популярность бизнес-экосистем начинает возрастать. На рынке в 2023 г. существует несколько десятков таких компаний, однако в будущем их число увеличится, как и спрос на продвижение не только отдельных брендов, но и суббрендов, которые входят в бренд-систему¹¹. Ниже будут рассмотрены инструменты, которыми пользуются бизнес-экосистемы России.

1. Собственное медиа. Данный канал продвижения уже используют такие бизнес-системы, как «Тинькофф» и «МТС». Этот инструмент решает следующие задачи, актуальные для экосистемы:

- вызвать интерес к продукту. Эту задачу обычный бизнес может решить при помощи обычной рекламы, однако продвижение сложного продукта, который с первого взгляда непонятен аудитории и не вызывает ярких эмоций, осуществляется при помощи медиа. К сферам сложного продукта можно отнести банковские услуги, недвижимость и др.;
- создать доверие. Над статьями работают люди, которые погружаются в продукт, именно они показывают его со стороны, которая наиболее близка потребителю;
- увеличить присутствие бренда в сети. Когда конкуренция на рынке постоянно растет, как и количество пользователей интернета, важно чаще «попадать на глаза» в качественном контексте. Более того, интересные и полезные материалы часто приводят к обсуждениям, а следовательно, вызывают эмоции, которые в дальнейшем будут ассоциироваться с брендом¹².

Также материал из собственного медиа может стать первым этапом в воронке продаж продукта, который тяжело продать через обычную баннерную рекламу в поисковой системе или социальных сетях. Например, при правильной настройке SEO (англ. search engine optimisation – поисковая оптимизация) статья бизнес-экосистемы может дополнительно продвигать не только товары и услуги, но и бренд в целом. Например, пользователя интересует следующий запрос через поисковую систему: «как выгодно приобрести автомобиль». Первая вкладка – материал из собственного медиа, который, вероятно, сможет частично ответить на вопрос потребителя и вызвать положительную эмоциональную связь, которая впоследствии станет ассоциироваться с этим брендом¹³.

2. Масштабный ребрендинг, охватывающий всю бизнес-экосистему. Большая компания, которая становится полноценной бизнес-экосистемой, может «вырасти» из ранее созданного фирменного стиля и позиционирования в общем. Для команды маркетинга и связей с общественностью важно создать полноценный инфоповод, привлечь к нему внимание лояльной аудитории, средств массовой информации (далее – СМИ) и потребителей, которые не пользуются товарами/услугами компании. Такое событие должно стать дополнительным способом продвижения для бренда и его суббрендов.

Примером может послужить масштабный ребрендинг компании «МТС», которая ранее предоставляла только телекоммуникационные услуги, а теперь занимается развитием цифровых сервисов, ИТ-решениями (ИТ – информационные технологии) в сфере телемедицины, обработки данных, облачных сервисов и не только. В рамках ребрендинга МТС изменилось позиционирование бренда, визуальная

¹¹ Цомык Г. Тренды. Почему открытые экосистемы – это win-win для клиентов и бизнеса. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cnrm/6177de3d9a79471b02d6ce82> (дата обращения: 22.10.2023).

¹² Краснова А. Вовлечь клиента: как и зачем бизнесу создавать собственное медиа (и тратить ли на это много денег). Режим доступа: <https://incrossia.ru/understand/vovlech-klienta-kak-i-zachem-biznesu-sozdat-sobstvennoe-media-i-tratit-li-na-eto-mnogo-deneg/> (дата обращения: 28.10.2023).

¹³ Там же.

составляющая – логотип, а также появилась уникальная айдентика для отдельных продуктов¹⁴. Для привлечения большего внимания к инфоповоду компания создала поясняющий лендинг, куда шел основной трафик с рекламы. Более того, инфоповод подхватили многие крупные СМИ, как отраслевые (Sostav), так и крупнейшие медиахолдинги («РБК»), а также инфлюенсеры в социальных сетях¹⁵.

Ребрендинг как дополнительный инструмент продвижения бизнес-экосистемы необходимо систематизировать перед запуском, продумать полный цикл кампании, проработать риски, чтобы закрыть как можно больше целей, которые ставились перед командой.

3. Конференции и тематические мероприятия. Event-маркетинг (англ. event – событие) помогает бизнес-экосистеме создать нужные ассоциации и образы с брендом. Например, «Тинькофф» в июне 2023 г. запустил специальную серию эксклюзивных мероприятий для держателей карты банка. Создание нового проекта в рамках бизнес-экосистемы является прежде всего инструментом для продвижения, целью которого становится повышение лояльности и увеличение клиентской базы¹⁶. Помимо данного направления мероприятий банк проводит митапы, лектории, конференции и другие форматы ивентов.

Еще один пример event-маркетинга бизнес-экосистемы – Зеленый марафон «СберБанка». Цели мероприятия: присутствие в интернет-среде, создание ассоциаций с «доверием», «благотворительностью», «экологией», а также дополнительное продвижение благотворительной платформы «СберВместе», которая выступает в качестве партнера события.

ПРОГНОЗ ТРЕНДОВ ПРОДВИЖЕНИЯ БИЗНЕС-ЭКОСИСТЕМ В 2023 Г.

Для прогнозирования трендов продвижения бизнес-экосистем вновь обратимся к динамике рекламного рынка с 2018 г. по 2022 г., которая показывает рост такого рекламного сегмента, как интернет. Опираясь на эти результаты, предположим, что основным направлением для выполнения маркетинговых целей бизнес-экосистем станут онлайн-инструменты. На данный момент, основываясь на деятельности компании «Яндекс», можно выделить два тренда, которые пока редко встречаются на рынке бизнес-экосистем.

1. Интеграция суббрендов в едином мобильном приложении. Компания «Яндекс» уже сделала первый шаг на пути продвижения товаров своих суббрендов в приложении «Яндекс Go». При переходе в приложение сервис уточняет, какой услугой хочет воспользоваться потребитель, а также показывает статусы других текущих заказов¹⁷.

Данное нововведение вызвало у некоторых пользователей отрицательные эмоции, которые связаны с тем, что теперь необходимо совершать лишнее нажатие перед тем, как сделать целевое действие «заказать такси». Однако подобная реакция могла возникнуть из-за непривычного пользовательского поведения в приложении. В таком обновлении «Яндекса» прослеживается тренд на омниканальный маркетинг всей бизнес-экосистемы, которая в дальнейшем может упростить взаимодействие со всеми товарами и услугами бренда.

2. Освещение деятельности бизнес-экосистемы через привычные для пользователя форматы контента. Согласно исследованию аналитиков из компаний Meltwater и We Are Social, просмотр телевизионных шоу и другого видеоконтента занимает 4-е место в рейтинге «Главных причин использования интернета»¹⁸.

Чтобы привлечь аудиторию к бизнес-экосистеме и ее деятельности, компания «Яндекс» разработала свой формат, который учитывает тренд на видеоконтент. В 2022 г. компания выпустила ежегодную технологическую конференцию YaC (англ. Yet another Conference – еще одна конференция) в формате мини-сериала.

Основная задумка YaC – показать аудитории/потребителю процессы, происходящие в компании (достижения за год и будущие планы, которые находятся уже на стадии реализации). В каждой серии специалисты «Яндекса» делятся историей об одном из сервисов или отдельном продукте бизнес-экосистемы¹⁹. Эпизоды сериала были опубликованы у сотрудников-инфлюенсеров и в разных социальных сетях

¹⁴ МТС. Официальный сайт. Режим доступа: <https://brand.mts.ru/> (дата обращения: 29.10.2023).

¹⁵ Sostav.ru. МТС объявила о глобальном ребрендинге. Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/mts-obyavila-o-globalnom-rebrendinge-59726.html> (дата обращения: 29.10.2023).

¹⁶ Тинькофф. Встречайте «Лето в Тинькофф Городе!» Режим доступа: <https://www.tinkoff.ru/gorod/leto/> (дата обращения: 29.10.2023).

¹⁷ Савкин И. Яндекс Go обновил главную страницу приложения – теперь все сервисы в одном списке. Режим доступа: <https://kod.ru/6958> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁸ We Are Social. The changing world of digital in 2023. Режим доступа: <https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/> (дата обращения: 02.11.2023).

¹⁹ Яндекс. YaC 2022 – сериал про жизнь Яндекса изнутри. Режим доступа: <https://ir.yandex.ru/blog/yac-2022-serial-pro-zhizn-yandeksa-iznutri> (дата обращения: 05.11.2023).

компании. Например, видео на YouTube «Городские сервисы. Яндекс Go» набрало более 1 млн просмотров при 300 тыс. подписчиков. В сумме количество просмотров составило более 5,6 млн (на июнь 2023 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рост объема российского рынка требует от бизнес-экосистем инновационных подходов и использования эффективных инструментов продвижения для того, чтобы оставаться конкурентоспособными. В рамках статьи был выявлен основной инструментарий продвижения бизнеса – реклама в геосервисах, инфлюенс-маркетинг и email-маркетинг. Также авторами были рассмотрены уже используемые в продвижении экосистем инструменты: собственное медиа, которое помогает решить разные задачи; масштабный ребрендинг, который может стать большим инфоповодом и увеличит присутствие в сети; проведение тематических мероприятий и конференций, которые направлены на увеличение лояльности и привлечение новой аудитории. Также были приведены два направления трендов продвижения бизнес-экосистем в 2023 г. на примере компании «Яндекс».

Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с определением этапов продвижения бизнес-экосистем, интерпретацией того, как их можно применять, учитывая особенности той или иной компании.

Список литературы

1. Черникова В.Е. Бизнес-экосистема как эффективный механизм взаимодействия организаций в рамках цифровой экономики. В кн.: Управление бизнесом в цифровой экономике: сборник тезисов выступлений Первой международной конференции, Санкт-Петербург, 22–23 марта 2018 г. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет; 2018. С. 75–77.
2. Adner R. Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy. *Journal of Management*. 2016;1(43):39–58. <http://dx.doi.org/10.1177/0149206316678451>
3. Ob D.S., Phillips F., Park S., Lee E.-H. Innovation ecosystems: a critical examination. *Technovation*. 2016;54:1–6. <https://doi.org/10.1016/J.TECHNOVATION.2016.02.004>
4. Alexandrescu M., Milandru M. Promotion as a form of communication of the marketing strategy. *Land Forces Academy Review*. 2018;4(23):268–274. <https://doi.org/10.2478/raft-2018-0033>
5. Руклов В.С. Современные инструменты для интернет-маркетинга. В кн.: International innovation research: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 февраля 2019 г. Пенза: Наука и Просвещение; 2019. С. 68–71.

References

1. Chernikova V.E. Business ecosystem as an effective mechanism of interaction between organizations in the digital economy. In: Business management in the digital economy: Theses of Speeches Collection, St. Petersburg, March 22–23, 2018. St. Petersburg: St. Petersburg University; 2018. Pp. 75–77. (In Russian).
2. Adner R. Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy. *Journal of Management*. 2016;1(43):39–58. <http://dx.doi.org/10.1177/0149206316678451>
3. Ob D.S., Phillips F., Park S., Lee E.-H. Innovation ecosystems: a critical examination. *Technovation*. 2016;54:1–6. <https://doi.org/10.1016/J.TECHNOVATION.2016.02.004>
4. Alexandrescu M., Milandru M. Promotion as a form of communication of the marketing strategy. *Land Forces Academy Review*. 2018;4(23):268–274. <https://doi.org/10.2478/raft-2018-0033>
5. Rulkov V.S. Modern tools for Internet marketing. In: International innovation research: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference, Penza, February 12, 2019. Penza: Nauka i Prosvetshenie; 2019. Pp. 68–71. (In Russian).

Ресурсная база промышленности строительных материалов как основа устойчивого развития экономики

Астафьева Ольга Евгеньевна

Канд. экон. наук, зав. каф. экономики и управления в строительстве
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

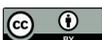
Аннотация

Представлено исследование по влиянию ресурсной базы на развитие экономики промышленности строительных материалов. Предложенный анализ показал необходимость синхронизации межотраслевых взаимодействий, направленной на поступательное развитие строительной индустрии. Предлагаемый подход к формированию механизма устойчивого развития предопределяет модель ведения деятельности в рамках концепции устойчивого развития и возможностей, появление которых обусловлено цифровизацией производственных отношений. В исследовании автор обозначает контексты, формирующие подход к обеспечению устойчивости развития. Предложено рассматривать данное явление в экономическом контексте через воспроизводственную составляющую. Данное предложение позволило сформировать подход к созданию механизма устойчивого развития, основанного на формировании ресурсного потенциала, использование которого должно приводить к возрастающей отдаче при изменении модели осуществления деятельности совокупностью предприятий. Указанная модель взаимодействия предприятий ориентирована на устойчивое промышленное развитие, способствует применению новых подходов к воспроизводству основных фондов, распределению ресурсов и формированию ресурсной базы. Использование экосистемного подхода при рассмотрении вопроса устойчивого развития экономики промышленности строительных материалов обусловило определение в качестве основного приоритета взаимодействие смежных отраслей с целью повышения конкурентоспособности и обеспечения стратегии развития промышленности строительных материалов.

Ключевые слова

Экономика предприятий, промышленность, механизм устойчивого развития, ресурсный потенциал, воспроизводство, производственный потенциал, модель функционирования, структурные изменения, ресурсная база

Для цитирования: Астафьева О.Е. Ресурсная база промышленности строительных материалов как основа устойчивого развития экономики // Вестник университета. 2024. № 1. С. 105–111.

Resource base of the building materials industry as the basis for sustainable development of the economy

Olga E. Astafyeva

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Economics and Management in Construction Department
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The study of the resource base impact on the development of building materials industry economy is presented. The proposed analysis showed the need to synchronise intersectoral interactions aimed at the progressive development of the construction industry. The suggested approach to the formation of a mechanism for sustainable development predetermines the business model within the framework of sustainable development concept and the opportunities, the emergence of which is due to digitalisation of industrial relations. In the study, the author defines the contexts that form the approach to sustainability of development. It is offered to consider the given phenomenon in the economic context through the reproduction component. The offer made it possible to formulate an approach to the creation of a mechanism for this occurrence based on the resource potential formation, the use of which should lead to increasing returns when changing a business model of a set of enterprises. The mentioned model of interaction between enterprises is oriented towards sustainable industrial development, contributes to application of new approaches to reproduction of basic funds, distribution of resources and resource base formation. The usage of the ecosystem approach while considering the issue of sustainable economic development of building materials industry stipulated interaction of related sectors as the main priority. This is done to increase competitiveness and provide the strategy of building materials industry development.

Keywords

Enterprise economics, industry, sustainable development mechanism, resource potential, reproduction, production potential, functioning model, structural changes, resource base

For citation: Astafyeva O.E. (2024) Resource base of the building materials industry as the basis for sustainable development of the economy. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 105–111.

ВВЕДЕНИЕ

Промышленность строительных материалов является основой ресурсного обеспечения строительного комплекса и фактически формирует его материально-ресурсную базу. Производимые строительные материалы применяются при реконструкции зданий и сооружений, возведении объектов капитального строительства, при обновлении дорожного полотна и обеспечивают многие виды деятельности, осуществляемые предприятиями различных отраслей экономики.

Для укрепления взаимодействия смежных отраслей необходимо формирование механизма устойчивого развития промышленности строительных материалов в части определения приоритетов развития и повышения ее конкурентоспособности, что позволит синхронизировать «Стратегию развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» и «Стратегию развития промышленности строительных материалов на период до 2020 года и дальнейшую перспективу до 2030 года» с целью сбалансированного становления строительной индустрии в целом.

При формировании программы развития предприятий следует обеспечивать заинтересованность различных сторон в обеспечении баланса интересов, что позволит более точно определять потребности смежных отраслей в необходимых для их устойчивого функционирования ресурсах.

В этой связи необходима разработка нового подхода к формированию механизма устойчивого развития, что позволит скоординировать планы отраслевого и промышленного развития с политикой пространственного и градостроительного развития территорий субъектов и тем самым нивелировать диспропорции в межрегиональной дифференциации уровня социально-экономического прогресса.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОЙ БАЗЫ: КООРДИНАЦИЯ ОТРАСЛЕВОГО И ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ

Жилищное строительство тесно связано с производством строительных материалов, а формируемая стоимость жилья зависит от цен на данные материалы. Основным условием поступательного развития строительной индустрии является выстраивание системы взаимодействия всех ее участников – производителей строительных материалов и непосредственно строительной отрасли – в целях решения вопросов сбыта и обеспечения ресурсами с учетом взаимодействия с органами государственной власти.

Для обеспечения устойчивого и сбалансированного функционирования производителей строительных материалов следует разработать ресурсную модель, использование которой на отраслевом уровне позволит сформировать консолидированные потребности строительной отрасли в строительных материалах. Предлагаемая ресурсная модель определяет взаимосвязи хозяйствующих субъектов и обеспечивает распределение ресурсов при экосистемном взаимодействии субъектов экономики, которое становится возможным благодаря развитию цифровых технологий, способствующих формированию пространственно-сетевых моделей.

Также следует отметить, что новый подход к устойчивому развитию предопределяет способ организации экономической деятельности хозяйствующих субъектов [1; 2] и представляет практический интерес при формировании механизма взаимодействия производителей и потребителей в части прогнозирования производственных возможностей промышленных предприятий, динамики цен на строительные материалы и дальнейшего промышленного развития.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: РАЗЛИЧИЕ КОНТЕКСТОВ И ПОДХОДОВ

В последнее время большинство авторов [3–7] рассматривают устойчивое развитие только как соответствие ESG-принципам ведения деятельности (англ. environmental, social, and corporate governance – экологическое, социальное и корпоративное управление), что в полной мере не отражает экономической составляющей развития и непосредственно процессы воспроизводства в экономике. Данное обстоятельство возникает в силу определения устойчивого развития только как процесса корпоративного управления, ориентированного на благоприятное воздействие на окружающую среду, что устанавливает определенные ограничения на осуществляемую деятельность предприятий. В то же время следует заметить, что устойчивое развитие промышленности, с учетом цифровой трансформации предприятий, должно принимать во внимание технологический прогресс и новые возможности, образуемые цифровыми технологиями как в процессе производства продукции, так и в процессе определения способов взаимодействия

предприятий в различных промышленных секторах. Впоследствии это отражается в воспроизводственных процессах в экономике, а именно в процессах восстановления производственных мощностей предприятий и ресурсов, которые задействованы в создании конечной продукции.

Таким образом, следует разделять устойчивое развитие, ориентированное только на соответствие принципам ESG, представляемое механизмами корпоративного управления и устойчивое развитие, определяемое механизмами обеспечения социо-эколого-экономической сбалансированности процессов производства и распределения продукции. Таким образом, необходимо сформировать механизм устойчивого развития предприятий, в котором производственно-логистическая интеграция между предприятиями промышленности будет способствовать экономическому росту и устойчивому функционированию. В предлагаемой трактовке устойчивое развитие является характеристикой производственной и экономической систем, в которых сбалансированность развития определяется возможностями технологической системы, а обеспеченность ресурсами – логистической, в совокупности представляющих возможности для экономического развития предприятий. При этом процесс воспроизводства производственных мощностей и ресурсов происходит за счет интеграции базовых систем: экономической, социальной и экологической, когда определяются уровни устойчивости, а возможности их достижения – производственной, технологической, логистической и управленческими системами.

Следовательно, если рассматривать устойчивое развитие в контексте менеджмента, то оно будет характеризоваться установлением корпоративной, социальной и экологической ответственности бизнеса. В экономическом контексте автор предлагает рассматривать устойчивое развитие как механизм формирования ресурсного потенциала [8; 9] посредством установления сбалансированности развития социо-эколого-экономических систем и возможностей воспроизводства, обеспечиваемого реализацией цифровых решений при формировании моделей функционирования предприятий, производящих строительные материалы и, как следствие, направленных на перераспределение ресурсов, определяемого возможностями, образуемыми в результате применения нового подхода к осуществлению деятельности совокупностью субъектов экономики в сфере промышленности. Тогда производство дополнительной единицы продукции может выходить за рамки одного хозяйствующего субъекта, или распределение капитальных вложений происходит не только в основные фонды своего предприятия, но и частично в основные фонды промышленного предприятия, принимающего участие в экосистемном взаимодействии, но при условии, что отдача от использования ресурса будет выше, а процесс воспроизводства производственного потенциала предполагает увеличение объемов выпуска продукции за счет более рациональной модели взаимодействия предприятий, соразмерную определяемым потребностям конечных потребителей.

Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Факторы, определяющие устойчивое развитие промышленности строительных материалов

Устойчивость развития в экономическом контексте является способностью субъекта хозяйственной деятельности обеспечивать стабильность социо-эколого-экономического развития с учетом имеющейся ресурсной базы. При этом развитие производственной и технологической систем определяет пространственно-структурные изменения промышленности строительных материалов.

В соответствии с этим определены условия, которые способствуют устойчивому развитию промышленности строительных материалов [10].

Если рассматривать промышленность как комплекс взаимодействующих систем, то необходимо определение регламентов их взаимодействия, установление связей, формирующих экосистемные взаимоотношения, и инструменты, обеспечивающие устойчивое функционирование и развитие (рисунок).

ВЫВОДЫ

Применение экосистемного подхода к изучению вопроса развития ресурсной базы и формирования ресурсного потенциала позволяет детерминировать связи между структурными изменениями в производственной системе, обусловленными имеющимися возможностями для промышленного развития. В своих трудах А.А. Богданов [3] определяет состояние устойчивости через структурные и количественные взаимосвязи. Однако следует заметить, что само понятие «устойчивость» обладает не столько количественной характеристикой, сколько качественной. Это значит, что качественное преобразование структуры промышленного предприятия как субъекта экономики определяется уровнем цифровизации производственных отношений, которая становится источником структурных изменений в экономике.

Таким образом, промышленность строительных материалов претерпевает качественные изменения, благодаря которым формируется современное производство высококачественных строительных материалов и конкурентоспособный сектор национальной экономики.

За счет увеличения выпуска строительных материалов повышается мультипликативный эффект в экономике вследствие совокупного изменения производства в данном секторе. Причиной тому являются следующие составляющие:

- получаемые непосредственные эффекты (их появление связано с увеличением производства);
- дополнительные эффекты (образуются в результате межотраслевых связей при экосистемном взаимодействии);
- эффект от распределения капитальных вложений и ресурсов (в основные фонды и в воспроизводство производственного потенциала предприятий).

Увеличение валового выпуска строительной продукции приводит к росту прибыли в смежных отраслях, а в дальнейшем оказывает влияние на рост производства и по остальным отраслям экономики.

При экосистемном подходе возобновление основных фондов осуществляется за счет модификации способов их поступления в производственный процесс. Так, если раньше основные способы основывались на капитальных вложениях или производственном расширении (например строительство новых зданий и сооружений, обеспечивающих производственный процесс), то при устойчивом развитии в условиях цифровой экономики появляются инструменты, способствующие их более рациональному использованию. Рациональное использование обусловлено сетевыми эффектами и комплементарностью активов при передаче их в пользование для получения наилучшего результата.

Однако в этом случае важно отметить, что предприятие, осуществляющее частичную передачу основных фондов, все равно будет нести ряд затрат, связанных с использованием данных активов в производственном процессе предприятия-участника цифровой экосистемы. Это следует учитывать при распределении прибыли, получаемой совокупностью предприятий в процессе обмена ресурсами, направленного на воспроизводство основных средств, и при осуществлении переноса потребительской стоимости на производимые строительные материалы.

Таким образом, если раньше промышленные предприятия в большей части обновление основных фондов осуществляли посредством их замены на новые или за счет строительства производственных площадок, то в предлагаемом варианте рациональное использование активов при экосистемном подходе позволяет получить более рациональный вариант использования основных средств в условиях цифровой экономики и обусловленных ею новых способов использования активов совокупностью субъектов промышленной сферы экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В большинстве случаев значительные объемы производственных активов предприятий направляются на обеспечение операционной деятельности. При совершенствовании модели взаимодействия субъекты экономики используют основные фонды с учетом выбора наиболее рационального использования ресурсного потенциала при имеющейся ресурсной базе. Баланс интересов различных промышленных предприятий достигается за счет прозрачности в определении вклада каждого участника в формирование сетевых эффектов и дальнейшего промышленного развития, а также за счет наличия возможности управлять структурными изменениями в промышленности в результате преобразования модели их функционирования, направленной на устойчивое развитие экономики. Представленная модель взаимодействия промышленных предприятий, обусловленная возможностями, которые продиктованы цифровой экономикой как новой реальностью развития промышленности, позволяет использовать и модифицировать схемы воспроизводства основных фондов и распределения ресурсов с целью формирования ресурсной базы для устойчивого промышленного развития.

Список литературы

1. Мысаченко В.И. Методы и инструменты государственного регулирования структурных преобразований промышленности. Вестник Томского государственного университета. 2009;323:268–272.
2. Юрченко Т.И., Галяткина О.Н. Инструментарий обеспечения устойчивого функционирования организации. Вестник университета. 2012;11:215–221.
3. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. 6^е изд., испр. и доп. М.: Ленанд; 2019. 679 с.
4. Долгая А.А. Система управления устойчивой организацией: свойства и факторы. Управление. 2022;4(10):55–64. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-55-64>
5. Мокий М.С. Управление экономическим развитием страны на принципах ESG и цифровизация. Вестник университета. 2022;4:114–121. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-4-114-121>
6. Седов С.Б. Концепция устойчивого развития и индикаторы устойчивого развития экономики. Экономическая наука. 2007;21:71–97.
7. Смирнов Н.А., Аникина Ю.А., Рожнов И.П. ESG-факторы как основа устойчивого развития предприятия: монография. М.: Инфра-М; 2021. 160 с.
8. Астафьева О.Е. Особенности формирования механизма устойчивого развития промышленных предприятий в современных экономических условиях (на примере промышленности строительных материалов). Управленческий учет. 2022;9–2:131–136. <https://doi.org/10.25806/uu9-22022131-136>
9. Астафьева О.Е. Концептуальный подход к формированию механизма устойчивого развития экономики промышленных отраслей. Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2022;3:29–32.
10. Астафьева О.Е. Особенности функционирования промышленных предприятий и комплексов в современных экономических условиях: структурные изменения и перспективы промышленного развития. Вестник университета. 2023;2:95–100. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-95-100>

References

1. Mysachenko V.I. Methods and tools of state regulation of industrial structural transformations. Tomsk State University Journal. 2009;323:268–272. (In Russian).
2. Yurchenko T.I., Galyatkina O.N. Tools for ensuring sustainable functioning of an organisation. Vestnik universiteta. 2012;11:215–221. (In Russian).
3. Bogdanov A.A. Tectology: a general organisational science. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Lenand; 2019. 679 p. (In Russian).
4. Dolgaya A.A. Sustainable organisation management system: properties and factors. Management (Russia). 2022;4(10):55–64. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-55-64>
5. Mokiy M.S. Managing the economic development of the country on the principles of ESG and digitalisation. Vestnik universiteta. 2022;4:114–121. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-4-114-121>
6. Sedov S.B. The concept of sustainable development and indicators of sustainable economic development. Economic science. 2007;21:71–97. (In Russian).

7. *Smirnov N.A., Anikina Yu.A., Rozhnov I.P.* ESG factors as the basis of sustainable enterprise development: monograph. Moscow: Infra-M; 2021. 160 p. (In Russian).
8. *Astafyeva O.E.* Features of the formation of the mechanism of sustainable development of industrial enterprises in modern economic conditions (on the example of the construction materials industry). *Upravlencheskij uchet.* 2022;9–2:131–136. (In Russian). <https://doi.org/10.25806/uu9-22022131-136>
9. *Astafyeva O.E.* A conceptual approach to the mechanism formation of sustainable development of industrial sectors economy. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo universiteta.* 2022;3:29–32. (In Russian).
10. *Astafyeva O.E.* Functioning features of industrial enterprises and complexes in modern economic conditions: structural changes and industrial development prospects. *Vestnik universiteta.* 2023;2:95–100. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-95-100>

Кластеризация стран Азиатско-Тихоокеанского региона по значениям инклюзивного экономического роста

Матвеевский Сергей Сергеевич

Канд. техн. наук, доц. департамента банковского дела и монетарного регулирования
ORCID: 0000-0002-8307-910X, e-mail: ssmatveevskii@fa.ru

Борисова Людмила Робертовна

Канд. физ.-мат. наук, доц. деп. математики
ORCID: 0000-0002-5757-0341, e-mail: lrborisova@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Опыт деятельности банков развития позволил заключить, что они непосредственно влияют на экономический рост: реализация проектов обеспечивает производство товаров и услуг, появляются новые рабочие места. Рост валового внутреннего продукта не всегда является инклюзивным, то есть не может гарантировать равную доступность всех слоев населения к экономическим возможностям, образованию, здравоохранению и пр. на постоянной основе. Азиатский банк развития (далее – АзБР) целенаправленно воздействует на инклюзивный экономический рост (далее – ИЭР) в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) при помощи своей модели ИЭР и оценивает государственное управление, экономический рост, социальную поддержку, используя 35 индикаторов, что способствует снижению бедности и неравенства. Для каждой страны АзБР разрабатывает собственную стратегию сотрудничества. Авторы осуществили иерархическую кластеризацию стран АТР на основании значений 24 индикаторов ИЭР АзБР (для двух наборов данных). Странам АТР в каждом кластере свойственен примерно одинаковый общий уровень ИЭР. Модель кластеризации предоставляет возможность планировать проекты и оценивать их влияние на ИЭР, исключает недостатки так называемых сводных индексов, которые могут одним значением характеризовать ИЭР страны или региона, компенсирует возможные неточности исходных данных.

Ключевые слова

Банк развития, Азиатский банк развития, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТР, инклюзивный экономический рост, ИЭР, индикаторы ИЭР, кластеризация, модель кластеризации, дендрограмма

Для цитирования: Матвеевский С.С., Борисова Л.Р. Кластеризация стран Азиатско-Тихоокеанского региона по значениям инклюзивного экономического роста // Вестник университета. 2024. № 1. С. 112–121.

Clustering the countries of the Asia-Pacific by values of inclusive economic growth

Sergey S. Matveevskii

Cand. Sci. (Tech.), Assoc. Prof. at the Banking and Monetary Regulation Department
ORCID: 0000-0002-8307-910X, e-mail: ssmatveevskii@fa.ru

Ludmila R. Borisova

Cand. Sci. (Phys. and Math.), Assoc. Prof. at the Mathematics Department
ORCID: 0000-0002-5757-0341, e-mail: lrborisova@fa.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The experience of development banks has led to the conclusion that they directly affect economic growth: projects implementation ensures production of goods and services, creates new workplaces. The growth of gross domestic product is not always inclusive and does not guarantee equal accessibility of all segments of the population to economic opportunities, education, health care, etc. on a constant basis. The Asian Development Bank (hereinafter referred to as the Bank) purposefully influences inclusive economic growth (hereinafter referred to as IEG) in the countries of the Asia-Pacific (hereinafter referred to as APAC) with the help of its own IEG model and allows assessing public administration, economic growth, social support, using 35 indicators, which contributes to reduction of poverty and inequality. For each country the Bank develops its own strategy of cooperation. The authors conducted a hierarchical clustering of the APAC countries based on the values of 24 IEG indicators of the Bank (for two datasets). The APAC countries in each cluster are characterised by approximately the same general level of IEG. The clustering model provides an opportunity to plan projects and assess their influence on IEG, excludes disadvantages of the so-called composite indices that could describe the IEG of a country or region with one value, compensates potential inaccuracies of the basic data.

Keywords

Development bank, Asian Development Bank, Asia-Pacific, APAC, inclusive economic growth, IEG, indicators of IEG, clustering, clustering model, dendrogram

For citation: Matveevskii S.S., Borisova L.R. (2024) Clustering the countries of the Asia-Pacific by values of inclusive economic growth. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 112–121.

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение банков развития (далее – БР) было связано с необходимостью решения проблемы дефицита финансирования государством специализированных проектов и программ. БР должны были, помимо использования своих денежных ресурсов, обеспечить софинансирование – привлечение дополнительных денежных средств, прежде всего от частного бизнеса. В прошлом БР называли «институтом финансирования развития» (англ. development financial institute). Секторы экономики, в которых БР действуют, выбирает, как правило, государство (основной акционер БР) или БР во взаимодействии с местными органами власти.

БР осуществляет отбор, планирование, финансирование и реализацию проектов в рамках так называемого цикла проекта [1]. Методология анализа эффективности проектов БР была разработана еще в 1960–1970-х гг. [2].

Специалисты характеризуют БР как «банк или финансовое учреждение с не менее чем тридцатипроцентным государственным капиталом, которому были даны четкие юридические полномочия для достижения социально-экономических целей в регионе, секторе или конкретном сегменте рынка» [3, с. 21].

Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (далее – ЮНКТАД) рассматривает БР как финансовые учреждения, «созданные государством, мандат которых состоит в содействии социально-экономическому развитию посредством финансирования деятельности, секторов или конкретных экономических сегментов»¹.

Авторы считают, что, с учетом целей создания и особенностей деятельности национальных БР, их можно называть специализированными финансово-промышленными организациями. Если рассматривать деятельность многосторонних банков развития (далее – МБР), то в этом случае они считаются международными финансово-промышленными организациями [4].

Важная особенность деятельности БР заключается в том, что они чаще всего финансируют проекты, которые не являются выгодными с точки зрения прибыли, но важны с точки зрения экономических, социальных и экологических последствий.

Опыт крупных БР, включая МБР, показывает, что их деятельность непосредственно влияет на экономический рост в соответствующей стране или регионе. Государства стремятся достичь инклюзивного экономического роста (далее – ИЭР) и поддерживать его как средство повышения уровня жизни и улучшения благосостояния населения. ИЭР зависит от сбалансированности развития различных секторов экономики, например от баланса между ростом частного бизнеса и государственных предприятий. Для количественного измерения текущего уровня ИЭР используются специальные индикаторы [5].

ЮНКТАД определяет инклюзивный рост как сближение качества жизни всех групп населения внутри страны, достигаемое не только за счет государственного перераспределения результатов экономической деятельности, но и путем создания благоприятных, недискриминационных экономических условий, которые позволяют каждой группе достичь качества жизни, сопоставимого с другими группами, что будет способствовать улучшению качества жизни всего населения².

Всемирный банк определяет ИЭР как наличие возможности всех граждан не только участвовать в процессе развития, но и получать выгоды от этого. Для его оценки используется более 200 индикаторов³.

Таким образом, возникает актуальная проблема одновременного использования большого количества индикаторов для обобщенной оценки ИЭР как БР, так и другими международными организациями. В данной статье авторы предлагают вариант решения данного противоречия, что позволит в будущем целенаправленно стимулировать ИЭР.

АЗИАТСКИЙ БАНК РАЗВИТИЯ И ЕГО МОДЕЛЬ ИЭР

Азиатский банк развития (далее – АзБР) уже более 50 лет отбирает, финансирует и реализует проекты в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР). АзБР стремится превратить АТР в процветающий, инклюзивный, устойчивый регион, борется с крайней нищетой в его странах. Однако там по-прежнему проживают сотни миллионов бедных людей.

¹ United Nations Conference on Trade and Development. The role of development banks in promoting growth and sustainable development in the South. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/gdsecidc2016d1_en.pdf (дата обращения: 25.10.2023).

² Eurasian Economic Commission. United Nations Conference on Trade and Development. Inclusive growth of the Eurasian Economic Union Member States: assessments and opportunities. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/319131212.pdf> (дата обращения: 28.10.2023).

³ Independent Evaluation Group. Inclusive growth: a synthesis of findings from recent IEG evaluations. Режим доступа: <https://ieg.worldbankgroup.org/evaluations/inclusive-growth> (дата обращения: 29.10.2023).

АзБР помогает своим членам и партнерам, предоставляя кредиты, техническую помощь, гранты и инвестиции в акционерный капитал для содействия социально-экономическому развитию, оказывает консультационные услуги, реализует совместное финансирование с привлечением официальных, коммерческих и экспортных кредитных источников.

Только в 2021 г. АзБР профинансировал различные проекты и программы во всех секторах экономики стран АТР на общую сумму около 22,8 млрд долл. США. В том же году банк получил обратно (погашение ранее выданных кредитов) около 18,2 млрд долл. США и реализовал программу займов в объеме 35,8 млрд долл. США. Хорошие партнерские отношения позволили ему привлечь софинансирование в объеме 12,9 млрд долл. США⁴.

АзБР уже с 2005 г. стал связывать свою деятельность с обеспечением ИЭР в странах АТР. В широком смысле АзБР определяет ИЭР как экономический рост, который не только создает новые возможности в экономике, но и обеспечивает равный доступ к ним для всех групп населения (особенно для самых бедных). В узком смысле рост считается инклюзивным, если, во-первых, доходы всех групп населения увеличиваются за счет их участия в экономическом росте и, во-вторых, неденежные различия (связанные с доступностью образования, здравоохранения, социальной интеграцией и т.д.) между группами населения группы снижаются.

Несмотря на высокие темпы экономического роста в регионе, уровень бедности в странах АТР оставался очень высоким, неравенство в доходах росло, а уровень доступности экономических и социальных возможностей в регионе снижался. Например, потребление домохозяйств при среднегодовом росте в регионе в 8,2 % в это же время увеличилось только на 5,5 % в год, неравенство в доходах увеличивалось примерно на 1 % ежегодно (индекс Джини). Это позволило специалистам АзБР сделать вывод о том, что экономический рост не всегда приводит к существенно более высоким доходам домохозяйств или росту потребления (особенно для бедных)⁵.

АзБР выделяет 9 направлений, развитие в которых существенно влияет на ИЭР: ликвидация бедности и неравенства, обеспечение занятости, развитие инфраструктуры, обеспечение доступности образования и здравоохранения, основных инфраструктурных услуг, гендерного равенства, создание и укрепление сети социальной защиты, реализация хорошего государственного управления. Если необходимым условием ИЭР является качественное государственное управление, то его движущие силы – экономический рост, социальная включенность, обеспечивающая одинаковую доступность экономических возможностей.

Для мониторинга влияния своих операций на ИЭР АзБР использует систему индикаторов – еще в 2011 г. банк представил 35 индикаторов, позволяющих в количественном виде оценивать ИЭР для всех 48 стран АТР (конкретные значения индикаторов АзБР получает или от международных агентств, или от государственных структур стран АТР).

Практика целенаправленного воздействия АзБР на ИЭР основана на модели, используемой банком и связанной с тремя направлениями реализации проектов и программ в странах АТР:

- 1) содействие устойчивому экономическому росту и увеличению экономических возможностей (характеризуется индикаторами 7–15);
- 2) развитие социальной инклюзии для обеспечения одинаковой доступности экономических возможностей (характеризуется индикаторами 16–29);
- 3) развитие сети социальной защиты: поддержка малообеспеченных людей в критических ситуациях (характеризуется индикаторами 30–32).

ИНДИКАТОРЫ ИЭР АЗБР

Модель ИЭР предполагает, что деятельность АзБР по указанным направлениям в обязательном порядке должна сочетаться с надлежащим государственным управлением (характеризуется индикаторами 33–35). Данная модель позволяет банку целенаправленно воздействовать на ИЭР во всех странах АТР, снижать уровень бедности и неравенства (характеризуются индикаторами 1–6)⁶.

⁴ Asian Development Bank. ADB Annual Report 2021. Режим доступа: <https://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2021> (дата обращения: 01.11.2023).

⁵ Independent Evaluation. ADB's support for inclusive growth. Режим доступа: <https://www.adb.org/documents/adbs-support-inclusive-growth> (дата обращения: 01.11.2023).

⁶ Asian Development Bank. Framework of inclusive growth indicators 2014. 4th edition. Key indicators for Asia and the Pacific. Special supplement. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/42813/ki2014-special-supplement_0.pdf (дата обращения: 03.11.2023).

С учетом определенного уровня взаимосвязанности индикаторов авторы выбрали 24 основных индикатора из 35, используемых в модели АзБР (табл. 1).

Таблица 1

Описание индикаторов ИЭР, используемых в исследовании

№ индикатора	Описание индикатора
1	Доля населения, живущего за национальной чертой бедности, %
2	Доля населения, живущего менее чем на 2 долл. США в день по ценам 2005 г., с поправкой на паритет покупательной способности (далее – ППС), %
3	Доля дохода/потребления, приходящаяся на самые богатые 20 % населения, деленная на долю дохода/потребления самых бедных 20 % населения
4	Средняя продолжительность обучения в школе (молодежь и взрослые)
6	Вероятность того, что ребенок, родившийся в указанном году, умрет до достижения 5-летнего возраста, %
7	Среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на душу населения по ППС 2011 г., долл. США
9	Доля молодежи страны (в возрасте 15–24 лет) и трудоспособного населения (в возрасте 15 лет и старше), которая работает, %
10	ВВП на одного занятого, по ППС в постоянных ценах 1990 г.
12	Потребление электроэнергии на душу населения, кВт·ч
13	Доля дорог с твердым покрытием, %
16	Ожидаемая продолжительность школьной жизни, лет
18	Охват иммунизацией детей в возрасте 1 года против дифтерии, столбняка и коклюша, %
19	Количество врачей, медицинских сестер и акушерок, приходящееся на 10 000 чел. населения
20	Государственные расходы на образование, в % от общих государственных расходов
21	Государственные расходы на здравоохранение, в % от общих государственных расходов
22	Доля населения, имеющего доступ к электричеству, %
23	Доля домохозяйств, использующих твердое топливо для приготовления пищи, %
24	Доля населения, использующего улучшенный источник питьевой воды, %
25	Доля населения, пользующегося улучшенными санитарно-техническими средствами, %
27	Охват дородовой помощью женщин, %
28	Соотношение доли женщин и мужчин в рабочей силе, %
30	Социальная защита и рейтинг труда
31	Расходы на социальное обеспечение, в % от общих государственных расходов на здравоохранение
32	Государственные расходы на социальное обеспечение, в % от общих государственных расходов

Источник⁷

МОДЕЛЬ КЛАСТЕРИЗАЦИИ СТРАН АТР

Представленная модель ИЭР показывает, что АзБР сталкивается с необходимостью одновременного использования десятков индикаторов, описывающих сложное социально-экономическое явление.

Проблема количественной оценки социальных и экономических явлений наблюдается уже более 45 лет. Например, Всемирный банк использует несколько сотен индикаторов, значения которых ежегодно рассчитываются более чем для 200 стран и характеризуют уровень развития⁸. Как следствие, появились так называемые составные индексы, предназначенные для количественного описания сложных и многомерных явлений: составной индекс обобщает значения большого количества индикаторов,

⁷ Asian Development Bank. Framework of inclusive growth indicators 2014. 4th edition. Key indicators for Asia and the Pacific. Special supplement. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/42813/ki2014-special-supplement_0.pdf (дата обращения: 03.11.2023).

⁸ The World Bank. World development indicators. Режим доступа: <https://clck.ru/37ridh> (дата обращения: 04.11.2023).

позволяя одним числом характеризовать сложное явление, что способствует быстрому сравнению итоговых результатов отдельных стран. Были разработаны методологические руководства по построению и использованию составных индексов⁹.

В 2014 г. сотрудники Африканского банка развития (далее – АфБР) для оценки воздействия банка на ИЭР предложили свой вариант использования составного индекса: он предполагал применение 13 индикаторов, позволяющих получать оценку экономического роста, характеризовать здоровье и демографию и др. Расчет значений данного составного индекса был связан со средним геометрическим стандартизированных значений используемых индикаторов ИЭР. В 2014 г. он был применен на практике для стран Северной Африки. В 2016 г. АфБР модернизировал индекс ИЭР 2014 г., увеличив количество индикаторов. Теперь для расчета значений составного индекса ИЭР задействовано среднее арифметическое значений всех входящих индикаторов¹⁰. Очевидно, что формула расчета существенно влияет на получаемые результаты.

К фундаментальным недостаткам составных индексов ИЭР, как и любых иных составных индексов, относятся: субъективность отбора индикаторов, их весовых коэффициентов, неточность их текущих значений, различная чувствительность к изменениям входящих индикаторов. В результате возникает погрешность в ранжировании стран и регионов при использовании составных индексов, в том числе при оценке ИЭР. Важно, что АзБР, в отличие от АфБР, не применяет данный тип индексов¹¹.

Указанных недостатков лишены методы кластеризации: они предполагают разбиение данных на отдельные группы, при котором наблюдения в каждой группе похожи, а в разных группах сильно отличаются: кластеризация ищет однородные подгруппы наблюдений [6].

Кластеризация в нашем случае может решить проблему отсутствия у АзБР составного показателя ИЭР, так как разделение стран АТР на ряд кластеров позволит обобщенно оценить положение конкретной страны в пространстве всех индикаторов ИЭР.

Будем использовать иерархическую кластеризацию, в которой количество кластеров определяет исследователь. Алгоритм заканчивается деревоподобным визуальным представлением наблюдений, называемым дендрограммой, которая позволяет увидеть их разбиение на кластеры. Ее особенность заключается в том, что для любых двух наблюдений можно найти точку на дереве, где ветви, их содержащие, впервые сливаются. Высота этой точки слияния, измеренная по вертикальной оси, указывает, насколько отличаются друг от друга эти наблюдения.

Кластеры образуются в результате «разрезания» дендрограммы по горизонтали на определенной высоте. Получится один кластер, если не продельвать данной манипуляции, а на высоте 0 будет *n* кластеров (*n* наблюдений). Таким образом, высота «разрезания» дендрограммы определяет количество этих элементов [6].

Кластеры отличаются друг от друга по высоте (англ. height), которая характеризует уровень отличия наблюдений: чем больше разница в высоте между ними, тем больше отличия.

Все развивающиеся страны были перенумерованы от 1 до 45 (табл. 2). Было использовано 37 значений рассматриваемых индикаторов ИЭР (некоторые индикаторы характеризовались не единственным параметром) для двух моментов времени: два набора значений для каждой развивающейся страны АТР.

Таблица 2

Нумерация стран АТР

Номер	Страна	Номер	Страна	Номер	Страна
1	Афганистан	6	Киргизия	11	Китай
2	Армения	7	Пакистан	12	Гонконг
3	Азербайджан	8	Таджикистан	13	Южная Корея
4	Грузия	9	Туркменистан	14	Монголия
5	Казахстан	10	Узбекистан	15	Тайвань (Китай)

⁹ OECD iLibrary. Handbook on constructing composite indicators: methodology and user guide. Режим доступа: <http://www.oecd.org/std/42495745.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

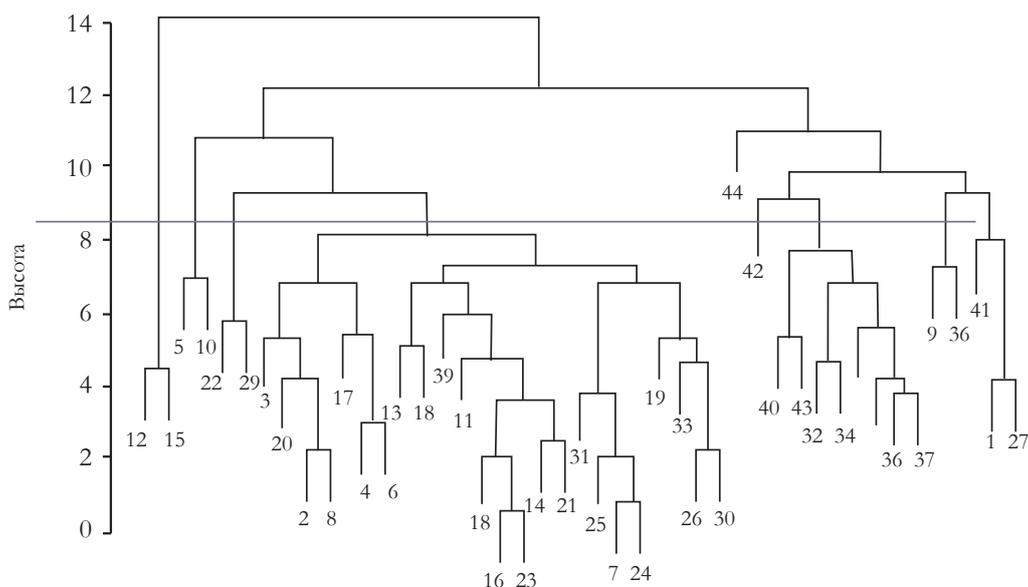
¹⁰ African Development Bank Group. Measuring inclusive growth: from theory to applications in North Africa. Режим доступа: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/measuring-inclusive-growth-from-theory-to-applications-in-north-africa-16618> (дата обращения: 06.11.2023).

¹¹ Asian Development Bank. Framework of inclusive growth indicators 2014. 4th edition. Key indicators for Asia and the Pacific. Special supplement. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/42813/ki2014-special-supplement_0.pdf (дата обращения: 03.11.2023).

Номер	Страна	Номер	Страна	Номер	Страна
16	Бангладеш	26	Малайзия	36	Микронезия
17	Бутан	27	Мьянма	37	Науру
18	Индия	28	Филиппины	38	Палау
19	Мальдивы	29	Сингапур	39	Папуа-Новая Гвинея
20	Непал	30	Таиланд	40	Самоа
21	Шри-Ланка	31	Вьетнам	41	Соломоновы Острова
22	Бруней	32	Острова Кука	42	Тимор-Лесте
23	Камбоджа	33	Фиджи	43	Тонга
24	Индонезия	34	Кирибати	44	Тувалу
25	Лаос	35	Маршалловы Острова	45	Вануату

Составлено авторами по материалам источника [13]

Для статистической обработки данных была использована библиотека программ R-studio. В результате работы программы были получены две дендрограммы для наблюдений, связанных с первым набором значений (ранние наблюдения) индикаторов ИЭР (рис. 1) и вторым набором значений (более поздние наблюдения) индикаторов ИЭР (рис. 2).

Примечание: номера стран АТР взяты из табл. 2; height – высота (ось Y), характеризующая уровень отличия наблюдений (кластеров); ось X – рисунок дендрограммы

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Кластерная дендрограмма, соответствующая более ранним значениям ИЭР

Согласно методике выделения кластеров с помощью дендрограмм, авторы выбрали высоту, примерно равную 9,6 (рис. 1), планируя получить не менее 5 и не более 10 кластеров, что определялось необходимостью дальнейшей интерпретации диаграмм.

На заданной высоте была проведена горизонтальная прямая, что позволило выделить следующие кластеры (указаны страны, вошедшие в них):

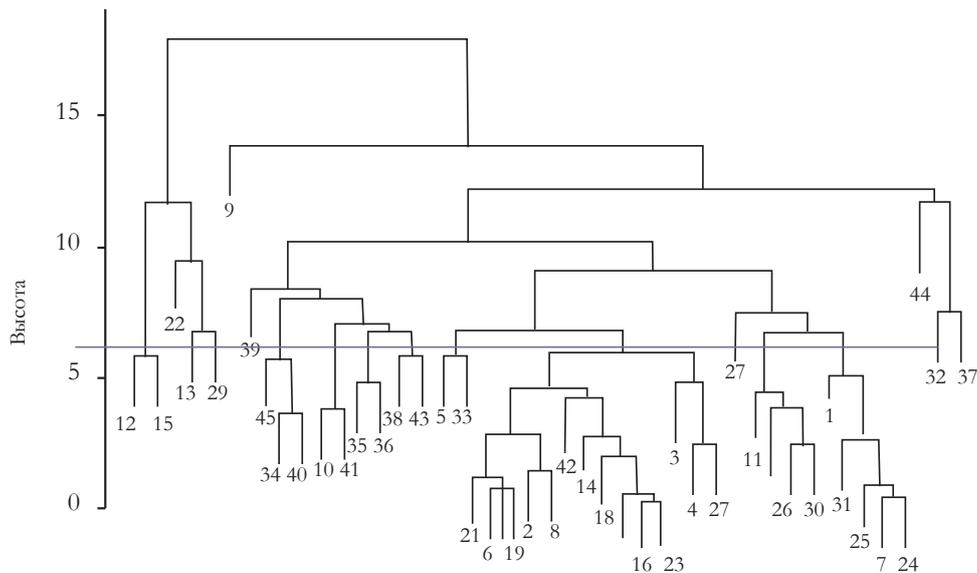
- 1) кластер 1 – Гонконг, Тайвань (Китай);
- 2) кластер 2 – Казахстан, Узбекистан;
- 3) кластер 3. – Бруней, Сингапур;
- 4) кластер 4 – Азербайджан, Непал, Армения, Таджикистан, Бутан, Индия, Бангладеш, Камбоджа, Монголия, Шри-Ланка, Вьетнам, Лаос, Пакистан, Индонезия, Мальдивы, Фиджи, Малайзия, Таиланд, Грузия, Киргизия, Южная Корея, Филиппины, Папуа Новая Гвинея, Китай;

- 5) кластер 5 – Тувалу;
- 6) кластер 6 – Тимор-Лесте, Самоа, Тонга, Острова Кука, Кирибати, Вануату, Палау, Маршалловы Острова, Науру;
- 7) кластер 7 – Туркменистан, Микронезия, Соломоновы Острова, Афганистан, Мьянма.

Таким образом, мы получили 7 кластеров, по которым распределены все страны АТР, для которых осуществлялась кластеризация. Страны, попавшие в одну группу, характеризуются приблизительно одинаковым общим уровнем ИЭР. Как отмечалось ранее, разница в высоте между точками «слияния» веток кластеров определяет величину обобщенного различия по ИЭР между странами соответствующих групп. Например, можно считать, что Гонконг и Тайвань (Китай), входящие в кластер 1, обладают практически одинаковым уровнем ИЭР. Аналогичное заключение можно сделать для Туркменистана, Микронезии, Соломоновых Островов, Афганистана и Мьянмы (кластер 7). Расстояние по высоте между кластерами 1 и 7 определяет разницу в уровне ИЭР для стран, входящих в эти группы: разница в ВВП, приходящемся на одного жителя [12], позволяет заключить, что страны кластера 1 обладают более высоким уровнем ИЭР.

Можно считать, что проблема недостатков применения одного составного индекса ИЭР (при использовании 24 частных индикаторов) для АзБР решена: страны АТР распределены по 7 группам, которые отмечаются практически теми же самыми обобщенными значениями развития; выровнены неточности значений индикаторов; компенсирован тот факт, что они были получены в разные моменты времени (по данным АзБР). Привлечение дополнительных статистических данных (в частности, данных об уровне развития стран АТР [12]) позволит проранжировать полученные кластеры по величине обобщенного значения ИЭР.

Для дендрограммы на рис. 2 аналогично были выделены кластеры с помощью проведения горизонтальной линии на такой же высоте, 9,6 (использование более поздних наблюдений значений ИЭР).

Примечание: номера стран АТР взяты из табл. 2; height – высота (ось Y), характеризующая уровень отличия наблюдений (кластеров); ось X – рисунок дендрограммы

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Кластерная дендрограмма, соответствующая более поздним значениям ИЭР

- Линия выделила 6 кластеров, в которых страны распределились иначе:
- 1) кластер 1 – Гонконг, Тайвань (Китай);
 - 2) кластер 2 – Южная Корея, Бруней, Сингапур;
 - 3) кластер 3 – Папуа Новая Гвинея, Вануату, Кирибати, Самоа, Узбекистан, Соломоновы Острова, Маршалловы Острова, Микронезия, Палау, Тонга;
 - 4) кластер 4 – Казахстан, Фиджи, Шри-Ланка, Киргизия, Мальдивы, Армения, Таджикистан, Тимор-Лесте, Монголия, Индия, Непал, Бангладеш, Камбоджа, Азербайджан, Грузия, Бутан, Мьянма, Китай, Филиппины, Малайзия, Таиланд, Афганистан, Вьетнам, Лаос, Пакистан, Индонезия;
 - 5) кластер 5 – Тувалу;

б) кластер 6 – Острова Кука, Науру.

Сравнение дендрограмм на рис. 1 и рис. 2 позволяет заключить, что изменилось не только количество кластеров и их состав, но и расположение групп по высоте.

Привлечение дополнительной информации об анализируемых странах [12] в сочетании со свойствами полученных кластеров (в частности, значения высот) позволит характеризовать перемещение стран АТР из кластера в кластер с позиции ИЭР. В будущем АзБР сможет целенаправленно использовать результаты кластеризации для планирования и реализации таких проектов и программ для стран АТР, которые позволят улучшать обобщенные значения ИЭР. Применение кластеризации для обобщенной оценки уровня ИЭР в АТР или любой иной стране не ограничивается количеством индикаторов и может использоваться другими БР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность БР непосредственно влияет на экономический рост. Рост ВВП может не приводить к улучшению жизни всех слоев населения, то есть экономический рост не всегда является инклюзивным.

ИЭР должен предоставлять реальную доступность новых экономических возможностей для всего населения и, помимо роста доходов, обеспечивать доступность образования, здравоохранения, социальной поддержки и пр.

Уже почти 20 лет АзБР воздействует на ИЭР в странах АТР при помощи проектов и программ, что позволило ему разработать свою модель ИЭР, включающую в себя оценку государственного управления, содействия экономическому росту, развития социальной инклюзии, снижения бедности и неравенства в этих странах. Для измерения полученных результатов используется 35 индикаторов ИЭР, что определяет необходимость решения проблемы одновременного использования большого количества индикаторов, которая существует уже длительное время и решается путем использования так называемых сводных индексов, обладающих рядом недостатков.

Для исключения данных недостатков авторы использовали модель иерархической кластеризации с целью обобщения значений индикаторов, характеризующих страны АТР. Были статистически обработаны 37 значений 24 индикаторов АзБР для 45 стран, что позволило получить две дендрограммы для двух моментов времени. Анализ дендрограмм привел к выявлению 7 и 6 кластеров стран АТР соответственно. Страны, попавшие в один кластер, обладают в среднем одинаковым общим уровнем ИЭР согласно сущности кластеризации.

Таким образом, решена проблема обобщенной оценки уровня ИЭР для стран АТР (при наличии 35 индикаторов). Исключен такой недостаток сводного критерия ИЭР, как субъективизм при выборе весовых коэффициентов для индикаторов.

Использование макроэкономических характеристик анализируемых стран в сочетании с результатами кластеризации позволит в перспективе интерпретировать переход стран АТР из одного кластера в другой с точки зрения ИЭР. Так что в дальнейшем АзБР сможет планировать и реализовывать проекты для стран АТР и совершенствовать обобщенные значения ИЭР. Кластеризация для обобщенной оценки уровня ИЭР любых стран не ограничена количеством индикаторов и может применяться в практике других БР.

Список литературы

1. *De Luna-Martínez J., Vicente C.L.* Global survey of development banks. World Bank Policy Research Working Papers. 2013:5969. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-5969>
2. *Dasgupta P.* Guidelines for project evaluation. United Nations; 1972. 383 p.
3. *Vazhauers A., Engel S.* The global architecture of multilateral development banks: a system of debt or development? London: Routledge; 2021. 304 p.
4. *Матвеевский С.С.* Банки развития и их влияние на экономический рост: монография. М.: КноРус; 2022. 297 с.
5. *De Mello L., Dutz M.* Promoting inclusive growth: challenges and policies. Paris: OECD and the World Bank; 2012.
6. *Бютоль А., Цедфель П.* SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. Пер. с нем. М.: Бизнес; 2004. 608 с.

References

1. *De Luna-Martínez J., Vicente C.L.* Global survey of development banks. World Bank Policy Research Working Papers. 2013:5969. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-5969>

2. *Dasgupta P.* Guidelines for project evaluation. United Nations; 1972. 383 p.
3. *Bazbauers A., Engel S.* The global architecture of multilateral development banks: a system of debt or development? London: Routledge; 2021. 304 p.
4. *Matveevskii S.S.* Development banks and their impact on economic growth: monograph. Moscow: KnoRus; 2022. 297 p. (In Russian).
5. *De Mello L., Dutz M.* Promoting inclusive growth: challenges and policies. Paris: OECD and the World Bank; 2012.
6. *Biyyül A., Zeffel P.* SPSS: the art of information processing. Analysis of statistical data and restoration of insights. Trans. from Germ. Moscow: Business; 2004. 608 p. (In Russian).

Мобилизационные отношения: сущность, опыт и повышение безопасности

Мацкуляк Иван Дмитриевич¹

Д-р экон. наук, проф. каф. экономической политики и экономических измерений
ORCID: 0000-0002-2550-0250, e-mail: mid48@mail.ru

Мацкуляк Дмитрий Иванович²

Канд. экон. наук, генеральный директор
ORCID: 0000-0002-5619-4727, e-mail: midio@mail.ru

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²Общество с ограниченной ответственностью «Юкон Лайн», г. Москва, Россия

Аннотация

В данном исследовании показана сущность и дана краткая характеристика системы мобилизационных отношений, рассмотрена их объективная корреляция с производительными силами общества и значение в период возрастания противостояния с недружественными странами Запада. Указанная система раскрывается в виде опыта формирования данных отношений по Н.А. Вознесенскому, а также как условие повышения экономической безопасности страны в настоящее время. Методологически авторы учитывают единство исторического и логического направлений в развитии системы мобилизационных отношений, ее отличия от традиционной государственно-рыночной модели связей с применением обновленной политико-экономической науки. Результаты содержат опыт модернизации материально-технической базы российской экономики, мобилизационное регулирование бизнес-отношений и формирование нового интеллектуально продвинутого, многостороннего и мобильного работника, а также прикладные направления их совершенствования в виде эффективного применения данных процессов и модернизированной управленческой миссии государства. Причем все эти компоненты, их различные комбинации и целостная совокупность рассмотрены с точки зрения повышения безопасности общества, каждого его члена. В заключении содержится вывод о необходимости ускоренной реализации мобилизационного регулирования развития общества и его экономики, направленных на дальнейшее повышение их безопасности.

Ключевые слова

Мобилизация, мобилизационные отношения, производительные силы, экономическая система, безопасность общества, экономическая безопасность, экономический прорыв

Для цитирования: Мацкуляк И.Д., Мацкуляк Д.И. Мобилизационные отношения: сущность, опыт и повышение безопасности // Вестник университета. 2024. № 1. С. 122–131.

Mobilisation relations: essence, experience, and security improvement

Ivan D. Matskulyak¹

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economic Policy and Economic Measurements Department
ORCID: 0000-0002-2550-0250, e-mail: mid48@mail.ru

Dmitriy I. Matskulyak²

Cand. Sci. (Econ.), General Director
ORCID: 0000-0002-5619-4727, e-mail: midio@mail.ru

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Limited Liability Company “Yukon Line”, Moscow, Russia

Abstract

The present research shows the essence of the mobilisation relations system and gives their brief description, considers their objective correlation with the productive forces of society and their significance in the period of increasing confrontation with unfriendly Western countries. This system is revealed as experience of formation of these relations according to N.A. Voznesensky and also as a condition for improvement of the Russian economic security today. Methodologically, the authors consider the unity of historical and logical directions in the development of the system, its differences from the traditional state-market model of relations with the use of updated political and economic science. The results contain the experience of modernisation of the material and technical base of the Russian economy, mobilisation regulation of business relations and the formation of a new intellectually advanced, versatile and mobile employee. Besides, applied directions for their improvement in the form of effective employment of these processes and the modernised state management mission are also part of the results. Moreover, each of these components, their various combinations and integral set are examined in terms of improving the security of society and each of its members. The research concludes that it is necessary to accelerate the implementation of mobilisation regulation of the society development and its economy, aimed at the further improvement of their security.

Keywords

Mobilisation, mobilisation relations, productive forces, economic system, security of society, economic security, economic breakthrough

For citation: Matskulyak I.D., Matskulyak D.I. (2024) Mobilisation relations: essence, experience, and security improvement. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 122–131.

ВВЕДЕНИЕ

Отметим, что мобилизационные отношения исследуются отечественными учеными, на наш взгляд, значительно меньше, чем это требуется для научной теории и реальной хозяйственной практики. В этом смысле приоритетными выглядят изыскания близких, но не идентичных явлений, выражающихся такими понятиями, как мобилизационная экономика, мобилизационный тип экономики, мобилизационное хозяйство, мобилизационное предпринимательство и др. Вместе с тем представляется, что как соответствующее явление, так и выражающее его понятие мобилизационных отношений существенно емче и значимее перечисленных выше. Поэтому предпринятая в данной статье попытка раскрыть сущность мобилизационных отношений, особенно в современных условиях, несомненно, весьма актуальна. Не менее важно хотя бы кратко вспомнить опыт, накопленный Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) в прошлом, а также складывающийся в настоящее время. Следует отметить, что изучение каждого из обозначенных аспектов принципиально важно само по себе. В единстве же они актуализируют исследование многократно, особенно когда перемены экономического и политического характера, происходившие в российском обществе ранее и имеющие место теперь, оказывают глубокое трансформационное влияние на его функционирование. Это заметно как внутри РФ, так и в ее взаимоотношениях с соседними и другими государствами мира. Одновременно с этим нельзя не подчеркнуть существенное значение решения проблем обеспечения безопасности российского общества, которая в значительной степени зависит от мобилизационных отношений. Безопасность в любой стране выполняет основополагающую роль. Особую актуализацию исследование обозначенного аспекта приобретает в его синтетическом единстве с обоими обозначенными компонентами темы. В нем видится, по сути, ядро если не нового системного состояния общества, то мобилизационного движения на пути к такому.

СОДЕРЖАНИЕ НАУЧНОГО ПОНЯТИЯ «МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Мобилизационную экономику как научную категорию ввел в литературный оборот С.Э. Харрис [1] в работе, которую в российском сообществе перевели как «Мобилизационная экономика и инфляция» [2]. В РФ ее стали широко применять в конце 1950-х гг. При этом наряду с ней в разных контекстах часто используются близкие синонимы: мобилизационная система, мобилизационный тип развития, мобилизационный режим, мобилизационная модель экономики. Нам представляется в этой связи уместным также применение выражения «мобилизационные отношения», которые отражают определенные аспекты всех названных явлений и процессов.

При этом известно, что корень выражения «мобилизационные отношения» – термин «мобилизация», означающий подвижность, движение. Отсюда можно считать, что мобилизационные отношения предполагают их определенную активность, то есть такое состояние, при котором они обуславливают решение конкретных задач, осуществление намеченных программ на основе сосредоточения тех или иных сил и средств. Следовательно, мобилизационные отношения представляют собой совокупную систему связей между участниками российской экономики, которая соответствует ее производительным силам, совместно обеспечивающим воспроизводственное развитие, поддержание достойного уровня и качества жизни граждан и предполагающим противодействие опасностям, угрозам и санкционным вызовам относительно существования целостности страны.

Очевидно, что система отношений, складывающаяся в экономике, в той или иной мере всегда коррелируется с уровнем состояния и развития производительных сил общества. Она может, как известно, соответствовать последним, что сопровождается благоприятным экономическим развитием. Тем не менее иногда (по целому ряду причин) этого не происходит. Производительные силы в таком случае могут опережать прогресс экономических отношений или на определенное время, наоборот, отставать от него [3–5].

Соотношение соответствия или несоответствия уровней развития производительных сил и аналогичных мобилизационных отношений (в отмеченном смысле) выступает закономерностью в экономике, а не исключением. Более того, оно имеет место в масштабе как всей экономики, так и каждой ее части, например субъекта федерации или конкретной отрасли. Как правило, данное соотношение проявляется через многообразие форм и видов хозяйствования.

Для уточнения сути мобилизационных отношений в настоящем исследовании предпринята попытка обобщения разных научных подходов, встречающихся в отечественной литературе. Учитывая, что

конкретные публикации по обозначенной теме пока отсутствуют, авторы воспользовались близкими к ней работами, что отражено в таблице.

Таблица

Отечественные исследователи о мобилизационной экономике

Фамилия, имя, отчество автора	Суть мобилизационной экономики
Н.А. Вознесенский	Мобилизационные отношения – это система связей, возникшая в российском обществе, его экономике в ходе реорганизации последней в канун войны и ее первые месяцы. Она возникла в связи с острой военной угрозой, наступавшей с запада Германии и ее сателлитов, переводом из-за этого в восточные регионы страны производительных сил и их воссоздание в тылу на новых землях. Наиболее концентрированно данная система нашла свое воплощение в принятом спустя неделю после начала необъявленной войны плане реорганизации отечественного хозяйства на основе его мобилизационной перестройки [6]
С.Ю. Глазьев	Мобилизационно-экономические отношения – это такая совокупность связей между людьми, субъектами экономики, на основе которой организуется регулирование всей хозяйственной деятельности по наиболее оптимальному обеспечению эксплуатации наличных ресурсов [7]
К.И. Зубков	«Мобилизационный тип экономики, связанный с наращиванием военного потенциала, закономерно предполагает, с одной стороны, предрасположенность к военной экспансии, с другой – обращение к политике экономической автаркии (т.е. опоры на собственные силы), поскольку только в этом случае все необходимые дирекционной власти государства как конечной инстанции распоряжения ими» [8, с. 64–71] для военных приготовлений ресурсы становятся ей полностью подконтрольными
А.О. Недосекин	Мобилизационное хозяйствование – это специфический тип державно-хозяйствующего субъекта, отвечающего решению, прежде всего, внеэкономических целей/задач, например выживания государства и общества в военных условиях [9]
Н.В. Новичков	Согласно Н.В. Новичкову, цитируемым Цветковым В.А., «мобилизационная экономика – это не про то, что все ходят строем и производят с утра до вечера снаряды. Мобилизационная экономика – это про большие задачи, понятные приоритеты и осознанную ответственную экономическую политику» [10, с. 7]
Л.Е. Пайдиев	«Мобилизационная экономика базируется не на натуральном распределении, а на денежно-кредитной системе, возможности мобилизации всех финансовых ресурсов для достижения поставленных целей» [11, с. 8]
С.А. Филин, А.Ж. Якушев	Система распределения ресурсов и производственных отношений, обеспечивающая выполнение задач мобилизации [12, с. 62]
В.А. Цветков	Мобилизационная экономика представляет собой безальтернативный курс экономической политики государства, направленный на обеспечение необходимой экономической безопасности страны. Мобилизационную экономику можно рассматривать как краткосрочную регуляторную государственную экономическую политику, реализация которой направлена на решение двух проблем: защиту национальных интересов и обеспечение военно-экономической безопасности [10, с. 13]

Составлено авторами по материалам источников [6–12]

На мобилизационные отношения общество реагирует по-разному. В общем, эта реакция скорее негативная, чем позитивная. Предположительно, такая оценка является результатом воздействия на общественное мнение мобилизационной экономики, функционировавшей в прошлые десятилетия. Дело в том, что она воспринимается многими членами общества с учетом ряда ограничений, включая ограничения некоторых их прав и свобод. В тот период экономика фактически была вынужденно мобилизационной. После 24 февраля 2022 г. в РФ сложилась ситуация, когда страну покинули около 1 млн граждан и более 500 зарубежных фирм. К последним могут присоединиться еще более 150 организаций, которые находятся в процессе закрытия [13]. Стоит подчеркнуть, что в обозначенный период речь не шла о мобилизационной перестройке национального хозяйства. Меры, которые применялись, касались только частичной мобилизации граждан России для пополнения Вооруженных сил страны.

Безусловно, это весьма значимый аспект проблемы, который следует учитывать. В то же время он не является основополагающим с точки зрения населения страны и его экономически активной части.

В любом случае мобилизационные отношения – значимый регулятор сосредоточения средств и действий по поддержанию общественного производства в необходимом состоянии, включая производительные силы общества. Их хорошо организованная система обуславливает развитие прежде всего первой производительной силы и иных сил. Благодаря сознательному и научному поддержанию соответствия уровня развития данных отношений уровню развития производительных сил появляется возможность успешного преодоления возникающих проблем. Теперь же модернизированные мобилизационные отношения в новых многообразных условиях, сложившиеся и развившиеся в стране в последнее десятилетие прошлого века [14], позволяют не только успешно решать эти проблемы, но и эффективно противостоять недружественным странам Запада. Модель такой национальной и союзной системы мобилизационных отношений призвана способствовать распространению стабильного мобилизационного режима функционирования экономики и общества в целом. Последнее призвано выстраивать данную модель согласно специально принятой стратегии развития страны, ее предполагаемому месту среди ведущих государств будущего мира. Более того, эти обстоятельства важно учитывать в ходе формирования новой оптимальной модели национальной и союзной экономики.

ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО Н.А. ВОЗНЕСЕНСКОМУ

Формирование мобилизационных отношений в России особенно наглядно продемонстрировано в течение 1941 г. в ходе переустройства экономики страны. Обобщение научной литературы по данной теме свидетельствует, на взгляд авторов, о том, что наиболее объективно отражает реальную практику содержание работы Н.А. Вознесенского под названием «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [6]. Если говорить кратко, то вслед за названным автором накопленный опыт можно представить в виде нескольких положений.

В первую очередь речь идет о сосредоточении промышленного потенциала, включая ресурсы рабочих и специалистов инженерно-технического профиля (далее – ИТР), на удовлетворение оборонных запросов. Военная промышленность страны была расширена за счет передачи ей объектов других отраслей экономики, что заметно усилило ее возможности. Предприятия обновленной таким образом отрасли полностью перевелись на производство необходимой военной продукции. Был прекращен даже выпуск некоторых видов гражданской продукции. Это дало возможность высвободить мощности производства, кадры рабочих и ИТР, средства труда и предметы труда для использования их в целях удовлетворения военных потребностей. Следовательно, была модернизирована структура экономики, основным итогом которой стало существенное увеличение объемов нормированного продовольствия и вещевого обеспечения Советской армии. Заметим, что в новых условиях оно осуществлялось централизованно. Параллельно проводилась мобилизация материальных ресурсов сельского хозяйства и его трудового потенциала. Она позволила в первую очередь обеспечить потребности армии и флота, а также городов, от деятельности которых решающим образом зависело снабжение военной техникой фронта. Одновременно основные колхозно-совхозные ресурсы из западных и прифронтовых районов были также перемещены на Восток. Ситуация потребовала существенно расширить площади посевов зерна, технических культур, посадки картофеля и овощей, что было сделано в основном на Урале, вдоль Волги и в Западной Сибири, а также в некоторых других восточных районах. Возникла необходимость создать подсобные хозяйства на промышленных предприятиях, заметно распространить индивидуальное огородничество рабочих и служащих. Военные условия потребовали повышения трудовой дисциплины колхозников и рабочих совхозов, в связи с чем минимальная нагрузка (выработка трудодней) увеличилась. При этом были пересмотрены нормы поставки на фронт мяса, молока и шерсти [6].

Отечественный транспорт в неожиданно возникших условиях также не мог не претерпеть мобилизационных преобразований. Были введены военные маршруты, графики перевозок первоочередных и максимально оперативных перемещений военных грузов, из-за чего заметно сократились пассажиропотоки и существенно повысился тоннаж централизованных перевозок. Пропускная способность железных дорог Урала и важнейших железнодорожных узлов увеличилась – особая роль в их числе принадлежала, например, Кировскому, Новосибирскому, Свердловскому, Челябинскому, Тагильскому

узлам. Новые железные дороги специально выстроили вдоль Волги и в восточных и северных регионах страны, благодаря чему появилась Воркутинская железная дорога, новый железнодорожный выход на Астрахань из Закавказья. В транспортной отрасли был внедрен удачно зарекомендовавший себя военный дисциплинированный устав. Мобилизационные отношения охватили не только кадры строительства на железнодорожном транспорте, но и всю строительную отрасль страны, ресурсы которой были сконцентрированы в секторах возведения военных заводов и кооперированных с ними структурах. Капитальные стройки осуществлялись в таких отраслях, как военная промышленность, топливная промышленность, черная металлургия, на электростанциях и прежде всего в тыловых районах, где восстанавливались эвакуированные предприятия. Были повышены строительные нормы с учетом военных условий, в результате чего заметно сократились сроки строительства и стали минимальными объемы его незавершенных работ [6].

Мобилизационные отношения по-настоящему широко охватили рабочих разных отраслей промышленности, которые нуждались в переквалификации, для чего была введена подготовка новых кадров массовых профессий вместо граждан, ушедших воевать. С этой целью в производственный процесс включались ранее не работавшие слои населения, а предприятия стали практиковать обязательные сверхурочные работы. Одновременно по сокращенным программам были организованы массовые выпуски учащихся школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ, а дефицит кадров стал восполняться их подготовкой прямо на производстве. При этом сеть учебных заведений высшего и среднего профессионального образования была повсеместно сохранена, и они продолжали подготовку ИТР согласно кадровой политике государства. Розничный товарооборот также подвергся серьезной реорганизации мобилизационных отношений: государство вынуждено было ввести карточную систему на основе нормированного снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. В этих условиях созданные отделы рабочего снабжения в ряде отраслей промышленности и в транспорте зарекомендовали себя вполне эффективно. Были снижены государственные цены на предметы первой необходимости, а среди рабочих и ИТР ключевых отраслей экономики распространилось ударное снабжение. Общество поддержало мобилизацию своих средств и ресурсов народного хозяйства с целью финансового обеспечения Великой Отечественной войны, что позволило повысить военные расходы в консолидированном бюджете государства как в абсолютном, так и в относительном выражении. Мобилизационные отношения были распространены на совершенствование деятельности собственно государственного аппарата, его структуры для обеспечения мобилизации всех сил с учетом военных действий на территории страны [6].

Под руководством Государственного комитета обороны были созданы такие мобилизационные отношения, которые позволили осуществить комплексное перемещение производительных сил страны на Восток. Миллионы людей переезжали одновременно с перемещением сотен предприятий со всеми их ресурсами. Фактически в этот период было эвакуировано в восточные районы страны свыше 1 360 крупных, в основном военных предприятий. 455 предприятий были перемещены на Урал, 210 – в Западную Сибирь, 250 – в Среднюю Азию и Казахстан. Объем капитальных работ в данных регионах, несмотря на трудности военного времени, вырос с 3,1 млрд руб. в первом (мирном) полугодии 1941 г. до 5,1 млрд руб. во втором (военном) полугодии 1941 г. [6].

Следовательно, созданные мобилизационные отношения того времени и вытекающие из них возможности позволили оперативно обеспечить необходимую перестройку экономики на военный лад. Производительные силы, перемещенные из фронтовых и прифронтовых районов в тыловые восточные районы, оперативная организация их эффективной деятельности на новом месте позволили нарастить собственный потенциал страны, укрепить ее военное превосходство над противником, лишив его возможности воспользоваться ресурсами государства.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

В условиях мобилизационных отношений государство и его органы, основное звено экономики, более концентрированно применяют имеющиеся многообразные силы и средства, направленные на обеспечение экономической безопасности. Сосредоточение трудовых, материальных и денежных ресурсов на конкретных участках, соответствующих ключевым направлениям получения на разных уровнях

необходимых результатов, гарантирует упрощение достижения экономического прорыва. Причем это происходит, несмотря на объективные противоречия, субъективные трудности и напряжение производственно-управленческого процесса, что, по сути, невозможно в обычной (традиционной) экономике. Обычная экономика функционирует, как известно, в тесной взаимосвязи с выстраиваемыми многообразными и разнонаправленными интересами многочисленных рыночных субъектов. Концентрированное внимание всех участников общественного производства, в соответствии с требованиями мобилизационных отношений, усиливает административное регулирование, существенно повышает безопасность экономики. Здесь одно из главных значений имеют «невидимая рука» рынка вместе с социально-экономическим инструментарием, стимулирующие, материально-денежные и духовно-нравственные потребности и интересы, а также, собственно, прямое администрирование, опирающееся на принуждение. Мобилизационные отношения, согласно политической экономии, впрочем, основывающейся на обобщении хозяйственной практики, вполне допустимы как вообще, так и в случае их частичного распространения. Они согласуются также с требованиями других научных теорий. Выбор конкретного режима, как правило, определяется с учетом уровня развития экономики, в условиях которой он создается, а также тех возможностей, которыми он располагает в ходе реализации стоящих перед ним задач, которые нуждаются в решении. Значит, мобилизационное управление совокупной системой обновленных экономических отношений предусматривает двоякую, а именно противокризисную или экстремальную модели его реализации. Это позволяет существенно повысить экономическую безопасность и некоторые другие виды безопасности государства, его общества.

Необходимо принять во внимание тот факт, что изложенное подтверждается трансформационными изменениями мобилизационных отношений, которые все больше имеют место в национальных условиях после 24 февраля 2022 г. Так, согласно Указу Президента РФ № 763 от 21.10.2022 г.¹, создан Координационный совет при Правительстве РФ. Данной структуре в качестве обязательной вменена реализация роли связующего звена между субъектами федерации, в которых Президент страны объявил военное положение и режимы реагирования разного уровня, и федеральными министерствами и ведомствами, обеспечивающими ресурсную поддержку проведения специальной военной операции. Главная цель нового органа – наладить между регионами и ведомствами оперативное взаимодействие по вопросам снабжения Вооруженных сил РФ оружием, специальной техникой, медикаментами и др. [13].

Сложившаяся практика, накопленная с тех пор указанным Координационным советом, подтверждает его эффективное воздействие на развитие мобилизационных отношений и их успешное функционирование в РФ, в первую очередь в сфере оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК). Отметим при этом, что ОПК выступает составной, достаточно прогрессивной частью реального сектора национального хозяйства, представляя собой наиболее высокотехнологичный комплекс, генерирующий значительный мультипликативный эффект.

На взгляд авторов, наиболее рациональным решением будет координация комплекса органами гражданской власти, поскольку они имеют возможность добиваться нужной корреляции гражданского и военного секторов экономики и распространение инновационных технологий между ними. ОПК должен стать открытым, так как этот статус не только не противоречит вопросам безопасности, но и успешно обеспечивает необходимую секретность.

Среди достигнутых первых крупных результатов примененного новшества – рывок производства боевых припасов по многим направлениям. Уже к весне прошлого года намечавшаяся нехватка снарядов была в основном преодолена, что дало возможность Вооруженным силам РФ эффективно противостоять контрнаступлению противника. В последующем проявление данной тенденции ощутимо усиливалось: линия соприкосновения местами перемещена в пользу российской стороны, а вооруженные силы Украины были вынуждены перейти к новой оборонительной тактике.

Отметим также, что в целом модернизированные мобилизационные отношения обусловили успешное производство основных видов вооружений. В течение года ОПК страны «увеличено в 2,7 раза, а по наиболее востребованным направлениям – в 10 раз. Предприятия промышленности некоторые работают в две смены, а многие в три. Практически днем и ночью. Подчеркнем: работают, очень качественно» [13, с. 26].

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2022 г. № 763. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48438> (дата обращения: 04.11.2023).

Перемены в российской экономике, связанные с мобилизационными отношениями, их переориентацией на достижение полученных и все возрастающих результатов, произошли благодаря разработке и реализации государственного плана для ОПК страны. Субъектами, участвующими в выполнении данного документа, выступают различные собственники, применяющие разнообразные формы отечественного хозяйствования и предпринимательства. При этом само государство, его органы также активно действуют во всех звеньях сложившейся цепочки производства необходимой продукции, в том числе военной. Государством установлены целевые индикаторы ее выпуска, предусмотрен поэтапный план расширения производственных мощностей и запуска новых производств. Каждый этап своевременно финансируется для полного осуществления намеченных мероприятий: денежные средства выделяются оперативно и заранее резервируются с учетом каждого конкретного пункта плана. Государственные структуры выстраивают всю производственную цепочку самостоятельно, которая координирует организации ОПК по выпуску конечной продукции с предприятиями, производящими соответствующие комплектующие. Если последних недостаточно, государство вкладывает ресурсы в расширение нужных мощностей, что свидетельствует о функционировании в стране полного производственного цикла. За расходованием выделенных средств установлен эффективный контроль. Их нецелевое применение не допускается, а федеральное казначейство строго отслеживает все каналы финансирования производства продукции. Одним из важных промежуточных итогов считается экономия 10 млрд руб. по заключенным контрактам. В масштабе страны сумма небольшая, но при дальнейшей активизации ОПК важнее удержать предел стоимости производимой продукции.

Как видно, приведенный пример демонстрирует значительную эффективность модернизации мобилизационных отношений с участием государства и его органов. Использование ими в обозначенном процессе стратегического планирования доказывает ошибочность либеральной установки о неэффективности государственного плана, преимуществе «невидимой руки» рынка.

Считаем необходимым отметить также, что после завершения периода мобилизационных отношений предполагается перевод экономики от экстремально-кризисного управления к инновационному. Это позволит достичь еще более высокого ее качества, которое затронет в том числе обновленные социально-экономические отношения [12].

Модернизированная система данных отношений, как показывает отечественная практика, должна всегда предусматривать конкретные цели и задачи, ради реализации которых она, собственно, применяется. Более того, необходимо, чтобы эта система содержала простые и понятные атрибуты их реализации, включая основные направления их достижения.

Кроме того, важно чтобы стоящие цели и задачи были не только вполне достижимы, но и с пониманием воспринимались обществом или хотя бы его большинством, причем разными поколениями. Весьма значимо, чтобы они вели не только к среднесрочным, но и к стратегическим перспективам страны в постмобилизационный период. Восприятие экономической безопасности как особой совокупности мобилизационных отношений обуславливает ее необходимость и естественную приемлемость подавляющим числом субъектов сформулированных целей. При этом важны масштабность общественных действий, которые по-настоящему придают социально-экономическим отношениям мобилизационный характер развития, способствуют существенной мотивации участников данного процесса. Безусловно, такой подход будет положительно сказываться на восприятии мобилизационных перемен и на настроении пассивной части остального населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование сути мобилизационных отношений, их опыта в отечественных условиях и повышения экономической безопасности в период, когда недружественные страны Запада многократно игнорируют интересы РФ, расширяют Организацию Североатлантического договора (далее – НАТО) на Восток, приближают к ней свои границы, позволяет сделать ряд принципиально важных выводов.

1. Подавляющее большинство российского общества осознает необходимость противостояния западным странам. На этом основании Россия консолидирована и солидарна в своих стратегических планах, мерах и действиях отстоять государственный суверенитет и территориальную целостность. Руководство страны еще в декабре 2021 г. заявило о готовности государства, при необходимости, адекватно реагировать на вызовы Запада, используя при этом все возможности, включая военно-технические.

2. Учитывая негативную реакцию западных стран на необходимость гарантии безопасности для России, выразившуюся не только в игнорировании заявления российских властей о нерасширении НАТО на Восток, но и в объявлении им намерения принятия в названный альянс новых государств, граничащих с РФ, руководящие органы страны в феврале 2022 г. были вынуждены начать реализацию декабрьского заявления.

3. Адекватная реакция России на эскалацию недружественными странами сложившейся обстановки в их взаимоотношениях, включая СВО на Украине, побуждает ее наращивать усилия на всех направлениях. Ряд необходимых мер – частичная мобилизация, увеличение численности служащих по контракту, активное и эффективное обучение военнослужащих, перестройка некоторых направлений деятельности в пределах ОПК, создание Координационного совета при Правительстве РФ и т.п. – уже сделаны. Иные меры запланированы на будущее. В их числе заслуживает распространения, прежде всего, опыт первой половины 40-х гг. прошлого века, упомянутый в настоящей работе.

4. Наконец применение системы мобилизационных отношений в течение военно-технического противостояния России и стран Запада представляется безусловным условием обеспечения безопасности ее общества. В дальнейшем такой подход позволит российскому обществу с минимальными издержками реформировать мобилизационную систему связей в более передовую, инновационную разновидность отношений, востребованную в новых, послемобилизационных условиях.

Список литературы

1. *Harris S.E.* Inflation and anti-inflationary policies of American states. New York: Pan American Union; 1951. 143 p.
2. *Берснев В.А.* Мобилизационная модель экономики: опыт историографического анализа. В кн.: История науки и техники в современной системе знаний: сборник трудов Шестой ежегодной конференции кафедры истории науки и техники, Екатеринбург, 8 февраля 2016 г. Екатеринбург: УМЦ УПИ; 2016. С. 16–20.
3. *Мацкуляк И.Д.* Политико-экономическая природа рыночных отношений: монография М.: KnoРус; 2020. 442 с.
4. *Мацкуляк И.Д.* Политическая экономия: учебник для вузов. М.: Юрайт; 2023. 477 с.
5. *Мацкуляк И.Д.* Экономическая теория (основной курс): учебник для подготовки бакалавров по направлениям 38.03.01 Экономика, 38.03.02 Менеджмент. М.: Государственный университет управления; 2019. 380 с.
6. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат; 1948. 192 с.
7. *Глазьев С.Ю.* Условия и стратегия экономической мобилизации в системе воспроизводства российской государственности. Менеджмент и бизнес-администрирование. 2018;2:40–78.
8. *Зубков К.П.* Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ. В кн.: Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции, Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. Челябинск: Энциклопедия; 2009. С.64–71.
9. *Недосекин А.О.* Мобилизационная экономика по-русски. СПб: Издательство Политехнического университета; 2015. 124 с.
10. *Цветков В.А.* Мобилизационная экономика: актуальные вопросы сегодняшнего дня. Проблемы рыночной экономики. 2022;3:6–15. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-3-6-15>
11. *Пайдиев А.Е.* Основы мобилизационной экономики: как можно поднять Россию с колен? 1999. 26 с.
12. *Филин С.А., Якушев А.Ж.* Формирование условий и стратегического инструментария мобилизации экономики. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016;9(342(12):61–74.
13. *Мацкуляк И.Д., Мацкуляк Д.П., Нагдалиев Н.З.О.* Мобилизационные отношения: содержание и повышение безопасности. В кн.: Государственное регулирование экономики: политико-экономические аспекты: сборник научных трудов по материалам 8-й Международной научно-практической конференции, Москва, 24 ноября 2023 г. М.: Государственный университет управления; 2023. С. 23–27.
14. *Булатов А.С., Мацкуляк И.Д., Руднев В.Д.* Необходимо многообразие, а не новое единообразие хозяйственных форм. Российский экономический журнал. 1992;9:144–150.

References

1. *Harris S.E.* Inflation and anti-inflationary policies of American states. New York: Pan American Union; 1951. 143 p.
2. *Bersenev V.L.* The mobilization model of the economy: the experience of historiographical analysis. In: History of science and technology in the modern system of knowledge: Proceedings of the Sixth Annual Conference held by the History of Science and Technology Department, Yekaterinburg, February 8, 2016. Yekaterinburg: UMC UPI; 2016. Pp. 16–20. (In Russian).
3. *Matskulyak I.D.* The political and economic nature of market relations: monograph. Moscow: KnoРус; 2020; 442 p. (In Russian).

4. *Matskulyak I.D.* Political economy: textbook for universities. Moscow: Urait; 2023. 477 p. (In Russian).
5. *Matskulyak I.D.* Economic theory (main course): textbook for bachelor's degree preparation in the training programmes of 38.03.01 Economics, 38.03.02 Management. Moscow: State University of Management; 2019. 380 p. (In Russian).
6. *Voznesensky N.A.* The military economy of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow: Gospolitizdat; 1948. 192 p. (In Russian).
7. *Glazyev S.Yu.* Economic mobilization conditions and strategy in the Russian statehood reproduction system. Management and Business Administration. 2018;2:40–78. (In Russian).
8. *Zubkov K.I.* The phenomenon of the mobilisation economy: a historical and sociological analysis. In: The mobilization model of the economy: the historical experience of Russia of the twentieth century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Chelyabinsk, November 28–29, 2009. Chelyabinsk: Enciklopedia; 2009. Pp. 64–71. (In Russian).
9. *Nedosekin A.O.* Mobilisation economy in the Russian style. St. Petersburg: Polytechnic University Publ. House ; 2015. 124 p. (In Russian).
10. *Tsvetkov V.A.* Mobilization economy: current issues of today. Market economy problems. 2022;3:6–15. (In Russian). <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-3-6-15>
11. *Paydiev L.E.* Fundamentals of the mobilisation economy: how can Russia be raised from its knees? 1999. 26 p. (In Russian).
12. *Filin S.A., Yakushev A.Zb.* The formation of conditions and strategic tools to mobilize the economy. National Interests: Priorities and Security. 2016;9(342(12):61–74. (In Russian).
13. *Matskulyak I.D., Matskulyak D.I., Nagdaliev N.Z.O.* Mobilisation relations: content and improvement of security. In: State regulation of the economy: political and economic aspects: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 24, 2023. Moscow: State University of Management; 2023. Pp. 23–27. (In Russian).
14. *Bulatov A.S., Matskulyak I.D., Rudnev V.D.* Multiformality is needed, not a new uniformity of economic forms. Russian Economic Journal. 1992;9:144–150. (In Russian).

Формирование политики технологического суверенитета на территориях опережающего социально-экономического развития с помощью привлечения частного и государственного капитала

Степанов Никита Сергеевич

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

Центра институтов социально-экономического развития
ORCID: 0000-0002-5136-8580, e-mail: stepanov720@inecon.ru

Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена тем, что вопрос суверенитета в настоящее время прочно укоренился в цифровом пространстве и проявляется во многих областях, в частности отражается в действиях по релокализации производства, государственной поддержке, привлечению инвестиций. Цель данного исследования состоит в теоретическом обосновании направлений создания политики технологического суверенитета в зонах опережающего социально-экономического развития посредством частного и государственного капитала. В качестве методов были использованы сравнительный и логический анализ при изучении тенденций цифровой экономики, синтез и обобщение при определении сущности технологического суверенитета и формулировке направлений совершенствования данных процессов. В статье аргументировано, что данный феномен на самом деле является объектом промышленной политики, конкуренции, инновационного развития, геополитических изысканий, что актуализирует вопрос его формирования, причем эффективным механизмом в этом случае могут стать территории опережающего социально-экономического развития, создавшие благоприятные условия для привлечения частного и государственного капитала. В исследовании представлены векторы становления технологического суверенитета с учетом возможностей регионального аспекта – указанных территорий – и инвестиционного – сочетания обоих типов капитала.

Ключевые слова

Цифровое пространство, критические технологии, риски цифровой среды, инвестиционная политика, промышленная политика, региональное развитие, телекоммуникационная инфраструктура, искусственный интеллект

Для цитирования: Степанов Н.С. Формирование политики технологического суверенитета на территориях опережающего социально-экономического развития с помощью привлечения частного и государственного капитала // Вестник университета. 2024. № 1. С. 132–139.

Formation of a policy of technological sovereignty in the territories of advanced socio-economic development by attracting private and public capital

Nikita S. Stepanov

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
at the Center for Institutions of Social and Economic Development
ORCID: 0000-0002-5136-8580, e-mail: stepanov720@inecon.ru

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The relevance of the article is due to the fact that the issue of sovereignty is now firmly rooted in digital space and manifests in many areas. In particular, it is reflected in actions to relocalise production, support through the state, and attract investments. The purpose of this study is theoretical substantiation of the directions in forming a policy of technological sovereignty in the zones of advanced socio-economic development with the help of private and public capital. The following methods were used: comparative and logical analysis in studying of trends in the digital economy, synthesis and generalisation in determining the essence of technological sovereignty and formulating directions to improve these processes. The article gives reasons for the phenomenon being in fact an object of industrial policy, competition, innovative development, and geopolitical studies, which actualises the issue of its formation. Moreover, territories of advanced socio-economic development may become an effective mechanism in this case, as they have created favourable conditions to attract private and public capital. The research presents vectors of technological sovereignty establishment with consideration to the possibilities of a regional aspect (the mentioned territories) and an investment one (a combination of both types of capital).

Keywords

Digital space, critical technologies, digital risks, investment policy, industrial policy, regional development, telecommunication infrastructure, artificial intelligence

For citation: Stepanov N.S. (2024) Formation of a policy of technological sovereignty in the territories of advanced socio-economic development by attracting private and public capital. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 132–139.

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссии о цифровом суверенитете, теме, которая разделяет цифровых и институциональных участников, совпадают с появлением коммерческого Интернета в начале 1990-х гг. В то время научные споры часто оставались сосредоточенными вокруг ответа на вопрос «Кто контролирует Интернет?», и с тех пор они усилились за счет значительного расширения цифровой сферы, вызванного разработкой и распространением новых (критических) технологий: искусственного интеллекта, сетей 5G, квантовых технологий [1].

Цифровой суверенитет и технологический суверенитет часто смешиваются. Если первый объединяет большое количество рисков (потеря контроля над данными, угроза кибербезопасности, цифровое соперничество в предоставлении государственных услуг, угрозы общественным свободам и демократическим ценностям), то второй, хоть и охватывает первый, в более общем плане относится к потере независимости от ключевых технологий для стратегических секторов, таких как оборонная промышленность и телекоммуникационная инфраструктура, или для будущих сфер, таких как искусственный интеллект и Интернет вещей (англ. Internet of things) [2].

Традиционно эти два аспекта противостоят друг другу, а суверенитет упоминается в технологических вопросах. Технологический суверенитет характеризует Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия) как зависимую, поскольку у нее нет возможности для политической и экономической автономии в этой области. Цифровой суверенитет, со своей стороны, выдвигает веру в способность действовать в области цифровых и критически важных технологий благодаря формированию научного опыта высокого уровня и уникальности модели управления. Таким образом, расширение понятия оказывается абсолютной необходимостью и добавляет к этому проблему освоения чувствительных алгоритмов и поставку критически важных компонентов. Следовательно, актуальной становится цель данной статьи, которая заключается в теоретическом обосновании направлений формирования политики технологического суверенитета на территориях опережающего социально-экономического развития с помощью привлечения частного и государственного капитала.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Можно согласиться с мнением исследователей, считающих, что расширение сферы цифрового суверенитета теперь однозначно представляет собой сочетание промышленного и геополитического аспектов [3; 4]. Согласно Н.В. Седых, это больше всего справедливо в области полупроводников, где Китай, Тайвань и Соединенные Штаты Америки (далее – США) продолжают свои усилия по развитию возможностей, увеличивая технологическое отставание других стран [5]. Российским производителям не хватает базового промышленного потенциала и достаточно надежных технологий в этом секторе, особенно для наиболее сложных компонентов, в результате чего данная продукция становится ведущей статьей импорта.

Полагаем, что геополитический фактор ограничивает способность в краткосрочной перспективе догнать США и Китай, который опирается на свои достижения в области искусственного интеллекта. Успехи в данной сфере связаны не только с государственной поддержкой сектора, которая, например, в Китае составила более 290 млрд долл. США в 2021–2022 гг. Важным является стимулирование и обеспечение благоприятных условий для такой деятельности [6]. В Европе борьба за влияние между государствами (Германией, Францией и т.д.) за привлечение тайваньских и американских инвестиций с целью (частичного) перемещения производственной структуры на континенте ясно иллюстрирует учет геополитического измерения [3].

Ранее Россия была неизменным лидером в сфере космических и военных технологий, атомной энергетики и пр., полагаясь почти исключительно на своих национальных промышленных партнеров, которые также считались в то время одними из лучших в мире [7]. Однако это превосходство выступало частью закрытой технической среды, инновационные циклы которой заранее определялись производителями, органами по стандартизации и государством.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Ввиду реального риска фрагментации Интернета, санкций, высокой импортозависимости в сфере технологий и новой холодной войны между США и Китаем, РФ сегодня действительно не помешали бы ее суверенные возможности прошлых лет, особенно с точки зрения инфраструктуры. К сожалению, государство больше не в состоянии противостоять этим новым вызовам из-за чрезмерной зависимости

от технологических строительных блоков, разработанных Кремниевой долиной, Тайванем, Республикой Кореей и даже Китаем (см. табл.).

Таблица

Оценка позиций России в рейтингах развития цифровой экономики

Название рейтинга	Место России	Количество стран-участниц рейтинга
Всемирный рейтинг цифровой конкурентоспособности	42	64
Индекс готовности к сетевому обществу	43	130
Индекс инклюзивного интернета	30	100
Индекс развития электронного правительства	36	193
Индекс мобильного взаимодействия	38	170

Составлено автором по материалам источника [7]

Как мы видим, позиции России в международных рейтингах развития цифровой экономики чуть выше среднего, что не дает особых преимуществ для формирования цифрового суверенитета.

Цифровой суверенитет также стал вопросом модели, проекции политических ценностей из-за соперничества, которое он вызывает. В мире, отмеченном возвращением формы жестокости (в ней роль идей никогда не исчезала), данный тип суверенитета выступает в качестве ключевого компонента. С его помощью государства, находящиеся в оппозиции или даже в конфликте, будут стремиться реализовать свою собственную интерпретацию закона, технологий и политики.

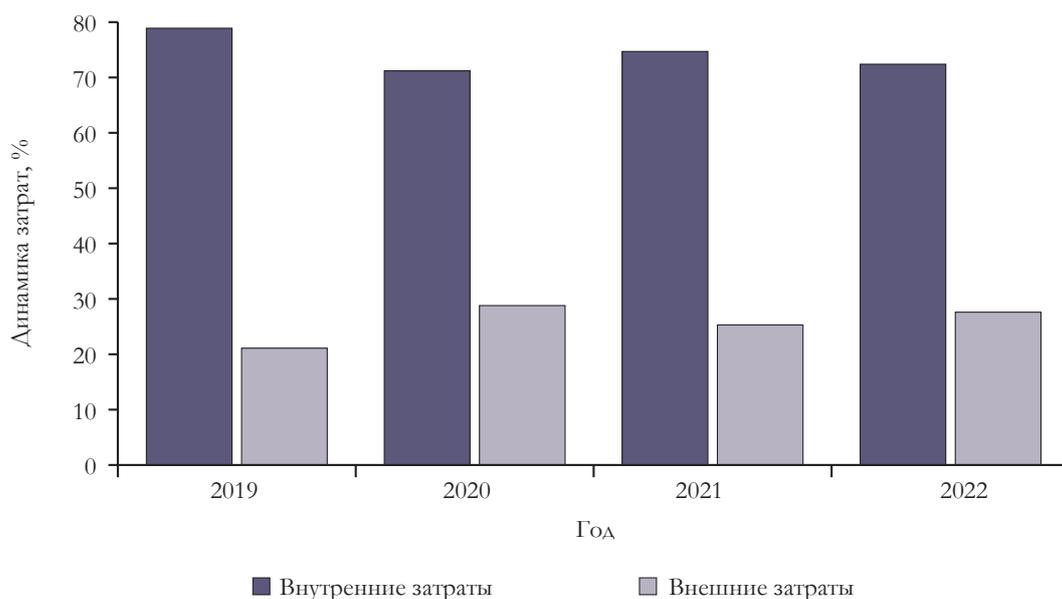
Цифровой суверенитет стал неизбежным барьером в геополитических отношениях. Эта характеристика явно усилилась во время пандемического кризиса, а затем в результате его многочисленных последствий. Одно из них связано с усилением влияния геоэкономического фактора в международных отношениях, который выходит за рамки единой цифровой экономики и охватывает практики «вооружения» основных экономических взаимозависимостей. Иными словами, векторы глобализации (финансовые и технологические потоки, экспорт сельскохозяйственного и энергетического сырья, а также информационные сети) используются как оружие. Согласно этому подходу, принудительные экономические меры – такие как санкции – теперь являются не заменой войны, а ее продолжением. Задача состоит в том, чтобы истощить ресурсы, которые противник может мобилизовать для боевых действий, и, следовательно, увеличить бремя войны с экономической точки зрения. Речь также идет об ослаблении морального духа. В этом контексте цифровой суверенитет может представлять собой политический и промышленный ответ на ситуацию ограничений, навязанных извне, с целью самообеспеченности (термин, используемый китайскими властями с 2015 г.) или импортозамещения (термин используется в РФ с 2014 г.).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

России все еще характерен гораздо более низкий уровень экономического развития, а значит, и более низкий уровень расходов на инновационную деятельность [4]. Именно этим объясняется неудовлетворительная позиция страны во всех инновационных рейтингах. В настоящее время лишь небольшой процент отечественных предприятий можно отнести к инновационным. Также отмечается снижение внутренних затрат на данную деятельность (см. рис.).

Представляется, что единственный выход из этой ситуации – стимулирование инновационной деятельности. Ключевую роль в этом процессе играют территории опережающего развития (далее – ТОР), способствующие созданию инноваций с помощью различных видов поддержки. ТОР как инструмент поддержки новых технологий важны в первую очередь для крупных корпораций и предприятий, которые могут позволить себе инвестиции в определенном объеме, и именно крупные предприятия являются основным бенефициаром преимуществ ТОР [8]. Цифровая и технологическая зависимость обязывает РФ, не сумевшую реализовать фактическую политику суверенитета, обеспечить наличие механизмов для цифровой устойчивости, в качестве которых успешно могут выступать ТОР. Предлагаем рассмотреть особенности одного подобного механизма. Его результат – становление эффекта агломерации как фактора ускорения экономического роста, поскольку только та промышленная политика, которая

направлена на конкретные промышленные подсистемы, называемые особыми экономическими зонами (далее – ОЭЗ), или ТОР, эффективна [9; 10].

Составлено автором по материалам источника [7]

Рисунок. Динамика структуры затрат на внедрение и использование цифровых технологий

Опыт зарубежных государств показывает, что появление ОЭЗ считается одним из основных направлений прогресса, способствующих динамике инноваций и инвестиций. В частности, в Китае развитие технологической деятельности на протяжении более десяти лет в основном стимулировалось двумя способами. Во-первых, государственной исследовательской политикой, проводимой центральным государством и находящейся под контролем министерств науки и технологий, а также промышленности и торговли. Во-вторых, политикой привлекательности прямых иностранных инвестиций в виды деятельности с высоким технологическим содержанием.

ТОР – это выделенная законом необитаемая территория России, на которой предпринимательская деятельность может осуществляться на льготных условиях. Ее основной целью создания является совершенствование территорий за счет привлечения инвестиций и формирования благоприятных условий. ТОР представляют собой удачное сочетание потребности инвесторов с потребностями отдельных регионов, где они созданы [11]. Предпринимателям в ТОР предоставляются налоговые льготы и дополнительная льгота начала бизнеса на специально подготовленной, развитой территории. С другой стороны, увеличение инвестиций приводит к ускоренному экономическому региональному прогрессу, снижению безработицы и повышению конкурентоспособности экономики РФ. Она также помогает в самом инвестиционном процессе, например облегчая контакты с местными властями или центральной администрацией по вопросам, помимо всего прочего, покупки земли для финансовых вложений [12].

Переходя к цели исследования, следует отметить, что технологии и инновации многоаспектны и оказывают существенное влияние на развитие не только отдельных регионов, но и всей экономики. Ряд факторов, связанных, например, с технологическим капиталом и человеческими ресурсами, имеют фундаментальное значение для построения конкурентоспособности экономики. В свою очередь, к факторам, сдерживающим инновационную деятельность, относятся слишком высокие затраты на инновации, неопределенный спрос на них, трудности с поиском партнеров по сотрудничеству или недостаток квалифицированных кадров. Инновационность хозяйствующих субъектов – это основа повышения конкурентоспособности регионов, поэтому она находится в приоритете при формировании стратегий регионального развития [13].

Сущностью функционирования зон выступают специальные условия, установленные законом для предпринимателей, как отечественных, так и иностранных, осуществляющих деятельность на определенном участке страны, соответственно, это форма косвенной государственной помощи регионам. Существование ТОР влияет на экономическое и социальное положение определенного региона и его

развитие. ТОР считаются одним из инструментов поддержки экономического роста за счет привлечения новых инвесторов. Их дополнительный положительный эффект исходит от инвестиций в инновационные отрасли, дающие различные экономические результаты. С другой стороны, однако, ТОР могут быть и инструментом активной государственной промышленной политики, когда законодатель устанавливает систему экономических преференций только для входящих в них предпринимателей из отдельных отраслей экономики. Представляется правильным, что ТОР должны помогать инновационным отраслям, таким как ИТ-сектор (ИТ – информационные технологии), биотехнологии или фармацевтика.

Высокотехнологичные компании – будущее каждой экономики, поэтому в интересах каждой ТОР обеспечить своим инвесторам соответствующие условия для развития бизнеса. Передача технологий предприятиям, инвестирующим в ТОР, является одним из мотивов создания этих инвестиционных анклавов. Тем не менее, стоит отметить, что вышеупомянутый процесс происходит не всегда и зависит от типа промышленности, которая инвестирует в данную зону. Примером может служить ТОР Дальнего Востока. Оказалось, что трансфера технологий в данном регионе фактически не существовало, поскольку главной причиной ведения бизнеса была низкая стоимость рабочей силы, а не рынок, богатый высококвалифицированными специалистами.

Новая модель экономического развития – это модель цифрового развития, основанная на устойчивом экономическом росте, поэтому необходимо перейти к цифровой экономике, базирующейся на новых технологиях, знаниях и создании высокооплачиваемых рабочих мест. Государство должно проводить активную политику, направленную на развитие инновационно-технологической системы, то есть системы институтов, навыков и стимулов (налоговых, кредитных) для внедрения инноваций, повышающих конкурентоспособность экономики и улучшающих качество жизни общества. Таким образом, будет увеличиваться взаимосвязь между наукой, технологиями и рынком и усиливаться технологический суверенитет [14]. Реализация этой цели политики требует создания комплекса мер и инструментов из разнообразных сфер деятельности. Речь идет об активизации на различных уровнях образования и науки исследовательских программ, грантов, о построении инфраструктуры для инновационной деятельности. Одновременно государственная политика должна быть направлена на обеспечение экономического роста, основанного в большей степени на знаниях, цифровизации и инновациях, и принимать во внимание, что внешняя конкуренция усиливается, экономика становится все более глобализированной, а четкого периода восстановления не наступило после продолжающихся кризисов.

Вместо этого политика поддержки частного и государственного капитала может быть полностью основана на классической административной процедуре. Чтобы предприниматель мог получить решение, дающее ему право на освобождение от налогов на территории ТОР, его инвестиционному проекту необходимо соответствовать не только количественным, но и качественным критериям согласно оценке, указанной в положении о государственной помощи. Например, достижение соответствующего уровня продаж за пределами РФ; создание высокооплачиваемых рабочих мест; предложение стабильной занятости; ведение бизнеса с низким негативным воздействием на окружающую среду, подтвержденное соответствующими сертификатами. Введение такой оценки снижает свободу действий органа, принимающего решение о поддержке, а также гарантирует, что помощь будет охватывать наиболее важные для российской экономики инвестиционные проекты.

В России функционирует модель поддержки инвестиций и контроль за ними через управляющие компании специальных хозяйствующих субъектов, а также через субъекты коммерческого права, ориентированные исключительно на конкретные территории страны. Однако эти решения уже несовместимы с социально-экономическими реалиями времени и порождают ненужное административное бремя как со стороны предпринимателей, так и со стороны государственного управления – главным образом длительную и трудоемкую процедуру включения земель в ОЭЗ. Более того, у предпринимателей иногда возникают проблемы с разделением деятельности, осуществляемой внутри зоны и за ее пределами. Распределение доходов и расходов по зонам и незональным видам деятельности тоже вызывает трудности. Полагаем, необходимо разработать меры, которые позволят получать преференции на близлежащих территориях, но не входящих в ТОР, с особым контролем технологических видов деятельности.

Важно, чтобы поддержка новых инвестиций действовала длительный период, например более 20 лет, и именно таким должен быть характер предоставляемой поддержки. Поскольку предприниматели получают государственную помощь, на которую имеют право, в виде освобождения от налогов, период

действия решения от 5 до 10 лет может оказаться слишком коротким для того, чтобы они могли воспользоваться ею. На начальном этапе инвестиций отсутствует доход, поскольку предприятие несет высокие инвестиционные затраты. После их осуществления и завершения инвестиций бизнесмены начинают получать прибыль, связанную с поддержкой, и таким образом обретают выгоду от государственной помощи. Под реализацией прибыли следует понимать этап инвестирования, когда капитальных затрат больше нет, а предприниматель вместо этого осуществляет операционную деятельность, также предполагающую получение доходов. Вышеизложенное связано с возможностью использования налоговых льгот. Идеальная модель – использование всей налоговой льготы после завершения инвестиции, а затем, после истечения срока действия решения о поддержке, продолжение предпринимательской деятельности на общих условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в статье раскрыта сущность технологического суверенитета и особенности его формирования в России, предложены меры государственной политики данного феномена на ТОР, использование которых позволит привлечь частный и государственный капитал для активизации инновационной активности России. Так, увеличится длительность поддержки новых инвестиций в высокотехнологические виды деятельности; будут разрабатываться меры для получения преференции на территориях, граничащих с ТОР, но не входящих в нее, с исключительным контролем технологических видов деятельности; инвестиционные проекты должны будут соответствовать количественным и качественным критериям приоритетности высокотехнологических видов деятельности.

Список литературы

1. *Сухарев О.С.* Технологический суверенитет: решения на макроэкономическом и отраслевом уровне. Менеджмент. 2023;2:19–33.
2. *Клепач А.Н.* Экономика технологического суверенитета и благосостояния: единство и противоречия. Научные труды Вольного экономического общества России. 2023;3(241):81–91. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-81-91>
3. *Афанасьев А.А.* Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания. Экономика, предпринимательство и право. 2022;9(12):2377–2394. <https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243>
4. *Доржиева В.В.* О промышленной политике, повышении конкурентоспособности и обеспечении научно-технологического суверенитета российской промышленности. В кн.: Экономическая и технологическая модернизация России: уроки истории и современные вызовы. Памяти Д.Е. Сорокина: сборник статей. М.: Институт экономики Российской академии наук; 2022. С. 130–155.
5. *Седых Н.В.* Мировой рынок полупроводников: основные тенденции и проблемы. Вестник Академии знаний. 2023;2(55):222–224.
6. *Цзычэнь Пи.* Стратегии формирования территорий опережающего развития в системе особых экономических зон Китая. Экономика и социум. 2023;6–2(109):900–904.
7. *Абрахманова Г.П., Васильковский С.А., Вишневский К.О., Гохберг А.М., Демидкина О.В., Демьянова А.В. и др.* Индикаторы цифровой экономики: 2022. М.: НИУ ВШЭ; 2023. 332 с.
8. *Букина И.С., Одинова А.В., Ореховский П.А.* Эффективность регионального распределения человеческого капитала и экономическое развитие. Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2019;12:65–89. <http://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2019-12-65-89>
9. *Бритикова Е.А., Полякова П.П.* Разработка решений по формированию инвестиционной привлекательности региона. Экономика и бизнес: теория и практика. 2023;5–1(99):71–75. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-5-1-71-75>
10. *Невянцева А.С.* Концепции межрегиональных экономических взаимодействий и полюсов роста в формировании механизма реализации региональной инвестиционной политики: теоретические основания. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022;2:293–304. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.2.20>
11. *Степанов Н.С.* Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития). Вестник университета. 2023;1(1):106–113. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-106-113>
12. *Степанов Н.С.* Функции территорий опережающего социально-экономического развития по привлечению частного капитала в условиях формирования новой модели экономического роста. Вестник университета. 2022;5:177–185. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-177-185>

13. Степанов Н.С. Институты развития как фактор повышения качества институциональной среды. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021;4:95–108. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_95_108
14. Якимова В.А., Андросова В.А. Совершенствование системы мониторинга инвестиционной деятельности территорий опережающего развития региона. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022;4:72–87. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-4-72>

References

1. Sukharev O.S. Technological sovereignty: solutions at the macroeconomic and industry level. Management. 2023;2:19–33. (In Russian).
2. Klepach A.N. The economics of technological sovereignty and welfare: unity and controversy. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2023;3(241):81–91. (In Russian). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-81-91>
3. Afanasev A.A. “Technological sovereignty” as a scientific category in the contemporary knowledge system. Journal of Economics, entrepreneurship and law. 2022;9(12):2377–2394. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243>
4. Dorzhieva V.V. On industrial policy, increasing competitiveness and ensuring scientific and technological sovereignty of the Russian industry. In: Economic and technological modernisation of Russia: history lessons and modern challenges. In memory of D.E. Sorokin: collection of papers. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2022. Pp. 130–155. (In Russian).
5. Sedykh N.V. The world market of semiconductors: main trends and problems. Bulletin of the Academy of Knowledge. 2023;2(55):222–224. (In Russian).
6. Zichen Pi. Strategies for forming advanced development territories in the system of special economic zones of China. Ekonomika, socium. 2023;6–2(109):900–904. (In Russian).
7. Abdrakmanova G.I., Vasilkovskiy S.A., Vishnevskiy K.O., Gokhberg L.M., Demidkina O.V., Demyanova A.V. et al. Digital economy indicators in the Russian Federation: 2022. Moscow: HSE; 2023. 332 p. (In Russian).
8. Bukina I.S., Odintsova A.V., Orekhovskiy P.A. Efficiency of regional human capital distribution and economic development. The all-Russian ECO Journal. 2019;12:65–89. (In Russian). <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-65-89>
9. Britikova E.A., Polyakova I.I. Development of solutions for the formation of investment attractiveness of the region. Economy and business: theory and practice. 2023;5–1(99):71–75. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-5-1-71-75>
10. Nemyantseva L.S. Concepts of interregional economic interactions and growth poles in the formation of a mechanism for the implementation of regional investment policy: theoretical grounds. PNRPU sociology and economics bulletin. 2022;2:293–304. (In Russian). <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.2.20>
11. Stepanov N.S. Institutes for the new model of economic growth regional management development (territories of advanced development, territories of advanced social and economic development). Vestnik universiteta. 2023;1(1):106–113. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-106-113>
12. Stepanov N.S. The functions of territories of advanced socio-economic development to attract private capital in the context of the formation of a new model of economic growth. Vestnik universiteta. 2022;5:177–185. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-177-185>
13. Stepanov N.S. Development institutions as a factor of improving the quality of the institutional environment. The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021;4:95–108. (In Russian). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_95_108
14. Yakimova V.A., Androsova V.A. Improvement of the system of monitoring of investment activities of the territories of advanced development of region. Intellect. Innovations. Investments. 2022;4:72–87. (In Russian). <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-4-72>

Детерминанты инвестиционной активности российских компаний реального сектора в условиях финансовых ограничений

Худько Елизавета Валерьевна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. макроэкономики
Института экономики, математики и информационных технологий
ORCID: 0000-0001-7375-4231, e-mail: khudko-ev@ranepa.ru

Дондопова Елена Витальевна²

Магистрант
ORCID: 0009-0008-0257-2279, e-mail: jq3i8h@gmail.com

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация

Уровень доступности к различным источникам финансирования играет важную роль в формировании инвестиционной стратегии компаний. Цель статьи состоит в выявлении и анализе факторов, оказывающих влияние на объем инвестиционных расходов публичных российских предприятий реального сектора экономики с учетом степени финансовых ограничений. Исследование основано на разделении компаний на более и менее финансово ограниченные. В качестве критериев сегментации взяты следующие характеристики: размер, возраст предприятия и размещение его облигаций на бирже. С помощью регрессионного анализа определены сходства и различия в перечне детерминант инвестиционной активности более и менее финансово ограниченных компаний. Ключевым общим фактором, влияющим на данную характеристику организаций обеих групп, оказались инвестиционные расходы предшествующего периода. Инвестиции более финансово ограниченных компаний продемонстрировали сильную зависимость от текущих показателей денежного потока и структуры капитала. При этом на объем расходов менее финансово ограниченных компаний в большей степени влияет показатель накопленных материальных активов. Результаты исследования могут представлять интерес для предприятий реального сектора при оценке степени их финансовой ограниченности и определении объема инвестиционных расходов.

Ключевые слова

Инвестиционная активность, финансовые ограничения, критерии финансовой ограниченности, компании реального сектора, инвестиционные возможности, денежный поток, структура капитала, материальные активы, санкции

Для цитирования: Худько Е.В., Дондопова Е.В. Детерминанты инвестиционной активности российских компаний реального сектора в условиях финансовых ограничений // Вестник университета. 2024. № 1. С. 140–151.

Determinants of investment activity of Russian companies in the real sector under financial constraints

Elizaveta V. Khudko¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Macroeconomics of the Institute
of Economics, Mathematics and Information Technology Department
ORCID: 0000-0001-7375-4231, e-mail: khudko-ev@ranepa.ru

Elena V. Dondopova²

Graduate Student
ORCID: 0009-0008-0257-2279, e-mail: jq3i8h@gmail.com

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The level of accessibility to various sources of financing plays a crucial role in formation of an investment strategy. The purpose of the article is to identify and analyse factors influencing the volume of investment expenditures of public Russian enterprises in the real economic sector with consideration to the degree of financial constraints. The research is based on division of companies into more and less financially constrained. The following characteristics were chosen as criteria for segmentation: size, age of the business and placement of corporate bonds on the exchange. A regression analysis specified similarities and differences among determinants of investment activity of more and less financially constrained companies. The key common factor that has an impact on this characteristic of organisations in both groups is investment expenditures of the previous period. Investments of more financially constrained companies have shown a strong dependence on indicators of current cash flow and capital structure. At the same time, the volume of expenses of less financially constrained companies is more influenced by the indicator of accumulated tangible assets. The results of the research may interest enterprises in the real sector when assessing the degree of their financial constraint and determining the volume of investment expenditures.

Keywords

Investment activity, financial constraints, financial limitation criteria, real sector companies, investment opportunities, cash flow, capital structure, tangible assets, sanctions

For citation: Khudko E.V., Dondopova E.V. (2024) Determinants of investment activity of Russian companies in the real sector under financial constraints. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 140–151.

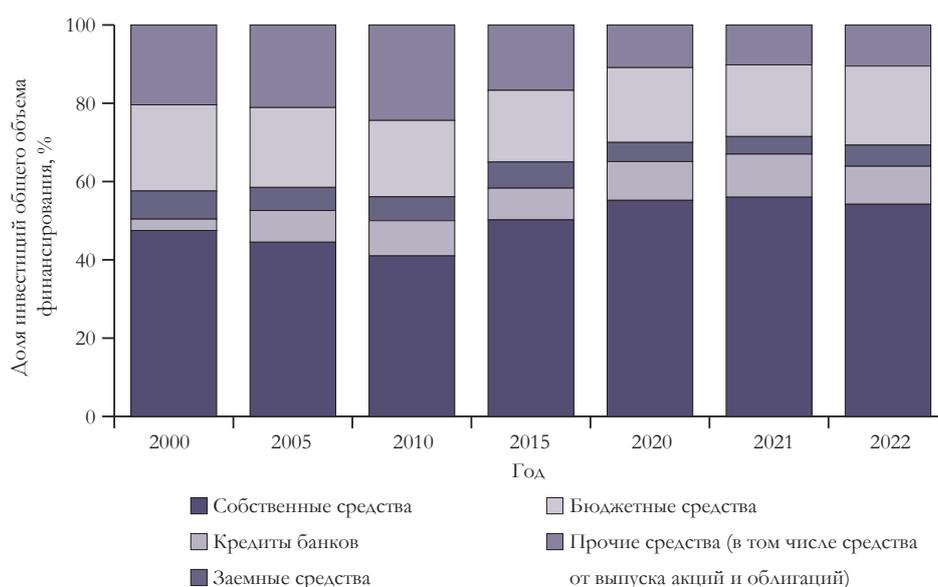

ВВЕДЕНИЕ

В рамках теории инвестиций было обосновано, что на совершенных рынках капитала инвестиционные решения компании не зависят от ее финансового состояния, поскольку внешние средства являются полноценной заменой внутреннего капитала [1]. Однако в реальности присутствуют проблемы несовершенства и асимметрии информации на данном рынке, которые приводят к тому, что условия привлечения внутреннего и внешнего финансирования для компании различаются. Соответственно, инвестиционная политика во многом обусловлена следующими факторами: наличием внутреннего капитала, доступом к различным источникам внешнего финансирования. Поэтому в условиях финансовых ограничений, когда имеющихся собственных средств для финансирования инвестиционных инициатив недостаточно, а привлечение дополнительных средств на внешнем рынке капитала становится слишком дорогим, компании сталкиваются с серьезной проблемой недоинвестирования.

Вопрос учета степени финансовых ограничений при формировании инвестиционных программ крайне важен для российских компаний. Во-первых, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на протяжении последних 15 лет наблюдается падение доли внешнего финансирования в общей структуре инвестиций в основные средства российских организаций (без учета субъектов малого предпринимательства): если в 2008–2009 гг. доля привлеченных средств превышала 60 %, то к 2022 г. этот показатель составил менее 46 %¹. Причем неуклонное снижение доли привлеченных средств наблюдалось даже на фоне умеренного восстановления положительной динамики совокупных инвестиций в основные средства относительно валового внутреннего продукта (далее – ВВП) страны начиная с 2015 г., когда стало проявляться негативное влияние первых санкций в отношении России (за период 2015–2022 гг. уровень совокупных инвестиций возрос с 12,6 % ВВП до 13,9 %, и лишь в 2021 г. показатель падал, что обусловлено также влиянием пандемии).

В структуре привлеченного финансирования также были заметны сдвиги (рис. 1). Следует отметить, что основным источником среди привлеченных средств в течение рассматриваемого периода является бюджетное, а не рыночное финансирование. За последнее время влияние этого источника только увеличивалось: в 2022 г. доля бюджетных средств в структуре инвестирования капитальных затрат оказалась максимальной более чем за 10 лет. Вторым по значимости внешним источником является кредитование банков, доля которого последние годы остается в целом неизменной. На такие рыночные инструменты финансирования, как выпуск акций и облигаций приходится считанные проценты.

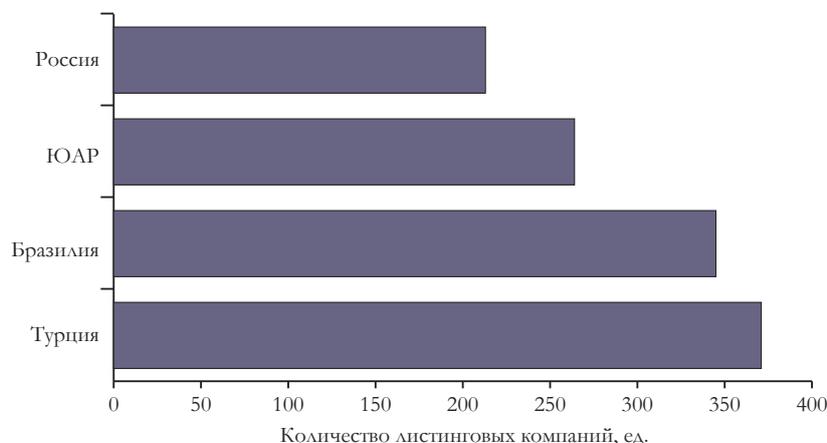
Источник²

Рис. 1. Структура инвестиций в основной капитал российских компаний

¹ Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в нефинансовые активы. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 27.10.2023).

² Там же.

Во-вторых, следует отметить весьма незначительное количество российских компаний, представленных на фондовой бирже, по сравнению с другими развивающимися странами, включая те, что входят в группу БРИКС (англ. BRICS – Brazil, Russia, India, China, South Africa), межгосударственное неформальное объединение стран с динамично развивающейся экономикой: Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики (далее – ЮАР) (рис. 2).

Источник³

Рис. 2. Количество листинговых компаний в развивающихся странах

Перечисленные тенденции указывают на возрастание финансовой ограниченности российских компаний. Проблема влияния данного явления на объем инвестиций становится более актуальной с момента введения в 2014 г. первых санкций в отношении российской экономики в целом и отдельных отраслей и участников рынка. За прошедшие 9 лет санкционное давление только усиливалось.

Определенная научная новизна исследования заключается в том, что вопрос поиска детерминант инвестиционной активности компаний с акцентом на степени финансовых ограничений мало проработан в научной литературе. Среди небольшого количества имеющихся работ, посвященных данной теме, отсутствует единство в методологии оценки этого феномена. При этом очевидна растущая потребность бизнеса в аналитическом инструментарии для принятия решения об объеме инвестиций в соответствии со степенью финансовой ограниченности.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Первое масштабное исследование в рамках данного научного направления провели экономисты С.М. Фаззари, Р.Г. Хаббард и Б.К. Петерсен на примере американских промышленных компаний за период 1970–1984 гг. [2]. Ими был сделан вывод о том, что чувствительность инвестиций к денежным потокам значительна для компаний с большими финансовыми ограничениями (к таковым отнесены компании с низкими дивидендными выплатами) и незначительна для компаний с высокими дивидендами. Впоследствии С.Н. Каплан и А. Зингалес на идентичной выборке компаний доказали обратное, то есть чувствительность к денежным потокам выше у компаний с меньшими финансовыми ограничениями [3].

Исследователи Р. Джордж, Р. Кабир и Ц. Цзин, рассматривая индийские промышленные компании за период 1997–2000 гг., также делали основной акцент на влиянии денежного потока [4]. Авторы пришли к выводу, что зависимость от него инвестиций значима для всей выборки, однако степень финансовой ограниченности компаний не влияет на ее изменение.

Экономисты С. Кумар и К.С. Ранджани на выборке индийских промышленных компаний за период 2009–2015 гг. выявили, что чувствительность инвестиций к денежному потоку можно считать достоверной мерой финансовых ограничений [5]. Это подтверждает выводы С.М. Фаззари, Р.Г. Хаббарда и Б.К. Петерсена. Кроме того, С. Кумар и К.С. Ранджани также выявили существенное влияние на инвестиционную активность более финансово ограниченных компаний такого показателя, как объем материальных активов.

³The World Bank. Listed domestic companies, total. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LDOM.NO> (дата обращения: 29.10.2023).

Помимо определения детерминант инвестиционных расходов, ключевым вопросом для рассмотрения выступает формулирование понятия финансовой ограниченности и выбор критериев, на основе которых будет осуществляться деление выборки компаний на более и менее финансово ограниченные. Для этого анализировались исследования С.Н. Бхадури, К. Каррейры и Ф. Сильвы, В.А. Крисостомо, Ф.Дж.А. Итурриаги и Э.В. Гонсалеса, где приведены различные интерпретации этого понятия и рассмотрены критерии разделения компаний на две данные группы [6–8]. Также были изучены аналитические материалы таких финансовых регуляторов, как Европейский центральный банк и Резервный банк Австралии [9; 10]. Рассмотренные формулировки объясняют финансовые ограничения несовершенством рынка и асимметрией информации, добавляя, что собственный и заемный капиталы не являются субститутами.

На основе исследованной литературы можно сформулировать обобщающее определение финансовой ограниченности – это ситуация, когда компания, функционирующая на несовершенном рынке капитала, имеет ограниченный доступ к внешнему рынку финансирования, в связи с чем не может осуществить инвестиции в запланированном объеме. Что касается критериев разделения компаний, то наиболее часто встречающиеся – размер, возраст компании, финансовый леверидж и уровень дивидендных выплат.

МЕТОДОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ДЕТЕРМИНАНТ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Наиболее значимым аспектом проведения исследования является выбор критерия отнесения предприятий к более и менее финансово ограниченным. В качестве таких критериев рассмотрены два наиболее распространенных в литературе показателя – размер и возраст компаний. Также в исследовании предложен новый критерий – выпуск облигаций и их размещение на бирже.

Сформулируем следующие основные гипотезы:

- 1) в качестве критериев финансовой ограниченности могут выступать размер, возраст компании и ее присутствие на облигационном рынке;
- 2) зависимость объема инвестиций от денежных потоков организации увеличивается с ростом финансовых ограничений;
- 3) показатель возможности роста компании (коэффициент Q-Тобина) положительно влияет на объем инвестиций более финансово ограниченных предприятий;
- 4) структура капитала оказывает большее влияние на инвестиционную активность более финансово ограниченных компаний;
- 5) более финансово ограниченные компании чувствительны к уровню накопленных материальных активов при принятии решения об объеме инвестиций;
- 6) введение санкций в отношении российской экономики негативно сказывается на более финансово ограниченных организациях.

В регрессионной модели в качестве объясняемой переменной рассматривается отношение капитальных вложений предприятия к его совокупным активам за каждый год (inv).

Объясняющие переменные включают:

- лаговое значение отношения капитальных вложений к совокупным активам – $inv(t-1)$;
- показатель инвестиционных возможностей компании (коэффициент Q-Тобина), рассчитанный как отношение суммы рыночной капитализации и совокупного долга к совокупным активам – Q ;
- денежный поток организации (текущее и лаговое значения) в двух вариациях: отношение чистой прибыли к совокупным активам и отношение показателя EBITDA (англ. earnings before interest, taxes, depreciation, and amortisation – прибыль до вычета налогов, процентов и амортизации) к данным активам – NI , $NI(t-1)$, $EBITDA$ и $EBITDA(t-1)$ соответственно;
- леверидж компании (текущее и лаговое значения в первой и второй степени), рассчитанный в данном случае как отношение совокупного долга к совокупным активам – lev , $lev2$, $lev(t-1)$ и $lev2(t-1)$ соответственно;
- отношение накопленных материальных активов на конец предыдущего периода к совокупным активам – $tang(t-1)$;
- дамми-переменную наличия санкций: принимает значение 1 в период 2014–2021 гг. и 0 в период 2012–2013 гг. – $crisis$.

Также в качестве контрольных переменных выступают критерии отнесения компаний к более и менее финансово ограниченным – размер (англ. size), возраст предприятий (англ. age) и выпуск ими

облигаций на бирже (англ. bonds). При этом на втором этапе исследования контрольные переменные будут использоваться для разделения совокупной выборки компаний на две подвыборки – более и менее финансово ограниченные. В качестве размера организации рассматривается балансовая стоимость совокупных активов, а деление выборки происходит относительно медианного значения. Возраст компании – количество лет со дня ее основания (подвыборка более финансово ограниченных компаний – нижний квантиль, менее ограниченных – верхний квантиль). Выпуск облигаций на бирже – это дамми-переменная, которая принимает значение 1, если организация минимум один раз размещала облигации за период наблюдений, в противном случае – 0.

Источники информации – данные консолидированной отчетности компаний и Московской биржи. Отбирались российские листинговые компании реального сектора с доступной отчетностью по Международным стандартам финансовой отчетности за 2011–2021 гг. Из выборки исключались компании, рыночная капитализация которых недоступна за данный период и которые участвовали в сделках слияния с другими компаниями. В итоге была получена сбалансированная панельная выборка из 56 компаний, значительная часть которой – компании электроэнергетического, нефтегазового и телекоммуникационного секторов.

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Для выбора модели оценивания сначала были построены модели пула (Pool) с фиксированными (FE) и случайными (RE) эффектами. По итогам проведения теста Бройша-Пагана, F-теста и теста Хаусмана сделан выбор в пользу FE-модели. Полученные результаты косвенно указывают на присутствие эндогенности, поскольку наилучшей оказалась модель FE, то есть обычной ошибки недостаточно для корректной оценки модели [11]. Более того, она имеет динамическую характеристику, так как в правой части уравнения присутствует запаздывающая объясняемая переменная, что также является причиной эндогенности. Соответственно, модель будет оцениваться с помощью двухшагового метода наименьших квадратов с фиксированными эффектами (2SLS-FE), где в качестве инструментов используются лаговые регрессоры правой части уравнения (кроме дамми-переменной санкционных ограничений). Результаты регрессионного анализа на совокупной выборке приведены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа по выявлению детерминант инвестиционной активности на совокупной выборке

Переменная	1	2	3	4
inv (t-1)	0,13** (0,04)	0,08. (0,04)	0,19*** (0,03)	0,19*** (0,03)
Q	0,00 (0,00)	-0,00 (0,00)	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)
NI	-	-	-	-0,08*** (0,01)
NI (t-1)	-	-	-0,00 (0,02)	-
EBITDA	-0,08*** (0,02)	-	-	-
EBITDA (t-1)	-	-0,01 (0,03)	-	-
lev	-	0,10*** (0,03)	-	-0,02 (0,02)
lev2	-	-0,07*** (0,02)	-	0,01 (0,02)
lev (t-1)	-0,02 (0,03)	-	-0,06*** (0,02)	-

Переменная	1	2	3	4
lev2 (t-1)	0,02 (0,02)	–	–0,05** (0,01)	–
tang (t-1)	–0,02 (0,02)	–0,00 (0,02)	–0,01 (0,01)	–0,02 (0,01)
tang*NI (t-1)	–	–	0,04 (0,04)	0,04*** (0,01)
tang*EBITDA (t-1)	0,09** (0,03)	0,08 (0,06)	–	–
crisis	–0,01* (0,01)	–0,01* (0,01)	–0,01 (0,00)	–0,01* (0,00)
bonds	–0,01. (0,00)	–0,01. (0,00)	–0,00 (0,00)	–0,01. (0,00)
size	–0,01 (0,01)	–0,03** (0,01)	0,08*** (0,00)	0,08*** (0,00)
age	0,01 (0,03)	0,02 (0,03)	–0,12*** (0,02)	–0,10*** (0,02)
R2	0,12	0,09	0,47	0,50
num. obs.	560	560	560	560

Примечание: значения в таблице – результат авторских эконометрических расчетов при помощи регрессионного анализа на основе панельных данных по компаниям, выполненных в программном пакете R; . – коэффициент значим на уровне 10 %, * – на уровне 5 %, ** – на уровне 1 %, *** – на уровне 0,1 %; R2 – коэффициент детерминации; num. obs. – количество наблюдений

Составлено авторами по материалам исследования

Оценки регрессии показывают, что инвестиционные затраты достаточно стабильно чувствительны к инвестициям предыдущего года, текущему денежному потоку и введению санкций. Значимость влияния остальных переменных на уровень инвестиций оказалась неустойчивой.

Включение в совокупную выборку контрольных переменных не позволило сделать однозначные выводы относительно их влияния на уровень инвестиций, поэтому они будут использованы в качестве критериев разделения выборки.

Табл. 2 демонстрирует результаты анализа в случае деления выборки предприятий на более и менее финансово ограниченные по их размеру: компании меньшего размера считаются более рискованным вложением на рынке капитала, поэтому они рассматриваются как более ограниченные в отношении привлечения внешнего финансирования.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа по выявлению детерминант инвестиционной активности при делении выборки по размеру компаний

Переменная	Компании меньшей капитализации				Компании большей капитализации			
	1	2	3	4	5	6	7	8
inv (t-1)	0,06 (0,07)	0,10. (0,06)	0,26*** (0,07)	0,25*** (0,06)	0,17*** (0,05)	0,19*** (0,05)	0,20*** (0,05)	0,20*** (0,05)
Q	–0,00 (0,00)	–0,00 (0,00)	–0,00 (0,00)	0,01. (0,00)	0,02*** (0,00)	0,02*** (0,01)	0,02*** (0,00)	0,02*** (0,01)
NI	–	–	–	–0,12*** (0,02)	–	–	–	–0,02 (0,02)
NI (t-1)	–	–	–0,00 (0,04)	–	–	–	0,00 (0,05)	–

Переменная	Компании меньшей капитализации				Компании большей капитализации			
	1	2	3	4	5	6	7	8
EBITDA	–	–0,11*** (0,02)	–	–	–	–0,02 (0,02)	–	–
EBITDA (t-1)	–0,02 (0,04)	–	–	–	–0,04 (0,06)	–	–	–
lev	–	0,14** (0,04)	–	0,10* (0,04)	–	–0,03 (0,03)	–	–0,03 (0,03)
lev2	–	–0,12** (0,04)	–	–0,11** (0,04)	–	0,00 (0,02)	–	–0,00 (0,02)
lev (t-1)	–0,03 (0,05)	–	–0,06 (0,04)	–	–0,06* (0,03)	–	–0,06* (0,03)	–
lev2 (t-1)	0,00 (0,04)	–	0,02 (0,04)	–	0,02 (0,02)	–	0,02 (0,02)	–
tang (t-1)	–0,01 (0,02)	–0,03 (0,02)	–0,01 (0,02)	–0,03 (0,02)	–0,02 (0,02)	–0,02 (0,02)	–0,01 (0,02)	–0,01 (0,02)
tang*NI (t-1)	–	–	0,01 (0,09)	0,04 (0,04)	–	–	0,03 (0,08)	0,04** (0,01)
tang*EBITDA (t-1)	0,02 (0,09)	0,08 (0,05)	–	–	0,12 (0,10)	0,07* (0,04)	–	–
crisis	–0,02* (0,01)	–0,01. (0,01)	–0,01 (0,01)	–0,01 (0,01)	–0,01** (0,00)	–0,01** (0,00)	–0,01** (0,00)	–0,01* (0,00)
R2	0,04	0,19	0,09	0,22	0,20	0,18	0,21	0,20
num. obs.	280	280	280	280	280	280	280	280

Составлено авторами по материалам исследования

Для обеих подвыборок выявлена только одна общая детерминанта инвестиционной активности – инвестиции предыдущего периода, тогда как остальные детерминанты разнятся. Для более финансово ограниченных компаний (то есть компаний меньшей капитализации) значимыми переменными являются текущий денежный поток и текущий леверидж. Это объясняется тем, что данный тип организаций в первую очередь прибегает к финансированию инвестиций за счет имеющегося денежного потока, что, соответственно, меняет структуру капитала. Обращает на себя внимание квадратичная связь между левериджем и инвестициями: до определенного значения левериджа рост инвестиций сопровождается ростом долгового капитала, а затем наблюдается сокращение объема инвестиций. Также определенное влияние на инвестиционную активность могло оказать введение санкций.

Иная ситуация с менее финансово ограниченными компаниями, так как подтверждена тесная прямая связь инвестиций с показателем Q-Тобина и обратная связь с показателями левериджа предыдущего периода и введения санкций. Что касается последней переменной, результат представляется логичным, поскольку первые санкции были направлены преимущественно на самые крупные российские компании. Значимость показателя накопленных материальных активов подтверждается только с учетом совокупного воздействия с денежным потоком.

В табл. 3 приведены оценки регрессии при делении выборки по критерию возраста компании. Так, более молодые компании считаются более финансово ограниченными.

Результаты регрессионного анализа по выявлению детерминант инвестиционной активности при делении выборки по возрасту компаний

Переменная	Более молодые компании				Более зрелые компании			
	1	2	3	4	5	6	7	8
inv (t-1)	0,15. (0,08)	0,18* (0,08)	0,15. (0,08)	0,20* (0,09)	0,22** (0,07)	0,23** (0,07)	0,43*** (0,08)	0,40*** (0,08)
Q	-0,00* (0,00)	-0,00** (0,00)	-0,00* (0,00)	-0,01. (0,00)	0,01 (0,01)	0,02* (0,01)	-0,00 (0,01)	0,02 (0,01)
NI	-	-	-	0,03 (0,04)	-	-	-	-0,11*** (0,03)
NI (t-1)	-	-	-0,02 (0,10)	-	-	-	-0,09 (0,07)	-
EBITDA	-	0,04 (0,04)	-	-	-	-0,14*** (0,03)	-	-
EBITDA (t-1)	0,09 (0,11)	-	-	-	-0,16. (0,09)	-	-	-
lev	-	-0,07 (0,05)	-	-0,08 (0,05)	-	-0,02 (0,06)	-	0,02 (0,06)
lev2	-	0,09 (0,05)	-	0,09 (0,05)	-	-0,00 (0,08)	-	-0,06 (0,08)
lev (t-1)	-0,08. (0,05)	-	-0,09. (0,05)	-	-0,10 (0,07)	-	-0,09 (0,06)	-
lev2 (t-1)	0,09 (0,06)	-	0,09 (0,06)	-	0,03 (0,10)	-	0,05 (0,10)	-
tang (t-1)	-0,03 (0,03)	-0,05 (0,03)	-0,02 (0,03)	-0,02 (0,03)	-0,07* (0,03)	-0,06** (0,02)	-0,06* (0,02)	-0,07** (0,02)
tang*NI (t-1)	-	-	0,02 (0,18)	-0,00 (0,04)	-	-	0,17 (0,12)	0,11* (0,05)
tang*EBITDA (t-1)	-0,03 (0,19)	0,08 (0,06)	-	-	0,26. (0,15)	0,11* (0,05)	-	-
crisis	-0,01** (0,01)	-0,02** (0,01)	-0,01* (0,01)	-0,01* (0,01)	-0,02*** (0,01)	-0,02*** (0,01)	-0,02** (0,01)	-0,02** (0,01)
R2	0,17	0,17	0,15	0,15	0,21	0,29	0,31	0,35
num. obs.	140	140	140	140	160	160	160	160

Составлено авторами по материалам исследования

Инвестиции обеих групп оказались чувствительны к инвестициям предыдущего периода и введению санкций. При этом в случае более молодых (более финансово ограниченных) компаний появляется значимое отрицательное влияние Q-Тобина и показателя левриджа предыдущего периода. К детерминантам инвестиционной активности более зрелых компаний также можно отнести показатель текущего денежного потока и накопленный объем материальных активов. Стоит заметить, что чувствительность инвестиций к денежному потоку у менее ограниченных организаций противоречит теории финансовой ограниченности, поскольку такая ситуация обычно характерна для более финансово ограниченных предприятий.

В табл. 4 отражены результаты анализа подвыборок, которые формировались по критерию размещения облигаций: компании, которые не выпускали облигации за период 2012–2021 гг., рассматриваются в качестве более финансово ограниченных.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа по выявлению детерминант инвестиционной активности при делении выборки по факту выпуска облигаций

Переменная	Компании, не выпускающие облигации				Компании, выпускающие облигации			
	1	2	3	4	5	6	7	8
inv (t-1)	0,04 (0,07)	0,10. (0,06)	0,23** (0,08)	0,23*** (0,06)	0,14** (0,05)	0,15** (0,05)	0,24*** (0,05)	0,24*** (0,05)
Q	-0,00 (0,00)	-0,01. (0,00)	-0,00 (0,00)	0,01. (0,00)	0,02*** (0,00)	0,02*** (0,00)	0,02*** (0,00)	0,02*** (0,00)
NI	-	-	-	-0,15*** (0,03)	-	-	-	-0,04* (0,02)
NI (t-1)	-	-	0,03 (0,05)	-	-	-	-0,03 (0,06)	-
EBITDA	-	-0,13*** (0,02)	-	-	-	-0,05** (0,02)	-	-
EBITDA (t-1)	0,01 (0,04)	-	-	-	-0,06 (0,06)	-	-	-
lev	-	0,11* (0,04)	-	0,09* (0,04)	-	-0,03 (0,03)	-	-0,03 (0,03)
lev2	-	-0,08. (0,04)	-	-0,08. (0,04)	-	-0,00 (0,02)	-	-0,01 (0,02)
lev (t-1)	-0,02 (0,05)	-	-0,05 (0,05)	-	-0,09** (0,03)	-	-0,08** (0,03)	-
lev2 (t-1)	0,00 (0,05)	-	0,02 (0,05)	-	0,03 (0,02)	-	-0,03. (0,02)	-
tang (t-1)	-0,04 (0,03)	-0,05* (0,02)	-0,05. (0,03)	-0,05* (0,02)	0,03 (0,03)	0,03 (0,02)	0,03 (0,02)	0,03 (0,02)
tang*NI (t-1)	-	-	-0,10 (0,11)	-0,06 (0,05)	-	-	0,08 (0,09)	0,05** (0,02)
tang*EBITDA (t-1)	-0,09 (0,12)	-0,00 (0,07)	-	-	0,14 (0,10)	0,08* (0,04)	-	-
crisis	-0,01. (0,01)	-0,02* (0,01)	-0,01 (0,01)	-0,01* (0,01)	-0,01** (0,00)	-0,01** (0,00)	-0,01* (0,00)	-0,01* (0,00)
R2	0,05	0,26	0,09	0,28	0,16	0,15	0,19	0,19
num. obs.	210	210	210	210	350	350	350	350

Составлено авторами по материалам исследования

Результаты обеих подвыборок показывают достаточно устойчивую чувствительность инвестиций текущего периода к аналогичному показателю предыдущего периода, текущему денежному потоку и введению санкций. Хотя стоит заметить, что в случае более финансово ограниченных компаний значимость санкций меньше, чем у другой группы. Также для более ограниченных организаций установлена квадратичная связь с показателем текущего левеиджа и отрицательная линейная связь с показателем объема материальных активов.

На подвыборке менее финансово ограниченных предприятий, помимо общих детерминант, наблюдается устойчивая значимость показателя Q-Тобина, леввериджа предыдущего периода, а также показателя совокупного воздействия материальных активов и денежного потока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевой вывод исследования состоит в том, что финансовые ограничения, определяющие доступ компаний к внешнему финансированию, играют важную роль при принятии инвестиционных решений. При этом, исходя из полученных оценок, можно заключить, что из рассмотренных критериев финансовой ограниченности более надежными являются размер организации и ее присутствие на облигационном рынке.

Что касается перечня детерминант инвестиционной активности, то основное сходство между более и менее финансово ограниченными компаниями состоит в том, что при формировании инвестиционных планов на текущий год учитывается объем инвестиций предшествующего периода. Принимая во внимание положительную связь между текущим и предшествующим значениями инвестиций, можно сделать предположение о реализации большинством компаний долгосрочных инвестиционных программ. В остальном детерминанты инвестиционной активности российских листинговых предприятий реального сектора в той или иной степени различаются.

Во-первых, более финансово ограниченные компании, в отличие от компаний второй группы, весьма чувствительны к текущему денежному потоку, поскольку именно за счет него они в первую очередь наращивают инвестиции. Примечательно, что на решение об объеме инвестиций для организаций обеих категорий не влияет денежный поток предыдущего периода.

Во-вторых, выявленная с использованием двух критериев тесная связь между объемом инвестиций и уровнем долга только в текущем периоде в отношении более финансово ограниченных компаний говорит о том, что такие предприятия в меньшей степени придерживаются целевой структуры капитала. В свою очередь менее ограниченные компании при принятии решения об объеме инвестиций на текущий период учитывают уже сложившуюся к данному моменту структуру капитала.

В-третьих, инвестиции более финансово ограниченных компаний не продемонстрировали однозначной чувствительности к показателю объема накопленных материальных активов даже с учетом совокупного влияния с динамикой денежного потока. При этом на решение об объеме инвестиций менее финансово ограниченных предприятий оказывает влияние динамика объема материальных активов, но только при условии роста денежного потока.

Наконец, вопреки отдельным сформулированным в исследовании гипотезам, было обнаружено, что на формирование инвестиционных планов более финансово ограниченных организаций санкционное давление и динамика показателя инвестиционных возможностей воздействуют с меньшей вероятностью, чем в отношении компаний второй группы.

Список литературы

1. *Modigliani F., Miller M.H.* The cost of capital, corporation finance and the theory of investment. *The American Economic Review*. 1958;3(48):261–297.
2. *Fazzari S.M., Hubbard R.G., Petersen B.C.* Financing constraints and corporate investment. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1988;1:141–206.
3. *Kaplan S.N., Zingales L.* Do investment-cash flow sensitivities provide useful measures of financing constraints? *The Quarterly Journal of Economics*. 1997;1(112):169–215.
4. *George R., Kabir R., Qian J.* Investment-cash flow sensitivity and financing constraints: new evidence from Indian business group firms. *Journal of Multinational Financial Management*. 2011;2(21):69–88. <http://dx.doi.org/10.1016/j.mulfin.2010.12.003>
5. *Kumar S., Ranjani K.S.* Financial constraints and investment decisions of listed Indian manufacturing firms. *Financial Innovation*. 2018;1(4):1–17. <http://dx.doi.org/10.1186/s40854-018-0090-4>
6. *Bhaduri S.N.* Investment, financial constraints and financial liberalization: some stylized facts from a developing economy, India. *Journal of Asian economics*. 2005;4(16):704–718. <http://dx.doi.org/10.1016/j.asieco.2005.06.001>
7. *Carreira C., Silva F.* Where are the fragilities? The relationship between firms' financial constraints, size, and age. In: *Management structural changes: trends and requirements*. Coimbra; 2012. С. 184–198.

8. *Crisóstomo V.L., Iturriaga F.J.L., González E.V.* Financial constraints for investment in Brazil. *International Journal of Managerial Finance*. 2014;1(10):73–92. <https://doi.org/10.1108/IJMF-11-2012-0121>
9. *Ferrando A., Mulier K., Cherchye L., De Rock B., Verschelde M.* Identifying financial constraints. ECB Working Paper. 2020;2420:1–61.
10. *Hambur J., La Cava G.* Do interest rates affect business investment? Evidence from Australian company-level data. *Research Discussion Papers*. 2018;5:1–30.
11. *Селезнева З.В., Евдокимова М.С.* Проблема эндогенности в корпоративных финансах: теория и практика. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(3):64–84. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-64-84>

References

1. *Modigliani F., Miller M.H.* The cost of capital, corporation finance and the theory of investment. *The American Economic Review*. 1958;3(48):261–297.
2. *Fazzari S.M., Hubbard R.G., Petersen B.C.* Financing constraints and corporate investment. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1988;1:141–206.
3. *Kaplan S.N., Zingales L.* Do investment-cash flow sensitivities provide useful measures of financing constraints? *The Quarterly Journal of Economics*. 1997;1(112):169–215.
4. *George R., Kabir R., Qian J.* Investment-cash flow sensitivity and financing constraints: new evidence from Indian business group firms. *Journal of Multinational Financial Management*. 2011;2(21):69–88. <http://dx.doi.org/10.1016/j.mul-fin.2010.12.003>
5. *Kumar S., Ranjani K.S.* Financial constraints and investment decisions of listed Indian manufacturing firms. *Financial Innovation*. 2018;1(4):1–17. <http://dx.doi.org/10.1186/s40854-018-0090-4>
6. *Bhaduri S.N.* Investment, financial constraints and financial liberalization: some stylized facts from a developing economy, India. *Journal of Asian economics*. 2005;4(16):704–718. <http://dx.doi.org/10.1016/j.asieco.2005.06.001>
7. *Carreira C., Silva F.* Where are the fragilities? The relationship between firms' financial constraints, size, and age. In: *Management structural changes: trends and requirements*. Coimbra; 2012. С. 184–198.
8. *Crisóstomo V.L., Iturriaga F.J.L., González E.V.* Financial constraints for investment in Brazil. *International Journal of Managerial Finance*. 2014;1(10):73–92. <https://doi.org/10.1108/IJMF-11-2012-0121>
9. *Ferrando A., Mulier K., Cherchye L., De Rock B., Verschelde M.* Identifying financial constraints. ECB Working Paper. 2020;2420:1–61.
10. *Hambur J., La Cava G.* Do interest rates affect business investment? Evidence from Australian company-level data. *Research Discussion Papers*. 2018;5:1–30.
11. *Selezneva Z.V., Evdokimova M.S.* Endogeneity problem in corporate finance: theory and practice. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(3):64–84. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-64-84> (In Russian).

Оценка воздействия введения карантинных ограничений COVID-19 на финансовые результаты деятельности предприятий сектора малого и среднего предпринимательства Российской Федерации

Бостанова Палисат Ильясовна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0003-4095-344X, e-mail: G-palina@mail.ru

Оздоева Зарифа Хамзатовна²

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0002-6760-2124, e-mail: Deniz-06@yandex.ru

¹Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск, Россия

²Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия

Аннотация

Ухудшение экономической ситуации в стране непременно отражается на финансовых результатах деятельности предприятий сектора малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). В статье сделана попытка изучения степени воздействия вынужденных срочных мер государственных органов власти по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции на финансовые результаты данного сектора. Проведено обзорное исследование научных публикаций ведущих специалистов-аналитиков по проблематике экономической обстановки в предпринимательском сегменте экономики России, а также по востребованности и эффективности государственных мероприятий по поддержке малых и средних предприятий. Дана оценка изменения итоговых показателей деятельности каждого из трех элементов сектора МСП (микро-, малым и средним предприятиям) за последние три года. При исследовании динамики компонентов сальдированного финансового результата использован горизонтальный анализ, включая метод абсолютных разниц, расчет темпов роста, индексный метод. Проведенный анализ выявил резкое ухудшение финансовых результатов в период введения и действия наиболее жестких карантинных ограничений в 2020 г. и улучшение экономической ситуации после их частичной отмены в 2021 г. Отмечено, что риск массового банкротства предприятий сектора МСП был компенсирован масштабной государственной поддержкой. Определено, что защитные ограничения, введенные для локализации эпидемии, усугубили имеющиеся проблемы предприятий малого и среднего бизнеса. Показано, что основные риски анализируемого сегмента будут сохраняться в ближайшем будущем. В связи с этим необходимо совершенствовать инструментарий государственного регулирования развития сектора МСП, используя накопленный опыт антикризисного управления.

Для цитирования: Бостанова П.И., Оздоева З.Х. Оценка воздействия введения карантинных ограничений COVID-19 на финансовые результаты деятельности предприятий сектора малого и среднего предпринимательства Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 1. С. 152–159.

Ключевые слова

Пандемия, малое предпринимательство, среднее предпринимательство, сектор МСП, режим самоизоляции, локдаун, сальдированный финансовый результат, государственная поддержка, антикризисные меры

Impact assessment of the introduction of COVID-19 quarantine restrictions on financial performance of small and medium enterprise sector of the Russian Federation

Palisat I. Bostanova¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0003-4095-344X, e-mail: G-palina@mail.ru

Zarifa Kh. Ozdoeva²

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0002-6760-2124, e-mail: Deniz-06@yandex.ru

¹North Caucasian State Academy, Cherkessk, Russia

²Ingush State University, Magas, Russia

Abstract

The deterioration of the economic situation in the country is certainly reflected in the financial performance of small and medium enterprise sector (hereinafter referred to as SME sector). The article attempts to study the degree of impact of forced urgent measures introduced by state authorities to contain the spread of coronavirus infection on financial performance of the sector. The authors conducted an overview study of scientific publications written by leading professional analysts on the problems of the economic situation in the Russian entrepreneurial segment, as well as on the relevance and effectiveness of government measures to support small and medium-sized enterprises. The assessment of changes in the final performance indicators of each of the three SME sector elements (micro, small and medium enterprises) over the past three years is given. When studying the dynamics of the components of the balanced financial result, horizontal analysis was used, alongside with the method of absolute differences, calculation of growth rates, and index method. The made analysis revealed a sharp deterioration in financial performance during the most severe quarantine restrictions in 2020 and an improvement in the economic situation after their partial abolition in 2021. It was noted that the risk of mass bankruptcy of enterprises in the SME sector was compensated by large-scale state support. It was determined that the protective restrictions imposed to localise the epidemic have aggravated the existing problems of small and medium-sized businesses. The article shows that the main risks of the studied segment will persist in the near future. In this regard, it is necessary to improve the tools of state regulation of SME sector development with consideration to the accumulated experience of anti-crisis management.

Keywords

Pandemic, small enterprises, medium enterprises, SME sector, self-isolation regime, lockdown, balanced financial result, state support, anti-crisis measures

For citation: Bostanova P.I., Ozdoeva Z.Kh. (2024) Impact assessment of the introduction of COVID-19 quarantine restrictions on financial performance of small and medium enterprise sector of the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 152–159.

ВВЕДЕНИЕ

В современных экономических условиях развитие предприятий малого и среднего бизнеса выступает одним из основных драйверов экономического роста. «Благодаря огромному созидательному потенциалу оно придает экономике необходимую гибкость, активизирует ресурсный потенциал, выступает в качестве инструмента социально-экономического развития, стимулирует потребительский рынок и предпринимательскую инициативу. Это предопределяет значимость полномасштабной поддержки функциональной состоятельности организаций малого и среднего бизнеса со стороны органов государственной власти и местного самоуправления» [1, с. 67].

Выполняя важнейшие функции (общеекономическую, инновационную, ресурсную, социальную, организаторскую, политическую), предпринимательство стимулирует создание новых рабочих мест и рост числа занятых, формирование конкурентной среды, увеличение налоговых поступлений в бюджеты различных уровней, интеграцию малого, среднего и крупного бизнеса, достижение сбалансированности спроса и предложения товаров на внутреннем рынке, повышение численности среднего класса, снижение уровня бедности населения и пр. Пандемия COVID-19 явилась тяжелым испытанием для российской экономики. Беспрецедентная скорость распространения коронавирусной инфекции вызвала необходимость введения режима самоизоляции, ограничения передвижения населения, остановки производства на предприятиях большей части отраслей экономики, проведения прочих карантинных мероприятий.

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Разрушительное воздействие введения ковидных ограничений проявилось в повышении социальной напряженности, включая снижение доходов населения, падение спроса на потребительские товары и услуги, убыточность и даже банкротство многих предприятий, особенно в сфере малого и среднего бизнеса. Всплеск заболеваемости, вызванный распространением инфекции COVID-19, повлек за собой необходимость принятия неотложных государственных мероприятий по сдерживанию негативных последствий как для населения, так и для наиболее пострадавших секторов экономики Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Обсуждение причин, тормозящих развитие предприятий сектора малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), анализ зарубежного опыта правительственных мер по оказанию помощи коммерческим организациям для ослабления последствий введения антипандемийных ограничений и многие другие вопросы нашли отклик в научных публикациях специалистов. Изменение экономической обстановки в секторе малого и среднего бизнеса экономики РФ в сторону ухудшения наблюдалось задолго до наступления пандемии. О.И. Образцова и А.Ю. Чепуренко в своей работе отмечают тот факт, что неблагоприятные тенденции в сфере МСП проявились за 10–12 лет до известных событий 2020 г. и далее продолжали усугубляться. Оценка статистических данных бизнес-демографии за этот период показала смену характера трендов на противоположные. Еще в 2016 г. число ежегодно ликвидируемых субъектов МСП стало превышать число ежегодно созданных. Причину сложившейся ситуации авторы статьи видят в имеющихся институциональных ловушках и ограниченной эффективности мер поддержки данного сектора экономики [2].

С.П. Земцов и Ю.В. Царева также указывают на снижение численности субъектов МСП, которое сложилось намного раньше введения карантинных мер в 2020 г. Они связывают негативные тенденции уменьшения числа малых и средних предприятий с «усилением налогового контроля: внедрением онлайн-касс, повышением НДС, борьбой ФНС России с фирмами-однодневками и незаконным „дроблением“ бизнеса с целью ухода от налогообложения» [3, с. 72].

А.В. Зимовец, Ю.В. Сорокина, А.В. Ханина исследуют специфические особенности текущего экономического кризиса. Они подчеркивают, что ухудшение финансовой обстановки в стране вызвано введением карантина государственными органами. Другая особенность состоит в возможности регулирования деловой активности в условиях кризиса с помощью государственных инструментов. Функционирование предприятий сопровождается внешними и внутренними рисками, но при определенных обстоятельствах (в частности, в условиях действия противовирусных ограничений) отдельные факторы, имеющие низкую вероятность наступления риска, иногда могут нанести больший ущерб, чем факторы с более высокой степенью вероятности их наступления [4].

А.А. Смирнова, оценивая меры государственной поддержки малого бизнеса в период пандемии в России, указывает на экстренный характер разработки пакета финансовых и нефинансовых мероприятий, из-за чего действия Правительства не могли в полной мере решить возникшие проблемы [5].

Ряд авторов (А.Ю. Чепуренко, Е.Б. Галицкий, А.Б. Духон, А.А. Ослон) в своей публикации обобщают результаты опроса предпринимателей летом 2021 г. по вопросам эффективности помощи, оказанной малым предприятиям. Они проранжировали четыре типа наиболее популярных потребностей респондентов по охвату и эффективности: «высокий охват и средняя эффективность (субсидия на зарплату, отсрочка по страховым взносам и отсрочка уплаты налогов); средний охват и высокая эффективность (отсрочка арендной платы); малый охват и высокая эффективность (льготные кредиты, снижение требований к обеспечению при участии в госконтрактах); малый охват и низкая эффективность (мораторий на взыскание долгов и штрафов)» [6, с. 85]. Авторы статьи предполагают, что опыт, полученный в период пандемии, целесообразно использовать в ходе совершенствования политики регулирования развития сектора МСП.

Ю.В. Быковская, Л.Н. Иванова и Е.А. Сафохина считают, что еще в докризисный период действующие инструменты государственной поддержки предпринимательства не могли быть признаны достаточно эффективными для обеспечения конкурентоспособности предприятий сектора МСП, мотивации россиян к открытию бизнеса, для развития малых и средних субъектов хозяйствования, интеграции крупного и малого бизнеса и пр. [7].

Предприятия малого и среднего бизнеса различных отраслей неоднозначно отреагировали на внешние вызовы, связанные с осложнением эпидемиологической обстановки. Одни адаптировались и укрепили свои позиции (их меньшинство), другие очень быстро оказались на грани банкротства и без внешней помощи не могли преодолеть сложившиеся проблемы.

АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РФ ЗА 2019–2021 ГГ.

Стремительное распространение коронавирусной инфекции оказало пагубное влияние на экономику РФ, но наиболее пострадавшими в силу своей уязвимости оказались предприятия МСП различных сфер экономической деятельности. Государством были предприняты беспрецедентные меры поддержки, чтобы не допустить массового банкротства организаций. В связи с этим определенным интересом представляет оценка финансовых результатов деятельности предприятий данного сектора экономики до ухудшения эпидемиологической обстановки, в разгар пандемии и после отмены основных ограничений, введенных для смягчения последствий вынужденной изоляции.

Таблица 1

Анализ сальдированного финансового результата предприятий сектора МСП России

Год	Всего (сальдированный финансовый результат)		Прибыльные предприятия (сумма прибыли)		Убыточные предприятия (сумма убытка)	
	сумма, млрд руб.	% к предыдущему году	сумма, млрд руб.	% к предыдущему году	сумма, млрд руб.	% к предыдущему году
Микропредприятия						
2019	1 961,3	–	2 968,0	–	1 006,7	–
2020	2 421,0	123,4	3 613,5	121,7	1 192,5	118,5
2021	2 933,3	121,2	4 072,3	112,7	1 139,0	95,5
Малые предприятия						
2019	3 117,0	–	4 580,6	–	1 463,6	–
2020	3 943,0	126,5	5 703,9	124,5	1 760,9	120,3
2021	5 242,4	133,0	6 897,2	120,9	1 654,8	94,0
Средние предприятия						
2019	292,2	–	557,6	–	265,4	–
2020	594,5	203,5	842,7	151,1	248,2	93,5
2021	886,8	149,2	1 128,2	133,9	241,4	97,3

Источник¹

¹ Федеральная служба государственной статистики. Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223> (дата обращения 31.10.2023).

По данным табл. 1 прослеживается динамика обобщающих показателей хозяйственной деятельности предприятий сектора МСП РФ за 2019–2021 гг., включая доковидный период с благополучной эпидемиологической ситуацией, период с введением коронавирусных ограничений и период ослабления воздействия пандемии. Оценка сальдированного финансового результата микропредприятий показывает общий рост показателя за три года на 50 %. При этом объем прибыли эффективно функционирующих хозяйствующих субъектов возрос на 37,2 %, а объем убытков – на 13,1 %. Следует обратить внимание на негативное увеличение суммы убытков в 2020 г. по сравнению с 2019 г. (+18,5 %). По малым предприятиям общий рост сальдированного финансового результата был более внушительный (168,2 %). Он обусловлен повышением суммы прибыли на 50,6 %, а также суммы убытка на 13,1 % соответственно. Введение ковидных ограничений привело к росту числа нерентабельных предприятий и увеличению суммы убытка за 2020 г. в % к 2019 г. (120,3 %). Анализ сальдированного финансового результата средних предприятий свидетельствует о трехкратном росте данного показателя (303,5 %) на фоне двукратного повышения прибыли и 10% -ного снижения суммы убытков. Важно подчеркнуть, что в 2020 г. отмечалось не увеличение, а снижение суммы убытков по отношению к 2019 г.

Сопоставление объема прибыли и объема убытков по каждому разряду предприятий сектора МСП за 2021 г. по сравнению с 2020 г. позволяет выявить улучшение экономической ситуации, которая положительно повлияла на финансовые результаты. Дальнейшее сокращение убытков и рост прибыли будут способствовать увеличению суммы сальдированного финансового результата предприятий этого сектора экономики.

В табл. 2 приводится расчет доли прибыли, сохранившейся после исключения суммы убытка в процентах к первоначальной сумме прибыли по предприятиям сектора МСП РФ. Статистические данные показывают, что остаток прибыли за исключением убытка в процентах к общей сумме прибыли по микро- и малым предприятиям в 2019–2020 гг. составил около 70 %, причем в наиболее напряженный период (2020 г.) не наблюдалось ухудшение динамики, а даже прослеживалась незначительная положительная тенденция (около 1 %). По средним предприятиям соотношение суммы прибыли и суммы убытка в 2019 г. было намного хуже (доля остатка прибыли составляла 52,4 %), но в 2020 г. за счет резкого роста величины прибыли и некоторого снижения суммы убытка удалось сохранить более 70 % прибыли. В 2021 г. по сравнению с предыдущим 2020 г. по всем подразделам сектора малого и среднего бизнеса имелись позитивные сдвиги. В частности, доля прибыли, оставшейся после исключения убытков в процентном отношении к полученной сумме прибыли, по микропредприятиям повысилась до 72 %, по малым предприятиям – до 76 %, по средним предприятиям – до 78,6 %.

Таблица 2

Анализ изменения остатка прибыли за исключением убытка к первоначальной сумме прибыли предприятий сектора МСП России

Год	Сумма прибыли, млрд руб.	Сумма убытка, млрд руб.	Остаток прибыли за исключением убытка в % к первоначальной сумме прибыли ($\Delta\Delta_{пр.}$) [(гр. 2 – гр. 3) / гр. 2]	Изменение остатка прибыли по отношению к предыдущему периоду (+, -), % ($\Delta\Delta_{пр. 2} - \Delta\Delta_{пр. 1}$)
Микропредприятия				
2019	2 968,0	1 006,7	66,1	–
2020	3 613,5	1 192,5	67,0	+0,9
2021	4 072,3	1 139,0	72,0	+5,0
Малые предприятия				
2019	4 580,6	1 463,6	68,0	–
2020	5 703,9	1 760,9	69,1	+1,1
2021	6 897,2	1 654,8	76,0	+6,9
Средние предприятия				
2019	557,6	265,4	52,4	–
2020	842,7	248,2	70,5	+18,1
2021	1 128,2	241,4	78,6	+8,1

Источник²

² Федеральная служба государственной статистики. Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223> (дата обращения 31.10.2023).

Следовательно, можно констатировать высокую степень выживаемости российских предприятий МСП в условиях введения государством жестких мер по ограничению распространения коронавирусной инфекции. Безусловно, в роли защитного механизма выступило государственное содействие наиболее нуждающимся отраслям сектора МСП в виде ряда пакетов финансовых и нефинансовых мер масштабной поддержки.

СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СЕКТОРА МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РФ

Осознание роли МСП в пополнении налоговых поступлений в бюджет, создании условий для развития конкуренции, повышении занятости населения, формировании среднего класса способствовало активизации государственных усилий по разработке и совершенствованию механизма дифференцированной поддержки этого сектора экономики. Ключевыми направлениями в течение последних лет стали такие меры, как сокращение масштабов ревизионной работы и административного давления на бизнес, совершенствование налогообложения, облегчение получения необходимой финансовой помощи и пр. Однако результативность работы сектора малого и среднего бизнеса свидетельствует о недостаточности мер, предпринимаемых на современном этапе. Микро-, малые и средние предприятия по-прежнему требуют повышенного внимания со стороны государства. Это позволит в перспективе увеличить вклад сектора МСП в валовый внутренний продукт.

Пандемия коронавируса обострила проблемы наиболее чувствительных к ней субъектов хозяйствования. Государственная политика регулирования деятельности предприятий малых и средних форм была скорректирована с усилением тактических мер. Основные методы и рычаги управления сектором МСП являются предметом активного обсуждения в научных кругах.

Очевидно, «деятельность по поддержке малого бизнеса необходимо сориентировать на сокращение вмешательства государственных органов в сферу МСП, что требует совершенствования и уточнения их функций» [8, с. 10]. Важно продолжать сочетание «прямых и косвенных регуляторов экономических процессов, направленных на повышение результативности функционирования МСП» [9, с. 39]. Анализ практики антикризисного регулирования свидетельствует о сходстве подходов властей России и многих зарубежных стран к разработке политики защиты бизнеса от последствий введения локдауна и жестких ограничений. Как правило, речь идет о финансовой, информационной и административной поддержке: приобретение оборудования и технологий, необходимых для функционирования предприятий в новом режиме, содействие переквалификации работников и/или изменение профиля деятельности предприятия [10].

Анализ государственных антикризисных мер показал их «высокую востребованность среди субъектов малого и среднего предпринимательства» [11, с. 10]. Тем не менее объем средств, выделенных из бюджета, можно считать недостаточным. Охват антикризисных программ носил избирательный характер. По этой причине принятые меры носят временный характер и не могут стать фактором, детерминирующим долгосрочные тенденции развития сектора МСП. Однако в период стремительного осложнения экономической ситуации разработка и реализация чрезвычайных мер не позволила допустить катастрофического ухудшения финансового состояния наиболее пострадавших субъектов хозяйствования, о чем свидетельствуют данные статистики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МСП играет важную роль в обеспечении устойчивых темпов экономического развития и повышении конкурентоспособности страны. Данный сектор формирует факторы и предпосылки инновационного развития ряда отраслей и сфер деятельности, способствует реализации предпринимательской инициативы и социальной защиты населения.

Осложнение условий хозяйствования, вызванное непредвиденными обстоятельствами глобального распространения опасного инфекционного заболевания, негативно отразилось на финансовых результатах деятельности предприятий малого и среднего бизнеса. Тем не менее разрушительного ухудшения ситуации в рассматриваемом секторе удалось избежать за счет помощи, предоставленной государством. Государственным аппаратом был разработан набор мер по оказанию комплексной поддержки наиболее уязвимых отраслей МСП: перенос сроков уплаты налогов и использование кредитных каникул, предоставление отсрочки по уплате арендных платежей, реструктуризация кредитов, введение расширенной

программы льготного кредитования, выделение дотаций и беспроцентных займов для выплаты зарплаты, отмена проведения плановых (контрольных) надзорных мероприятий, введение возможности моратория на возбуждение дел о банкротстве и пр.

Реализация государственных мероприятий по оказанию первоочередной адресной поддержки предприятий сектора МСП послужила основой для стабилизации их финансового состояния и роста финансовых результатов деятельности. Очевидно, в течение 2023 г. риски в сегменте МСП оставались повышенными по отношению к периодам с более благоприятным экономическим циклом. Наиболее опасные риски для предприятий МСП, влияющие на непрерывность деятельности, следующие: снижение спроса на товары и услуги, сокращение рентабельности, потеря ключевых поставщиков в результате санкций, ухудшение сроков и условий платежей как за сырье, так и за поставленную продукцию, логистические риски, ужесточение политики кредитования банками, потеря ключевого персонала, рост мошенничества и постепенное сокращение государственной поддержки.

Опыт, полученный субъектами МСП при преодолении экономических последствий воздействия карантинных ограничений, однозначно будет впоследствии ими использован для адаптации при ухудшении конъюнктуры в условиях посткризисного развития экономики. Устранение негативных последствий пандемийного стресса и выход на траекторию устойчивого восстановительного роста есть целевые установки государственного стимулирования развития МСП в России.

Список литературы

1. *Маковецкий М.Ю.* Малое и среднее предпринимательство как ключевой элемент экономического развития Российской Федерации. Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2020;4(35):66–74. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-4-66-74>
2. *Образцова О.И., Чепуренко А.Ю.* Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? Вопросы государственного и муниципального управления. 2020;3:71–95.
3. *Земцов С.П., Царева Ю.В.* Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса. Экономическое развитие России. 2020;5(27):71–82.
4. *Зимовец А.В., Сорокина Ю.В., Ханина А.В.* Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации. Экономика, предпринимательство и право. 2020;5(10):1337–1350. <https://doi.org/10.18334/erp.10.5.110126>
5. *Смирнова А.А.* О мерах государственной поддержки малого предпринимательства в период пандемии COVID-19 в России. Экономика, предпринимательство и право. 2021;2(11):285–298. <https://doi.org/10.18334/erp.11.2.111588>
6. *Чепуренко А.Ю., Галицкий Е.Б., Духон А.Б., Ослон А.А.* Государственная политика в отношении малого предпринимательства в период пандемии в оценках бенефициаров. Вопросы государственного и муниципального управления. 2021;4:66–89. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-66-89>
7. *Быковская Ю.В., Ивановна Л.Н., Сафокина Е.А.* Малое и среднее предпринимательство в современной России: состояние, проблемы и направления развития. Вестник Евразийской науки. 2018;5(10):6–22.
8. *Мусинова Н.Н., Сергиенко Н.С.* Государственная поддержка малых и средних предприятий в условиях пандемии: зарубежная и российская практика. Вестник университета. 2021;2:5–12. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-2-5-12>
9. *Морозко Н.И., Морозко Н.И., Диденко В.Ю.* Финансовые и нефинансовые меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на 2021 год и среднесрочную перспективу. Экономика. Налоги. Право. 2021;1(14):31–40. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-1-31-40>
10. *Курдин А.А., Коломиец А.Р., Маркова О.А., Служевская В.А., Филиппова И.Н., Шпакова А.А.* Вход в пандемию: первые меры поддержки экономики и первые результаты. Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2020;2(12):7–25.
11. *Глухов К.В., Чебаев И.А., Михалевский А.В.* Анализ эффективности мер государственной поддержки сектора малого и среднего предпринимательства в России в период пандемии. Вестник университета. 2021;6:5–13. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-5-13>

References

1. *Makovetsky M.Y.* Small and medium-sized businesses as a key element of the economic development of the Russian Federation. Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management. 2020;4(35):66–74. (In Russian). <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-4-66-74>

2. *Obraztsova O.I., Chepurenko A.Yu.* SME policy in the Russian Federation: renewal after the pandemic? *Public Administration Issues.* 2020;3:71–95. (In Russian).
3. *Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V.* Development trends of small and medium-sized enterprises amid pandemic-induced crisis. *Russian Economic Development.* 2020;5(27):71–82. (In Russian).
4. *Zimovets A.V., Sorokina Yu.V., Khanina A.V.* Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation. *Journal of Economics, entrepreneurship and law.* 2020;5(10):1337–1350. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.10.5.110126>
5. *Smirnova A.A.* Measures of state support for small businesses during the COVID-19 pandemic in Russia. *Journal of Economics, entrepreneurship and law.* 2021;2(11):285–298. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111588>
6. *Chepurenko A.Yu., Galitsky E.B., Dukhon A.B., Oslon A.A.* State policy towards small businesses during the pandemic in the estimates of beneficiaries. *Public Administration Issues.* 2021;4:66–89. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-66-89>
7. *Bykovskaya Yu.V., Ivanova L.N., Safokhina E.A.* Small and medium-sized business in modern Russia: the state, problems and directions of development. *The Eurasian Scientific Journal.* 2018;5(10):6–22. (In Russian).
8. *Musinova N.N., Sergienko N.S.* Government support for small and medium-sized enterprises in the context of the pandemic: foreign and Russian practice. *Vestnik universiteta.* 2021;2:5–12. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-2-5-12>
9. *Morozko N.I., Morozko N.I., Didenko V.Yu.* Financial and non-financial measures to support small and medium-sized businesses for 2021 and in the medium term. *Economy, taxes and law.* 2021;1(14):31–40. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-1-31-40>
10. *Kurdin A.A., Kolomiets A.R., Markova O.A., Sluzhenskaya V.D., Filippova I.N., Shpakova A.A.* Entering the pandemic: the first measures of economic support and first results. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal.* 2020;2(12):7–25. (In Russian).
11. *Glukhov K.V., Chebashev I.A., Mikhalensky A.V.* Efficiency analysis of state support measures for the small and medium-sized business sector in Russia during the pandemic. *Vestnik universiteta.* 2021;6:5–13. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-5-13>

Финансовый суверенитет как одна из стратегических задач России на современном этапе

Чмут Галина Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, бухгалтерского учета и налогообложения
ORCID: 0000-0002-6266-5871, e-mail: galina-chmut@yandex.ru

Южный университет (Институт управления, бизнеса и права), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Обеспечение финансового суверенитета страны является одной из ключевых задач по достижению национальных целей к 2030 г. Финансовая система Российской Федерации (далее – РФ, Россия) должна сделать все необходимое, чтобы гарантировать финансирование тех потребностей, на которые раньше выделялись средства западными странами. Для этого требуется обеспечить приток долгосрочных сбережений и инвестиций в быстрорастущие высокотехнологичные проекты. Президент РФ во время встречи с членами Правительства РФ 11 января 2023 г. остановился на основных направлениях работы Правительства РФ на 2023 г. Одним из направлений стал вопрос укрепления финансового суверенитета РФ, что является условием увеличения инвестиций в экономику государства. Премьер-министр России М.В. Мишустин, выступая с отчетом Правительства РФ в Государственной думе РФ, отметил, что достижение финансового суверенитета – одна из важных задач на текущий год. Привлечение в экономику финансовых ресурсов на длительный срок, инвестиционная привлекательность и обеспечение финансового сопровождения быстрорастущих технологических компаний являются основными условиями для решения данной задачи. Правительством РФ во исполнение поручений Президента РФ разработано пять основных направлений ради ее реализации. Цель данной статьи – рассмотреть основные мероприятия, направленные на достижение финансового суверенитета в сложившихся условиях. В качестве результатов исследования проанализирована деятельность Правительства РФ и Банка России по осуществлению указанных мероприятий. Основным выводом статьи является обоснование роли финансового суверенитета в повышении престижа российской экономики.

Ключевые слова

Стратегические задачи, финансовый суверенитет, финансовая стабильность, сбалансированный бюджет, финансовая инфраструктура, элементы финансовой инфраструктуры, национальная цель

Для цитирования: Чмут Г.А. Финансовый суверенитет как одна из стратегических задач России на современном этапе // Вестник университета. 2024. № 1. С. 160–165.

Financial sovereignty as one of Russia's strategic objectives at the present stage

Galina A. Chmut

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.

at the Finance, Accounting and Taxation Department

ORCID: 0000-0002-6266-5871, e-mail: galina-chmut@yandex.ru

Southern University (Institute of Management, Business and Law), Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Ensuring the financial sovereignty of the country is one of the key tasks to achieve national goals by 2030. The financial system of the Russian Federation (hereinafter referred to as Russia, RF) should do everything necessary to guarantee the financing of those needs that had been previously funded by Western countries. To do this, the inflow of long-term savings and investments in fast-growing high-tech projects is to be provided. President of RF during the meeting with members of the Government of Russia on January 11, 2023 noted the main directions of the Government's work for 2023. One of the directions is strengthening the financial sovereignty of the RF which is a condition to increase investments in the country's economy. M.V. Mishustin, Prime Minister of Russia, speaking with the Government's report in the State Duma of Russia, mentioned that to achieve the financial sovereignty of the state is one of the important tasks for the current year. Attracting long-term financial resources to the economy, investment attractiveness and providing financial support for fast-growing technology companies are the main conditions to solve this problem. Thus, the Government of RF have developed five main directions for the task implementation in order to fulfill the instructions of President of RF. The purpose of this article is to consider the main measures aimed at achieving financial sovereignty in the current conditions. The activities of the Government of RF and the Bank of Russia on the implementation of the discussed measures are analysed as the results of the study. The main conclusion of the article is the justification of financial sovereignty role in increasing the prestige of the Russian economy.

Keywords

Strategic objectives, financial sovereignty, financial stability, balanced budget, financial infrastructure, financial infrastructure elements, national goal

For citation: Chmut G.A. (2024) Financial sovereignty as one of Russia's strategic objectives at the present stage. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 160–165.

ВВЕДЕНИЕ

Выступая на расширенной коллегии Министерства финансов (далее – Минфин России) и Министерства экономического развития, министр финансов А.Г. Силуанов назвал обеспечение финансового суверенитета гарантией устойчивости российской экономики¹.

Сбалансированный бюджет должен обеспечивать финансирование национальных проектов и государственных программ. Однако в настоящее время ценовая конъюнктура сырьевых рынков серьезно ухудшилась. Средняя цена на нефть марки Urals в январе-сентябре 2023 г. сложилась в размере 59,54 долл. США за баррель, в то время как в январе-сентябре 2022 г. она составляла 80,58 долл. США за баррель, что привело к падению нефтегазовых доходов бюджета. Компенсировать выпадающие доходы бюджета и стимулировать экспорт в сложившихся условиях помогает девальвация рубля. Однако эффект от девальвации всегда временный: он сможет ненадолго «подстегнуть» экспорт и поможет сократить дефицит бюджета. Вместе с тем девальвация также повысит инфляцию, которая быстро нивелирует достигнутый эффект².

Финансовый суверенитет обеспечивает возможность Правительству Российской Федерации и Банку России контролировать и регулировать экономические процессы в стране, включая инфляцию, валютный курс, ставки по кредитам, что позволяет реагировать на внутренние и внешние вызовы. В связи с этим в статье рассмотрены основные направления достижения финансового суверенитета, обосновывается их влияние на российскую экономику, что может быть использовано при проведении исследований в области социально-экономического развития Российской Федерации (далее – РФ, Россия) на современном этапе, а также при разработке бюджетной и налоговой политики.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Впервые понятие «финансовый суверенитет» прозвучало в 2022 г. на Московском финансовом форуме [1]. Существенное изменение условий развития российской экономики требует поиска внутренних источников финансирования. Российский финансовый рынок должен сыграть важную роль в формировании таких источников³.

Достижение финансового суверенитета является основой устойчивого функционирования экономики. Ее стабильное развитие и нормальное функционирование финансового рынка возможны только при условии обеспечения данного суверенитета, а именно при сохранении устойчивости финансовых организаций, достижении системной финансовой стабильности и снижении инфляции до целевого уровня⁴.

До 2022 г. государственные усилия по достижению финансового суверенитета казались излишними. Благодаря механизмам, созданным в предыдущие годы, Россия смогла выдержать внешнее давление и продолжить развитие экономики, несмотря на то, что государство оказалось отрезанным от части мировых рынков. В сложившейся ситуации были предприняты необходимые меры по стабилизации российского финансового рынка и экономики, включая ограничения по движению капиталов, перевод в рубли расчетов по экспорту газа. Укреплению рубля в 2022 г. в немалой степени способствовали введенные ограничения по движению капитала [2].

Кроме того, Банком России в целях антикризисных мер была осуществлена покупка облигаций федерального займа (далее – ОФЗ): «...для обеспечения сбалансированной ликвидности на рынке ценных бумаг и предотвращения избыточной волатильности Банком России было принято решение осуществлять покупку облигаций федерального займа Российской Федерации в объемах, необходимых для ограничения рисков для финансовой стабильности»⁵. Банком России применялся данный механизм не долго, до стабилизации ситуации на финансовом рынке.

¹Российская Федерация. Расширенная коллегия Министерства финансов и Министерства экономического развития. Режим доступа: <http://government.ru/news/48256/> (дата обращения: 26.10.2023).

²Белогорцева Ю. Расширяя горизонты. Финансовое будущее РФ: макроэкономика и достижение финансового суверенитета. Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/finansovoe-budushchee-rf-makroekonomika-i-dostizhenie-finansovogo-suvereniteta/> (дата обращения: 27.10.2023).

³Правительство Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1300462711?ysclid=lpv9qmcalm356621633> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴Bank of Russia. Комментарий Банка России по операциям на рынке государственного долга. Режим доступа: <https://cbr.ru/eng/press/event/?id=12763> (дата обращения: 28.10.2023).

⁵Там же.

Однако введенные ограничения на финансовых рынках подорвали доверие инвесторов. В неблагоприятных рыночных условиях Минфином России в августе текущего года были установлены жесткие стандарты размещения облигаций – в итоге аукцион по ОФЗ с постоянным купоном не состоялся. При размещении ОФЗ с переменным купоном было удовлетворено всего 40 % заявок. В результате повышения ключевой ставки инвесторы не хотят брать на себя процентный риск классических бумаг⁶.

Сложившаяся ситуация с размещением ценных бумаг, а также ухудшение сырьевой конъюнктуры обозначили необходимость поиска дополнительных инвестиций для перестройки экономики.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

По количеству санкций, введенных Западом, Россия вышла на 1-е место в мире. Россию назвали мировым лидером по объему наложенных санкций⁷. Чтобы ограничить российской экономике доступ к кредитам и инвестициям с целью сдерживания ее развития, значительная часть санкций направлена на подрыв национальной финансовой системы РФ. Кроме того, на фоне падения цен на товары российского экспорта произошло снижение доходов бюджета от внешней торговли при одновременном росте импортных закупок, что оказало негативное влияние на курс рубля, бюджетный дефицит и инфляцию. На основании изложенного основной проблемой обеспечения финансового суверенитета можно считать угрозу исчерпания внутренних финансовых ресурсов при одновременной невозможности их поступления из внешних источников на экономически выгодных условиях [3]. Для решения данных проблем необходимы дополнительные источники финансирования экономики на длительный срок. С этой целью требуется создание условий для возвращения компаний в отечественную юрисдикцию для привлечения инвестиций. Кроме того, чтобы покрыть дефицит федерального бюджета, выпуск ОФЗ целесообразно осуществлять в дружественных валютах, которые могут быть направлены на финансирование международных расчетов. Обеспечить доступ иностранцев на отечественный рынок капитала позволит дальнейшее развитие инфраструктуры финансового рынка, включая торговые, платежные, учетные и информационные институты.

Регулирование вывоза капитала – это еще одна из задач по обеспечению финансового суверенитета России. Следовательно, целесообразно проведение ряда мероприятий, направленных на восстановление валютного контроля.

Необходимо также отметить, что, наряду с предложенными мероприятиями по достижению финансового суверенитета, важным направлением по решению данной проблемы должна стать также цифровизация финансовых операций для повышения эффективности платежных систем.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

С целью обоснования влияния финансового суверенитета на экономику рассмотрим результаты предложенных мероприятий по основным направлениям.

Первым направлением выступает увеличение притока денежных средств на длительный срок. Уровень национальных сбережений за последние два года на 8 % валового внутреннего продукта (далее – ВВП) превысил уровень накоплений, что может являться ресурсом для повышения капитализации фондового рынка⁸. Для этого Минфином России предложено формирование нового финансового инструмента долгосрочных сбережений – индивидуального инвестиционного счета ИИС-III. К тому же запущена программа долгосрочных сбережений граждан, которая будет формироваться за счет взносов граждан и софинансирования государством⁹.

Вторым направлением является укрепление доверия инвесторов. Для его достижения частично возобновлено ранее ограниченное раскрытие информации эмитентами ценных бумаг. Для оценки влияния данного фактора Банком России было проанализировано 50 наиболее покупаемых в 2022–2023 гг. розничными инвесторами акций, что позволило сделать вывод о том, что доля компаний с отрицательной

⁶ Коммерсантъ. В погоне за ставкой. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6149324> (дата обращения: 29.10.2023).

⁷ Злобин А. Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций. <https://www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij> (дата обращения: 29.10.2023).

⁸ Российская Федерация. Расширенная коллегия Министерства финансов и Министерства экономического развития. Режим доступа: <http://government.ru/news/48256/> (дата обращения: 26.10.2023).

⁹ Президент России. Совещание с членами Правительства. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70800> (дата обращения: 30.10.2023).

динамикой спроса граждан среди компаний, раскрывающих отчетность, оказалась почти в два раза ниже, чем среди компаний, которые прекратили публикацию отчетности¹⁰.

В целях расширения финансовых инструментов для инвестирования, являющихся третьим направлением по реализации мероприятий для достижения финансового суверенитета, предлагается введение специального типа ценных бумаг, так называемых многоголосых акций, что позволит эмитентам привлекать больше средств¹¹. Подобные «многоголосые» акции уже выпускаются в особых административных районах.

Необходимо также отметить, что с целью расширения финансовых инструментов принят закон об исламском банкинге. Речь идет об инвестиционных продуктах, которые распространены в ряде арабских стран [4]. Особенностью исламского банкинга является отсутствие взимания процентов. Вместо этого предлагается инвестирование на правах долевого участия в капитал организаций с последующим обратным выкупом с наценкой или иным способом получения дохода. Эксперимент пилотного проекта будет проведен на территориях четырех субъектов РФ¹².

Четвертым направлением в достижении финансового суверенитета выступает выстраивание отношений с инвесторами дружественных стран. Для этого создана возможность удаленной идентификации иностранным лицам из дружественных стран, желающим работать на российском финансовом рынке¹³. Данная возможность закреплена законом, который подготовлен Федеральной службой по финансовому мониторингу.

Пятое направление – это цифровизация финансовых операций. В России созданы регуляторные, технические и организационные условия для введения цифрового рубля, а также подписан закон о цифровом рубле. Ключевое преимущество цифрового рубля заключается в том, что операции с ним намного проще контролировать. Он позволит автоматизировать контроль и проведение расчетов по договорам с помощью смарт-контрактов – технологии, при которой деньги автоматически переводятся между счетами при выполнении условий сделки¹⁴. Реализация данных предложений по основным направлениям достижения финансового суверенитета позволит достичь следующих результатов: «доля инвестиционных страховых и пенсионных продуктов сбережения граждан возрастет с 21 % от объемов сбережений 2022 г. до 26 % в 2025 г. и 36 % в 2030 г., то есть каждый третий рубль из сбережений граждан будет инвестироваться. Капитализация рынка акций увеличится с 22 % ВВП до, соответственно, 26 % в 2025 г. и 32 % в 2030 г. Объем проектного финансирования возрастет с 12 трлн руб. до 16 трлн руб. в 2025 г. и 26 трлн руб. в 2030 г., то есть более чем в два раза»¹⁵, что позволит обеспечить финансирование национальных проектов и программ и повысит престиж российской экономики.

Согласно указу Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в России до 2030 г. должно быть осуществлено прорывное развитие, увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни населения, создание комфортных условий для проживания граждан, а также должны быть созданы возможности для раскрытия таланта каждого человека¹⁶. В указе также определены целевые показатели по достижению национальных целей к 2030 г. В рамках реализации Указа Президента РФ Правительством РФ разработан «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации». Национальные цели развития включены в национальные государственные программы и проекты. Источники их финансирования утверждены в федеральном и региональном бюджетах, бюджетах внебюджетных фондов [5]. Кроме того, предусмотрено внебюджетное финансирование – частные инвестиции.

Учитывая сложившуюся ситуацию на финансовом рынке, а также конъюнктуру цен на сырьевом рынке, обеспечение финансового суверенитета является ключевым условием для реализации национальных целей. Так как реализация государственных программ и проектов осуществляется в рамках

¹⁰ Банк России. Июнь 2023. № 6. Обзор рисков финансовых рынков. Информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45128/ORFR_2023-06.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

¹¹ Президент России. Совещание с членами Правительства. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70800> (дата обращения: 30.10.2023).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Банк России. Апрель 2021 года. Концепция цифрового рубля. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 02.11.2023).

¹⁵ Президент России. Совещание с членами Правительства. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70800> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁶ Президент России. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 03.11.2023).

стратегического планирования, обеспечение финансового суверенитета, по мнению автора, является стратегической задачей на современном этапе развития России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обеспечение финансового суверенитета является гарантией устойчивого развития российской экономики и стратегической задачей сегодняшнего развития самого государства. Огромное значение в его достижении имеет самодостаточность российского финансового рынка с точки зрения обеспечения его внутренними долговременными финансовыми ресурсами, а также наличие условий их конвертации в инвестиции реального сектора экономики¹⁷.

Более того, в развитии финансового суверенитета огромную роль играет развитие цифровых финансов, включая применение цифровых валют для международных расчетов, а также развитие внутреннего долгового рынка, основанного на ответственной бюджетной политике.

Ограничение доступа российской экономики к глобальным финансам – кредитам и инвестициям – явилось основанием для разработки основных мероприятий по достижению финансового суверенитета. Проведенный автором анализ реализации основных направлений по его реализации свидетельствует о возрастании доли инвестиций в экономику за счет инвестиционных страховых и пенсионных продуктов, а также за счет капитализации рынка акций при одновременном автоматизированном контроле расчетов в результате введения цифрового рубля. Вместе с тем финансовый суверенитет обеспечивает Правительству РФ и Банку России возможность контроля и регуляции экономических процессов государства для формирования реакции на внешние и внутренние вызовы. Как следствие, в дополнение к предложенным Правительством РФ мероприятиям по достижению финансового суверенитета считается целесообразным проведение мероприятий по регулированию вывоза капитала, включая восстановление валютного контроля. Исходя из вышесказанного, можно резюмировать, что достижение финансового суверенитета – стратегическая задача по осуществлению прорывного развития России и повышению престижа российской экономики.

Список литературы

1. *Пономаренко К.С.* Формирование правовой концепции финансового суверенитета российской экономики. Юридическая наука. 2023;3:99–103.
2. *Ершов М.В.* Валютно-финансовые подходы в условиях санкций: новые решения. Научные труды Вольного экономического общества России. 2022;3(235):186–191. <http://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-235-3-186-191>
3. *Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Иванов М.О.* Актуальные проблемы обеспечения финансового суверенитета России в условиях международных санкций. Финансы: теория и практика. 2023;1(27):185–194. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194>
4. *Конеv Д.М., Коневa С.А.* Исламский банкинг – особенности, место в мировой банковской системе и проблемы развития. Международный журнал Вестник науки. 2021;7(40(3)):49–59.
5. *Седова М.А.* Финансирование национальных проектов. Экономика. Налоги. Право. 2020;3(13):17–27.

References

1. *Ponomarenko K.S.* Formation of the legal concept of the financial sovereignty of the Russian economy. Legal Science. 2023;3:99–103. (In Russian).
2. *Ershev M.V.* Monetary and foreign exchange approaches during sanctions: new solutions. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2022;3(235):186–191. (In Russian). <http://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-235-3-186-191>
3. *Dudin M.N., Shkodinsky S.V., Ivanov M.O.* Current problems of ensuring the financial sovereignty of Russia in the context of international sanctions. Finance: Theory and Practice. 2023;1(27):185–194. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194>
4. *Konev D.M., Koneva S.A.* Islamic banking features, place in the world banking system and development problems. International Scientific Journal Bulletin of Science. 2021;7(40(3)):49–59. (In Russian).
5. *Sedova M.L.* Financing of national projects. Economy, taxes and law. 2020;3(13):17–27. (In Russian).

¹⁷ Президент России. Сопещание с членами Правительства. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70800> (дата обращения: 30.10.2023).

Финансовая оценка реализации мероприятий государственной политики в сфере охраны окружающей среды: макроэкономический аспект

Школьникова Нина Николаевна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0002-4415-2079, e-mail: nnshkolnikova@mail.ru

Школьников Евгений Александрович²

Аспирант
ORCID: 0000-0003-2797-2419, e-mail: evgenii.hello@mail.ru

Школьников Михаил Александрович²

Аспирант
ORCID: 0000-0003-1477-9409, e-mail: mixos85@mail.ru

¹Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск, Россия

²Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Аннотация

В статье исследуются финансовые аспекты нынешней государственной экологической политики в Российской Федерации (далее – РФ), изучаются масштабы финансовых ресурсов, направляемых для охраны окружающей среды, на макроэкономическом уровне в контексте обеспечения экологической безопасности. Рассмотрение материалов периодической печати позволило выделить наиболее актуальные вопросы экологического инвестирования. При обработке статистических данных для проведения анализа расходов на реализацию природоохранных мероприятий и оценку рассредоточения финансовых средств по основным направлениям затрат авторами использованы динамический и структурный методы экономического анализа с определением абсолютных и относительных разниц, сравнительный метод при сопоставлении ретроспективной информации для мониторинга ежегодных бюджетных ассигнований на нужды экологии, а также табличный метод в сочетании с графическим. Оценка расходов на охрану окружающей среды РФ за 2017–2021 гг. показала ежегодный стабильный рост с почти двукратным увеличением в целом за пять лет. Структурный анализ в разрезе направлений природоохранной деятельности позволил выделить доминирующие статьи затрат как наиболее значимые в реализации государственной экологической политики. Сравнительный анализ удельных расходов на охрану окружающей среды в процентах к валовому внутреннему продукту с использованием международных сопоставлений свидетельствует о недофинансировании данной сферы деятельности государственной властью РФ. Ограниченный объем финансовых ресурсов на обеспечение рационального природопользования требует реализации первоочередных мероприятий в соответствии с основными приоритетами государственной политики в этой области наряду с применением наиболее эффективного эколого-экономического инструментария.

Ключевые слова

Экологическая безопасность, государственная политика, рациональное природопользование, охрана окружающей среды, направления природоохранной деятельности, экологические риски, «зеленое» финансирование, природоохранные мероприятия

Для цитирования: Школьникова Н.Н., Школьников Е.А., Школьников М.А. Финансовая оценка реализации мероприятий государственной политики в сфере охраны окружающей среды: макроэкономический аспект // Вестник университета. 2024. № 1. С. 166–174.

© Школьникова Н.Н., Школьников Е.А., Школьников М.А., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Financial assessment of the implementation of state policy measures in the field of environmental protection: macroeconomic aspect

Nina N. Shkolnikova¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0002-4415-2079, e-mail: nshkolnikova@mail.ru

Evgeny A. Shkolnikov²

Postgraduate Student
ORCID: 0000-0003-2797-2419, e-mail: evgenii.hello@mail.ru

Mikhail A. Shkolnikov²

Postgraduate Student
ORCID: 0000-0003-1477-9409, e-mail: mixos85@mail.ru

¹North Caucasian State Academy, Cherkessk, Russia

²Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract

In the current article, financial aspects of the state environmental policy in Russia at the present stage are observed. The authors study the scale of financial resources allocated for environmental protection at the macroeconomic level in the context of ensuring environmental safety. The review of periodical press materials allowed us to highlight the most pressing issues of eco-investment. When processing statistical data to conduct an analysis of the costs of implementing environmental measures and assessing dissipation of funds in the main categories of expenses, the authors used dynamic and structural methods of economic analysis with determination of absolute and relative difference. A comparative method was implied in comparing retrospective information to monitor annual budget allocations for the needs of ecology alongside with the table method combined with the graphical one. The assessment of expenditures for environmental protection in Russia for 2017–2021 showed an annual stable growth with an almost twofold increase in the whole five years. A structural analysis in the context of environmental protection activities allowed us to identify the dominant cost items as the most significant in the implementation of state environmental policy. A comparative analysis of the unit costs of environmental protection in percentage of gross domestic product through international comparisons indicates the underfunding of this area by Russian state authorities. The limited amount of finance to ensure rational use of natural resources requires implementing principal measures in accordance with the main priorities of state policy in the field along with application of the most effective ecological and economic tools.

Keywords

Environmental safety, state policy, environmental management, environmental protection, environmental management areas, environmental risks, “green” financing, environmental measures

For citation: Shkolnikova N.N., Shkolnikov E.A., Shkolnikov M.A. (2024) Financial assessment of the implementation of state policy measures in the field of environmental protection: macroeconomic aspect. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 166–174.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях нарастания рисков глобального потепления, разрушения озонового слоя, загрязнения воздуха и мирового океана, истощения природных ресурсов, уменьшения биоразнообразия и прочих глобальных проблем человечества повышение экологической безопасности становится приоритетным направлением государственного регулирования. Государственное управление в сфере природопользования осуществляется на основе закрепленных российским законодательством принципов комплексности, всеобщности, планомерности, платности природопользования, возмещения вреда окружающей среде, использования возможностей научно-технического прогресса и международного сотрудничества.

Глобальная целевая установка национальной стратегии в области охраны окружающей среды – формирование экологически ориентированной модели экономики, устойчивое развитие которой обеспечивается решением следующих задач:

- совершенствование механизма государственного регулирования защиты природной среды;
- оптимизация нормативно-правовой базы регулирования природопользования;
- проведение систематического мониторинга состояния окружающей среды;
- научная оценка вероятности наступления природных катастроф и техногенных аварий;
- разработка и реализация экологически безопасных прогрессивных технологий и пр.

Для финансирования мероприятий в данной сфере в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) широко используется программный формат. На федеральном и субфедеральном уровнях разрабатываются национальные проекты, государственные региональные программы и прочие документы стратегического планирования. При этом законодательно предусмотрено использование доходов федерального, региональных и муниципальных бюджетов РФ, а также внебюджетных ресурсов.

Термин «экологическая безопасность» трактуется Федеральным законом «Об охране окружающей среды» как особые условия обеспечения защиты природной среды от вероятного отрицательного влияния деятельности человека, техногенных аварий и природных катаклизмов¹. Устойчивое развитие экономики в условиях роста экологической безопасности территории предполагает определение уровня безопасности, возможные причины ее снижения и величину потенциального ущерба. На государственном уровне необходимо обеспечить выделение финансовых ресурсов на природоохранную деятельность в объемах, адекватных опасности нанесения вреда всем компонентам природной среды. Величина выделяемых средств должна коррелироваться с расчетами индикаторов, определяющих уровень приемлемого и предельно допустимого риска в оценке фактического состояния природных ресурсов. Проведение экологического аудита в разрезе критериев качества окружающей среды включает исследование каждого из ее составляющих (атмосферы, гидросферы, литосферы и биосферы).

Повышение экологической безопасности может быть достигнуто реализацией эффективной политики государства как совокупности комплекса мероприятий по устранению и недопущению рисков и угроз, вызывающих ухудшение здоровья и качества жизни населения в связи с негативным воздействием на природу объективных (внешних) и субъективных (внутренних) факторов.

К вызовам планетарного масштаба относят: последствия потепления климата, которые негативно влияют на состояние здоровья населения, численность и сохранение видов животного мира, биоразнообразие растительного мира; увеличение расхода полезных ископаемых при их истощении, что в конечном итоге снижает уровень национальной безопасности и т.д. В числе внутренних угроз экологической безопасности РФ следует назвать ограниченное, не соответствующее потребностям финансирование природоохранных мероприятий; ненадлежащее и нерациональное использование бюджетных ресурсов, сформированных от платежей юридических лиц за нанесение вреда природной среде и от компенсации ущерба, причиненного окружающей среде, а также от экологических штрафов, налогов и сборов².

Повышение эффективности управления экологическими рисками способствует снижению величины ущерба, причиной которого является деградация природной среды. Финальная цель государственного регулирования использования природных ресурсов – создание необходимых условий для обеспечения приемлемого качества каждого из элементов окружающей среды.

¹ Российская Федерация. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция) «Об охране окружающей среды». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 25.10.2023).

² Президент Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (дата обращения: 27.10.2023).

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ

Поиск эффективных решений смягчения воздействия развивающегося экологического кризиса находит свое отражение в материалах периодической печати. В частности, аналитиками рассматривается концепция «зеленой» экономики в сочетании с концепцией устойчивого развития.

Н.Н. Семенова, О.И. Еремина, М.А. Скворцова в своей статье отмечают, что в настоящее время в качестве глобального тренда можно назвать формирование модели «зеленой» экономики. В связи с этим особое значение приобретают вопросы «зеленого» финансирования. Группировка субъектов России по объему «зеленых» инвестиций позволила выделить регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры и оценить неравномерность распределения денежных средств, предназначенных для защиты природной среды. Поскольку финансовый механизм перехода к «зеленой» экономике находится в стадии развития, авторы предлагают ряд мероприятий, в том числе разработку нормативно-правовой базы по регулированию «зеленого» инвестирования, формирование рынка «зеленых» облигаций для осуществления крупных экологических проектов, а также создание особого института по кредитованию природоохранных проектов и пр. [1].

Е.Н. Лизунова обращает внимание на важность обеспечения и повышения результативности ресурсов бюджета, предназначенных для покрытия расходов по реализации природозащитных мероприятий. Особая роль в этом принадлежит программно-целевому методу финансового планирования. Учитывая также, что основным источником денежных ресурсов по охране окружающей среды является коммерческий сектор, важное значение приобретает расширение практики государственно-частной формы финансирования [2].

Затрагивая проблемы, связанные с отсутствием системного подхода к так называемому «зеленому» или экологическому инвестированию, А.В. Спиридонова поднимает вопрос о необходимости четкого формулирования терминов «зеленое финансирование» и «зеленое инвестирование». Автор указывает на потребность создания государственного органа, регулирующего и координирующего действия различных министерств и ведомств по проблемам рационального природопользования. Актуальной темой является совершенствование нормативно-правовой базы обеспечения сохранности, восстановления и возобновления природных ресурсов, предупреждения отрицательного влияния производственной и прочей деятельности на окружающую среду и устранение его последствий. При этом целесообразно осуществлять доработку правового механизма регулирования природоохранной деятельности при взаимодействии государства, субъектов хозяйствования, общественных организаций, научной общественности [3].

Е.Н. Абанина отмечает, что появление в настоящее время новых экологических рисков и угроз на региональном уровне – накопление вредных отходов необычного типа (электронных), рост числа экологических «горячих точек» с повышенной опасностью для здоровья человека, трансрегиональное экологическое загрязнение – вызывает необходимость расширения их перечня, который существует на сегодняшний день (в том числе указанный Стратегией экологической безопасности РФ). В связи с этим требуется доработка экологических правовых документов; усиление работы по прогнозированию вероятности наступления и масштабов последствий чрезвычайных происшествий природного и техногенного характера; определение нетрадиционных дополнительных векторов экологической политики на региональном уровне [4].

О несовершенстве системы правового регулирования ответственности за вред, нанесенный окружающей среде, напоминает Е.В. Новикова. В российском законодательстве понятие экологического вреда определено нечетко. Изменение законодательных актов об экологическом вреде нужно направить на развитие методов его предупреждения, выявления, оценки, минимизации, а также соизмерения последствий отрицательного воздействия и объема возмещения. Ужесточение нормативно-правовой регламентации должно дополняться прогнозированием степени вероятности возникновения аварийных ситуаций и стимулированием собственников опасных объектов к профилактическим мерам по их предотвращению [5].

Попытка исследования соотношения терминов «экономическая безопасность» и «экологическая безопасность» была предпринята группой авторов (Н.Г. Гаджиевым, С.А. Коноваленко, М.Н. Трофимовым, А.Н. Гаджиевым) в целях определения перспектив минимизации риска антропогенного воздействия на биосферу. В частности, авторами проводится сравнительный анализ различных трактовок понятия экологической безопасности, выделяются основные индикаторы, характеризующие ее уровень, показывается необходимость нейтрализации угроз совершения экологических преступлений и пр. [6].

Необходимо подчеркнуть, что государственная политика в области экологии ставит своей стратегической первоочередной целью именно предупреждение нарушений в области природопользования, а не только устранение их последствий.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАСХОДОВ РОССИИ НА ПРИРОДОЗАЩИТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Беспрецедентное обострение экологических проблем в последнем столетии требует все возрастающих материальных и финансовых затрат на восстановление среды обитания человека. К ним относят расходы по эксплуатации природоохранных объектов, расходы на реализацию мероприятий по обеспечению сохранности качества природной среды и снижению негативного воздействия производственной деятельности человека на нее, расходы на осуществление контроля за состоянием каждого элемента окружающей среды и др. Объемы финансовых расходов природоохранного значения дифференцируются по направлениям.

По данным официальной статистики, итоговая сумма затрат по защите природной среды в России повысилась за время наблюдения с 2017 г. по 2021 г. с 658 млрд руб. до 1 242,3 млрд руб., то есть на 584,3 млрд руб., или на 88,8 %. Согласно существующей классификации, в табл. 1 выделены наиболее значимые для здоровья населения и в связи с этим наиболее существенные по сумме выделяемых средств направления расходов.

Таблица 1

Затраты на защиту природной среды по назначениям природосберегающей деятельности в России

Назначение природосберегающей деятельности	2017 г., млрд руб.	2018 г., млрд руб.	2019 г., млрд руб.	2020 г., млрд руб.	2021 г., млрд руб.	Прирост/уменьшение, за весь период (+, -)	
						млрд руб.	%
Охрана атмосферного воздуха и предотвращение изменений климата	122,8	130,9	139,2	138,7	203,3	+ 80,5	+ 65,6
Сбор и очистка сточных вод	239,1	246,9	257,2	285,1	292,8	+ 53,7	+ 22,5
Обращение с отходами	79,5	91,7	112,2	115,6	127,0	+ 47,5	+ 59,7
Защита и реабилитация земель, поверхностных и подземных вод	33,6	30,7	35,6	39,8	79,0	+ 45,4	+ 135,1
Сохранение биоразнообразия и охрана природных территорий	42,5	46,2	49,7	58,1	69,5	+ 27,0	+ 63,5
Прочие	140,5	174,5	278,6	332,8	470,7	+ 330,2	+ 235,0
Итого	658,0	720,9	872,5	970,1	1 242,3	+ 584,3	+ 88,8

Источник³

Указанные направления отражают назначение расходов по объектам природоохранной деятельности. Следует подчеркнуть устойчивую тенденцию роста по общему объему затрат и по каждому направлению в отдельности. Динамика расходов неравнозначна. Так, сумма расходов по охране и восстановлению земель, грунтовых вод увеличилась за последние 5 лет более чем вдвое, а рост затрат на сбор и очистку сточных вод не превысил 30 %. Обращает на себя внимание резкий скачок затраченных средств на защиту воздушной среды и предупреждение климатических изменений в 2021 г. по сравнению с 2020 г. (почти на 50 %). В составе прочих расходов – расходы по снижению шумового и вибрационного воздействия, расходы на радиационную безопасность и научно-исследовательские работы, а также на работы по экологическому образованию кадров и пр. Общая сумма по данной статье затрат повысилась за исследуемый период в 2,4 раза.

Анализируя структуру расходов на охрану окружающей среды, можно сделать следующие выводы. Предметом наибольшей озабоченности государства является сбор и очистка сточных вод. Доля затраченных финансов по этому направлению в отдельные годы превышала 1/3 общей суммы, но в 2021 г. снизилась до 23,6 %. Удельный вес от 10 до 20 % затрат составляют расходы на охрану атмосферного

³ Федеральная служба государственной статистики. Охрана окружающей среды в России. 2022. Режим доступа: https://vk.com/doc4222617_654394091?hash=DFue4NBnUsPysxaMb2cNe9uXQrx7G7TKuO62PgwGRZc (дата обращения: 01.11.2023).

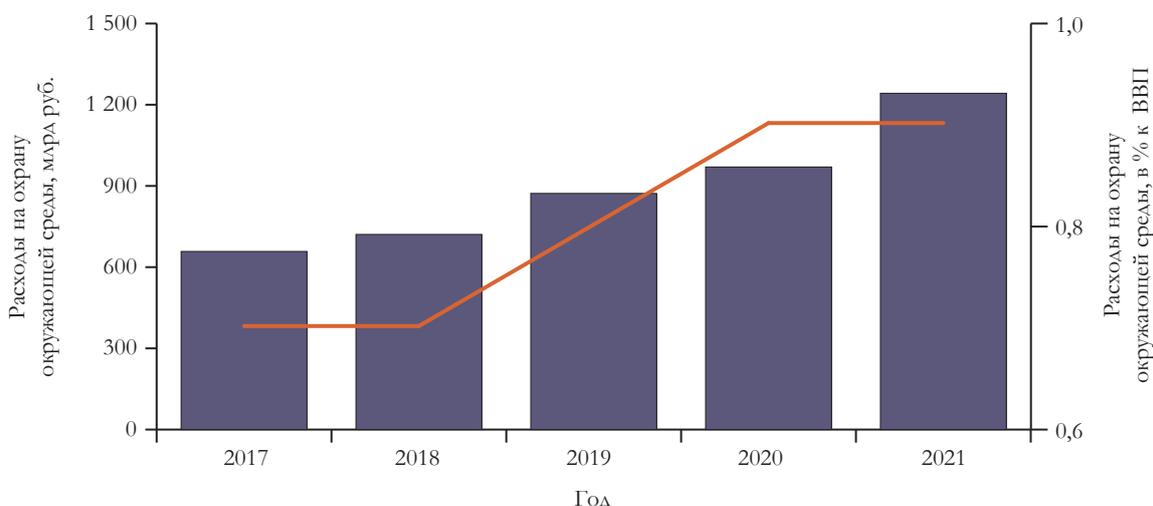
воздуха и предотвращение изменений климата, а также расходы на обращение с отходами. Доля по каждой из остальных указанных статей затрат колеблется в среднем от 4 до 6 % в общем итоге. Соотношение выделяемых средств по направлениям расходов на природоохранные мероприятия свидетельствует о приоритетах государственной политики в данной сфере (табл. 2).

Таблица 2

Структура затрат на защиту природной среды по назначениям природосберегающей деятельности в РФ

Назначение природосберегающей деятельности	2017 г., %	2018 г., %	2019 г., %	2020 г., %	2021 г., %	Изменение в удельном весе за весь период (+, -), %
Охрана атмосферного воздуха и предотвращение изменений климата	18,7	18,2	16,0	14,3	16,4	- 2,3
Сбор и очистка сточных вод	36,3	34,2	29,5	29,4	23,6	- 12,7
Обращение с отходами	12,1	12,7	12,8	11,9	10,2	- 1,9
Защита и реабилитация земель, поверхностных и подземных вод	5,1	4,3	4,1	4,1	6,3	+ 1,2
Сохранение биоразнообразия и охрана природных территорий	6,4	6,4	5,7	6,0	5,6	- 0,8
Прочие	21,4	24,2	34,3	34,3	37,9	+ 16,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	-

Источник⁴

Примечание: ВВП – валовый внутренний продукт

Источник⁵

Рисунок. Бюджетные ассигнования на защиту окружающей среды в РФ

По данным рисунка видно, что расходы на охрану окружающей среды в РФ постепенно растут и в сумме, и в процентах к ВВП.

Международные сравнения затрат на данную деятельность в соотношении с ВВП позволяют дать сопоставимую оценку финансовых вложений развитых стран мира в эту сферу (табл. 3).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Охрана окружающей среды в России. 2022. Режим доступа: https://vk.com/doc4222617_654394091?hash=DFue4NBnUsPysxaMb2cNe9uXQrx7G7TKuO62PgWGRZc (дата обращения: 01.11.2023).

⁵ Там же.

Затраты на защиту природной среды по отдельным странам мира

Страна	Год	Затраты на защиту природной среды, %
Россия	2020	0,9
Бельгия	2020	1,5
Болгария	2020	2,1
Греция	2020	1,6
Италия	2020	1,0
Королевство Нидерландов	2020	1,5
Норвегия	2020	1,0
Франция	2020	1,0
Чехия	2020	1,8
Япония	2020	1,3

Примечание: данные представлены в процентах к ВВП

Источник⁶

Сравнительный анализ удельного веса расходов на природоохранные мероприятия в процентах к ВВП по отдельным странам Европы и Азии, а также России свидетельствует, по-видимому, о недостаточности финансовых ресурсов, выделяемых российским правительством из бюджета. Доля затрат в данную сферу в РФ лишь в последние два года приблизилась к 1 %, но еще не достигла этого показателя. Однако в Королевстве Нидерландов, Бельгии, Болгарии, Греции, Чехии, Японии значение данного показателя существенно выше. По расчетам, затраты на улучшение экологической ситуации должны соответствовать величине потерь, связанных с последствиями ухудшения качества окружающей среды. Из-за отсутствия у государства экономических возможностей в настоящее время величина «зеленых» инвестиций несопоставима с ущербом, нанесенным природе. В перспективе общество будет вынуждено тратить на компенсацию негативного воздействия антропогенных факторов все большую часть ВВП. Ограниченный характер финансовых ресурсов определяет отбор наиболее эффективных природоохранных мероприятий с учетом комплексного экономического обоснования экологических затрат.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка динамики и состава расходов по защите природной среды за 2017–2021 гг. в разрезе основных направлений природоохранной деятельности (в соответствии с действующим международным классификатором) показала предпочтения государственной экологической политики относительно более или менее масштабного финансирования мероприятий по формированию благоприятных и безопасных условий жизни населения России. Общий тренд – устойчивый рост выделяемых финансовых ресурсов. Однако компаративный анализ удельных затрат в процентах к ВВП по России в сопоставлении с аналогичным показателем ряда развитых стран свидетельствует о необходимости безотлагательного увеличения объема средств для полноценной реализации и повышения результативности природозащитных мероприятий.

Обострение рисков и угроз экологического характера требует определения государственных приоритетов в решении этих проблем. Целесообразно разумное комбинирование разработки и реализации прямых природоохранных мероприятий (строительство очистных сооружений, фильтров, сбор и переработка отходов, рекультивация земель и т.д.) и использования косвенных методов регулирования (фискального и стимулирующего типов) [7].

Ухудшение экологической обстановки, процесс истощения природных ресурсов, рост масштабов негативных последствий от деградации окружающей среды вызывают потребность перехода от административно-экономических методов государственного регулирования природоохранной деятельности к эколого-экономическим как более эффективным [8].

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Россия и страны мира. 2022. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Strani_mira_2022.pdf (дата обращения: 03.11.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно программным документам стратегии экологического развития, экономика России в дальнейшем должна трансформироваться в инновационную ресурсную экономику на основе эффективно сочетания природных богатств, инновационных технологий и современных практик рационального природопользования. Стратегия России в экологической сфере на период до 2030 г. нацелена на решение проблем, связанных с обеспечением оптимального состояния природной среды, созданием благоприятных условий для сохранения животного и растительного мира, формированием предпосылок для нормальной жизнедеятельности человека при возрастании масштабов экономической активности и увеличении частоты повторения опасных гидрометеорологических явлений из-за негативных изменений климата. Государственная политика природосбережения включает следующие ключевые блоки: становление механизма эффективного менеджмента в сфере природоохранной деятельности, содействие устойчивому росту экологически ориентированной экономики, разработка и реализация экологически чистых инновационных технологий и пр.⁷

Обеспечение рационального природопользования предусматривает максимальную результативность государственных затрат федерального, регионального и муниципального бюджетов на реализацию мероприятий по охране окружающей среды и установление экологического равновесия. Формирование «зеленой» экономики в сочетании с устойчивым развитием будет достигнуто за счет совершенствования государственной политики повышения экологической безопасности для активизации использования инновационных технологий природосбережения (включая нанотехнологии, био-, энергоресурсосберегающие и реутилизационные технологии) в целях создания благоприятных условий проживания населения РФ.

Список литературы

1. Семенова Н.Н., Еремينا О.И., Скворцова М.А. «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития. *Финансы: теория и практика*. 2020;2(24):39–49. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49>
2. Лизунова Е.Н. Бюджетное финансирование охраны окружающей среды: современная оценка и тенденции развития. *Вестник экономики, права и социологии*. 2018;3:27–31.
3. Спиридонова А.В. Экологическое инвестирование в Российской Федерации: теоретико-правовой подход. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2020;1(20):72–79. <https://doi.org/10.14529/law200111>
4. Абанина Е.Н. Тенденции развития государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (региональный уровень). *Правовая политика и правовая жизнь*. 2021;1:31–38. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-31-38>
5. Новикова Е.В. Современные экономико-правовые механизмы предупреждения и минимизации экологического вреда. *Правоведение*. 2018;4(62):625–639. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.403>
6. Гаджиев Н.Г., Коноваленко С.А., Трофимов М.Н., Гаджиев А.Н. Роль и значение экологической безопасности в системе обеспечения экономической безопасности государства. *Юг России: экология, развитие*. 2021;3(60(16)):200–214. <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2021-3-200-214>
7. Асадуллина Н.Р. Перспективы экологической политики в условиях устойчивого развития экономики природопользования. *Экономический вестник Донбасса*. 2019;1(55):194–197.
8. Баширова А.А. Особенности финансового механизма регулирования отношений природопользования в России. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2017;2:79–86. <https://doi.org/10.26726/2305-4484-2017-2-79-86>

References

1. Semenova N.N., Eremina O.I., Skvortsova M.A. Green financing in Russia: current status and development prospects. *Finance: Theory and Practice*. 2020;2(24):39–49. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49>
2. Lizunova E.N. Budget environmental protection expenditures: modern view and trends. *The Review of economy, the law and sociology*. 2018;3:27–31. (In Russian).
3. Spiridonova A.V. Environmental investment in the Russian Federation: a theoretical and legal approach. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2020;1(20):72–79. (In Russian). <https://doi.org/10.14529/law200111>
4. Abanina E.N. Trends in the development of state policy in the field of environmental safety (regional level). *Legal policy and legal life*. 2021;1:31–38. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-31-38>

⁷ Министерство экономического развития Российской Федерации. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 05.11.2023).

5. *Novikova E.V.* Modern economic and legal instruments for preventing and minimalizing environmental damage. *Pravovedenie*. 2018;4(62):625–639. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.403>
6. *Gadzhibiev N.G., Konovalenko S.A., Trofimov M.N., Gadzhibiev A.N.* The role and significance of environmental safety in the system of ensuring the state's economic security. *South of Russia: ecology, development*. 2021;3(60(16):200–214. (In Russian). <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2021-3-200-214>
7. *Asadullina N.R.* Prospects of environmental policy in the context of sustainable development of the environmental management economy. *Economic Bulletin of Donbass*. 2019;1(55):194–197. (In Russian).
8. *Bashirova A.A.* The typical features of the financial mechanism of regulating the relations of use of natural resources in Russia. *Regional problems of economic transformation*. 2017;2:79–86. (In Russian). <https://doi.org/10.26726/2305-4484-2017-2-79-86>

Преодоление субъективизма в измерении новизны диссертационного исследования как проблема конвенциональности

Литвиненко Александр Николаевич

Д-р экон. наук, проф. каф. экономической безопасности
ORCID: 0000-0002-3269-6634, e-mail: lanfk@mail.ru

Лозина Юлия Александровна

Канд. юрид. наук, зам. зав. каф. гражданского права и гражданского процесса
ORCID: 0000-0002-6369-2468, e-mail: 1612ulia.l@mail.ru

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В работе сделана попытка преодоления субъективизма в оценке диссертационных исследований социально-гуманитарного блока, в связи с чем рассмотрены позиции авторов по данному вопросу при измерении выделяемой научной новизны. Проанализированы выявленные противоречия, влияющие на субъективную оценку в процессе подготовки и защиты диссертации. Предложена авторская классификация новизны, которая позволила показать ее зависимость от объема изученных источников. На сегодняшний день проблема заключается не в определении исследуемого понятия, а в определении того, что уже известно. Установлено, что опубликование «чистой» и «локальной» авторской новизны способствует ее объективной оценке посредством процедур охраны научных произведений и защиты прав автора. Обосновывается необходимость введения ряда организационно-экономических инструментов: видеосъемка выступления автора на научных конференциях с положениями, выносимыми на защиту для их всестороннего обсуждения; опубликование проектов заключения экспертного совета Высшей аттестационной комиссии о диссертации до его заседания; создание независимой базы данных диссертационных исследований. В статье делается вывод о том, что официальное опубликование научного произведения как гражданско-правовой способ его охраны является объективным инструментом, применение которого будет способствовать установлению в диссертации качественной новизны и позволит приблизиться к решению проблемы конвенциональности между всеми заинтересованными субъектами.

Ключевые слова

Оценка новизны диссертации, научное произведение, опубликование научного произведения, конвенциональность, субъективизм, охрана авторских прав, защита авторских прав, эффективность конвенциональности, полезность конвенциональности, целесообразность конвенциональности

Для цитирования: Литвиненко А.Н., Лозина Ю.А. Преодоление субъективизма в измерении новизны диссертационного исследования как проблема конвенциональности // Вестник университета. 2024. № 1. С. 175–183.

Overcoming subjectivism in measuring the novelty of dissertation research as a problem of conventionality

Alexander N. Litvinenko

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economic Security Department
ORCID: 0000-0002-3269-6634, e-mail: lanfk@mail.ru

Yulia A. Lozina

Cand. Sci. (Jur.), Head of the Civil Law and Civil Procedure Department
ORCID: 0000-0002-6369-2468, e-mail: 1612ulia.l@mail.ru

St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, St. Petersburg, Russia

Abstract

The paper attempts to overcome subjectivism in the evaluation of dissertation research of the socio-humanitarian block, thus the positions of authors on this issue when measuring the identified scientific novelty are considered. The revealed contradictions that affect the subjective evaluation in the process of preparing and defending a dissertation are analysed. The author's classification of novelty is proposed, having made possible to show its dependence on the amount of the studied sources. At present, the problem is not in determining the notion, but in determining what is already known. It is established that publication of "pure" and "local" author's novelty contributes to its objective evaluation through procedures for protection of scientific works and defence of copyright. The current work substantiates the necessity to introduce a number of organisational and economic tools: video recording of the author's speech at scientific conferences with the provisions to be defended for their comprehensive discussion; publication of draft conclusions on the dissertation of the Higher Attestation Commission's expert council before its meeting; creation of an independent database of dissertation researches. It is concluded that the official publication of a scientific work as a civil-law method of its protection is an objective tool. It will help establish qualitative novelty in the dissertation and try to solve the problem of conventionality between all interested subjects.

Keywords

Evaluation of dissertation novelty, scientific work, scientific work publication, conventionality, subjectivism, protection of copyright, defence of copyright, effectiveness of conventionality, usefulness of conventionality, expediency of conventionality

For citation: Litvinenko A.N., Lozina Yu.A. (2024) Overcoming subjectivism in measuring the novelty of dissertation research as a problem of conventionality. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 175–183.

ВВЕДЕНИЕ

Преодоление субъективизма в измерении новизны диссертационного исследования остается до настоящего времени проблемой, так как во многом по объективным причинам она не имеет действенных инструментов решения.

Набор инструментов для преодоления субъективизма потенциально может включать в себя использование объективных метрик, стандартов и методологий, которые позволяют более точно определить степень новизны работы. К таким инструментам также относится анализ существующей литературы, сравнение результатов исследования с уже написанными работами, а также использование экспертных оценок и мнений. Однако сформировать реально действующий механизм искомого противодействия до настоящего времени не удалось.

В нынешней системе оценки диссертации заложено как минимум одно принципиально важное противоречие, которое заключается в том, что единое мнение участников всех этапов предварительной оценки и собственно защиты может стать недействительным из-за экспертного суждения одного человека (поддержанного корпоративной солидарностью участников этого уровня – членов экспертного совета). Составной частью названного противоречия является то, что в случае разногласий с автором исследования экспертное мнение не подтверждается письменным заключением с опровержением элементов отвергаемой новизны. Возникает вопрос о полноценности исключения субъективизма. Это порождает необходимость дальнейшего анализа и возможность позиционирования процесса его преодоления как компонентов создания конвенционального коммуникационного пространства в измерении новизны диссертационного исследования.

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В ДОСТИЖЕНИИ СОГЛАСИЯ ПО НОВИЗНЕ

За последние десятилетия было предпринято немало усилий, чтобы приблизиться к решению данной проблемы. Не прекращаются попытки разработки критериев оценки качества исследований, которые остаются актуальными и с теоретико-методологической точки зрения, и с точки зрения их прикладного характера. Если в точных науках подтверждение новизны результатов происходит посредством материализации авторских идей в форме патентов и свидетельств, то в науках социально-гуманитарного блока система доказательств до сих пор во многом носит субъективный характер.

В данном исследовании под конвенциональностью будет пониматься достижение соглашения по вопросам новизны между лицами, задействованными на разных этапах подготовки и защиты диссертации. При этом объект соглашения А. Пуанкере, предложивший идею конвенции, считал неустрашимым элементом и научного исследования, и его результата: «путь к объективности есть путь посредством умозаключений» [1, с. 275]. Математический подход этой идеи устанавливал невозможность проверки эмпирических фактов альтернативными аксиомами, поскольку последние не могут быть проверены на предмет истинности или ложности [1]. Соглашение достигалось в том, что допускается их полезность, эффективность, целесообразность.

Поскольку целью данной работы является поиск объективного подхода в измерении новизны исследования, необходимо отметить, что предложенные А. Пуанкере категории полезности, эффективности, целесообразности в настоящее время понимают в двух смыслах. Во-первых, эти категории могут рассматриваться как синонимы, используемые в разных науках для описания процесса, где в конце какой-либо деятельности отмечается положительный результат.

Второй смысл представляется более интересным с научной точки зрения, поскольку предлагаемые учеными и нормативными актами термины позволяют приблизиться к объективности оценки новизны диссертационного исследования только в совокупности их использования с разных сторон.

Рассмотрим подробнее данный вывод. Эффективность в разных источниках понимается как:

- деятельность, дающая полезный эффект в виде результата (эффективность – синоним результативности);
- набор методов, способов, методик, матриц, алгоритмов, способствующих решению задачи;
- продуктивность (соотношение результата к произведенным затратам).

В широком (гуманитарном) смысле эффективность – это полезность, позитивные последствия деятельности. Тогда эффективность практическая может выражаться в виде предложенного метода или способа решения задачи. Эффективность теоретическая является результатом, дающим полезный эффект (внедрение в образовательный процесс). Особенностью выражения теоретического результата

является то, что эффективность от него проявляется значительно позже, чем эффективность практическая, и в этом видится его уязвимость.

Полезность – способность удовлетворить потребности людей. Основоположник теории предельной полезности Г.Г. Госсен рассматривал эту категорию наравне с понятиями «удовольствие» и «ценность» для конкретного субъекта [2].

Если рассматривать блага из теории предельной полезности в контексте науки, можно сделать вывод, что так называемые потребительские блага, приносящие удовлетворение (полезность) непосредственно в научном мире, представляются в виде практического результата. Капитальные же блага (теоретический результат), опосредованно влияющие на полезность, можно сравнить с новыми знаниями и открытиями, предлагаемыми сегодня в виде поправок к закону, новой классификации, периодизации или системе.

Результат практический предусматривает выведение нового сорта, породы, получение свидетельства или патента, применение новой методики расчета и т.д. Внедрение результата на этапе написания диссертации и подготовки к ее защите повышает объективность положительной оценки.

Результат теоретический (качественный) выражен в содержании статей и иных изданий, в которых имеются положения, выносимые на защиту. Результат теоретический (количественный), выраженный в виде цитирования и «хирширования» (учета по индексу Хирша) авторских статей (наукометрические и биометрические показатели), трудно назвать объективным в связи с распространенным взаимоцитированием, целью которого является не продвижение науки вперед, а решение задачи соответствия критериям к должности, предложенным организацией, где трудится научный деятель. Кроме того, индекс Хирша привязан ко времени, несопоставим для разных областей наук, неприменим для оценки молодых ученых. В социальных науках имеется разница цитирования на мировом уровне, внутри же страны достоверные данные дает Российский индекс научного цитирования, материалы размещаются платно. Все это и многое другое свидетельствует о неоднозначности применения количественного критерия в объективной оценке новизны [3].

Количественный результат полезности в этом же смысле входит в перечень требований (наличие научных статей и монографий) отбора в члены диссертационного и экспертного советов Высшей аттестационной комиссии (далее – ВАК), доказывая статус ведущего ученого в определенной области знаний. Для соблюдения требований административных процедур он применим, но в случае объективности проверки новизны диссертации не может использоваться, поскольку количество трудов эксперта не оценивает новизну конкретной работы.

Еще одной характеристикой научного исследования является целесообразность. «Закономерность случайного есть целесообразность» (целесолагание) [4, с. 121]. Выделяя виды этой категории, И. Кант предоставил исследователям большое число путей познания. Она выражена в виде определенной системы или деятельности, движущейся к намеченному результату. В научном исследовании цель – решение определенной проблемы, которая должна перерасти из субъективной целесообразности, свойственной человеку, применившему свои суждения опытным путем, в объективную, пригодную решить множество проблем по единому принципу. Продолжением данной в философии И. Канта можно считать широко применяемое сегодня «дерево целей».

Итак, представители научного сообщества разделяют мнение о том, что уход от субъективизма в измерении новизны диссертации требует применения объективных и проверяемых критериев оценки, для чего предлагается выделить несколько следующих предварительных шагов:

1) диссертация должна иметь четко определенные задачи и цели, так как формулирование ясных и конкретных вопросов, которые исследование пытается решить, поможет более объективно оценить его степень новизны;

2) основательный обзор литературы, включающий критический анализ существующих работ, позволяет определить, какие аспекты проблемы уже исследовались другими авторами и какое новое знание может предложить работа;

3) использование объективных критериев – количественные метрики, индикаторы новых подходов, новые методы анализа данных и т.д. – для оценки новизны в методологии исследования;

4) обеспечение репликации и проверяемости для возможности повторного воспроизведения и проверки результатов другими исследователями, что поможет удостовериться в их объективности и доказать новизну;

5) включение экспертных оценок со стороны опытных научных руководителей и специалистов в данной области, обеспечивающих внешний взгляд на результаты исследования;

- б) объективная интерпретация данных путем сравнения результатов анализируемого исследования с трудами других авторов, чтобы определить, что нового принесла эта работа;
- 7) использование публикаций и цитирований результатов диссертации другими исследователями как индикатора их новизны и важности.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ НОВИЗНЫ

Проблема неопределенности критериев новизны и достоверности полученных в диссертации научных результатов является междисциплинарной. В технических науках неопределенность минимальна в связи с их характером, поэтому в данном анализе речь пойдет о социально-гуманитарных науках. Проанализируем некоторые точки зрения.

Представитель политологической науки Н.И. Шестов считает, что доминирование субъективной составляющей в процессе оценки новизны предопределяют следующие обстоятельства. Во-первых, особенности функционирования языка конкретной науки. В этой ситуации критерий «четкости» находится в зависимости от мнения специалиста, который оценивает границы неопределенностей в научном дискурсе. Во-вторых, научная корректность аргументации в исследовании. Она опирается на логику, наличие или отсутствие которой в научном тексте легко заменить на факты. Однако в сфере гуманитарного знания «факт» далеко не всегда можно проверить и перепроверить экспериментально. В-третьих, собственно понимание новизны результатов исследования. С точки зрения автора, проблемой является сведение научной методологии с другими критериями оценивания по формированию внутренне непротиворечивого критерия для экспертной оценки новизны всего исследования.

Итоговая позиция автора позволяет выделить нижеследующие характеристики существующих критериев оценивания качества научного труда:

- наличие общенаучного характера и связь политической науки с остальным массивом отечественного научного знания;
- практическая функциональность определяется не нормативными документами, а внутрикорпоративной солидарностью;
- финальное решение зависит от квалификации эксперта, способного в ходе научной экспертизы обосновать изменение смысла критерия оценивания в зависимости от вида текста и приложения к разным его структурным элементам [5].

Профессор А.А. Вилков справедливо утверждает, что процедура оценки научных исследований сложна в силу наличия проблем как гносеологического, так и социального свойства и выделяет среди них определяющую – субъективизм экспертов в использовании принятых для оценки критериев.

Автор акцентирует внимание на важности разделения понятий знания как проверенного практикой и удостоверенного логикой результата познания действительности, отраженного в сознании человека в виде представлений, суждений и теорий, и как мнения, суждения относительно некоторого объекта, включающего субъективную оценку [6].

Новизна юридического исследования не может быть подменена каким-либо мнением, считает профессор М.В. Баранова, также разделяя эти понятия. Знания, в том числе их прирост, должны быть подтверждены практикой в виде теоретической или практической реализации. Мнение же – субъективная оценка, подразумевающая разовое суждение об объекте [7].

Доктор юридических наук А.В. Нестеров, анализируя научно-квалификационные критерии, исходит из того, что научный продукт по своей сути есть продукт исследовательский. Исключением выступает свойство научности, представляющее собой квалификационную оценку, которая является самой уязвимой в силу того, что базируется не на формально-научных критериях, а только на нравственных, сформированных в научном сообществе ученых, которые получили право оценивать этот продукт. Формальные критерии проверки научно-квалификационного продукта лежат в области исследовательской деятельности. Автор аргументирует свою позицию включением в отдел правового сопровождения научной деятельности и вопросов интеллектуальной собственности официальных критериев для данного продукта. Научные исследования направлены на прирост новых исследовательских данных и/или неявных знаний, поэтому диссертацию относят к жанру научных произведений (на правах рукописи), написанных с целью получения ученой степени. В этой ситуации научность представляет собой качественный критерий, а оценка – субъективное мнение экспертов о вкладе диссертации в науку [8].

Наличие большого количества защищенных докторских и кандидатских диссертаций по философии говорит о механическом описании в них новизны, считают А.Ф. Кудряшов и О.И. Елхова. Авторы делают вывод о том, что на сегодняшний день трудность заключается не в определении новизны, а в определении того, что уже известно [9].

Сейчас решающий фактор для определения научности субъективен – это авторитет ученого. А.В. Нестеров полагает, что в основу проверки диссертационного исследования должны быть положены три рациональных критерия:

- 1) истинность, включающая проверку объективности научных данных путем их сравнения на непротиворечивое соответствие исходным данным;
- 2) правильность, предусматривающая это сравнение с установленными требованиями нормативных правовых актов ВАК;
- 3) верность, проверка научных данных по критерию достоверности, соотносящая поставленную в диссертации цель с целью, которая была достигнута с помощью этих данных.

Поэтому автор убежден, что неоднозначные критерии, представленные в метафоричной форме, являются научно необоснованными и что для оценки новизны диссертаций нужна система критериев, строящаяся на базе уже сформированных научно-квалификационных данных.

Кроме того, автором выдвигается идея о том, что формально научный вклад диссертационной работы можно оценить с помощью показателя, определяемого произведением количества доказанных гипотез на отношение количества доказанных к количеству выдвинутых гипотез. При этом под доказательством понимается также непротиворечивая аргументация и/или экспериментальное (практическое) подтверждение научного предположения [8].

О необходимости формирования такой базы данных говорит и А.Н. Якушев, предлагая формализовать квалифицированные критерии диссертаций [10]. Цель состоит в преодолении абстракции и придании им конкретного образа, возможности соотнесения содержания и меры новых научных знаний со знаниями, ранее зафиксированными в научной литературе. Необращение к базе приведет к несправедливому оппонированию, субъективной оценке новых результатов и забвению уже ранее внесенных. Исходя из посыла об отсутствии объективных критериев оценки результатов диссертаций и противоположности мнений законодательства и ученых по данному процессу в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), А.Н. Якушев приходит к выводу о том, что оценка результатов диссертационных исследований по действующим законам будет субъективной и несправедливой [11].

Одновременно он формулирует ряд квалификационных признаков для экспертов, подтверждающих их научную компетентность: объем зафиксированного нового научного знания (понятия, концепции, теории, доктрины, учения), привнесенный данным ученым в научную специальность; количество и объем публикаций в ведущих научных изданиях; количество подготовленных кандидатов и докторов наук; индекс цитирования [11].

А.С. Кулагин при анализе феномена научного результата, порядка его регистрации и оценки, выделил два подхода к тому, что, собственно, считать результатом исследования: первый подход базируется на наличии научных публикаций, патентов, учете цитирования и ссылок. Второй подход предполагает установление наличия того нового, что сделал ученый [12]. В Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике»¹ закреплена эта точка зрения, так как под научным результатом понимается продукт научной и/или научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения, зафиксированный на любом информационном носителе.

ИНСТРУМЕНТЫ ОБЪЕКТИВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ НОВИЗНЫ

Рассматривая предложенные авторами категории, критерии новизны, научности, индикаторы оценки, анализируя исследования по соотношению знаний и мнений в новизне, можно сделать вывод о необходимости объективного выражения того, с чем сравнивать имеющиеся «старые» и новые знания. Для этого целесообразно определить новизну как результат творческой деятельности автора. При этом на первоначальном уровне новизна включается в творческий труд автора любого, в том числе научного, произведения, а на квалификационном уровне позволяет определенному произведению стать диссертацией.

¹ Российская Федерация. Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/135919/> (дата обращения: 27.10.2023).

Основой данного вывода стало требование гражданского законодательства об охране произведения как объекта авторского права – его выражение в объективной форме. Следовательно, любые научные исследования, выраженные в определенной творческой авторской редакции и опубликованные в изданиях, уже новы. С этой точки зрения принятое выражение «на правах рукописи», которое помещается на титульном листе диссертации, не совсем отражает его суть, ведь в настоящее время любое диссертационное исследование публикуется в научных статьях, закрепляя таким образом самое ценное – новизну, и охраняется авторским правом. Кроме того, действующий государственный стандарт РФ Р 7.0.11-2011² указывает, что диссертация может быть представлена и в виде опубликованной монографии, которая тоже является объектом авторского права.

Квалификационный уровень новизны диссертации предполагает объективное сравнение изложенных автором методик, предложений об изменении законодательства, практических рекомендаций и т.д. с уже имеющимися работами на уровне эксперта – специалиста в узкой области научного исследования, который принимает решение о том, достойна ли диссертация считаться защищенной.

Достаточность уровня эксперта, научного руководителя, оппонентов и рецензентов является требованием ВАК РФ и подтверждается их опубликованными работами в данной сфере: статьями, монографиями, выступлениями, патентами и свидетельствами. Следовательно, первоначальный уровень новизны объективен, поскольку отражается в публикациях не только диссертанта, но и в отзывах всех субъектов, участвующих в научном процессе на определенную тему.

Основная проблема выявляется в субъективной оценке новизны именно как научного критерия, позволяющего стать произведению диссертацией, поскольку она неоднородна, понимается в разных науках неодинаково, а в ходе ее оценки присутствует субъективизм. В связи с этим необходимо остановиться на понимании сути этого явления, а также подходах к его оценке.

Следует отметить мнение профессора М.В. Барановой, предложившей делить новизну на содержательную и ценностную [7]. При этом в содержательной новизне автор предлагает следующее ее разделение: общая новизна – максимальное генерирование знаний; местная – перенесение теоретических и практических знаний в другую отрасль науки; частная – обновление одного из элементов системы; условная – сочетание, компоновка имеющихся знаний в оригинальной форме. При этом каждый из этих четырех уровней новизны может представлять собой научную ценность, которая в диссертации выражается в виде теоретической и практической значимости.

Анализ предлагаемого автором подхода с выделением четырех уровней новизны позволил нам по критерию процесс/источник предложить другое (видовое) деление новизны, полученное в рамках нового знания: чистая, перенесенная, элементная и комбинаторная новизна. Такое деление не претендует на иерархичность оцениваемой новизны, но отражает содержание собственно процесса/источника ее получения. При этом не теряются ни содержательный, ни ценностный аспекты новизны. Данный подход позволяет оценить полноту используемых источников, явившихся основой для написания диссертационного исследования, что является важным с точки зрения объективности его оценки, поскольку любая работа, не включенная в анализ, может лишить ее ценности с точки зрения новизны.

Классифицировать новизну представляется возможным с позиции охраны и защиты авторских прав. Обобщая данный подход, отметим следующее. Общая, или чистая, новизна как самый высокий уровень может быть характерна и для кандидатской, и для докторской диссертационной работы. Здесь экспертная оценка новизны будет заключаться в подтверждении изложенных в ней положений, которые неизвестны специалисту в данной области знаний. Это значит, что выявленная проблема и ее решение не были обнародованы каким-либо способом и не являются известными в научном сообществе, объективно их не с чем сравнить.

Локальная новизна (все другие виды) больше характерна для кандидатской диссертации. Здесь важным является значимость новых решений, задач и разработок в конкретный период времени, в определенной среде, практическая реализация в виде новых понятий, классификаций, методик и – самый высокий уровень – в виде инноваций. Новизна в них будет заключаться в компоновке элементов, теоретических, практических задач, решений и разработок, которые не были общеизвестны в таком виде, но распространены в научном мире, следовательно, обнародованы. Локальная новизна с точки зрения экспертной оценки является наиболее уязвимой, а значит, подверженной субъективизму.

² Российская Федерация. ГОСТ Р 7.0.11-2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления. Режим доступа: https://diss.rsl.ru/datadocs/doc_291ta.pdf (дата обращения: 01.11.2023).

В том или другом виде обнаружение произведения любым, не запрещенным законом способом (публикация статьи или иного научного произведения, выступление на конференции с докладом), будет являться доказательством приоритета авторских прав на данную новизну. При наличии подобных обнаруженных произведений автор может обратиться за защитой авторских прав. То есть в случае ошибки, допущенной при защите диссертации с ненормативными положениями, конвенциональность решения вопроса видится в общей цели экспертов по установлению истинного (первого) автора научной новизны и таким образом защите прав лица и статуса организации в научном сообществе.

Следует отметить, что любую оценку можно провести значительно проще, если сравнивать результаты уже имеющихся исследований, юридически закрепленных в виде авторских трудов. Так, при оценке экспертами изучается наличие новизны темы исследования, ее цели и задачи, круг рассмотренных источников, теоретическая и практическая значимость работы, а также положения, содержащие методики, способы, изменения нормы права и т.д. Всех их объединяет объективная форма изложения.

В методологии науки конструктивная критика содержит не только демонстрацию несостоятельности отрицаемого результата работы (новизны), но и приведение контрпримеров, собственного решения проблемы [13]. Данный подход призван рационально решить идею фальсифицируемости, распространенную в научном сообществе.

Теоретический результат эффективности, полезности и целесообразности новизны научного исследования, который наиболее труднодоказуем, можно показать и сравнить только с помощью опубликованных работ и публичных выступлений.

Поданные судебные иски авторов заимствованных текстов, соискателей ученой степени, не получивших положительного решения ВАК, а также Министерства науки и высшего образования РФ показывают, что отказ в присуждении или лишение степени кандидата/доктора наук можно оспорить в судебном порядке только в части нарушения сроков или порядка проведения самой процедуры защиты. Что касается качества содержания работы, то оно выходит за рамки такого разбирательства^{3,4}, следовательно, должно проверяться заинтересованными лицами на новизну в опубликованных источниках.

Беря конвенциональный подход за основу, необходимо отметить, что основная цель научной деятельности – продвижение научных знаний, оказывающих в конечном итоге влияние на развитие государства в той или иной области, его конкурентоспособность в мире. Следовательно, конечная цель защиты любой диссертации как многоэтапной процедуры – коллективная работа экспертов по преодолению субъективизма, которая в результате обсуждения многократно проверит и объективно оценит авторский вклад, его творческий потенциал. Достижение консенсуса по вопросам новизны является в настоящее время техническим организационным моментом, если включать все суждения по теме в публикационную среду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, потенциально возможные организационные решения по минимизации субъективизма в оценке результатов диссертационной работы должны быть основаны на процедурах закрепления составляющих научного результата (достоверность, новизна, полезность) до момента защиты диссертации, так как их проверяет диссертационный совет, а экспертный совет ВАК уже не может ставить их под сомнение. В число таких процедур могут быть включены видеосъемки публичных выступлений на научных конференциях, юридическое закрепление научной новизны как результата интеллектуальной деятельности в виде фиксации через публикации в журналах ВАК с выделением ее в тексте.

Одновременно с этим заключение экспертного совета должно быть объективным (Положение об экспертном совете⁵, п.5), что можно обеспечить внесением изменений в п.10 Положения в виде включения пункта обязательного опубликования проектов заключения до заседания совета. Возможность представить аргументы всем субъектам, участвовавшим в подготовке и оценке диссертации, обеспечит в рамках конвенционального подхода достижение соглашения.

³ Верховный Суд Российской Федерации. Кассационное определение № 78-КАД21-8-КЗ. Режим доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2018172 (дата обращения: 03.11.2023).

⁴ Экономика и Жизнь. Решения диссертационных советов и ВАК могут быть обжалованы в суде. Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/132124/> (дата обращения: 05.11.2023).

⁵ Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 30.09.2021 № 903 «Об утверждении Положения об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/726730322> (дата обращения: 06.11.2023).

Список литературы

1. Пуанкаре А. О науке. Пер. с фр. М.: Наука; 1983. 560 с.
2. Gossen H.H. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln. Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn; 1854. 282 s.
3. Бедный Б.И., Соколин Ю.М. О показателях научного цитирования и их применении. Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2012;3(14):155–172.
4. Кант И. Сочинения в 6 томах. Том 5. Пер. с нем. М.: Мысль; 1966. 564 с.
5. Шестов Н.И. Качество политического исследования: проблема критериев оценки. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017;3(17):308–313. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313>
6. Вилков А.А. К проблеме субъективизма в оценивании политологических исследований. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018;1(18):65–70. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70>
7. Баранова М.В. Новизна юридических исследований в контексте норм этоса науки. Российский юридический журнал. 2020;5(134):70–74. <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-5-70-74>
8. Нестеров А.В. О научно-квалификационных критериях. Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 2012;8:27–32.
9. Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. Новизна в философских исследованиях. Вестник Башкирского университета. Философия, социология, культурология и политология. 2014;4(19):1489–1494.
10. Якушев А.Н., Павлов И.П., Новичкова М.Н. Оценка результатов диссертаций на соискание ученых степеней в России как теоретико- и историко-правовая проблема. Право и образование. 2008;3:99–112.
11. Якушев А.Н. Оценка результатов докторской и кандидатской диссертаций в России: противоположность мнений законодателя и ученых. Гуманизация образования. 2012;1:97–102.
12. Кулагин А.С. Что такое научный результат, как его регистрировать и оценивать. Инновации. 2018;12(242):15–20.
13. Васечко Е.Н., Капустин Н.С. Природа научных конвенций и специфика их функционирования в социально-гуманитарном познании. Философия права. 2013;4(59):85–89.

References

1. Poincaré H. About science. Trans. from Fr. Moscow: Nauka; 1983. 560 p. (In Russian).
2. Gossen H.H. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln. Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn; 1854. 282 s. (In German).
3. Bedny B.I., Sorokin Yu.M. On indicators of science citation and its application. Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta. 2012;3(14):155–172. (In Russian).
4. Kant I. Collected works in 6 volumes. Volume 5. Trans. from Germ. Moscow: Mysl; 1966. 564 p. (In Russian).
5. Shestov N.I. Quality of political research: the problem of evaluation criteria. Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Sociology. Politology. 2017;3(17):308–313. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313>
6. Vilkov A.A. Revisiting the problem of subjectivity in political science research evaluation. Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Sociology. Politology. 2018;1(18):65–70. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70>
7. Baranova M.V. Novelty of legal research in the context of norms of the ethos of science. Russian juridical journal. 2020;5(134):70–74. (In Russian). <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-5-70-74>
8. Nesterov A.V. On scientific and qualification criteria. Scientific and Technical Information Processing. 2012;8:27–32. (In Russian).
9. Kudryashev A.F., Elkhova O.I. The novelty in philosophical studies. Bulletin of the Bashkir State University. Philosophy, sociology, cultural studies and political science. 2014;4(19):1489–1494. (In Russian).
10. Yakushev A.N., Pavlov I.P., Novichkova M.N. Evaluating results of dissertations for the degree in Russia as a theoretical and historical-legal problem. Education and Law. 2008;3:99–112. (In Russian).
11. Yakushev A.N. Evaluating results of doctoral and candidate dissertations in Russia: conflict of opinions of law and science. Humanization of education. 2012;1:97–102. (In Russian).
12. Kulagin A.S. What is a scientific result and how to register and evaluate it? Innovations. 2018;12(242):15–20. (In Russian).
13. Vasechko E.N., Kapustin N.S. The nature of scientific conventions and the specificity of their functioning in the social and human cognition. Philosophy of law. 2013;4(59):85–89. (In Russian).

Оценка уровня жизни пожилых людей и их самочувствия в условиях изменения социальной среды

Садыков Рамиль Мидхатович

Канд. социол. наук, ст. науч. сотр. Сектора социально-политических исследований
ORCID: 0000-0002-1843-4857, e-mail: SadikovRM@mail.ru

Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты оценки уровня жизни пожилых людей, их самочувствия, источников жизнеобеспечения в условиях экономической нестабильности и изменения социального пространства. Общемировая и общероссийская официальная статистика свидетельствует о нарастании процессов старения населения, наблюдается устойчивый рост доли пенсионеров в его структуре. В Российской Федерации в целом и в Республике Башкортостан в частности в последние годы действительно прослеживается тенденция старения населения, увеличения ожидаемой продолжительности жизни (73 года) и количества граждан старшего возраста в общей численности жителей (28,5 %). Старость ассоциируется с периодом утрат, расставания с привычным жизненным укладом. В ходе проведенной оценки определены ключевые проблемы пожилых людей: ухудшение состояния здоровья, сужение социального мира, одиночество, низкий уровень жизни и финансовые трудности. Установлено, что российские пенсионеры относятся к основной группе бедного населения, особенно одинокие. Их бедность детерминирована снижением уровня жизни и материальной обеспеченности, ростом инфляции, высокой стоимостью медицинского обслуживания и коммунальных услуг. Обнаружено, что для пожилого человека основным источником дохода является пенсия, дополнительным – натуральные поступления с личных подсобных хозяйств. Несмотря на невысокий в целом уровень пенсий, заметная часть неработающих пенсионеров оказывает материальную поддержку членам своих семей ценой своего благополучия. Поэтому в сознании пожилых доминируют семейные ценности, а в семье реализуются многие их потребности.

Ключевые слова

Пожилый человек, пенсионер, уровень жизни пенсионеров, пенсия, материальное положение пенсионеров, пенсионное обеспечение, социальное самочувствие пенсионеров, старость

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов.

Для цитирования: Садыков Р.М. Оценка уровня жизни пожилых людей и их самочувствия в условиях изменения социальной среды // Вестник университета. 2024. № 1. С. 184–191.

Assessment of the living standard of elderly people and their well-being in a changing social environment

Ramil M. Sadykov

Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher of the Sector of Social and Political Surveys
ORCID: 0000-0002-1843-4857, e-mail: SadikovRM@mail.ru

Institute of Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract

The current scientific article presents the results of assessing the living standard of elderly people, their well-being, livelihoods in conditions of economic instability and changing social space. Global and all-Russian official statistics indicate an increase in the ageing process of the population. Besides, there is a steady growth in the share of pensioners in its structure. In recent years, in the Russian Federation in general and in the Republic of Bashkortostan in particular, there has been a real trend of ageing population, longer life expectancy (73 years), and a greater number of senior citizens in total (28.5 %). Old age is associated with a period of loss and separation from the usual way of life. The assessment found the key problems of this category: deterioration of health, narrowing of the social world, loneliness, low living standard, and financial difficulties. It is identified that the Russian pensioners belong to the main group of the poor, especially the lonely ones. Their poverty is determined by a decline in living standards and material security, rising inflation, and the high cost of medical care along with utilities. It was revealed that for an elderly person, the main income source is a pension, and in-kind income from personal subsidiary farms is an additional one. Despite the generally low level of pensions, a significant part of non-working pensioners provides financial support to their family members at the cost of personal well-being. Therefore, family values dominate in the minds of older people, and many of their needs are realised in the household.

Keywords

Elderly person, pensioner, pension living standard, pension, finances of pensioners, pension provision, pension social well-being, ageing

Acknowledgements. This study was conducted within the state task of the UFIC RAS No. 075-01134-23-00 for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025.

For citation: Sadykov R.M. (2024) Assessment of the living standard of elderly people and their well-being in a changing social environment. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 184–191.

ВВЕДЕНИЕ

Пожилой возраст – последний отрезок течения жизни человека, связанный с понижением его способностей и общественной ценности, а также с отделением от прежних социальных обязательств. Проблема старости активно привлекает внимание ученых и практиков. К ее определению ученые подходят с разных точек зрения: биологической, физиологической, социологической, психологической, хронологической, функциональной и др. Старение – хронологический процесс надвигающейся физической старости. По теории разъединения Э. Камминга и У.Э. Генри, старение есть неизбежный процесс взаимного отдаления или разъединения, приводящий к снижению взаимосвязи и взаимодействия между стареющим человеком и другими личностями в существующей социальной системе [1]. Согласно теории активности, вступая в старческий возраст, люди сохраняют те же потребности и желания, что и в среднем трудоспособном активном возрасте, всячески сопротивляются любым изменениям и намерениям, имеющим целью исключить их из социального пространства и привычного окружения. Теория возрастной стратификации помогает выяснить и понять характерные особенности разных поколений, их образ жизни и различия, типичные в определенной возрастной социальной группе. Каждому поколению пожилых людей свойственны своя уникальность, жизненная практика и опыт [2, с. 248].

Пожилые люди – это часть населения, имеющая солидный и богатый трудовой, социально-культурный, жизненный опыт и знания, представляющие определенную ценность для социума и его дальнейшего устойчивого развития [3]. Они входят в специфическую социально-демографическую группу от 60 лет и старше с присущим им различным уровнем здоровья, образования, квалификации, отличительными психологическими характеристиками и проблемами. Среди ключевых трудностей людей старшего возраста можно выделить неудовлетворительное или плохое состояние здоровья, недостаточную материальную обеспеченность и финансовые трудности, проблему социального одиночества и изоляции.

Старость сочетается с потерями и завершением привычного уклада жизни. Однако старость также является и этапом свободы: прощание с лишним и ненужным, формирование нового пространства и привычек, завершение изменений и уединение с самим собой, хотя это сложная, но в то же время конструктивная работа – самопринятие, независимо от окружающих, обстоятельств и условий. Самый трудный барьер в данный период жизни – переход из категории работающего человека в категорию пенсионера, от получения заработной платы к пенсии. Пенсионер сталкивается с пустыми днями, потерей доверия, неопределенностью в будущем, социальной изоляцией.

ЦЕЛЬ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследования выступает оценка уровня жизни граждан преклонных лет, их благополучия и средств к существованию в условиях изменения социальной среды и экономической неустойчивости.

Достижение указанной цели при рассмотрении жизненного уровня и социального положения пожилых людей в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и Республике Башкортостан в современных реалиях реализовывалось на основе использования основных научных методов: логического, системного, статистического анализа.

ОБСУЖДЕНИЕ

Официальная статистика свидетельствует об усилении процессов старения граждан России. В Республике Башкортостан, как и в других российских регионах, наблюдается постепенное увеличение доли пенсионеров в структуре численности населения: 22 % в 1990 г., 25 % в 2000 г., 29 % в 2023 г.¹ Таким образом, пенсии являются основным источником доходов для 1,17 млн жителей республики. Основную категорию лиц старшего возраста составляют те, кто получает трудовую пенсию по старости.

В России на начало 2023 г. численность пенсионеров составляла 41,77 млн чел. Относительно общей численности населения это доля в 28,5 %. С 1 января 2019 г. в РФ проводится реформа пенсионного обеспечения, которая заключается в увеличении возраста выхода на пенсию. Число получателей выплат с начала ее проведения сократилось с 43,86 до 41,77 млн чел. По среднему прогнозу Федеральной службы государственной статистики, к 2030 г. будет отмечаться падение процентной доли населения в возрасте старше трудоспособного возраста до 23 %. Надо сказать, что переходные положения

¹ Федеральная служба государственной статистики. Старшее поколение. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 05.11.2023).

реформы будут действовать в России до 2027 г. включительно, а с 2028 г. заработают окончательные параметры: пенсионный возраст достигнет 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин. Увеличение удельного веса пожилых людей в структуре населения и распространение раннего выхода на пенсию способствовали тому, что пенсионный возраст стал восприниматься как социальная проблема [4].

Самой уязвимой категорией людей в стране оказались предпенсионеры и пенсионеры. В основном это люди, которые могли выйти на пенсию, но из-за реформы вынуждены работать. Больше половины людей из данной возрастной группы не удовлетворены жизнью. Многие жалуются на здоровье, необходимость покупать лекарства, ухудшение материальной жизни и трудности с занятостью. Далеко не все работодатели в современных реалиях готовы брать в штат таких проблемных сотрудников. Предпенсионеры потеряли уверенность в завтрашнем дне, и эта тревожная тенденция набирает обороты с каждым годом. С поднятием возраста выхода на заслуженный отдых люди лишились возможности работать и получать пенсию. Теперь им остается только первое. Таким образом, основная пенсионная стратегия россиян – трудиться, пока есть силы, и желательно на том же месте, где они работали до выхода на пенсию. Появившиеся в условиях пандемии и санкционных ограничений сложности с работой и снижение доходов стали фактором трансформации привычного жизненного уклада россиян. Подавляющее большинство пожилых людей были вынуждены уменьшить свои траты и изменить образ жизни [5].

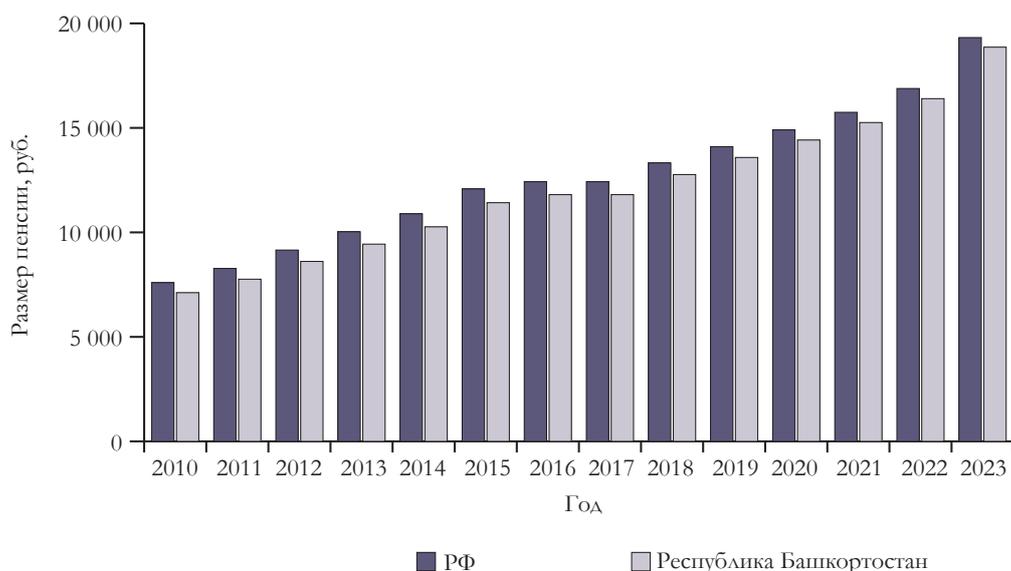
Также на количество пенсионеров оказала влияние мировая пандемия коронавируса, от которой в значительной мере пострадали люди преклонного возраста. Соотношение женщин и мужчин пенсионного возраста практически не меняется: женщин-пенсионеров в два раза больше, чем мужчин.

В России на 1 января 2023 г. численность работающих пенсионеров составляет 7,91 млн чел., или 18,9 %, от общего количества получателей выплат. Необходимо отметить, что численность работающих пенсионеров начиная с 2016 г. ежегодно сокращается после введения моратория на индексацию пенсий для трудоустроенных граждан: с 15,3 млн чел. до 7,91 млн чел. в 2023 г. Лидерами по доле рассматриваемой категории в структуре населения среди регионов РФ на начало 2023 г. являются Республика Карелия, Архангельская, Орловская, Тульская, Курская, Брянская области, Республика Коми. В представленных субъектах процент пожилых граждан высок из-за низкой рождаемости и активного оттока молодежи. Меньше всего пенсионеров в Республиках Дагестан, Ингушетия и Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Москве, Московской, Ленинградской и Астраханской областях, Ставропольском крае.

Одной из злободневных проблем современных российских пенсионеров является низкий уровень материального обеспечения, а также финансовые трудности. Именно вследствие этого пенсионеры считаются наиболее уязвимой группой российского социума, особенно одинокие. Одинокие пожилые люди относятся к основной группе бедного населения, доля которых составляет 20 % от всех пожилых. Для многих людей преклонного возраста единственный источник дохода – их пенсия, у некоторых из них есть дополнительные натуральные поступления с личных подсобных хозяйств. Размер получаемой пенсии не удовлетворяет потребности пенсионеров в растущих расходах на лекарства, питание, жилищно-коммунальные услуги [6]. Они отмечают ухудшение своего материального, финансового положения и снижение уровня жизни за последние годы. Данная ситуация связана с рядом экономических причин: резкое снижение доходов с выходом на пенсию, рост стоимости лекарств, медицинских и коммунальных услуг, продуктов питания. По субъективным оценкам, пенсионеры встревожены своим материальным положением и благосостоянием в будущем, высоким уровнем инфляции, дороговизной различных видов услуг и обслуживания [7; 8].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевым показателем, характеризующим уровень жизни и благополучие лиц старшего возраста, является размер выплачиваемых пенсий. Проводимая российским государством социальная политика предусматривает регулярную индексацию пенсионных выплат. Тенденция изменения среднего размера пенсий приведена на рис. 1.

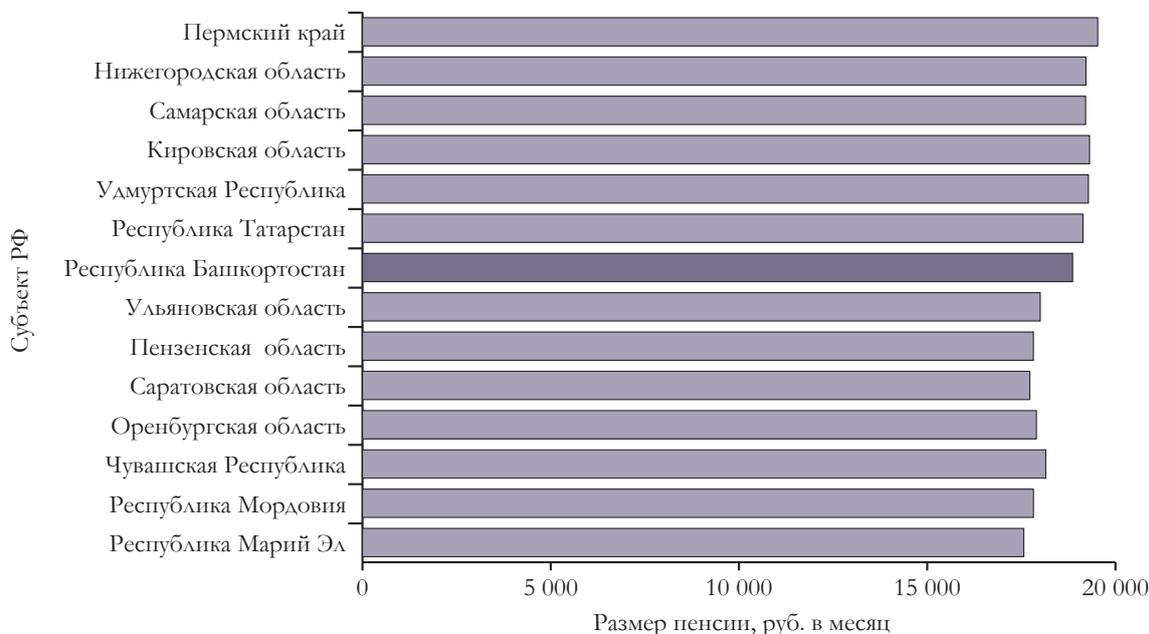

Источник²

Рис. 1. Динамика среднего размера назначенных пенсий по годам в РФ и Республике Башкортостан

В рассматриваемый период с 2010 г. по 2023 г. средний размер пенсионных выплат увеличивался незначительными темпами. В России на 1 января 2023 г. пенсионная выплата составляла 19 322 руб., по Республике Башкортостан – 18 862 руб. Реальный рост пенсий по республике складывается практически на одном уровне со среднероссийским показателем. В 57 регионах средние пенсии не дотягивают до него. Самый низкий показатель пенсионных выплат зафиксирован в Республике Дагестан – он составил 13 486 руб. на начало 2023 г. Самая высокая выплата была в Чукотском автономном округе – 29 736 руб.

Разница между уровнем средней пенсии по регионам Приволжского федерального округа достигла около 10,0 %, при этом наибольшая – в Пермском крае, наименьшая – в Республике Марий Эл. В Республике Башкортостан данный показатель наблюдается на уровне среднего по округу (рис. 2).

Источник³

Рис. 2. Средний размер пенсии в субъектах Приволжского федерального округа на 1 января 2023 г.

² Федеральная служба государственной статистики. Старшее поколение. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 05.11.2023).

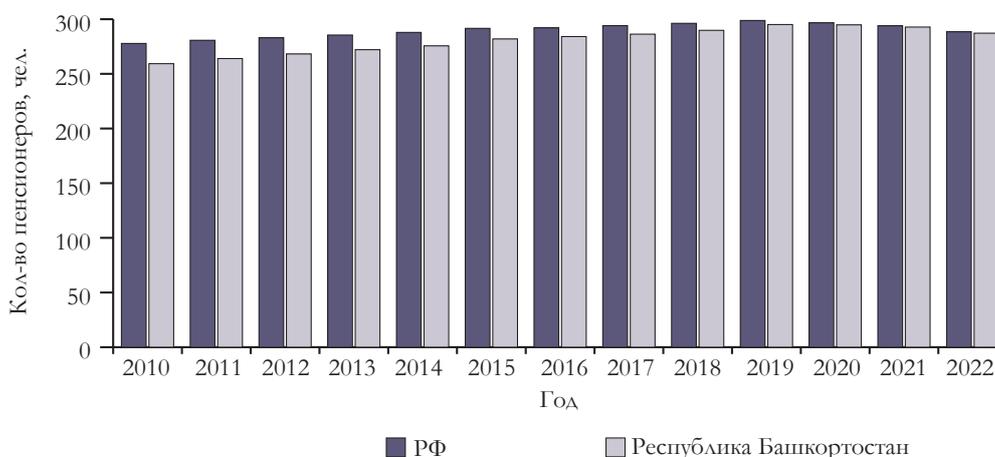
³ Там же.

Одной из характеристик социального положения пожилых людей является сопоставление размера пенсии с величиной необходимого прожиточного минимума для пенсионеров. Прожиточный минимум определяет минимальный доход, который нужен для удовлетворения основных жизненных потребностей пенсионера в течение одного месяца: траты человека на продукты, лекарства, бытовые и медицинские услуги, коммунальные платежи и др. Его размер на уровне страны в 2023 г. достигает 12 362 руб. для пенсионеров. Региональный прожиточный минимум в Республике Башкортостан – 11 990 руб. Население с доходом ниже прожиточного минимума относится к бедным категориям и может претендовать на помощь государства, то есть на социальную доплату к пенсии. Федеральная доплата назначается в тех регионах, где прожиточный минимум меньше, чем в целом по стране: в 2023 г. такую доплату получают в 57 регионах России.

Тенденция изменений среднего размера пенсионных выплат свидетельствует об относительном замедлении их роста, а также высокая инфляция в последние годы в РФ подтверждает невысокий уровень жизни и плохое материальное положение пенсионеров. В 2013 г. отношение среднего размера назначенных пенсионных выплат к прожиточному минимуму составляло 1,4 раза. Начиная с 2014 г. наблюдается отставание данного показателя. В 2014–2015 гг. указанное соотношение составило 1,3 раза. Такая тенденция продолжилась, и в 2016–2017 гг. в связи с отсутствием очередной индексации пенсий в 2016 г. оно достигло 1,2 раза; в 2018–2019 гг. – 1,3 раза, в 2020 г. – 1,4 раза, в 2021–2022 гг. – 1,3 раза.

В РФ большую часть пенсионеров (77,5 %) составляют получатели страховых пенсий по старости, 7,3 % – социальной пенсии, 5,3 % – пенсий по выслуге лет, 5,0 % – пенсий по инвалидности, 3,7 % – пенсий по случаю потери кормильца и других видов.

Негативной тенденцией и проблемой по-прежнему является увеличение пенсионной нагрузки, что демонстрируют данные на рис. 3.

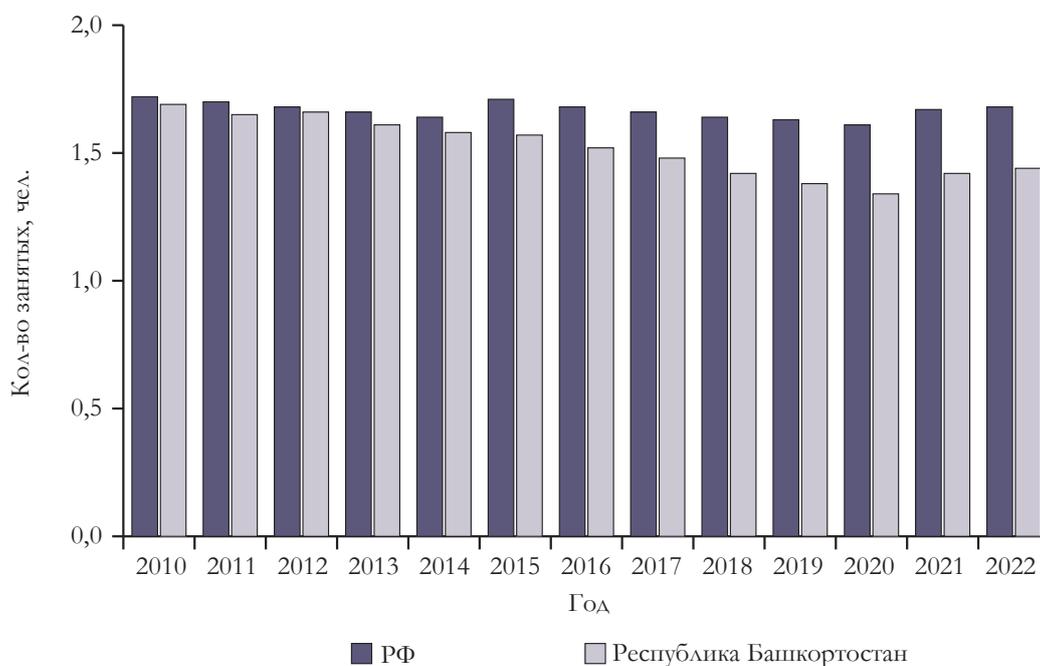
Источник⁴

Рис. 3. Численность пенсионеров на 1 000 чел. населения

Численность пожилых людей на 1 000 чел. населения за последнее десятилетие постепенно растет и в 2019 г. достигла своего пика – 298,8 чел. в целом по РФ, 295,1 чел. – по Республике Башкортостан. С 2020 г. отмечается незначительное снижение данного показателя как по России, так и по республике. Следует отметить, что если до 2020 г. этот показатель по Республике Башкортостан был значительно ниже общероссийских значений, то начиная с 2020 г. оба его значения, можно сказать, сравнялись: в регионе рост доли пенсионеров выше, чем по России в целом.

Численность занятых в экономике, приходящаяся на одного пенсионера, начиная с 2010 г. в целом в РФ держится на одном уровне, но в Республике Башкортостан в последние годы наблюдается снижение численности занятых: в 2016 г. – 1,52, в 2017 г. – 1,48, в 2018 г. – 1,42, в 2019 г. – 1,38, в 2020 г. – 1,34 (рис. 4).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Старшее поколение. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 05.11.2023).

Источник⁵

Рис. 4. Численность занятых в экономике, приходящаяся на одного пенсионера

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее время наблюдается достаточно устойчивый темп роста доли пенсионеров в структуре населения. Вместе с тем остаются серьезные проблемы, прежде всего – доступность базовых социальных услуг, требующих своего решения [9]. Материальное положение – это основная трудность, которая может соперничать с проблемой здоровья. Пожилые люди встревожены недостатком финансов, своим состоянием здоровья, высокой стоимостью социального, медицинского и коммунального обслуживания. Они относятся к основной группе бедного населения, особенно одинокие пенсионеры. Часто им приходится полностью перестраивать свой образ жизни и довольствоваться тем, что есть. Многие из них находятся в состоянии неуверенности в завтрашнем дне, особенно после пандемии коронавируса и введения санкций. Санкции и экономические перемены не только повышают уровень тревожности в обществе, но и провоцируют возникновение семейных конфликтов. Под влиянием современных рисков и ограничений пандемии COVID-19 люди старших возрастов оказались в условиях психологической и социальной изоляции, недоступности социально значимых общественных пространств, сокращения социальных контактов и мобильности. Усилилась дискриминация в сфере занятости и трудоустройства возрастных работников [10].

Важное значение для пожилых имеет источник дохода. Если ранее таковым являлась заработная плата, то сейчас это положение меняется. Для пенсионера основным источником дохода становится пенсионная выплата. Хотя пенсионная система и обеспечивает существенную часть доходов после ухода с работы, довольно большое число пенсионеров находятся в поиске дополнительных источников жизнеобеспечения. Одним из таких источников являются личные подсобные хозяйства, обеспечивающие необходимыми натуральными продуктами как для собственного употребления, так и для продажи. Неблагоприятным фактором выступает отсутствие индексации пенсии работающих пенсионеров, что сказывается на материальном положении домохозяйств. В связи с отменой индексации сокращается численность трудоустроенных пенсионеров. При этом, даже несмотря на невысокий уровень пенсий, значительная часть неработающих пенсионеров оказывает материальную поддержку членам своих семей, жертвуя своим благополучием. Между тем многие пожилые граждане сами нуждаются в помощи и поддержке, а роль семейной взаимоподдержки в условиях пандемии значительно возросла [11].

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Старшее поколение. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 05.11.2023).

Список литературы

1. *Cumming E., Henry W.E.* Crowing old, the process of disengagement. New York: Basic Books; 1961. 293 p.
2. Энциклопедия социальной работы. Том 2. Пер. с англ. М.: Центр общечеловеческих ценностей; 1993. 441 с.
3. *Мигунова Ю.В., Садыков Р.М., Свинухова Ю.Н., Селиванова С.С., Файзуллин Т.Ф., Файзуллин Ф.С. и др.* Формирование социального капитала региона: проблемы определения сущности и факторы развития: монография. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН; 2022. 188 с.
4. *Егорышев С.В., Садыков Р.М., Салимова А.В.* Демографический кризис как угроза социального развития территориальных образований. Вестник ВЭГУ. 2019;2(100):39–48.
5. *Фролова Е.В., Рогач О.В.* Социальное самочувствие россиян весной 2022 г. Социологические исследования. 2023;5:160–166. <http://doi.org/10.31857/S013216250024327-2>
6. *Писанко В.А.* Пессимистический и оптимистический взгляд на социальное положение пожилых людей в современной России. Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2018;1(29):91–96.
7. *Садыков Р.М., Большакова Н.А.* Социальная защита населения муниципального образования. Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018;6:139–146. <https://doi.org/10.24422/MCITO.2018.6.14506>
8. *Гаврикова А.В., Ишмуратова Д.Ф., Мигунова Ю.В., Садыков Р.М., Файзуллин Ф.С., Шагиева Л.А.* Социальная устойчивость региона: диагностика и проблемы развития: монография. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН; 2017. 188 с.
9. *Хаммадева Р.Х., Большакова Н.А.* Роль социального партнерства в модернизации системы социального обслуживания лиц старшего возраста. Социальная политика и социальное партнерство. 2020;5:25–30. <https://doi.org/10.33920/pol-01-2005-04>
10. *Киенко Т.С.* Люди старшего возраста и пандемия: социальная эксклюзия, гетерогенность геронтогруппы и интерсекциональность возрастных неравенств. Социологические исследования. 2023;2:115–124. <https://doi.org/10.31857/S013216250021521-6>
11. *Садыков Р.М., Большакова Н.А.* Приемная семья для пожилых и инвалидов как инновационная технология социального обслуживания. Известия Уфимского научного центра РАН. 2023;2:106–111. <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2023-0-2-106-111>

References

1. *Cumming E., Henry W.E.* Crowing old, the process of disengagement. New York: Basic Books; 1961. 293 p.
2. Encyclopaedia of social work. Volume 2. Trans. from Eng. Moscow: Centre of Universal Values; 1993. 441 p. (In Russian).
3. *Migunova Yu.V., Sadykov R.M., Svinukhova Yu.N., Selivanova S.S., Fajzullin T.F., Fajzullin F.S. et al.* Formation of the regional social capital: problems of determining the essence and factors of development: monograph. Ufa: ISER UFIC RAS; 2022. 188 p. (In Russian).
4. *Egoryshev S.V., Sadykov R.M., Salimova A.V.* Demographic crisis as a threat to the social development of territorial entities. Vestnik VEGU. 2019;2(100):39–48. (In Russian).
5. *Frolova E.V., Rogach O.V.* Social well-being of Russians in the spring of 2022. Sociological Studies. 2023;5:160–166. (In Russian). <http://doi.org/10.31857/S013216250024327-2>
6. *Pisanko V.A.* Pessimistic and optimistic view on the social situation of the elderly in modern Russia. Scientific notes journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. 2018;1(29):91–96. (In Russian).
7. *Sadykov R.M., Bolshakova N.L.* Social protection of the municipal population. The periodical scientific and methodological electronic journal “Koncept”. 2018;6:139–146. (In Russian). <https://doi.org/10.24422/MCITO.2018.6.14506>
8. *Gavrikova A.V., Ishmuratova D.F., Migunova Yu.V., Sadykov R.M., Fajzullin F.S., Shagiieva L.A.* Social stability of the region: diagnostics and problems of development: monograph. Ufa: ISER UFIC RAS; 2017. 188 p. (In Russian).
9. *Khamadeeva R.Kh., Bolshakova N.L.* The role of social partnership in the modernisation of social service system for senior citizens. Social Policy and Social Partnership. 2020;5:25–30. (In Russian). <https://doi.org/10.33920/pol-01-2005-04>
10. *Kienko T.S.* Elderly people and the pandemic: social exclusion, heterogeneity of the gerontogroup and intersectionality of age disparities. Sociological Studies. 2023;2:115–124. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250021521-6>
11. *Sadykov R.M., Bolshakova N.L.* Foster family for the elderly and disabled as an innovative technology of social service. Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre. 2023;2:106–111. (In Russian). <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2023-0-2-106-111>

Оценка уровня институционального доверия студенческой молодежи в современном российском обществе в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций

Танина Мария Алексеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0001-7311-6280, e-mail: margo10@inbox.ru

Бондаренко Владимир Викторович

Д-р экон. наук, проф. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-6716-1963, e-mail: bond40@bk.ru

Юдина Вера Александровна

Канд. экон. наук, доц., зав. каф. менеджмента, информатики
и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0001-9835-9430, e-mail: vayudina@fa.ru

Зябликова Ольга Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-1624-0071, e-mail: has18068881@rambler.ru

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Пенза, Россия

Аннотация

Одним из ключевых факторов, влияющих на политическое развитие и стабильность Российской Федерации (далее – РФ, Россия), является доверие граждан к политическим и социальным институтам. При этом молодежь – часть российского общества, с которой связаны стратегические перспективы прогресса страны и векторы социально-экономических преобразований. Недостаточная степень доверия молодого населения к органам власти будет препятствовать нормальной реализации процессов развития общества, социально-экономической и институциональной систем. В статье приведены результаты анкетного опроса студентов российских вузов (N = 780 чел.) и колледжей (N = 780 чел.), проведенного в 2023 г.; учебные заведения расположены в 41 субъекте РФ во всех федеральных округах. Исследование выявило относительно невысокий уровень доверия студенческой молодежи России к различным властным институтам, при этом уровень доверия к региональным представителям власти ниже, чем к федеральным, что обусловлено недостаточной осведомленностью молодых людей об их деятельности. Наряду с этим большая часть молодежи не осуществляет целенаправленный поиск и критический анализ информации, не отслеживает новости о работе органов власти. Также выявлено, что значительным потенциалом в сфере повышения институционального доверия студентов обладают различные сетевые информационные пространства (социальные сети, региональные цифровые интернет-сообщества, официальные сайты органов власти и новостные порталы), поскольку они вызывают наибольший уровень доверия.

Для цитирования: Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Зябликова О.А. Оценка уровня институционального доверия студенческой молодежи в современном российском обществе в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций // Вестник университета. 2024. № 1. С. 192–203.

Ключевые слова

Институциональное доверие, студенческая молодежь, органы власти, политические институты, информационные источники, молодежные организации, современное российское общество

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на тему: «Разработка методических рекомендаций по повышению институционального доверия к органам власти студенческой молодежи в сетевом информационном пространстве в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций» (ВТК-ГЗ-ПИ-48-23).

Assessment of the institutional trust level of students in modern Russian society in the context of global cultural and digital transformations

Maria A. Tanina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management, Informatics and Humanities Department
ORCID: 0000-0001-7311-6280, e-mail: margo10@inbox.ru

Vladimir V. Bondarenko

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Management, Informatics and Humanities Department
ORCID: 0000-0002-6716-1963, e-mail: bond40@bk.ru

Vera A. Yudina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of the Management, Informatics and Humanities Department
ORCID: 0000-0001-9835-9430, e-mail: vayudina@fa.ru

Olga A. Zyablikova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management, Informatics and Humanities Department
ORCID: 0000-0002-1624-0071, e-mail: has18068881@rambler.ru

Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza, Russia

Abstract

One of the key factors influencing the political development and stability of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF, Russia) is trust of citizens in political and social institutions. At the same time, youth is part of the Russian society with which the strategic prospects for progress of the country and vectors of socio-economic transformations are connected. The insufficient degree of confidence in the authorities will hinder effective implementation of societal development processes that also occur in socio-economic and institutional systems. The article presents the questionnaire results of students from Russian universities ($N = 780$ people) and colleges ($N = 780$ people) conducted in 2023; educational institutions are located in 41 subjects of the RF in all federal districts. The study revealed a relatively low level of trust of the Russian student youth to various government institutions, while the level of trust in regional authorities is lower than in federal ones. This is due to lack of awareness of young people about their activities. Additionally, most of the youth does not undertake a purposeful search and critical analysis of information, does not follow news about the work of authorities. It was also revealed that various network information spaces (social networks, regional digital Internet communities, official websites of government bodies and news portals) have a significant potential to increase institutional trust of students, since they cause the highest level of confidence.

Keywords

Institutional trust, student youth, authorities, political institutions, information sources, youth organisations, modern Russian society

Acknowledgments. The article was prepared on the results of the research conducted at the expense of budgetary funds within the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation on the topic: “Development of methodological recommendations for increasing institutional trust in the authorities of student youth in the network information space amidst global cultural and digital transformations” (VTK-GZ-PI-48-23).

For citation: Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Zyablikova O.A. (2024) Assessment of the institutional trust level of students in modern Russian society in the context of global cultural and digital transformations. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 192–203.

ВВЕДЕНИЕ

Среди главных факторов, воздействующих на политическое развитие и стабильность Российской Федерации (далее – РФ, Россия), можно назвать доверие граждан к социальным и политическим институтам. В то же время молодежь выступает частью общества, с которой связаны стратегические возможности прогресса страны и направления социально-экономических изменений. Неубедительный уровень доверия молодого поколения к органам власти будет мешать естественной реализации процессов развития российского общества, институциональной и социально-экономической систем. В связи с этим осуществление эффективной молодежной политики, направленной на удовлетворение интересов и потребностей данной группы населения, становится приоритетной государственной и региональной задачей, которая позволит нарастить темпы социально-экономического развития.

Уровень доверия подвержен влиянию восприятия и оценки успешности либо неуспешности и неэффективности деятельности государственных органов и учреждений на различных институциональных уровнях.

Актуальность процессов укрепления доверия к политическим и социальным институтам со стороны населения, в том числе молодежи, обусловлена, во-первых, тем обстоятельством, что доверительные отношения между обществом и государством выступают в качестве конституционного приоритета, закрепленного в обновленной Конституции РФ 2020 г.¹ Во-вторых, в Указе Президента РФ от 04.02.2021 г. № 68 в качестве основного критерия эффективности деятельности властных органов рассматривается доверие населения².

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Опыт социально-экономического развития различных государств, в том числе и России, последних десятилетий показывает, что конкурентные преимущества базируются на эффективном формировании, становлении и использовании человеческого капитала и инновационного потенциала, носителем которых выступает в первую очередь молодежь. В условиях глобальных культурологических, цифровых, инновационных трансформаций она становится полноправным участником различных социально-экономических процессов в государстве. В этой связи оценка и повышение уровня институционального доверия студенческой молодежи к представителям власти является важной стратегической задачей РФ современности.

Цель статьи – проведение анализа уровня институционального доверия студентов России на нынешнем этапе, а также выявление степени доверия к различным информационным источникам, которые можно использовать для его повышения.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

На современной стадии развития научного познания многие отечественные и зарубежные авторы изучали различные аспекты понятия доверия. Как в международных, так и в российских исследованиях чаще всего выделяется межличностное доверие, оказываемое другим людям, и институциональное доверие, оказываемое различным политическим и социальным институтам [1]. Теоретические аспекты предполагают, что межличностное доверие закладывает основу для более высокого уровня институционального доверия, оба обуславливаются различными факторами, которые могут значительно отличаться в разных странах. Анализ трудов зарубежных авторов позволяет заключить, что доверие, определяемое как ожидание надежности других людей (межличностное) или институтов (институциональное) подвержено влиянию следующих характеристик:

- сугубо индивидуальные социально-психологические особенности, сформированные в детском и юношеском возрасте;
- внешние, постоянно изменяющиеся социально-экономические условия жизнедеятельности в контексте глобальных культурологических и цифровых трансформаций [2–6].

В современных трудах отечественных исследователей также рассматривается проблема оценки и формирования высокого уровня институционального доверия различных социально-демографических групп.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 г. № 68 (ред. от 09.09.2022 г.) «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375984/e383af0739d7ea9110d8075d0a8474baf5ab1f94/#dst100027 (дата обращения: 28.10.2023).

² Там же.

Значительная часть российских ученых проводят анализ условий и факторов, способствующих становлению доверия социума к властным структурам, и на основе этих данных разрабатывают механизмы для укрепления отношений между властью и обществом [7–10].

Таким образом, доверие, по мнению исследователей, представляет собой отношение индивидов к институтам, имеющее определенную эмоциональную окраску. При этом институциональное доверие предполагает уверенность индивидов в том, что представители института будут действовать в рамках предписанных норм. При высоком уровне институционального доверия большая часть населения страны (социальной группы) уверена в правильности принимаемых управленческих решений и действий государственных и региональных властных структур, в их способности реализовать запланированные целевые показатели и готова выразить поддержку данным политическим и социальным институтам. В этой связи доверие граждан к власти представляет собой форму отношения к ее структурам и представителям, выраженного в когнитивной и эмоционально-чувственной оценках их деятельности.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Для проведения исследования были использованы научные работы отечественных и зарубежных авторов, а также данные эмпирических исследований общественного мнения и уровня доверия к институтам, доступные в сети Интернет.

Практический этап исследования проводился в 2023 г. В качестве методической основы применялось электронное анкетирование студентов российских университетов и колледжей с использованием платформы Google Forms. В онлайн-анкетировании приняли участие в общей сложности 1 560 респондентов, в том числе 780 студентов университетов и 780 студентов колледжей. Учебные заведения были расположены в 41 регионе России и охватили все федеральные округа. Гендерное соотношение в опросе составило 786 женщин (50,38 %) и 774 мужчины (49,62 %).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

В процессе практического исследования обучающимся по программам высшего и среднего профессионального образования предлагалось выделить факторы, которые содействуют становлению институционального доверия социума к структурам власти (табл. 1).

Таблица 1

Мнение респондентов по поводу факторов, способствующих формированию институционального доверия социума к властным структурам

№ п.п.	Варианты ответа	Обучающиеся вузов, %	Обучающиеся колледжей, %	Среднее арифметическое, %
1	Справедливость принимаемых властью решений	48,95	47,98	48,46
2	Уверенность в надлежащем исполнении властью своих функций	45,19	44,30	44,74
3	Согласие с проводимой политикой власти	37,06	38,58	37,82
4	Вера в честность и порядочность представителей власти	32,49	33,15	32,82
5	Поддержка действий и мер, реализуемых властью	29,26	28,68	28,97
6	Активная поддержка органов власти	20,72	20,31	20,51
7	Привычка доверять власти, традиции	7,47	7,92	7,69

Примечание: п.п. – процентный пункт; при опросе допускалось более одного ответа

Составлено авторами по материалам исследования

Из распределения ответов респондентов видно, что значительной разницы во мнениях у обучающихся российских вузов и колледжей не наблюдается.

По мнению большинства респондентов (более 40 %), доверие к государственным институтам формируется, когда решения, принимаемые чиновниками, являются справедливыми и есть уверенность

в надлежащем исполнении ими своих обязанностей, а также в честности и неподкупности представителей правительства наряду с одобрением проводимой политики. Именно данные факторы в конечном итоге способствовали бы формированию институционального доверия.

Участникам опроса было предложено оценить уровень их доверия к правительству, социальным и политическим институтам (табл. 2).

Таблица 2

Уровень доверия студенческой молодежи РФ к органам власти, социальным и политическим институтам

Институт	Вполне доверяю		Скорее доверяю		Скорее не доверяю		Совершенно не доверяю		Затрудняюсь ответить	
	Обучающиеся вузов	Обучающиеся колледжей	Обучающиеся вузов	Обучающиеся колледжей	Обучающиеся вузов	Обучающиеся колледжей	Обучающиеся вузов	Обучающиеся колледжей	Обучающиеся вузов	Обучающиеся колледжей
Институт президентства РФ	38,1	37,4	45,0	44,1	8,4	8,2	6,2	6,1	2,3	4,2
Правительство РФ	34,3	35,3	41,3	42,5	12,7	13,1	6,0	6,1	5,8	3,1
Совет Федерации РФ	34,7	34,0	41,4	40,6	13,6	13,3	6,2	6,1	4,1	5,9
Государственная Дума РФ	31,8	33,1	38,9	40,5	14,4	15,0	6,7	6,9	8,2	4,4
Судебная система	43,4	42,5	45,3	44,4	6,9	6,8	2,8	2,7	1,6	3,5
Федеральные силовые, правоохранительные структуры	43,6	42,7	45,8	44,9	6,5	6,3	2,6	2,5	1,6	3,5
Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь)	35,1	35,8	41,9	42,7	6,2	6,3	3,1	3,2	13,7	11,9
Региональные силовые, правоохранительные структуры	43,4	42,5	46,0	45,1	6,7	6,6	2,0	2,0	1,9	3,9
Высшее должностное лицо, возглавляющее систему исполнительных органов государственной власти региона (губернатор, глава, президент и др.)	35,8	37,3	42,1	43,8	8,7	9,1	6,7	6,9	6,7	2,9
Региональные органы исполнительной власти	31,7	31,1	40,1	39,3	14,9	14,6	6,9	6,7	6,4	8,2
Региональные органы законодательной власти	29,4	28,3	39,9	38,3	13,1	12,6	5,6	5,3	12,1	15,5
Глава местной администрации, муниципального управления (города, района и др.)	32,2	31,6	39,4	38,6	14,2	14,0	6,3	6,2	7,8	9,6
Муниципальные органы власти	31,1	31,7	38,1	38,8	14,6	14,9	6,9	7,0	9,4	7,6
Отдел (комитет) по делам молодежи (молодежной политики) региона	35,8	35,1	43,4	42,5	7,6	7,5	3,2	3,1	10,0	11,8
Система российского образования	40,2	41,9	46,8	48,7	6,2	6,4	2,8	2,9	4,0	0,1

Примечание: данные представлены в %

Составлено авторами по материалам исследования

Данные показывают, что самый высокий уровень доверия (более 80 % респондентов из российских университетов и колледжей заявили, что они доверяют или в основном доверяют) был выражен по отношению к институту президентства, судебной системе, федеральным и региональным правоохранительным структурам, отечественной системе образования.

Степень доверия опрошенных к органам власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, главам местных администраций, а также федеральным и региональным структурам в области молодежной политики немного ниже.

Однако существует значительная доля респондентов (от 8 % до 13 %), которые затруднились ответить на вопрос о доверии к региональным законодательным, муниципальным органам и главам местных администраций. Это свидетельствует о недостаточной осведомленности студентов о деятельности данных властных структур, что требует проведения более открытой информационной политики со стороны власти.

При этом мнения студентов российских колледжей и университетов различаются крайне незначительно. Таким образом, полученные результаты исследования совпадают с результатами опросов населения, проводимых российскими социологическими фондами и центрами.

Табл. 3 отражает мнение студентов о причинах низкого уровня доверия к властным структурам. Различия в мнениях учащихся вузов и колледжей по этому вопросу не превышают 2 %.

Таблица 3

Мнение респондентов о причинах низкого уровня институционального доверия к различным структурам на уровне страны и региона

№ п.п.	Варианты ответа	Обучающиеся вузов, %	Обучающиеся колледжей, %	Среднее арифметическое, %
1	Мало знаю об их деятельности	47,14	45,29	46,22
2	У некоторых государственных и муниципальных служащих не вполне достаточный уровень профессионализма	26,38	27,46	26,92
3	Я доверяю только своим близким, друзьям	26,81	25,76	26,28
4	Медленное реагирование на обращения, запросы населения и предприятий	23,31	22,85	23,08
5	Достаточно большое количество проблем социально-экономического характера в моем городе / населенном пункте	22,88	21,99	22,44
6	Невыполнение ранее данных гарантий и обещаний	13,71	14,64	14,17
7	Игнорирование жалоб, запросов и потребностей общества	9,15	8,79	8,97

Примечание: при опросе допускалось более одного ответа

Составлено авторами по материалам исследования

Из распределения ответов следует, что большая часть опрошенных (46,22 % в среднем по обучающимся вузов и колледжей) связывает низкий уровень доверия с малой информированностью о деятельности органов власти. Причины, указанные студентами, включают также недостаточный профессионализм некоторых представителей власти, доверие только к знакомым людям, медленную реакцию властных органов на обращения и наличие социально-экономических проблем в городах и населенных пунктах.

Таким образом, значительная часть молодежи не имеет достаточного представления о работе властных структур, для чего необходима более открытая информационная и коммуникационная политика со стороны государства.

В последующем респондентам был задан вопрос об их заинтересованности в деятельности публичных органов власти (табл. 4).

Большое количество студенческой молодежи России (45,51 % обучающихся вузов и 41,67 % обучающихся колледжей) время от времени интересуется деятельностью органов власти и изучают соответствующую

информацию. В то же время значительная часть (42,56 % обучающихся вузов и 47,81 % обучающихся колледжей) не интересуется данным вопросом и не отслеживает информацию по нему. Лишь 11,92 % учащихся вузов и 10,52 % учащихся колледжей регулярно анализируют деятельность властных структур. Следовательно, большая часть студентов российских вузов и колледжей не проявляет к этому интерес.

Таблица 4

Результирующие значения ответов респондентов о том, интересует ли их деятельность публичных органов власти

№ п.п.	Вариант ответа	Обучающиеся вузов, %	Обучающиеся колледжей, %	Среднее арифметическое, %
1	Да, регулярно	11,92	10,52	11,22
2	Время от времени	45,51	41,67	43,59
3	Не отслеживаю, не интересуюсь этим вопросом	42,56	47,81	45,19
Итого		100	100	100

Примечание: при опросе допускался один ответ

Составлено авторами по материалам исследования

Также респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале уровень доступности информации о работе органов власти. Среднее значение (рассчитанное как среднее арифметическое) составило 4,1 балла, что свидетельствует о достаточно высоком уровне. При этом было выявлено, что имеются проблемы с вовлеченностью и желанием молодых людей искать и изучать данные сведения, их важностью, соответствием запросам молодежи, способностью вызвать интерес, размещением в удобных сетевых информационных пространствах.

Далее респонденты выбирали используемые каналы получения информации о деятельности органов власти. У подавляющего большинства молодых опрошенных (более 95 %) это свои одногруппники, друзья, мессенджеры, социальные сети и родители. Около 70,731 % студентов получают информацию от своих преподавателей. Почти треть респондентов в качестве информационных источников использует интернет-порталы с новостной лентой, официальные сайты властных структур, интернет-сообщества. Таким образом, чтобы повысить доверие студенческой молодежи к власти и полнее осведомить их о деятельности этих органов, необходимо применять цифровые сетевые информационные платформы для вовлечения молодежи и взаимодействия с ней, а также чаще привлекать учебные заведения в процесс.

Следом были проанализированы уровни доверия студентов к различным информационным источникам. Большинство респондентов доверяют родителям, одногруппникам, друзьям, мессенджерам, социальным сетям и преподавателям учебных заведений и неоднократно прибегают к ним. Это говорит о том, что самыми доверенными источниками информации являются те, которые предоставляют возможность личного взаимодействия или персональной коммуникации.

Студенческая молодежь также высоко оценивает социальные сети, хотя иногда в них могут присутствовать люди, незнакомые студентам лично. В социальных сетях организации, включая органы государственного и муниципального управления, комитеты по делам молодежи могут создавать свои профили, аккаунты с информацией о направлениях своей деятельности. Это создает капитал доверия среди пользователей, который помогает формировать высокий уровень доверия к этим организациям в сетевом информационном пространстве.

Затем респондентам предлагалось оценить направление влияния различных социально-экономических и политических факторов на уровень институционального доверия (табл. 5).

Подавляющее большинство опрошенных студентов вузов и колледжей РФ (более 95 %) считают, что позитивные изменения социально-экономических и политических факторов, процессов и явлений оказывают положительное влияние на уровень их доверия к органам власти. Следовательно, молодые люди понимают цели и задачи институтов власти и связывают собственный уровень доверия к ним со своим материальным положением, с возможностью получить качественные образовательные, медицинские, социальные услуги, с политической и геополитической стабильностью в стране.

**Оценка влияния факторов на уровень институционального доверия,
по мнению студенческой молодежи РФ**

№ п.п.	Факторы	Оказывает положительное влияние на уровень доверия, %	Оказывает отрицательное влияние на уровень доверия, %	Не влияет на уровень доверия, %
1	Наличие возможности получить качественное образование	99,42	0,00	0,58
2	Хорошие перспективы трудоустройства после окончания учебного заведения	99,42	0,00	0,58
3	Эффективная молодежная политика на уровне страны и регионов	99,29	0,00	0,71
4	Экономическая стабильность в стране	99,23	0,00	0,77
5	Наличие возможности и благоприятные условия для начала своего бизнеса	99,23	0,00	0,77
6	Хорошее геополитическое и экономическое положение страны в мировом сообществе	98,72	0,00	1,28
7	Высокий уровень здравоохранения	98,46	0,00	1,54
8	Эффективная работа системы образования	98,40	0,00	1,60
9	Политическая стабильность в стране	98,21	0,00	1,79
10	Уровень социально-экономического развития региона проживания	97,82	0,00	2,18
11	Уровень жизни и доходов населения	96,22	0,00	3,78
12	Уровень социальной обеспеченности и защищенности населения	96,03	0,00	3,97
13	Возможность граждан влиять на принятие решений органами власти	95,26	0,77	3,97
14	Информационная открытость и прозрачность деятельности органов власти	77,31	9,81	12,88
15	Наращивание протестной активности (в том числе митинги, акции протеста)	1,22	91,09	7,69
16	Уровень коррупционности деятельности органов власти	0,00	98,85	1,15

Примечание: в таблице дано среднее значение по мнению обучающихся вузов и колледжей

Составлено авторами по материалам исследования

Кроме того, опрошенным студентам вузов и колледжей РФ задавался вопрос об участии в деятельности молодежных организаций и движений (всероссийских и региональных) (табл. 6).

Из распределения ответов следует, что в деятельности всероссийских и региональных молодежных организаций/движений принимает участие незначительная часть студенческой молодежи (не более 8 %). Самыми востребованными являются «Всероссийский студенческий союз», «Российский союз молодежи» и всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы».

При этом можно отметить невысокую осведомленность студентов о деятельности молодежных движений и организаций: не более 32,0 % опрошенных информированы о работе всероссийских организаций, и всего 23,08 % – региональных, а 56,6 % вообще не информированы. О большинстве молодежных формирований от 47,76 до 70,77 % студентов не осведомлены.

**Распределение ответов респондентов на вопрос «Являетесь ли Вы участником
следующих молодежных организаций/движений?»**

№ п.п.	Молодежные организации/ движения	Информирован о деятельности организации/ движения, %	Принимал/ принимаю участие в программах и проектах организации/ движения, %	Хотел бы стать участником организации/ движения, %	Не информирован о деятельности организации/ движения, %
1	Общероссийская общественная организация «Всероссийский студенческий союз»	35,13	7,69	6,28	50,90
2	Общероссийская молодежная организация «Российский союз молодежи»	35,06	7,63	6,54	50,77
3	Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы»	46,41	7,18	8,40	38,01
4	Общероссийская молодежная общественная организация «Российский спортивный союз молодежи»	34,10	6,15	5,26	54,49
5	Волонтерское движение	53,85	5,83	6,54	33,78
6	Межрегиональная общественная организация «Поддержка молодежных инициатив»	26,60	5,71	3,78	63,91
7	Молодежная общероссийская общественная организация «Российские Студенческие Отряды»	45,90	5,51	7,69	40,90
8	Молодежный клуб Русского географического общества	29,04	5,38	4,87	60,71
9	Молодежный союз экономистов и финансистов РФ	27,05	5,06	7,69	60,19
10	Общественные молодежные организации Вашего региона	23,08	5,00	13,40	58,53
11	Политические молодежные организации	33,91	5,00	8,21	52,88
12	Общероссийская молодежная общественная организация «Российский союз сельской молодежи»	26,60	4,36	6,09	62,95
13	Общероссийское общественное молодежное движение «Ассоциация студентов и студенческих объединений России»	30,26	4,17	2,44	63,14
14	Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия»	42,44	3,91	5,90	47,76
15	Всероссийская общественная молодежная организация «Всероссийский студенческий корпус спасателей»	40,32	3,40	3,33	52,95

№ п.п.	Молодежные организации/ движения	Информирован о деятельности организации/ движения, %	Принимал/ принимаю участие в программах и проектах организации/ движения, %	Хотел бы стать участником организации/ движения, %	Не информирован о деятельности организации/ движения, %
16	Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация студентов профсоюзных организаций высших учебных заведений»	31,47	3,14	3,65	61,73
17	Общероссийская общественная организация «Детские и молодежные социальные инициативы»	26,60	2,95	1,86	68,59
18	Религиозные молодежные объединения и организации («Воскресение», «Объединение православной молодежи», «Общее дело», «Братство православных следопытов» и др.)	26,60	1,86	5,06	66,47
19	Общероссийское общественное движение содействия укреплению дружбы и согласия среди молодежи «Всероссийский международный союз молодежи»	25,38	0,77	3,08	70,77

Примечание: в таблице дано среднее значение по мнению обучающихся вузов и колледжей

Составлено авторами по материалам исследования

Наибольшая доля учащихся вузов и колледжей (от 7,69 % до 13,4 %) хотели бы принять участие в деятельности следующих движений/организаций: региональные и политические молодежные организации/движения, «Волонтеры Победы», «Российские Студенческие Отряды» и «Молодежный союз экономистов и финансистов РФ».

Таким образом, можно сделать вывод о низкой информированности и вовлеченности студенческой молодежи России в работу студенческих объединений, в том числе региональных. Существует значительный потенциал для повышения положительной активности и институционального доверия студентов путем взаимодействия с высшими и средними специальными учебными заведениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе недавнего социологического исследования было обнаружено, что существует относительно высокий уровень институционального доверия среди студентов колледжей, когда речь идет о политических деятелях на федеральном уровне, особенно об институте президентства, о судебной системе, а также федеральных и региональных правоохранительных органах. Наоборот, наблюдается значительно более низкий уровень доверия к региональным властям и менеджменту, что можно объяснить недостаточной информированностью и вовлеченностью в региональные процессы социально-экономического развития, а также недостаточно эффективной деятельностью специализированных общероссийских и региональных молодежных организаций.

Студенты колледжей и университетов демонстрируют самый высокий уровень доверия к цифровым сетевым источникам информации и социально-личностным коммуникациям с членами образовательного сообщества. Это подчеркивает важность их применения в процессах создания и укрепления институционального доверия как всеобъемлющей характеристики позитивной функциональности в системе взаимоотношений.

Более 80 % студенческой молодежи осознают необходимость повышения уровня институционального доверия на основе эффективных механизмов взаимодействия и вовлечения, готовы и имеют желание участвовать в мероприятиях всероссийских и региональных молодежных организаций, что обусловливается высокой познавательной, социальной, интеллектуальной, физической и творческой активностью данной социально-демографической группы.

подавляющее большинство опрошенных студентов вузов и колледжей РФ считают, что положительные изменения социально-экономических и политических факторов, процессов и явлений оказывают благотворное влияние на уровень их доверия к органам власти. Они связывают свой уровень институционального доверия с финансовым положением, возможностью получить качественные услуги образовательного, медицинского или социального характера, а также с геополитической стабильностью.

В деятельности всероссийских и региональных молодежных формирований принимает участие незначительная часть студенческой молодежи (не более 10 %). Самыми востребованными являются «Всероссийский студенческий союз», «Российский союз молодежи» и всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы».

Наблюдается невысокая информированность и вовлеченность студенческой молодежи России в деятельность молодежных студенческих организаций и движений, в том числе региональных, и имеется значительный потенциал наращивания данной положительной студенческой активности и повышения уровня институционального доверия, в том числе с привлечением высших и среднеспециальных учебных заведений.

Таким образом, неразвитость общепринятых отношений и легитимных норм взаимодействия служит основой проблемы низкого институционального доверия среди студентов колледжей и университетов и их ограниченной заинтересованности процессами регионального социально-экономического развития.

Следовательно, необходимо усилить информационное, просветительское и вовлекающее взаимодействие между региональными и муниципальными органами власти и студентами за счет использования цифровых сетевых платформ, региональных интернет-платформ и сообществ, совместных мероприятий с образовательными организациями, а также творческих и конструктивных форм гражданской активности.

Список литературы

1. Видясова А.А., Видясов Е.Ю., Тенгина Я.А. Исследование социального доверия информационным технологиям при предоставлении электронных государственных услуг и использовании порталов электронного участия (кейс Санкт-Петербурга). Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019;5:43–57. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.03>
2. Хи X., Soto C.J., Plaks J.E. Beyond openness to experience and conscientiousness: testing links between lower-level personality traits and American political orientation. *Journal of Personality*. 2020;4(89):754–773. <http://dx.doi.org/10.1111/jopy.12613>
3. Miething A., Mewes J., Giordano G.N. Trust, happiness and mortality: Findings from a prospective US population-based survey. *Social Science & Medicine*. 2020;252. <http://dx.doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112809>
4. Baumert A., Halmburger A., Rothmund T., Schemer C. Everyday dynamics in generalized social and political trust. *Journal of Research in Personality*. 2017;69:44–54. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrp.2016.04.006>
5. Фролова Е.В., Рогач О.В. Институциональное доверие в российских регионах. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2022;2(16):49–58. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-49-58>
6. Макаренко Д.Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти. *Мониторинг правоприменения*. 2021;2(39):21–26. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-2-21-26>
7. Проказина Н.В. Цифровая грамотность как основа диалога власти и населения в условиях пандемии. *Цифровая социология*. 2021;3(4):36–43. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43>
8. Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Лескина О.Н. Отечественные практики повышения международной конкурентоспособности российских высших учебных заведений в условиях глобальных вызовов и угроз. *Вестник университета*. 2021;6:61–69. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-61-69>
9. Бондаренко В.В., Полутин С.В., Юдина В.А., Танина М.А., Лескина О.Н. Привлекательность российских вузов среди иностранных студентов в условиях глобальной конкуренции на рынках образовательных услуг. *Интеграция образования*. 2022;1(106(26)):72–92. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.072-092>
10. Оренбурова А.В., Калацкая Н.Н. Студенческая вовлеченность в учебный процесс: отечественный и зарубежный опыт исследования. *Наука и современное общество: взаимодействие и развитие*. 2019;1(6):68–73.

References

1. *Vidiasova L.A., Vidiasov E.Yu., Tensina Ia.D.* A study of social trust in information technology in the provision of electronic public services and the use of electronic participation portals (case study of St. Petersburg, Russia). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;5:43–57. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.03>
2. *Xu X., Soto C.J., Plaks J.E.* Beyond openness to experience and conscientiousness: testing links between lower-level personality traits and American political orientation. *Journal of Personality*. 2020;4(89):754–773. <http://dx.doi.org/10.1111/jopy.12613>
3. *Miething A., Mewes J., Giordano G.N.* Trust, happiness and mortality: Findings from a prospective US population-based survey. *Social Science & Medicine*. 2020;252. <http://dx.doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112809>
4. *Baumert A., Halmburger A., Rothmund T., Schemer C.* Everyday dynamics in generalized social and political trust. *Journal of Research in Personality*. 2017;69:44–54. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrp.2016.04.006>
5. *Frolova E.V., Rogach O.V.* Institutional trust within Russian regions. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;2(16):49–58. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-49-58>
6. *Makarenko D.G.* Mechanisms for building public trust in governmental power institutions. *Monitoring of Law Enforcement*. 2021;2(39):21–26. (In Russian). <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-2-21-26>
7. *Prokazina N.V.* Digital literacy as a basis for a dialogue between the authorities and the population in the context of a pandemic. *Digital sociology*. 2021;3(4):36–43. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43>
8. *Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Leskina O.N.* Domestic practices of increasing the international competitiveness of the Russian higher education institutions in the context of global challenges and threats. *Vestnik universiteta*. 2021;6:61–69. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-61-69>
9. *Bondarenko V.V., Polutin S.V., Yudina V.A., Tanina M.A., Leskina O.N.* Attractiveness of Russian universities among foreign students in conditions of competitive global markets of educational services. *Integration of Education*. 2022;1(106(26):72–92. (In Russian). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.072-092>
10. *Orenburova L.V., Kalatskaya N.N.* Student involvement in the educational process: domestic and foreign research experience. *Science and modern society: interaction and development*. 2019;1(6):68–73. (In Russian).

Самоактуализация и смысложизненные ориентации студентов с различной иерархией ценностей

Бакушкин Иван Анатольевич^{1,2}

Председатель Отдела по миссионерской работе и делам молодежи¹, аспирант²
ORCID: 0000-0003-1485-5512, e-mail: ioann_85@mail.ru

Ильичева Ирина Михайловна²

Д-р психол. наук, проф. каф. психологии
ORCID: 0000-0003-4929-3302, e-mail: irina.psyhologduh@yandex.ru

¹Коломенская епархия Русской православной церкви (Московского патриархата), г. Коломна, Россия

²Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты изучения ценностных и смысложизненных ориентаций, а также самоактуализации учащейся молодежи. Выявлены две группы студентов по иерархической структуре ценностных ориентаций, отличающихся особенностями смысложизненных ориентаций и аспектов самоактуализации. Исследование проводилось на базе Государственного социально-гуманитарного университета. В нем приняло участие большое количество студентов, обучающихся на гуманитарных специальностях. Анализ ценностей осуществлялся с помощью методики ценностных ориентаций М. Рокича, аспектов самоактуализации – с помощью самоактуализационного теста Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза и М.В. Латинской, анализ смысложизненных ориентаций – с использованием теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. Было эмпирически доказано, что ценностные ориентации, будучи общей осмысленностью жизни, связаны с ее восприятием как целостного процесса и с такими особенностями самоактуализации, как цели, убеждения, установки и принципы. В результате у первой группы студентов поведение и ценности зависели от внешней оценки и руководства, а так как отношения к ценностям формируются в определенный момент времени и в определенных условиях, то учащиеся в качестве субъектов не могут контролировать свою жизнь. У второй группы студентов реализуется феномен самоактуализации как самостоятельность, желание руководствоваться в жизни и поведении собственными ценностями, которые интегрированы в структуру личности, и учащиеся, являясь субъектами, могут осуществлять этот контроль.

Ключевые слова

Ценности, ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности, смысложизненные ориентации, ориентация во времени, самоактуализация, студенты

Для цитирования: Бакушкин И.А., Ильичева И.М. Самоактуализация и смысложизненные ориентации студентов с различной иерархией ценностей // Вестник университета. 2024. № 1. С. 204–210.

Self-actualisation and life-purpose orientations of students with different hierarchy of values

Ivan A. Bakushkin^{1,2}

Chairman of the Missionary Work and Youth Affairs Department¹,
Postgraduate Student²
ORCID: 0000-0003-1485-5512, e-mail: ioann_85@mail.ru

Irina M. Ilicheva²

Dr. Sci. (Psy.), Prof. at the Psychology Department
ORCID: 0000-0003-4929-3302, e-mail: irina.psychologduh@yandex.ru

¹The Kolomna Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Kolomna, Russia

²State University of Social Sciences and Humanities, Kolomna, Russia

Abstract

The article presents the results of exploring value and life-purpose orientations along with self-actualisation of studying youth. Two groups of students were identified according to the hierarchical structure of value orientations that have different features of life-purpose orientations and aspects of self-actualisation. The study was conducted on the basis of the State University of Social Sciences and Humanities. A large number of students of the humanities specialties participated in it. The analysis of values was performed with the methodology of value orientations proposed by M. Rokeach, the analysis of self-actualisation aspects – with a self-actualisation test suggested by L.Y. Gozman, M.V. Kroz and M.V. Latiskaya. The examination of life-purpose orientations was based on the test of life-purpose orientations developed by D.A. Leontiev. It was empirically proved that value orientations being a general meaningfulness of life are associated with its perception as a holistic process and with such features of self-actualisation as goals, beliefs, attitudes, and principles. Consequently, in the first group of students, behaviour and values depended on external evaluation and guidance, and due to the fact that attitudes to values are formed at a given time and in certain conditions, students being the subjects cannot control their life. The second group of students realises the phenomenon of self-actualisation as independence, the desire to follow their own values in life and behaviour, which are integrated into the personality structure, and the youth being the subjects can exercise this control.

Keywords

Values, value orientations, terminal values, instrumental values, life-purpose orientations, orientation in time, self-actualisation, students

For citation: Bakushkin I.A., Ilicheva I.M. (2024) Self-actualisation and life-purpose orientations of students with different hierarchy of values. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 204–210.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение ценностей молодежи является главным условием, лежащим в основе эффективного воспитания, профессионального становления и индивидуально-личностного развития, а в глобальном масштабе и исторической перспективе – необходимым для создания позитивного будущего России. Открытый мир с доступной информацией, часто формируемой узкой группой лиц с определенными целями, приводит молодежь, которая еще не умеет ориентироваться в противоречивой информации, к отсутствию нацеленности на какие-либо ценности и главные жизненные смыслы. Первые в таких условиях не усваиваются, не переходят в личные ценностные ориентации, что приводит к дезориентации, когда не формируется правильное отношение к явлениям и объектам окружающего мира. Традиционная картина мира, все чаще отвергаемая в угоду либеральной ценностной индифферентности, приводит к отсутствию устойчивого мировоззрения, основанного на относительно стабильных убеждениях о способах поведения, конечных целях и смыслах существования. Ценностные ориентации выступают пространством, в котором общее соединяется с индивидуальным, придавая ему цельность. Ценностно-ориентационная активность делает возможным оценку ценностей, ориентацию в них, построение картины мира с ценностными ориентациями.

Потребность в данной активности приводит к выявлению противоречивых или конкурирующих ценностей. Подбирая доводы в пользу выбора и дальнейшего их закрепления как личных ценностных ориентаций, человек включает все их разнообразие в процесс своего мышления.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель данной статьи – анализ особенностей самоактуализации и смысложизненных ориентаций у студентов гуманитарных специальностей с различной иерархией ценностей.

Исследование проводилось на базе Государственного социально-гуманитарного университета. В нем приняли участие 400 студентов 1–3-х курсов, обучающихся на гуманитарных специальностях. Средний возраст респондентов – 19 лет (от 17 до 23 лет), 90 % из них – девушки, 10 % – юноши. С помощью кластерного анализа обследованных студентов было выделено две группы (два кластера): в первую вошли 17,5 %, во вторую – 82,5 %. Сравнительный анализ осуществлялся посредством кластерного анализа (t-критерия Стьюдента). В первой группе возраст студентов – $19,557 \pm 1,699$ лет, во второй – $19,23 \pm 1,575$ лет. Эмпирическое значение критерия – 1,48, уровень значимости – 0,142.

Представление ценностных ориентаций как иерархии является показателем определенного количества взаимосвязанных ценностей [1]. При их анализе мы используем усредненный результат, который может отличаться от индивидуального ранжирования. Для исследования ценностных ориентаций студентов была использована методика ценностных ориентаций М. Рокича в модификации Д.А. Леонтьева [2], для изучения аспектов самоактуализации – самоактуализационный тест, САТ (англ. children's apperception test – детский апперцептивный тест), (Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, М.В. Латинская) [3], для исследования смысложизненных ориентаций – тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [4].

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

По результатам нашего исследования [5] онтологическая позиция всех студентов выражается в выборе такой терминальной ценности, как здоровье, в чем выражается ценность своей жизни и жизни каждого человека.

Тонкие различия в иерархии ценностей, когда формируется их индивидуальная система, отражающая цели, смыслы и содержания психической направленности личности, выражаются в приоритете одних ценностей над другими. Сравнивая терминальные ценности первой группы студентов (счастливая семейная жизнь, развитие, любовь, жизненная мудрость и уверенность в себе) и второй (любовь, счастливая семейная жизнь, развитие, уверенность в себе и жизненная мудрость), видим отчетливую тенденцию в появлении счастья в семейной жизни, а потом любви или любви как причины счастья в семейной жизни.

В первой группе студентов возможно проследить тренд к тому, что только после получения внешних подкреплений, таких как счастливая семейная жизнь, развитие, любовь, жизненная мудрость, студент сможет быть уверенным в себе.

Во второй группе иерархия ценностей раскрывает временную перспективу, видение студентами своей жизни: давать любовь другому, жить счастливой семейной жизнью, развиваться, быть уверенным в себе и достичь жизненной мудрости.

По итогам нашей работы [5] общими для двух групп студентов являются инструментальные ценности: воспитанность, честность и ответственность.

В первой группе в иерархию приоритетных инструментальных ценностей была включена аккуратность, отражающая актуальный, социально одобряемый способ функционирования – качественное исполнение учебной деятельности. Во второй группе – жизнерадостность как оптимистичное отношение к учебе и жизни.

В первой группе иерархия инструментальных ценностей имеет вид: аккуратность, образованность и самоконтроль. В такой иерархии качественное выполнение учебной деятельности приведет к образованности и только потом к самоконтролю. Во второй группе инструментальные ценности расположены в следующем порядке: образованность, самоконтроль, жизнерадостность, где образованность приводит к самоконтролю, а образованность и самоконтроль придает жизни оптимистический настрой в любых обстоятельствах.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Исследование, проведенное с помощью теста смысложизненных ориентаций [4], позволило выявить следующее:

- студенты в первой группе находят направленность жизни как цель на будущее в сегодняшнем или вчерашнем дне (будущее), менее удовлетворены процессом своей жизни в настоящем (настоящее) и результатом прожитой части жизни (прошлое);
- студенты во второй группе имеют выраженные цели, сосредоточенные на будущем (будущее), живут интересными и эмоционально насыщенными процессами в сегодняшнем дне (настоящее), оценивают результаты прожитой части жизни как продуктивные, осмысленные и удовлетворены своей самореализацией (прошлое) [6].

Данные тестирования учащихся в первой группе отражают убеждение в том, что невозможно контролировать свою жизнь, и они как субъекты не могут осуществлять этот контроль, а во второй группе сведения демонстрируют убеждение в том, что контроль над жизнью возможен.

Для студентов из второй группы характерна большая осмысленность жизни и удовлетворенность ею в настоящем, а также более высокая, по сравнению со студентами из первой группы, оценка продуктивности пройденного пути, а также убежденность в возможности свободно принимать решения и реализовывать свои планы.

Учащихся первой группы с низкими показателями осмысленности жизни характеризует меньшая удовлетворенность ею в прошлом и настоящем, убеждение в невозможности ее контролировать.

Учащихся второй группы с высокими показателями осмысленности жизни характеризует наличие более выраженных целей, высокая эмоциональная насыщенность жизни и оценка прожитой ее части как продуктивной и осмысленной.

Самоосуществление как реализация задуманных жизненных целей (то, что человек хочет воплотить в своей жизни), адекватное самоуправление и саморегуляция в их осуществлении [7], преодоление жизненных обстоятельств и внутренних трудностей, концентрация усилий для реализации задуманного, образ будущего и себя в будущем (то, что человек может воплотить в своей жизни) выражаются в понятии самоактуализации.

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ

В одном из наших исследований студентов [8] с помощью методики самоактуализационного теста [3] были выявлены две тенденции.

Первая группа студентов ориентируется во временной перспективе своей жизни дискретно, ориентация во времени в настоящем происходит на прошлое или будущее. Прошлое трудно поддается осмыслению и анализу, а цели на будущее не выходят за границы настоящего или являются регрессией в прошлое. Невозможность прожить и осмыслить настоящий момент своей жизни приводит к пассивным жизненным позициям, выражающимся в преодолении жизненных обстоятельств через приспособление и подчинение им. Студенты являются несамостоятельными, извне направляемыми личностями, их ценности и поведение зависят от внешней оценки и руководства. Субъектность, проявляющаяся в руководстве собственной жизнью и рефлексии над ней на основе личных ценностных ориентаций, развита слабо.

Вторая группа студентов ориентируется во временной перспективе своей жизни целостно, ориентация во времени в настоящем происходит во всей его полноте и взаимосвязи этапов прошлого, настоящего

и будущего. Субъектность данной группы студентов выражается в поступках и независимом руководстве собственной жизнью, основанных на личных ценностных ориентациях. Их ценности и поведение не зависят от воздействия извне, и они как самоактуализирующиеся личности ощущают их и рефлексиируют над ними.

Результаты всех студентов из данного исследования показали, что они разделяют ценности, присущие самоактуализирующейся личности (приверженность своим принципам, оценкам, понимание своих и чужих достоинств и недостатков, принятие себя и других, доверие к себе и людям), но не способны в полной мере реализовывать их в поведении, реагировать на ситуацию с учетом своих ценностей. Изучаемые студенты воспринимали жизнь как сложный процесс и поэтому проявляли слабое стремление к его познанию и творческой деятельности. По этой же причине установление эмоционально-насыщенных контактов с людьми и субъект-субъектное общение требовали от них больших усилий. Учащиеся не принимали свои негативные эмоционально-поведенческие реакции как свойственные человеку, не могли начать работать с ними, а следовательно, не принимали себя в своем актуальном состоянии, но были способны выразить свои чувства, видели положительные свойства своего характера и черт личности.

Корреляционный анализ шкал самоактуализации выявил зависимость соотношения поведения студентов с ценностями и самооценкой и более выраженной независимостью поведения от воздействия извне; соотношения самооценки и положительной картины мира с усилением проявления принципов самоактуализирующейся личности; соотношения эмоционально-насыщенных контактов со следованием личным ценностным ориентациям; соотношения принятия себя с адекватной самооценкой.

Ценностные ориентации в первой группе студентов присутствуют в форме фрагментарных отголосков всего того, что их окружает. Данная ситуация не формирует целостной связи представлений о ценностях и соблюдения их, а отражается в отношении к ценностям в определенный момент времени и в определенных условиях, в зависимости от воздействия извне, следования внешней оценке и руководству.

Посредством когнитивной развертки, раскрытия, актуализации и присвоенных ценностей через их воздействие на человека в процессе познания, а также эмоционального отношения к ним студенты второй группы репрезентируют ценности, исходя из их интегрированности в структуру личности – ценностные ориентации личности с учетом внутрилличностного конфликта, своих способностей и возможностей к их волеизъявлению.

Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица

Самоактуализация и смысложизненные ориентации студентов с различной иерархией ценностей

Критерии	Первая группа (первый кластер) студентов	Вторая группа (второй кластер) студентов
Прожитая часть жизни (результат), прошлое	Не удовлетворены своей самореализацией, не могут осмыслить прожитую часть жизни	Удовлетворены своей самореализацией, относятся к прожитой части жизни как к продуктивной и осмысленной
Жизнь в настоящем (процесс), настоящее	Не удовлетворены своей самореализацией, ищут смысл жизни в прошлом или будущем	Живут интересным и эмоционально насыщенным сегодняшним днем
Цели на будущее (цель), будущее	Живут сегодняшним или вчерашним днем	Наличие целей на будущее придает жизни осмысленность, направленность и временную перспективу
Ориентация на ценности	Поведение и ценности зависят от внешней оценки и руководства, отношение к ценностям в определенный момент времени и в определенных условиях; убеждены в невозможности контролировать свою жизнь, и они как субъекты не могут осуществлять этот контроль	Реализуется феномен самоактуализации как самостоятельность, желание следовать в жизни и поведении собственным ценностям, интегрированным в структуру личности; убеждены в возможности контролировать свою жизнь, и они как субъекты могут осуществлять этот контроль

Критерии	Первая группа (первый кластер) студентов	Вторая группа (второй кластер) студентов
Ценностные ориентации	Воспитанность, развитие, аккуратность, исполнительность, ценности дела	Наличие хороших и верных друзей, жизнерадостность, чуткость, ценности общения, принятия других, альтруистические ценности
Самоактуализация и смысло- жизненные ориентации	Ценности, в которые включен другой человек и чувства по отношению к нему; более глубокие эмоциональные контакты с другими позволяют сильнее соизмерять поведение с ценностями и самооценкой; дают исследуемым удовлетворенность своей самореализацией в прошлом и настоящем; наличие целей на будущее приводит к убежденности в возможности контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и реализовывать свои планы в практической деятельности	

Составлено авторами по материалам исследования

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В иерархической структуре ценностных ориентаций первой группы студентов более высокие места занимают такие ценности, как воспитанность, развитие, аккуратность и исполнительность, две последние входят в категорию ценностей дела, на которую данная группа студентов предпочтительно ориентируется.

В первой группе учащихся смысло-жизненные ориентации проявляются слабо, что выражается в том, что они живут сегодняшним или вчерашним днем, не удовлетворены своей настоящей и прожитой жизнью, которую они не могут осмыслить, убеждены в невозможности осуществлять над ней контроль, свободно принимать решения и реализовывать свои планы.

В первой группе студентов самоактуализация реализуется слабо, что выражается в несамостоятельности, слабом руководстве в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами.

В иерархической структуре ценностных ориентаций второй группы учащихся более высокое место занимает ценность «наличие хороших и верных друзей». Данная группа предпочтительно ориентируется на категории ценностей общения, принятия других, альтруистические ценности и те, что относятся к перечисленным категориям жизнерадостности и чуткости.

Во второй группе реализуется феномен смысло-жизненных ориентаций, который выражается в наличии целей на будущее, в том, чтобы жить интересным и эмоционально насыщенным сегодняшним днем, в удовлетворенности своей самореализацией и в отношении к прожитой части жизни как продуктивной и осмысленной, в убежденности в том, что возможно контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и реализовывать свои планы.

Во второй группе учащихся реализуется феномен самоактуализации как независимость, желание руководствоваться в жизни собственными убеждениями, установками, целями, принципами.

На практике было доказано, что ценностные ориентации как общая осмысленность жизни связаны с тем, что жизнь воспринимается как целостный процесс, а также с целями, убеждениями, установками и принципами, особенностями самоактуализации. У студентов первой группы поведение и ценности зависят от внешней оценки и руководства, а отношения к ценностям формируются в конкретный временной период и в конкретных условиях, поэтому они как субъекты не могут контролировать жизнь. Напротив, у студентов второй группы реализуется феномен самоактуализации как независимость, желание руководствоваться в поведении и жизни своими ценностями, интегрированными в структуру личности. Соответственно, они как субъекты могут осуществлять контроль над собственной жизнью.

Самоактуализация и смысло-жизненные ориентации раскрываются в нашем исследовании как ценности, в которые включен другой человек и чувства по отношению к нему. Более глубокие эмоциональные контакты с людьми позволяют сильнее соизмерять поведение с ценностями и самооценкой, помогают учащимся почувствовать удовлетворение от своей самореализации в прошлом и настоящем. Наличие целей на будущее приводит к уверенности в способности контролировать собственную жизнь, беспрятственно принимать решения и воплощать поставленные цели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Студенческий возраст является периодом активной деятельности и развития, которое как процесс изменения приводит к реконсолидации ценностных ориентаций. Человеку необходимо выработать, особенно в период профессионального становления, центровзвешенную позицию, являющуюся направленностью в выборе в наличествующей иерархии ценностей, соизмерения и соотношения себя с ними, с постоянным действием по выработке привычки ориентации на выбранные ценности и отказа от того, что ей мешает. Различная иерархия ценностных ориентаций отличается особенностями самоактуализации и смысложизненными ориентациями.

Список литературы

1. *Рокеач М.* The nature of human values. New York: Free Press; 1973. 438 p.
2. *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл; 1992. 17 с.
3. *Гозман А.Я., Кроз М.В., Латинская М.В.* Самоактуализационный тест. М.: Российское педагогическое агентство; 1995. 43 с.
4. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл; 1992. 18 с.
5. *Бакушкин И.А., Ильичева И.М.* Содержательные компоненты ценностных ориентаций студентов. Вестник университета. 2021;3:168–176. <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-168-176>
6. *Бакушкин И.А., Ильичева И.М.* Содержательные компоненты смысложизненных ориентаций студентов. Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2021;2(62):86–92.
7. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл; 2019. 584 с.
8. *Бакушкин И.А., Ильичева И.М.* Исследование самоактуализации современных студентов. Психолого-педагогический поиск. 2021;3(59):55–65. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.59.3.006>

References

1. *Rokeyach M.* The nature of human values. New York: Free Press; 1973. 438 p.
2. *Leontev D.A.* Methodology of studying value orientations. Moscow: Smysl; 1992. 17 p. (In Russian).
3. *Gozman L.Ya., Kroz M.V., Latinskaya M.V.* Self-actualisation test. Moscow: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo; 1995. 43 p. (In Russian).
4. *Leontev D.A.* Test of life-purpose orientations. Moscow: Smysl; 1992. 18 p. (In Russian).
5. *Bakushkin I.A., Ilyicheva I.M.* Content components of students' value orientations. Vestnik universiteta. 2021;3:168–176. (In Russian). <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-168-176>
6. *Bakushkin I.A., Ilyicheva I.M.* Content components of students' life sense orientations. Innovation in psychological and pedagogical studies. 2021;2(62):86–92. (In Russian).
7. *Leontev D.A.* Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality. Moscow: Smysl; 2019. 584 p. (In Russian).
8. *Bakushkin I.A., Ilyicheva I.M.* Investigating modern students' self-actualization. Psychological and Pedagogical Search. 2021;3(59):55–65. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.59.3.006>

Реальные зависимости и значимые корреляции для показателя «конформизм – нонконформизм» (модель кварт независимой переменной)

Басимов Михаил Михайлович

Д-р психол. наук, вед. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-5380-1125, e-mail: basimov_@mail.ru

Университет Мировых Цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва, Россия

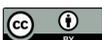
Аннотация

В статье рассматривается типология значимых связей для показателя «конформизм – нонконформизм» (ориентированный на группу – самостоятельный) в рамках изучения статистических связей с помощью авторского метода и корреляционного анализа. Всего выявлено 13 значимых связей, причем две из них умеренные (максимальная равна 0,41), а остальные очень слабые и слабые из интервала от 0,19 до 0,3, то есть в плане линейных моделей интереса не представляющие. При этом среди этих 13 зависимостей можно выделить две сильные простейшие нелинейные, действительно важные для исследования. Подробно описана сильная нелинейная зависимость переменной «Идеосинкратический тип» от переменной «конформизм – нонконформизм», а также для сравнения связь двух значимых зависимостей переменных «психопатия» и «личностный тип Отшельник» с той же переменной. Все три зависимости сходны по линейной составляющей и в рамках популярного сегодня среди психологов подхода должны представляться как содержательный результат работы. Однако в действительности только одна из них обладает первостепенным значением. Для наглядного представления рассмотрены графические сравнения трех зависимостей между собой, а также с их регрессионными моделями, построенными на основе линейной корреляции. Все это говорит о нелинейной природе зависимостей показателя «конформизм – нонконформизм» в проводимом психологическом исследовании.

Ключевые слова

Конформизм – нонконформизм, Идеосинкратический тип, линейная статистическая зависимость, нелинейная статистическая зависимость, коэффициент корреляции, значимая корреляция, коэффициент силы связи, сравнительная весомость, линейная регрессия, интерпретация

Для цитирования: Басимов М.М. Реальные зависимости и значимые корреляции для показателя «конформизм – нонконформизм» (модель кварт независимой переменной) // Вестник университета. 2024. № 1. С. 211–222.

Real dependencies and significant correlations for the indicator “conformity – non-conformity” (the model of quarts of independent variable)

Mikhail M. Basimov

Dr. Sci. (Psy.), Leading Researcher

ORCID: 0000-0001-5380-1125, e-mail: basimov_@mail.ru

Institute of World Civilizations, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the typology of significant connections for the indicator “Group-Oriented – Self-Reliant” (“conformism – non-conformism”) (oriented at the group – independent) within the framework of studying statistical connections with the author’s method and correlation analysis. A total of 13 significant connections were identified, two of which are moderate (the maximum is 0.41), and the rest are very weak or weak in the range from 0.19 to 0.3. It means that in terms of linear models they can be ignored. At the same time, among these 13 dependencies, two strong simplest nonlinear dependencies can be distinguished which are truly crucial for the research. The strong nonlinear dependency of the variable “Ideosyncratic type” on the variable “Group-Oriented – Self-Reliant” (“conformism – non-conformism”) was considered in detail, as well as the connection of two significant dependencies of the variables “psychopathy” and “Hermit personality type” with the same variable for comparison. All the three dependencies are similar in their linear component and within the framework of the modern approach, popular among psychologists, should be treated as a meaningful result of the study. However, in reality, only one of them is interesting to the researcher. For visual representation, graphical comparisons of the three with each other and with their regression models built on the basis of linear correlation are considered. This indicates the nonlinear nature of the dependencies of the indicator “Group-Oriented – Self-Reliant” (“conformism – non-conformism”) in the conducted psychological study.

Keywords

Conformity – nonconformity, Ideosyncratic type, linear statistical dependence, nonlinear statistical dependence, correlation coefficient, significant correlation, connection strength factor, comparative weightiness, linear regression, interpretation

For citation: Basimov M.M. (2024) Real dependencies and significant correlations for the indicator “conformity – non-conformity” (the model of quarts of independent variable). *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 211–222.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ статистических связей между рассматриваемыми признаками, скорее всего, – главный вид аналитических задач, встречающихся практически в любом психологическом исследовании. Это можно отследить по защищенным в последнее время кандидатским и докторским диссертациям, где за редким исключением не используется корреляционный метод, то есть исследователь не обращается к анализу причинно-следственных связей, исходя из поставленных в работе задач.

Корреляционная связь характеризует согласованные изменения двух признаков, при которых изменчивость одного находится в каком-либо соответствии с изменчивостью другого [1–6]. Это лежит в основе дальнейшего качественного анализа возможных причинно-следственных отношений между изучаемыми признаками респондентов.

До сих пор в психологическом сообществе в основном доминирует линейное мышление, хотя психологические данные по большей части имеют нелинейную природу [7] и не только описываемую зависимостями, близкими к монотонным, когда авторы пособий и статей обосновывают преимущества коэффициентов Пирсона или Спирмена друг перед другом [8].

Тем не менее, как показывает многолетний отечественный опыт, в том числе опыт Университета Мировых Цивилизаций имени В.В. Жириновского, в психологических исследованиях, если нет переизбытка родственных по содержанию переменных, между изучаемыми показателями доминируют прежде всего взаимосвязи, далекие от линейных. Ограничиваясь только простейшими нелинейными связями, можно выделить зависимости с максимумом или минимумом, а также монотонные (возрастающие, убывающие) или близкие к монотонным зависимости, которые слабо фиксируются коэффициентом корреляции, специально предназначенным для изучения степени линейности зависимости, представленной множеством точек на плоскости.

В основном, если ограничиваться простейшими нелинейными зависимостями, психологу наиболее интересными должны быть зависимости с максимумом или минимумом, часто соответствующие сущности психического как предмета исследования. Усложнение зависимостей – это путь к увеличению их количества вплоть до 100 %, когда n точек на плоскости соединяются многочленом n -ной степени. При этом математически зависимость будет всегда, но качественный научный смысл при этом полностью теряется.

Поэтому частые возражения о наличии для обработки данных психологических исследований нелинейной регрессии как всем доступного и понятного метода вне зависимости от образования наводят на вопрос о нечастом использовании нелинейной регрессии при преимущественно нелинейной природе связей между психологическими данными.

Модели нелинейной регрессии требуют подбора и построения зависимостей для каждой пары (из тысяч пар) переменных как в одном, так и в другом направлении, при этом регрессию можно построить и для слабой, и для сильной зависимости. Кроме того, возникают проблемы из-за большого количества повторяющихся значений в выборке, что наблюдается при использовании большинства психологических методик (например 8 различных значений для 120 испытуемых).

Предлагаемый авторский метод изучения связей предполагает рассмотрение в одной задаче простейших нелинейных зависимостей одновременно для всех упорядоченных пар переменных (психологических показателей), при этом находится сила связи, нормированная на единичную корреляцию (зависимость любого показателя от самого себя). Определяются простейшие нелинейные связи, и, прежде всего, как наиболее содержательные выделяются зависимости с максимумом или минимумом.

Проблеме регрессионных моделей с анализом возникающих при этом трудностей и неполным охватом сильных связей в рамках более простых функций, по всей видимости, требуется посвятить отдельную статью.

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сбор диагностической информации для решения поставленных исследовательских задач проводился с использованием следующего психологического инструментария:

- 1) опросник ММРІ (англ. Minnesota Multiphasic Personality Inventory – Миннесотский многоаспектный личностный опросник)[9];
- 2) опросник Р.Б. Кеттелла [9];
- 3) методика Дж. Олдхэма и Л. Морриса [9];

- 4) методика Т.Ф. Лири [10];
- 5) опросник Р. Маккрае и П. Коста [11];
- 6) опросник Г. Шмишека [9];
- 7) методика А. Басса и А. Дарки [9];
- 8) методика В.В. Бойко [9];
- 9) методика К. Томаса [10].

Выборка состояла из 120 испытуемых.

Метод изучения статистических связей был построен на основе авторского метода множественного сравнения [12]. Вначале по каждой переменной формируются квантильные разбиения (триады, кварталы, квинты) данных, после чего для них проводится множественное сравнение по обобщенному варианту, когда сравниваются между собой стандартизированные на всей совокупности значения всех переменных для всех квантильных групп. В заключение строятся коэффициенты силы связи, которые нормируются таким образом, чтобы аналог единичной корреляции (зависимость переменной от себя самой) в новых коэффициентах также принимал значение, равное (или почти равное) единице. Линейные зависимости становятся одними из частных случаев всех выявленных статистических связей. Когда зависимость далека от линейной (симметричный или несимметричный максимум или минимум), для сильных связей, в основном по результатам расчета коэффициентов силы связи, без субъективного фактора исследователя определяется переменная-причина и переменная-следствие, то есть алгоритм дает направление причинно-следственной связи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для данных по 9 психологическим методикам было выбрано 114 количественных показателей. Всего пар между различными показателями для матрицы размерности 114×114 будет $6\,441 = (114 \times 114 - 114) / 2$. Причинно-следственная связь, фрагмент которой для выбранного психологического показателя «конформизм – неконформизм» (ориентированный на группу самостоятельный) рассматривается в статье, между 114 показателями изучалась как с помощью коэффициента корреляции Пирсона, так и с помощью авторского метода в модели для кварт независимой переменной.

По принятым в настоящее время в психологическом сообществе правилам интерпретации коэффициента корреляции, когда достойными внимания считаются значимые корреляции, для показателя «конформизм – неконформизм» находится целый список из 13 зависимостей, при этом это очень слабые, слабые и умеренные корреляции с максимальным значением по модулю 0,41 (табл. 1 и табл. 2). Для большей наглядности приведены две недостаточно сильные для глубокого рассмотрения зависимости по коэффициенту силы связи (0,53 и 0,50) и с коэффициентами корреляции меньше порога значимости, равного 0,18.

Таблица 1

Значимые корреляции для показателя «конформизм – неконформизм»

№ корреляции	N1	N2	SV	SV'	R	Кварты	Параметр
1	22	69	1,07	0,22	0,24	16F-14	DSM-3
2	22	80	0,87	0,06	0,20	16F-14	DSM-14
3	22	4	0,24	0,10	-0,21	16F-14	MMPI-4
4	22	68	0,26	0,14	0,21	16F-14	DSM-2
5	22	89	0,37	0,20	-0,21	16F-14	PSY-9
6	17	22	0,26	0,07	0,19	16F-9	16F-14
7	12	22	0,26	0,16	0,22	16F-4	16F-14
8	23	22	0,26	0,18	0,23	16F-15	16F-14
9	25	22	0,22	0,19	-0,21	SMI-1	16F-14
10	44	22	0,32	0,18	0,29	25F-3	16F-14
11	67	22	0,65	0,54	0,26	DSM-1	16F-14
12	22	18	0,54	0,53	0,41	16F-14	16F-10
13	22	21	0,47	0,26	0,33	16F-14	16F-13

Окончание табл. 1

№ корреляции	N1	N2	SV	SV'	R	Кварты	Параметр
1	22	38	0,53	0,10	0,07	16F-14	LIR-5
2	49	22	0,50	0,11	0,17	25F-8	16F-14
	22	22	0,9977	0,9977	1	16F-14	16F-14

Примечание: N1, N2 – номера независимой X и зависимой Y переменных; SV, SV' – коэффициенты силы связи для зависимостей Y(X) и X(Y); R – коэффициент корреляции между переменными X и Y; DSM – диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (англ. Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders)

Составлено автором по материалам исследования

Таблица 2

Показатели из корреляционных связей для показателя «конформизм – неконформизм»

№ корреляционной связи	Переменная	Психологический показатель (шкала)
–	16F-14	16PF-Q2: конформизм – неконформизм
1	MMPI-4	MMPI-Pd: психопатия
2	PSY-9	MMPI: коррекция
3	16F-4	16PF-E: подчиненность – доминантность
4	16F-9	16PF-L: доверчивость – подозрительность
5	16F-10	16PF-M: практичность – развитое воображение
6	16F-13	16PF-Q1: консерватизм – радикализм
7	16F-15	16PF-Q3: низкий самоконтроль – высокий самоконтроль
8	DSM-1	A: Бдительный (параноидальный)
9	DSM-2	B: Отшельник (шизоид)
10	DSM-3	C: Идеосинкратический (шизопатия)
11	DSM-14	N: Серьезный (депрессивный)
12	SMI-1	Гипертимность
13	25F-3	Общительность – замкнутость
14	LIR-5	L: подчиняемый
15	25F-8	Доверчивость – подозрительность

Составлено автором по материалам исследования

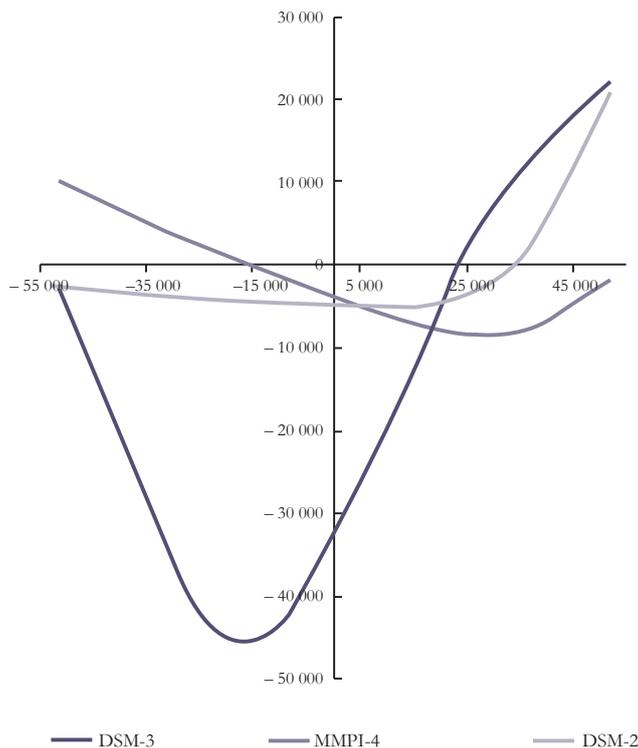
Всего значимых связей (для данного объема выборки из 120 испытуемых и $p = 0,05$ критическое значение равно 0,18) при традиционной интерпретации результатов корреляционного анализа с участием переменной «конформизм – неконформизм» имеется 13, из них только две умеренные (0,33 и 0,41), а 11 – слабые и очень слабые. При устоявшихся в последние десятилетия правилах интерпретации коэффициента корреляции этого вполне достаточно, чтобы представить результаты исследования как вполне результативного.

В общем виде для 114 показателей возможной 6 441 пары переменных 33,16 % – это значимые корреляции (по модулю больше 0,18) и только 0,26 % из них являются сильными, которые по модулю больше 0,7.

Среди указанных в табл. 1 значимых зависимостей можно отметить две сильные ($SV = 1,07$ и $SV = 0,87$), но нелинейные зависимости показателей опросника DSM (Идеосинкратический и Серьезный типы) от рассматриваемой в статье переменной «конформизм – неконформизм», одну из которых далее рассмотрим подобно в сравнении с некоторыми другими зависимостями. Даже значений коэффициента силы связи SV из интервала от 0,5 до 0,7 также совсем немного – всего четыре, причем два из них соответствуют при линейном анализе значимым корреляциям, а два других – очень слабым линейным корреляциям меньше критического значения 0,18. Значение $SV = 0,65$ при необходимости также допустимо рассматривать как заслуживающее внимание.

В последней строке табл. 1 представлен результат для аналога единичной корреляции (зависимость показателя 16F-14 от самого себя) с практически единичным значением коэффициента силы связи $SV = 0,9977$, которое незначительно отличается от максимального аналога единичной корреляции среди 114 показателей, принятого при нормировании за единицу.

В сравнении будут показаны три зависимости, в которых в качестве независимой переменной выступает шкала личностного опросника Р.Б. Кеттелла «конформизм – нонконформизм» (16F-14), от которой с той или иной силой зависят три переменные: «Идеосинкратический тип» (DSM-3), «психопатия» (MMPI-4), «личностный тип Отшельник» (DSM-2), но при этом по линейной составляющей, измеренной коэффициентом корреляции Пирсона, они хотя и являются значимыми, однако их можно отнести только к слабым (значения коэффициентов корреляции: 0,24, 0,21, –0,21). Если эти зависимости рассматривать с позиции простейших нелинейных связей в модели для кварт независимой переменной, то одну зависимость, зависимость показателя «Идеосинкратический тип» (DSM-3) от показателя «конформизм – нонконформизм» (16F-14), можно определить как сильную ($SV = 1,07$), а две другие, как и в случае линейного моделирования, только как слабые ($SV = 0,24$, $SV = 0,26$). Зависимости на основе сравнительных весомостей представлены на рис. 1 и в табл. 3.

Примечание: в графике представлены сравнительные весомости переменных для кварт 16F-14

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Зависимости переменных «Идеосинкратический тип» (DSM-3), «психопатия» (MMPI-4) и «личностный тип Отшельник» (DSM-2) от переменной «конформизм – нонконформизм» (16F-14)

Таблица 3

Сравнительные весомости переменных «Идеосинкратический тип» (DSM-3), «психопатия» (MMPI-4), личностный тип Отшельник» (DSM-2), «конформизм – нонконформизм» (16F-14) для кварт переменной «конформизм – нонконформизм» (16F-14)

Кварты	1	2	3	4
DSM-3	-2 535	-45 528	+5 849	+22 406
MMPI-4	+10 364	-128	-8 258	-1 718
DSM-2	-2 366	-4 208	-2 544	+21 089
16F-14	-51 660	-15 722	+28 424	+51 871

Составлено автором по материалам исследования

Сильная и значимая из трех представленных в табл. 3 и на рис. 1 зависимостей – это зависимость показателя «Идеосинкратический тип» (DSM-3) от показателя «конформизм – нонконформизм» (16F-14), которая характеризуется глубоким минимумом на второй кварте независимой переменной 16F-14.

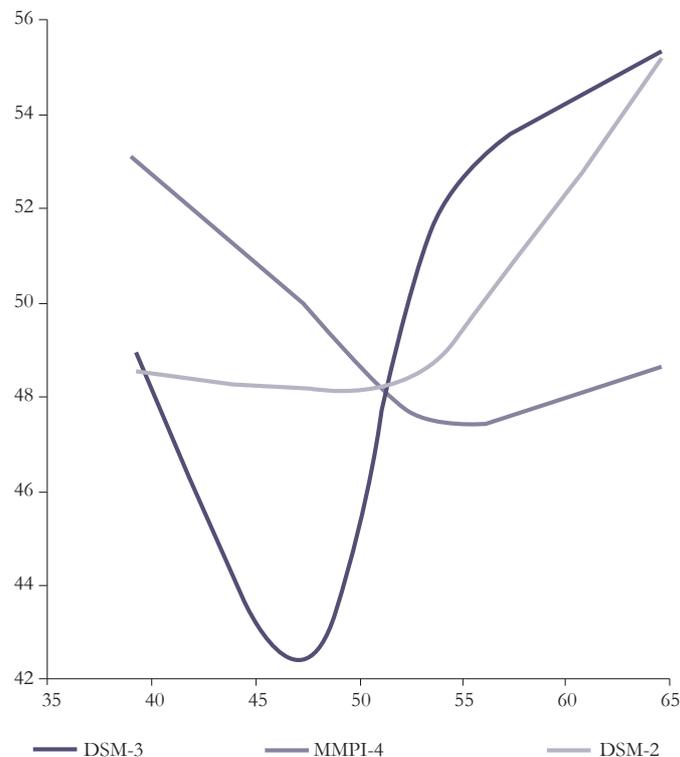
Значит, если мы вычеркнем из данных представителей первой кварты по независимой переменной (40 чел.), то получим достаточно сильную монотонную зависимость, но при этом не обязательно близкую к линейной, что может зафиксировать коэффициент корреляции.

В рассматриваемой зависимости компонента Идеосинкратического личностного типа вначале резко уменьшается с $-2\ 535$ до $-45\ 528$ по шкале сравнительной весомости при переходе с первой кварты ($0 \leq X < 5$ баллов по шкале теста, 40 чел.) на вторую кварту ($5 \leq X < 6$ баллов по шкале теста, 21 чел.) независимой переменной «конформизм – нонконформизм». После чего наблюдается резкий рост: сначала с $-45\ 528$ до $+5\ 849$ (третья кварта: $6 \leq X < 8$, 35 чел.), потом до $+22\ 406$ (четвертая кварта: $8 \leq X \leq 11$, 24 чел.).

Таким образом, при ослаблении настроений конформизма (вторая кварта: 5 баллов по шкале теста), то есть уже не так, как при более низких оценках, когда человек зависит от группы, следует за общественным мнением, предпочитает и работать, и принимать решения вместе с другими людьми, ориентируется на социальное одобрение, наблюдается резкая потеря имевшихся до того идеосинкратических черт. Однако при дальнейшем формировании нонконформизма, когда человек предпочитает собственные решения, независим, не нуждается в одобрении и поддержке, начинают отчетливо проявляться черты идеосинкратического типа, представители которого характеризуются как большие оригиналы. Они настроены на самих себя и поддерживаются собственными мыслями и убеждениями, самоориентированы и независимы, открыты для всего необычного.

Чтобы наглядно показать, что такая сильная зависимость реально существует в более доступных для понимания величинах, можно представить ее в виде средних значений переменных по квартам независимой переменной, но предварительно стандартизированных на всей рассматриваемой совокупности из 120 испытуемых, для которой среднее значение по переменной «конформизм – нонконформизм» (16F-14) равно 5,56, а среднее квадратическое отклонение – 2,12.

Хотя такие промежуточные величины можно приближенно рассматривать для демонстрационных целей, но они непригодны для построения и нормирования количественных мер связи (коэффициенты силы связи в авторском обозначении). На рис. 2 продемонстрированы одновременно три зависимости, в которых показатели «Идеосинкратический тип» (DSM-3), «психопатия» (MMPI-4) и «личностный тип Отшельник» (DSM-2) так или иначе зависят от переменной «конформизм – нонконформизм (16F-14)». Зависимости на основе средних значений для стандартизированных шкал показаны на рис. 2 и в табл. 4.

Примечание: в графике представлены средние значения стандартных баллов для кварт 16F-14

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Зависимости переменных «Идеосинкратический тип» (DSM-3), «психопатия» (MMPI-4) и «личностный тип Отшельник» (DSM-2) от переменной «конформизм – нонконформизм» (16F-14)

Средние значения стандартных баллов переменных «Идеосинкратический тип» (DSM-3), «психопатия» (MMPI-4) и «личностный тип Отшельник» (DSM-2), «конформизм – неконформизм» (16F-14) для кварт переменных «конформизм – неконформизм» (16F-14)

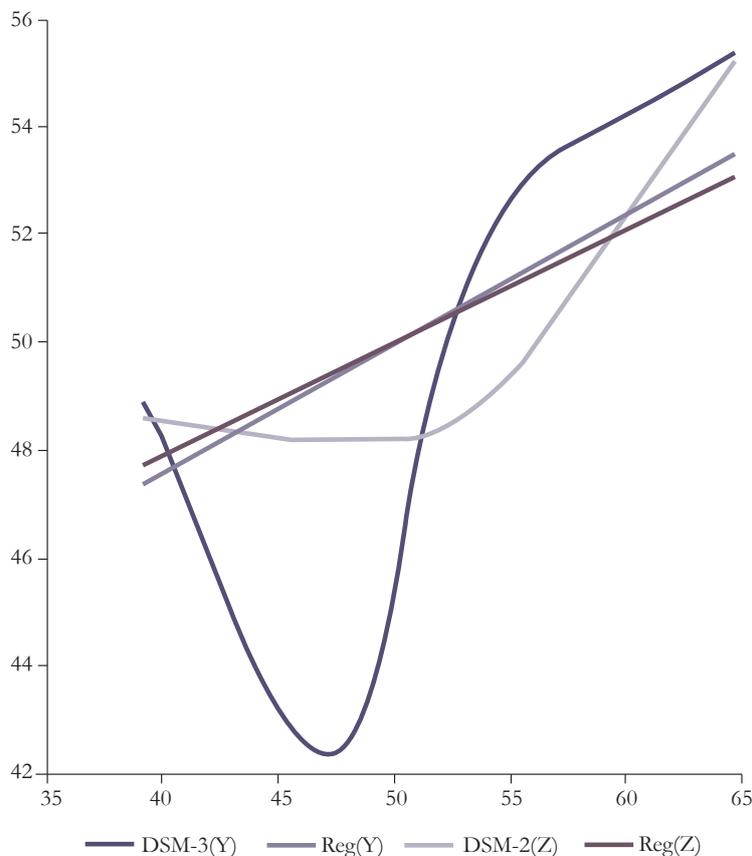
Кварты	1	2	3	4
DSM-3	48,95	42,46	52,03	55,39
MMPI-4	53,11	49,93	47,46	48,59
DSM-2	48,65	48,20	48,99	55,29
16F-14	39,13	47,37	53,96	64,63

Составлено автором по материалам исследования

Далее рассмотрим в сравнении, какой вклад вносит линейная корреляция в две зависимости переменных DSM-3(Y) и DSM-2(Z) от переменной 16F-14(X). Так как они представлены своими стандартными баллами, то все средние значения по переменным равны 50 ($M(X) = 50, M(Y) = 50$ и $M(Z) = 50$), а все средние квадратические отклонения равны 10 ($S(X) = 10, S(Y) = 10$ и $S(Z) = 10$).

Для зависимости Y(X) коэффициент корреляции $R_{xy} = 0,24$, коэффициенты уравнения регрессии $b = 0,24 \cdot 10:10 = 0,24$, $a = 50 \cdot (1 - 0,24) = 38$. В результате уравнение регрессии имеет вид: $Y = 38 + 0,24 \cdot X$. Для зависимости Z(X) коэффициент корреляции $R_{xz} = 0,21$, коэффициенты уравнения регрессии $b = 0,21 \cdot 10:10 = 0,21$, $a = 50 \cdot (1 - 0,21) = 39,5$. В результате уравнение регрессии имеет вид: $Z = 39,5 + 0,21 \cdot X$. Далее посчитаем средние значения для регрессионных моделей переменных Y и Z по квартам переменной X.

Ниже на рис. 3 и в табл. 5 показаны графики зависимостей переменных «Идеосинкратический тип» (Y:DSM-3) и «личностный тип Отшельник» (Z:DSM-2) от переменной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) и соотносящиеся с ними регрессионные прямые Reg(Y) и Reg(Z).

Примечание: в графике представлены средние значения стандартных баллов для кварт X:16F-14

Составлено автором по материалам исследования

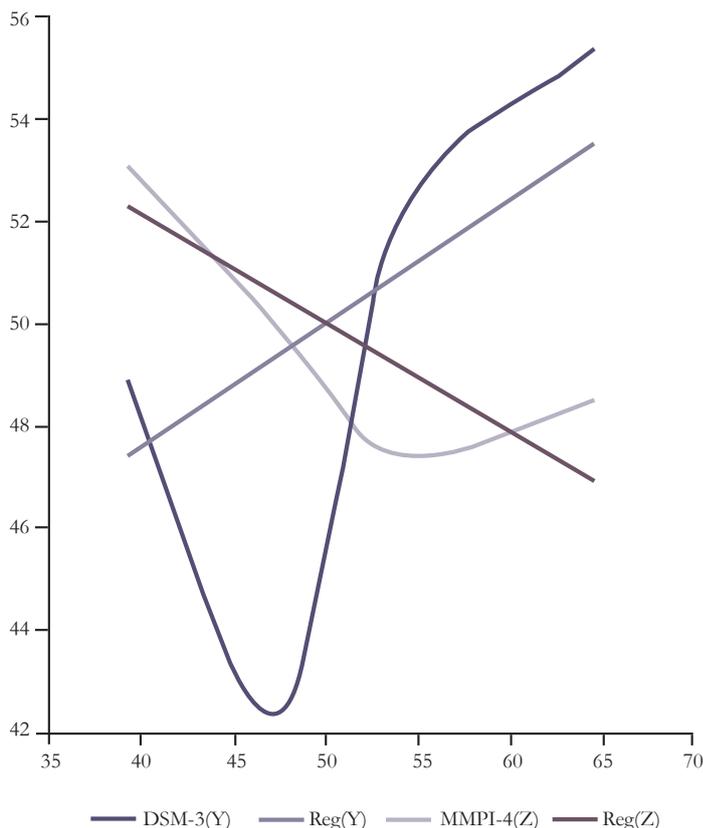
Рис. 3. Зависимости переменных «Идеосинкратический тип» (Y:DSM-3) и «личностный тип Отшельник» (Z:DSM-2) от переменной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) и соответствующие им регрессионные прямые

Средние значения стандартных баллов переменных «Идеосинкратический тип» (Y:DSM-3), «личностный тип Отшельник» (Z:DSM-2), «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) и соответствующих им регрессионных прямых Y(X) и Z(X) для кварт переменных «конформизм – неконформизм» (X:16F-14)

Кварты X	1	2	3	4
X:16F-14	39,13	47,37	53,96	64,63
Reg(Y)	47,39	49,37	50,95	53,51
Y:DSM-3	48,95	42,46	52,03	55,39
Reg(Z)	47,72	49,45	50,83	53,07
Z:DSM-2	48,65	48,20	48,99	55,29

Составлено автором по материалам исследования

Из графиков наглядно видно, какая малая часть связи приходится на линейную составляющую Reg(Y) сильной зависимости переменной «Идеосинкратический тип» (Y:DSM-3) от переменной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) с коэффициентом силы связи $SV = 1,07$. График регрессионной прямой Reg(Y) практически ничем не отличается от линейной составляющей Reg(Z) слабой зависимости переменной «личностный тип Отшельник» (Z:DSM-2) от переменной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) с коэффициентом силы связи $SV = 0,26$. Таким образом, линейная модель делает практически идентичными совершенно разные по форме зависимости, которые ошибочно представлять в одинаковой интерпретации.

Примечание: в графике представлены средние значения стандартных баллов для кварт X:16F-14

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Зависимости переменных «Идеосинкратический тип» (Y:DSM-3) и «психопатия» (Z:MMPI-4) от переменной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) и соответствующие им регрессионные прямые

и соответствующие им регрессионные прямые Reg(Y) и Reg(Z).

В качестве второго примера сравнения зависимостей, представленных на рис. 1 и рис. 2, рассмотрим, какой вклад в сравнении вносит линейная корреляция в две зависимости переменных DSM-3(Y) и MMPI-4(Z) от переменной 16F-14(X). Так как они представлены своими стандартными баллами, то все средние значения по переменным равны 50 ($M(X) = 50$, $M(Y) = 50$ и $M(Z) = 50$), а все средние квадратические отклонения равны 10 ($S(X) = 10$, $S(Y) = 10$ и $S(Z) = 10$).

Для зависимости Y(X) коэффициент корреляции $R_{xy} = 0,24$, коэффициенты уравнения регрессии $b = 0,24 \cdot 10:10 = 0,24$, $a = 50 \cdot (1 - 0,24) = 38$. В результате уравнение регрессии имеет вид: $Y = 38 + 0,24 \cdot X$. Для зависимости Z(X) коэффициент корреляции $R_{xy} = -0,21$, коэффициенты уравнения регрессии $b = -0,21 \cdot 10:10 = -0,21$, $a = 50 \cdot (1 + 0,21) = 60,5$. В результате уравнение регрессии имеет вид: $Z = 60,5 - 0,21 \cdot X$. Далее посчитаем средние значения для регрессионных моделей переменных Y и Z по квартам переменной X.

Ниже на рис. 4 и в табл. 6 представлены значения и графики зависимостей переменных «Идеосинкратический тип» (Y:DSM-3), «психопатия» (Z:MMPI-4) от переменной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) и соответствующие им регрессионные прямые Reg(Y) и Reg(Z).

Средние значения стандартных баллов переменных «Идеосинкратический тип» (Y:DSM-3), «психопатия» (Z:MMPI-4), «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) и соответствующих им регрессионных прямых Y(X) и Z(X) для кварт перемененной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14)

Кварты X	1	2	3	4
X:16F-14	39,13	47,37	53,96	64,63
Reg(Y)	47,39	49,37	50,95	53,51
Y:DSM-3	48,95	42,46	52,03	55,39
Reg(Z)	52,28	50,55	49,17	46,93
Z:MMPI-4	53,11	49,93	47,46	48,59

Составлено автором по материалам исследования

Из графиков наглядно видно, какая малая часть связи приходится на линейную составляющую Reg(Y) сильной зависимости переменной «Идеосинкратический тип» (Y:DSM-3) от переменной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) с коэффициентом силы связи $SV = 1,07$. График регрессионной прямой Reg(Y) очень мало отличается по интервалу изменения зависимой переменной от линейной составляющей Reg(Z) слабой зависимости переменной «психопатия» (Z:MMPI-4) от переменной «конформизм – неконформизм» (X:16F-14) с коэффициентом силы связи $SV = 0,24$.

Отличие только в том, что теперь слабая зависимость убывающая, то есть по смыслу она противоположна регрессионной модели для переменной Y:DSM-3, но нас в оценке регрессионной модели интересует только то, как сильно меняется зависимая переменная, и совершенно неважно, в каком направлении (убывает или возрастает). Таким образом, линейная модель делает практически одинаковыми по вариативности зависимой переменной совершенно разные по форме зависимости, которые ошибочно представлять в похожей по структуре (линейной) интерпретации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нелинейный эффект – это эффект, описываемый некоторой нелинейной зависимостью. Теория считается линейной или нелинейной с учетом того, какой – линейный или нелинейный – математический аппарат она использует [14].

Метод анализа данных в психологии и социологии для выявления в одной задаче как линейных, так и простейших нелинейных зависимостей был в свое время предложен автором [15]. В ранее опубликованных статьях демонстрировались типы ошибок, которые могут возникнуть, когда для изучения связей в психологических исследованиях используется только корреляционный анализ с общепринятыми на сегодняшний день интерпретациями величины коэффициента корреляции [16; 17], а исследователь направлен на трактовку исключительно линейных зависимостей.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу апробировалось в различных исследованиях по психологии, представляющих разноплановые области данной науки, например ЕСР-2009 [18]; ЕСР-2011 [19]; ЕСР-2015 [20]; ЕСР-2019 [21] (англ. European Congress of Psychology – Европейский психологический конгресс); ICP-2012 [22]; ICP-2016 [23] (англ. International Congress of Psychology – Международный психологический конгресс) и др.

Список литературы

1. Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. Пер. с англ. Л.И. Хайрусовой. М.: Прогресс; 1976. 494 с.
2. Дьячук А.А. Математические методы в психологических и педагогических исследованиях: учебное пособие. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева; 2013. 347 с.
3. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов: учебник. М.: Флинта; 2014. 337 с.
4. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб.: Речь; 2012. 392 с.
5. Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер; 2013. 416 с.

6. Рубцова Н.Е., Ленков С.А. Статистические методы в психологии: учебник и практикум для вузов. 3^е изд., испр. и доп. М.: Юрайт; 2023. 311 с.
7. Крылов В.Ю. Методологические и теоретические проблемы математической психологии. М.: Янус-К; 2000. 374 с.
8. Гаджигасанова Н.С. Методы прикладной статистики для социологов. Уфа: Башкирский государственный университет; 2020. 48 с.
9. Батаршев А.В. Психодиагностика пограничных расстройств личности и поведения. М.: Издательство Института Психотерапии; 2004. 319 с.
10. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара: Бахрах-М; 2022. 667 с.
11. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие. Курган: Издательство Курганского государственного университета; 2000. 23 с.
12. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: монография. М.: Издательство Московского психолого-социального института; 2008. 429 с.
13. Басимов М.М. Модели грубых типичных ошибок корреляционного познания сложной психологической реальности. Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017;4(143(16)):5–19. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2017-16-4-5-19>
14. Данилов Ю.А. Нелинейность. В кн.: Прекрасный мир науки: сборник статей. М.: Прогресс-Традиция; 2008. С. 159–167.
15. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research: monograph. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2011. 192 p.
16. Basimov M.M. Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach. In: Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects (HSSNPP 2019): Proceedings of the International Conference, Novosibirsk, March 05–06, 2019. Novosibirsk: Atlantis Press; 2019. Pp. 11–18.
17. Basimov M.M. Study of political preferences and type 1 errors in traditional correlation approach. In: Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018): Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, October 26–27, 2018. St. Petersburg: Atlantis Press; 2019. Pp. 488–494.
18. *The European Federation of Psychologists' Associations*. The 11th European Congress of Psychology: Abstracts, Poster Sessions, Oslo, July 07–10, 2009. Oslo: Norwegian Psychological Association; 2009. 940 p.
19. *The European Federation of Psychologists' Associations*. The 12th European Congress of Psychology: Abstracts, Poster Sessions, Istanbul, July 04–08, 2011. 1775 p.
20. *The European Federation of Psychologists' Associations*. The 14th European Congress of Psychology: Abstracts, Poster Sessions, Milan, July 07–10, 2015. 1049 p.
21. XVI European Congress of Psychology (ECP 2019): сборник тезисов конференции, Москва, 02–05 июля, 2019 г. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Издательский Дом; 2019. 2157 с.
22. XXX International Congress of Psychology: Abstracts. International Journal of Psychology. 2012;47. 804 p.
23. XXXI International Congress of Psychology: Abstracts. International Journal of Psychology. 2016. 1779 p.

References

1. Glass J., Stanley J. Statistical methods in pedagogy and psychology. Trans. from Eng. L.I. Khajrusova. Moscow: Progress; 1976. 494 p. (In Russian).
2. Dyachuk A.A. Mathematical methods in psychological and pedagogical research: textbook. Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafyev; 2013. 347 p. (In Russian).
3. Ermolaev O.Yu. Mathematical statistics for psychologists: textbook. Moscow: Flinta; 2014. 337 p. (In Russian).
4. Nasledov A.D. Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data: textbook. St. Petersburg: Rech; 2012. 392 p. (In Russian).
5. Nasledov A.D. IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis. St. Petersburg: Piter; 2013. 416 p. (In Russian).
6. Rubtsova N.E., Lenkov S.L. Statistical methods in psychology: textbook and practicum for universities. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Urait; 2023. 311 p. (In Russian).
7. Krylov V.Yu. Methodological and theoretical problems of mathematical psychology. Moscow: Yanus-K; 2000. 374 p. (In Russian).
8. Gadzhiganova N.S. Methods of applied statistics for sociologists. Ufa: Bashkir State University; 2020. 48 p. (In Russian).
9. Batarshv A.V. Psychodiagnostics of borderline personality and behaviour disorders. Moscow: Publ. House of the Institute of Psychotherapy; 2004. 319 p. (In Russian).
10. Rajgorodskij D.Ya. Practical psychodiagnostics. Techniques and tests: textbook. Samara: Bahrah-M; 2022. 667 p. (In Russian).

11. *Kbromov A.B.* Five-factor personality questionnaire: study guide. Kurgan: Publ. House of Kurgan State University; 2000. 23 p. (In Russian).
12. *Basimov M.M.* The study of statistical relations in psychological research: monograph. Moscow: Publ. House of Moscow Psychological and Social university; 2008. 429 p. (In Russian).
13. *Basimov M.M.* Models of significant typical errors at the correlational analysis of complex psychological reality. *Uchenye Zapiski RGSU.* 2017;4(143(16):5–19. (In Russian). <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2017-16-4-5-19>
14. *Danilov Yu.A.* Nonlinearity. In: The wonderful world of science: collected papers. Moscow: Progress-Tradition; 2008. Pp. 159–167. (In Russian).
15. *Basimov M.M.* Mathematical methods in psychological research: monograph. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2011. 192 p.
16. *Basimov M.M.* Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach. In: Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects (HSSNPP 2019): Proceedings of the Internation Conference, Novosibirsk, March 05–06, 2019. Novosibirsk: Atlantis Press; 2019. Pp. 11–18.
17. *Basimov M.M.* Study of political preferences and type 1 errors in the traditional correlation approach. In: Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018): Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, October 26–27, 2018. St. Petersburg: Atlantis Press; 2019. Pp. 488–494.
18. The European Federation of Psychologists' Associations. The 11th European Congress of Psychology: Abstracts, Poster Sessions, Oslo, July 07–10, 2009. Oslo: Norwegian Psychological Association; 2009. 940 p.
19. The European Federation of Psychologists' Associations. The 12th European Congress of Psychology: Abstracts, Poster Sessions, Istanbul, July 04–08, 2011. 1775 p.
20. The European Federation of Psychologists' Associations. The 14th European Congress of Psychology: Abstracts, Poster Sessions, Milan, July 07–10, 2015. 1049 p.
21. XVI European Congress of Psychology (ECP 2019): Proceedings, Moscow, 02–05 July, 2019. Moscow: Moscow State University. Publ. House; 2019. 2157 p.
22. XXX International Congress of Psychology: Abstracts. *International Journal of Psychology.* 2012;47. 804 p.
23. XXXI International Congress of Psychology: Abstracts. *International Journal of Psychology.* 2016. 1779 p.

Проблемы формирования социальной зрелости учащихся в образовательном пространстве

Забродина Ольга Владимировна

Канд. психол. наук, доц. каф. педагогики и психологии
ORCID: 0009-0009-2253-7822, e-mail: gorbunova@pgsga.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению особенности формирования социальной зрелости учащихся в образовательном пространстве. К проблемам данного феномена можно отнести следующие: незапланированная беременность, преждевременное рождение ребенка, неприятие одним или двумя родителями своего ребенка, отягощающая наследственность, послеродовые нарушения в физическом или психическом развитии, индивидуальные особенности ребенка, негативное влияние окружающей среды и людей, отсутствие воспитательных воздействий и социальная дезадаптация, а также иные политические, социально-экономические и культурно-этнические характеристики. В исследовании уделяется внимание процессуальным аспектам формирования социальной зрелости учащихся в образовательном пространстве. Кроме того, в статье представлена ее модель, отражены основные особенности создания и реализации модели. К тому же даны цели, задачи, факторы и психолого-педагогические условия рассматриваемого явления. Некоторые из представленных в исследовании факторов, воздействующих на ребенка в раннем дошкольном, школьном, студенческом возрасте, могут препятствовать его благоприятному формированию в любом образовательном учреждении, которое происходит по такому направлению, как естественный учебный и образовательный процесс. Специфика факультета прослеживается при этом в дисциплинах и компетенциях, которые соответствуют характеристикам социальной зрелости учащихся.

Ключевые слова

Социальная зрелость, формирование социальной зрелости, характеристики социальной зрелости, факторы социальной зрелости, учащийся, студент, образовательное пространство

Для цитирования: Забродина О.В. Проблемы формирования социальной зрелости учащихся в образовательном пространстве // Вестник университета. 2024. № 1. С. 223–229.

Problems of formation of socially mature students in the educational space

Olga V. Zabrodina

Cand. Sci. (Psy), Assoc. Prof. at the Pedagogy and Psychology Department
ORCID: 0009-0009-2253-7822, e-mail: gorbunova@pgsga.ru

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Abstract

The article studies peculiarities of the formation of socially mature students in the educational space. The following problems of this phenomenon may be mentioned: unplanned pregnancy, prematurity of a child, rejection of a child by one or two parents, aggravating heredity, postnatal disorders in physical or mental development, individual features of a child, negative impact of environment and people, lack of educational influence and social maladaptation, as well as other political, socio-economic, and ethnocultural specifics. In the research, attention is paid to procedural aspects of forming social maturity of students in the educational space. Besides, the article presents its model, main aspects of model creation and implementation are reflected. In addition, the author provides the purposes, objectives, factors, and psycho-pedagogical conditions of the considered occurrence. Some of the given factors of the research affecting a child in early preschool, school, and student age can prevent its favourable formation in any educational institution which happens in such a direction as the natural teaching and educational process. The specifics of the faculty are traced in disciplines and competencies that correspond to the characteristics of social maturity of students.

Keywords

Social maturity, social maturity formation, social maturity characteristics, social maturity factors, pupil, student, educational space

For citation: Zabrodina O.V. (2024) Problems of formation of socially mature students in the educational space. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 223–229.

ВВЕДЕНИЕ

В современном российском государстве уделяется внимание образовательному пространству, в котором происходит формирование и развитие личности учащегося. В условиях экономических, технологических и цифровых изменений важно, чтобы у детей активизировались качественные характеристики социальной зрелости. Они необходимы для достижения становления специалиста в разных сферах деятельности и особенно в психолого-педагогической.

В отечественной и зарубежной психолого-педагогической науке формирование социальной зрелости в образовательном пространстве рассматривается в различных направлениях, отдельных концепциях и позициях ученых. Теории и опытно-экспериментальные исследования в данной области предполагают не только дифференциацию и выделение характеристик, компонентов социальной зрелости, но и предлагают интеграцию и рассмотрение ее как определенного общего явления, такого как психология социальной зрелости.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социальная зрелость у человека возникает не одномоментно. Изначально ребенок учится физическому управлению своим телом, познает окружающую действительность и людей, которые находятся рядом с ним. Со временем он осваивает непосредственно-эмоциональную, предметно-манипуляторную, ролевую и учебную деятельность, знакомится с другими детьми, с правилами, нормами, ценностями и культурой страны, в которой он живет. Постепенно происходит становление и формирование определенных качеств личности. Эти качества благодаря социальному окружению, личностно-индивидуальным особенностям и образовательному процессу интегрируются в социальную зрелость. В связи с этим А.А. Акбарова [1], Е.А. Доценко [2], И.П. Шишковская [3] считают, что социальная зрелость является интегральным компонентом и личностным образованием.

В своей статье И.П. Шишковская представляет междисциплинарный анализ понятия социальной зрелости и концептуальные теории, в которых отражается суть термина, его структура и характеристики. Социальная зрелость, по мнению И.П. Шишковской, выступает интегральным личностным образованием, в которое включены ответственность, инициативность и самостоятельность учащихся в высшем учебном заведении. При этом важным аспектом является то, что в ходе взаимоотношений происходит непрерывное самосовершенствование студентов и всех субъектов образовательной деятельности [3].

В экспериментальном исследовании по изучению индекса социальной зрелости учащихся Н.И. Костина отмечает, что к важным критериям ее оценки можно отнести такие социальные проявления, как активность, ответственность, самоопределение. По ее мнению, индикаторами социальной зрелости студентов являются социально значимая деятельность и взаимодействие в ходе труда, учения, исследования и общения. Ее недостаточное развитие может быть связано с внутренними и внешними факторами. К одному из таких факторов она относит личностные особенности и сформированность индикаторов социальной зрелости учащихся до зачисления в высшее учебное заведение [4].

На аксиологический аспект в становлении социальной зрелости студентов указывают В.А. Архипова [5], Н.В. Маркова [6], А.А. Солдатченко [7]. В научной статье Е.В. Козаченко делается акцент на ответственности как на одном из важных составляющих в структурной иерархии [8].

Для того чтобы произошло формирование всех характеристик социальной зрелости [9], нужно время, и поэтому этот процесс начинается с детства. У каждого человека он происходит по индивидуальной траектории развития. Постепенное становление социальной зрелости сочетается с формированием личности ребенка.

Г.Н. Лесникова и М.М. Шевлякова [10] считают, что на сам процесс оказывают влияние разные факторы и условия, но одним из первостепенных факторов является здоровый образ жизни и окружающая среда.

С развитием и заменой одних условий на другие личность ребенка в определенный период переходит в личность учащегося, школьника и студента. Данный этап зависит от такого условия, как общая окружающая среда и пространство, в котором он реализует и приобретает новые умения, навыки, компетенции и качества [11].

Образовательное пространство предполагает среду, в которой люди взаимодействуют друг с другом для приобщения к общей культуре и образованию собственной индивидуальной культуры [12]. И.В. Ижденева в своей работе отмечает важность личностно-ориентированного подхода для развития учащихся

в современном образовательном пространстве [13], а А.В. Новиков и Д.Н. Слабкая подчеркивают благоприятное развитие самоактуализации в условиях современного общества [14].

Процесс формирования социальной зрелости студентов в пространстве высшего профессионального учебного заведения происходит под влиянием внутренних и внешних факторов. В нем участвуют все субъекты образовательной деятельности. В зависимости от того, кто находится в образовательном пространстве, выделяют индивидуальный, групповой, мировой уровни.

Однако формирование социальной зрелости в этом поле можно представить на теоретико-практическом уровне, в котором модель соединяет теоретические воззрения разных исследователей и точку зрения автора с апробацией данной модели на практике.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ УЧАЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

К методу моделирования обращаются и внедряют его в свои исследовательские работы аспиранты, кандидаты и доктора наук. Он используется для того, чтобы наглядно представить психолого-педагогическую работу, отметить особенности опытно-экспериментальной работы и ее результативность. Создание модели в виде рисунка и детальное описание цели, задач, подходов, направлений, процесса реализации и предполагаемого результата во время становления социальной зрелости показывает значимость использования этого метода в научном исследовании.

Этап конструирования психологической модели начинается с определения цели, задач, сбора информации об объекте и субъекте исследования. При этом психологическая или психолого-педагогическая модель должна выглядеть в виде системы, которая представляется мысленно и/или реализуется материально.

Чтобы рассмотреть содержание модели, составленной и апробированной в процессе нашего исследования, следует обозначить поставленные цель и задачи. Ее целью являлось формирование уровня социальной зрелости учащихся в пространстве гуманитарного педагогического вуза.

Задачи модели – реализация условий формирования социальной зрелости студентов в образовательном пространстве и ее уровня, активизация качественных характеристик феномена.

Для решения выдвинутых цели и задач мы ориентировались на фундаментальные положения психолого-педагогических подходов, использующихся в процессе развития социальной зрелости учащихся. К таким подходам относятся деятельностный, индивидуализированный, компетентностный, личностно-ориентированный. Каждый из них имеет общие положения, которые дополняют условия реализации модели.

Помимо цели, задач, условий и подходов, выделяют факторы, влияющие на формирование социальной зрелости учащихся в образовательном пространстве. Изучение психолого-педагогических источников литературы позволило выделить основные.

Препятствуют процессу определенные факторы, к которым относятся три главных:

- отрицательные проявления психотипов учащихся;
- отсутствие образовательного пространства или исключение учащихся из него;
- низкий уровень сформированности социально значимых качеств учащихся.

Модель становления социальной зрелости может включать различные направления работы. Однако в результате анализа библиографического списка, включающего современные журналы с актуальными исследованиями по теме диссертации, нами были выделены несколько основных направлений, которые в наибольшей степени оказывают влияние на формирование социальной зрелости студентов в образовательном пространстве.

Следовательно, модель процесса развития социальной зрелости, разработанная и апробированная в нашем исследовании, предполагает три направления работы. В них мы включили естественный учебный процесс в высшем учебном заведении, специально разработанную программу и схему индивидуального консультирования.

Одним из направлений формирования уровня социальной зрелости учащихся является учебный процесс как его естественное условие. Он включает в себя наличие субъектов и объектов. Главными его субъектами выступают педагоги и учащиеся. Для того чтобы преподаватели реализовали свою педагогическую деятельность, а студенты освоили программу по выбранной ими будущей профессии, для каждого профиля составлен учебный план. Компетенции, которые включены в него, формируют определенные качества, умения и навыки учащихся. В нашем исследовании важен для рассмотрения

и качественно-количественного анализа федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (далее – ФГОС ВПО) по направлению подготовки 050400 (050400.62 соответственно учебному плану) Психолого-педагогическое образование (профиль «Психология образования»).

Чтобы представить разбор тех компетенций, которым соответствуют характеристики социальной зрелости учащихся, следует рассмотреть содержание каждой из них. На основе анализа всего учебного плана, каждой дисциплины и практической составляющей были выделены дисциплины и практики, включающие в себя одну или несколько компетенций, которые формируют социальную зрелость учащихся в образовательном пространстве высшего учебного заведения.

В плане, которой мы выбрали для изучения и анализа, отражен полный перечень компетенций и их описание в соответствии с социальной зрелостью. У каждой есть название, определенный код и описание ее содержания. Компетенции, формирующие этот процесс развития личности, мы распределили по ее структурной составляющей. К ним относятся:

- ОК-4, ОК-7, ОК-10, ОК-8 (общекультурные компетенции);
- ОПК-1, ОПК-6, ОПК-8, ОПК-9, ОПК-10, ОПК-12 (общепрофессиональные компетенции);
- ПКНО-1, ПКНО-6 (профессиональные компетенции в образовательной деятельности на начальной ступени общего образования);
- ПКСП-4, ПКСП-6, ПКСП-7 (профессиональные компетенции в области социально-педагогической деятельности);
- ПКПП-4, ПКПП-6 (профессиональные компетенции в деятельности по психолого-педагогическому сопровождению дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования);
- ПКСПП-4, ПКСПП-6 (профессиональные компетенции в области психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в коррекционном и инклюзивном образовании);
- ПКД-6 (профессиональные компетенции в образовательной деятельности в дошкольном образовании).

Специфика факультета, его профессорско-педагогический состав, дисциплины и компетенции способствуют формированию качеств социальной зрелости учащихся в естественном учебном и образовательном процессе. Для определения его проблем и особенностей, кроме компетенций, были выделены дисциплины и виды практик в плане 050400.62 факультета психологии [15]. Выявилось более 50 дисциплин и четыре практики, компетенции которых оказывают влияние на процесс становления социальной зрелости.

Следует отметить, что дисциплины, выделенные нами, включают в себя несколько компетенций, однако ни в одной из них нет всех, которые соответствуют характеристикам социальной зрелости студентов в образовательном пространстве высшего учебного заведения, имеющим значение для ее формирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К проблемам формирования социальной зрелости учащихся можно отнести внешние и внутренние особенности развития ребенка, учащегося. Оно происходит по направлению естественного учебного и образовательного процесса.

Характеристики социальной зрелости и качества необходимы для становления специалиста в разных сферах деятельности, в частности психолого-педагогической. Представленный анализ компетенций, включенных во ФГОС ВПО по направлению подготовки 050400 Психолого-педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр») позволяет предположить, что в процессе обучения на факультете психологии происходит формирование социальной зрелости студентов. Компетенции, выделенные в дисциплинах, практиках дают возможность ее развить, но не на высоком уровне. После качественно-количественного анализа было определено, что естественный учебный и образовательный процесс в недостаточной степени способен повлиять на особенности развития социальной зрелости учащихся. У студентов после поступления в высшее учебное заведение диагностирован в основном низкий и средний уровни социальной зрелости. Следовательно, для значительного повышения уровней важно не только полагаться на естественный образовательный процесс, но и проводить дополнительную работу с учащимися. Для этого мы разработали модель формирования социальной зрелости, в которой дополнительно к естественному учебному процессу добавлены другие направления для ее повышения.

Список литературы

1. *Акбарова А.А.* Взаимосвязь гармоничности ценностных ориентаций и социальной зрелости. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2018;2(7):149–155. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-149-155>
2. *Доценко Е.А.* «Социально-психологическая зрелость» – формирование понятия. Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020;3:4–12. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.3.4-12>
3. *Шишкова И.П.* Междисциплинарный анализ феномена «социальная зрелость студента». Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023;2(43(12)):111–114.
4. *Костина Н.И.* Экспериментальное изучение показателей индекса социальной зрелости у студентов. Общество. 2021;2–2(21):111–115.
5. *Архипова В.А.* Социальная зрелость и ценностные ориентации студенчества как факторы успешности учебной деятельности. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022;7:15–19. <https://doi.org/10.23672/k3805-8984-4288-p>
6. *Маркова Н.В.* Аксиологический подход к воспитанию социальной зрелости студентов в профессиональном обучении. Педагогика & психология. Теория и практика. 2022;3(27):55–64.
7. *Солдатченко А.А.* Аксиологический аспект становления социальной зрелости студентов технического вуза в контексте цифровизации системы высшего образования. Libri Magistri. 2022;2(20):93–101. https://doi.org/10.52172/2587-6945_2022_20_2_93
8. *Козаченко Е.В.* Структурный анализ социальной зрелости будущих социальных психологов. Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2021;8(50):164–166.
9. *Погорова Р.И.* Характеристики социально-психологической зрелости студентов-психологов. Вопросы науки и образования. 2021;8(133):38–45. <https://doi.org/10.24411/2542-081X-2021-10802>
10. *Лесникова Г.Н., Шевлякова М.М.* Здоровый образ жизни. Социальная зрелость личности. Тенденции развития науки и образования. 2023;95–1:74–78. <https://doi.org/10.18411/trnio-03-2023-24>
11. *Давлетшина З.А.* Развитие социальной зрелости обучающихся в процессе общественно полезной деятельности. Вестник НЦБЖД. 2023;2(56):13–18.
12. *Иванова С.В.* Образовательное пространство и образовательная среда: в поисках отличий. Ценности и смыслы. 2015;6(40):23–28.
13. *Ижденева И.В.* Личностно-ориентированный подход в современном образовательном пространстве. Интерактивная наука. 2021;8(63):21–22. <https://doi.org/10.21661/r-554781>
14. *Новиков А.В., Слабкая Д.Н.* Феномен самоактуализации в условиях современного общества в образовательном пространстве и образовательной среде. Педагогический журнал. 2020;3–1(10):348–353. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.45.82.086>
15. *Забродина О.В.* Психолого-педагогические условия развития социальной зрелости будущих педагогов-психологов. Авторефер. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет; 2016. 22 с.

References

1. *Akbarova A.A.* Interdependence of harmoniousness of valuable orientations and social maturity. Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Educational acmeology. Developmental psychology. 2018;2(7):149–155. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-149-155>
2. *Dotsenko E.L.* “Social-psychological maturity” – forming the concept. Herald of Omsk University. Series “Psychology”. 2020;3:4–12. (In Russian). <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.3.4-12>
3. *Shishkovskaya I.P.* Interdisciplinary analysis of the phenomenon “students’ social maturity”. Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2023;2(43(12)):111–114. (In Russian).
4. *Kostina N.I.* Experimental study of index of social mature in students. Society. 2021;2–2(21):111–115. (In Russian).
5. *Arkhipova V.A.* Social maturity and value orientations of students as factors of success of educational activities. Humanities, social-economic and social sciences. 2022;7:15–19. (In Russian). <https://doi.org/10.23672/k3805-8984-4288-p>
6. *Markova N.V.* Axiological approach to education of social maturity of students in the direction of professional training. Pedagogy & Psychology. Theory and practice. 2022;3(27):55–64. (In Russian).
7. *Soldatchenko A.L.* Axiological aspect of the formation of social maturity in technical university undergraduates in the context of digitalization of the system of higher education. Libri Magistri. 2022;2(20):93–101. (In Russian). https://doi.org/10.52172/2587-6945_2022_20_2_93

8. *Kozachenko E.V.* Structural analysis of social maturity of future social psychologists. Bulletin of the LSU named after V. Dahl. 2021;8(50):164–166. (In Russian).
9. *Pogorova R.I.* Characterisation of the social and psychological maturity of studying psychologists. Issues of Science and Education. 2021;8(133):38–45. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2542-081X-2021-10802>
10. *Lesnikova G.N., Shevlyakova M.M.* Healthy lifestyle. Social maturity of the individual. IJournal. 2023;95–1:74–78. (In Russian). <https://doi.org/10.18411/trnio-03-2023-24>
11. *Davletshina Z.D.* Development of social maturity of students in the process of publicly useful activities. Vestnik NTsBZhD. 2023;2(56):13–18. (In Russian).
12. *Ivanova S.V.* Education space and education milieu: in search of differences. Values and Meanings. 2015;6(40):23–28. (In Russian).
13. *Izhdeneva I.V.* A personality-oriented approach in the modern educational space. Interactive science. 2021;8(63):21–22. (In Russian). <https://doi.org/10.21661/r-554781>
14. *Novikov A.V., Slabkaya D.N.* The phenomenon of personality in the conditions of modern society in the educational space and educational environment. Pedagogical journal. 2020;3–1(10):348–353. (In Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2020.45.82.086>
15. *Zabrodina O.V.* Psychological and pedagogical conditions for the development of social maturity of future educational psychologists. Abstr. diss. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.07. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education; 2016. 22 p. (In Russian).

Эмоциональный интеллект: к проблеме определения понятия

Расторгуева Елена Николаевна

Канд. психол. наук, доц. каф. социологии и политологии

ORCID: 0000-0001-5593-4984, e-mail: elnigor@mail.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Аннотация

Статья посвящена обоснованию необходимости уточнения определения эмоционального интеллекта (далее – ЭИ). На основе анализа накопленных данных о нейрофизиологических основах ЭИ и психологической травмы, а также учитывая методы психотерапевтической работы различных направлений с эмоциями и чувствами человека, предлагается и аргументируется введение нового элемента в определение и структуру ЭИ – эмоциональной сензитивности (чувствительности) (далее – ЭС). ЭС рассматривается как способность направлять внимание на свои эмоции и чувства, быть в контакте с ними, полно испытывать, ощущать их, погружаться в них, переживать, глубоко проживать в безопасных условиях, дистанцироваться от них при необходимости, снова возвращаться к своим переживаниям. Если способность осознания своих эмоций и чувств является интегративной, аффективно-когнитивной по своей природе, то ЭС – эмоциональная основа их осознания, которую предлагается выделить отдельно в качестве самостоятельного и важнейшего элемента ЭИ. В целом ЭИ предстает как эмоционально-когнитивно-личностное образование, когда подчеркивается и отражается интегративная сущность данного понятия, состоящая в единстве аффективных и когнитивных процессов человека. В длительной психотерапии уделяется особое и отдельное внимание развитию такой способности, как ЭС, при этом в силу важного практического значения в повседневной жизни людей ее необходимо отразить в определениях ЭИ и учитывать при любых формах психологической работы с человеком.

Ключевые слова

Эмоциональный интеллект, когнитивный аспект, эмоциональный аспект, эмоции, чувства, мысли, психотерапия, саморегуляция, эмоциональная сензитивность (чувствительность), управление эмоциями, управление чувствами, психологическая травма

Для цитирования: Расторгуева Е.Н. Эмоциональный интеллект: к проблеме определения понятия // Вестник университета. 2024. № 1. С. 230–239.

Emotional intelligence: on the problem of defining the concept

Elena N. Rastorgueva

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Sociology and Politology Department
ORCID: 0000-0001-5593-4984, e-mail: elnigor@mail.ru

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract

The article is devoted to substantiate the need to clarify the definition of emotional intelligence (hereinafter referred to as EI). With consideration to the accumulated data on the neurophysiological foundations of EI and psychological trauma, as well as to the methods of psychotherapeutic work of various directions with human emotions and feelings, the introduction of a new element in the definition and structure of EI – emotional sensitivity (hereinafter referred to as ES) – is proposed and argued. ES is considered as the ability to focus attention on your emotions and feelings, be in contact with them, fully experience, be aware of them, immerse yourself into them, live deeply in safe conditions, distance yourself from them if necessary, and return to your experiences again. If the ability to realise one's emotions and feelings is integrative, affective-cognitive in nature, then ES is the emotional basis of awareness of them, which is proposed to be distinguished separately as an independent and most important element of EI. In general, EI appears as an emotional-cognitive-personal education when the integrative essence of the concept, consisting in the unity of affective and cognitive processes of a person, is emphasised and reflected. In long-term psychotherapy, special and particular attention is given to the development of such an ability as ES. However, due to its important practical significance in people's daily life, it should be showed in the definitions of EI and remembered in all forms of psychological work with a person.

Keywords

Emotional intelligence, cognitive aspect, emotional aspect, emotions, feelings, thoughts, psychotherapy, self-regulation, emotional sensitivity (sensibility), managing emotions, managing feelings, psychological trauma

For citation: Rastorgueva E.N. (2024) Emotional intelligence: on the problem of defining the concept. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 230–239.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы эмоционального интеллекта (далее – ЭИ) сегодня не вызывает сомнений. Проблема ЭИ – одна из самых обсуждаемых в современной психологии. При этом данное понятие остается дискуссионным, сосуществуют различные подходы к его определению. Наиболее глубокий анализ и систематизация накопленных научных знаний об ЭИ представлены, на наш взгляд, в работе И.Н. Андреевой, где автор предлагает его интегративную модель [1].

Количество эмпирических исследований, посвященных ЭИ, постоянно увеличивается, их результаты подтверждают его роль в различных областях практической жизни человека. Концепция ЭИ может стать основой для интеграции различных направлений психотерапии, преодоления односторонности и нецелостности – в плане рационального и эмоционального – работы с клиентами [2]. Использование концепции в качестве теоретико-методологической основы для организации целостной практической работы затрудняется большим количеством нерешенных теоретических вопросов относительно ЭИ [1]. В этой статье ограничимся анализом определений ЭИ.

В экспериментальных психотерапевтических исследованиях доказано, что переживание и проживание своих чувств человеком в процессе психотерапии оказывается важнейшим фактором в разрешении его разнообразных психологических проблем [2–4]. В повседневной жизни человеку легко проигнорировать момент проживания чувств в угоду решению задачи адаптации к реальным конкретным ситуациям. Стремление быстрее достичь поставленных целей, справиться с собой, со своим внутренним состоянием нередко вызывает прежде всего подавление человеком своих переживаний, что временно внешне может выражаться как успешная саморегуляция, а внутренне ощущаться как спокойствие, избавление от чувств. Однако вытеснение своих эмоций и чувств может иметь отдаленные опасные индивидуальные и социальные последствия. Экспресс-методы управления эмоциями и чувствами в условиях дефицита времени или при необходимости дистанцирование от них – умение отставить свои чувства в сторону – абсолютно необходимы, но эффективны и безопасны лишь тогда, когда бессознательное человека не переполнено накопленными переживаниями [2]. Сегодня тенденция подавления человеком своих переживаний является остро актуальной. Война, серьезные социальные и глобальные мировые проблемы, кризис международных отношений, сложности вести диалоги, договариваться и понимать друг друга могут рассматриваться в качестве негативных последствий недостаточного чувствования человеком своих эмоций, страха перед ними как результат и опасность дальнейшего эмоционального обеднения человечества. В научном знании мы также наблюдаем недостаточное внимание к эмоциям и чувствам. В рассмотрении ЭИ побеждает когнитивистский подход: в определениях ЭИ и его структурных компонентах отсутствует элемент чувствования и глубокого проживания эмоциональных переживаний. Ведущей (важнейшей) функцией ЭИ многие исследователи обозначают адаптационную [1, с. 50], однако в ней не учитываются ощущения внутреннего благополучия человека, полноты, наполненности жизни, живости, человечности.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Известно, что возникновение в науке понятия ЭИ является следствием развития представлений о взаимосвязи когнитивных и аффективных процессов. Однако удалось ли на самом деле в данном понятии реализовать их интеграцию? Представляется, что эмоциональные процессы не затрагиваются в достаточной мере. Для первоначальных в науке определений ЭИ это объяснимо, так как понятие возникло в рамках когнитивистских теорий. Тем не менее, большинство современных дефиниций ЭИ сохранили данную тенденцию. Так, из 35 проанализированных нами определений разных авторов только три (Д. Гоулмана, Р.К. Купера и О.И. Власовой) включают в себя эмоциональный аспект, начинаются со слов «чувствовать» или «эмоциональная сензитивность» [5–7]. Есть два определения Е.П. Ильина и В.Д. Шадрикова, в которых способность чувствовать включена в понятие ЭИ [8; 9], например когда ЭИ понимается как эмоционально-интеллектуальная деятельность [8]. 22 дефиниции (Дж.Д. Майера, П. Саловея, Д.Р. Карузо, Д. Гоулмана, Г.Г. Гарсковой, С.В. Даниловой, А.П. Лобанова, Д.В. Люпина, М.А. Манойловой, И.Н. Мещеряковой, И.В. Плужникова, Г. Мэттьюза, С. Шабанова, А. Алешиной, И.Н. Андреевой, Н.А. Ивановой, Д.Н. Винничука, Э. Леви) начинаются с аспекта различения (распознавания, определения, идентификации и т.п.) и понимания, осознания чувств и эмоций [10–16].

Существуют определения (Р. Бар-Она, Р.А. Финке, Р. Бака, Э.Л. Носенко, Г. Орма, Н.С. Шутте, Г.М. Бреслава, В.Д. Юркевича), в которых фиксируется только эффективное управление эмоциями (собой, своей деятельностью), или способности человека не конкретизируются вообще, а говорится об их связи в целом с успешностью (эффективностью) человека [17; 18]. Таким образом, подавляющее большинство существующих определений ЭИ начинаются с когнитивного процесса понимания эмоций. Эмоциональный аспект сам по себе – способность человека чувствовать, быть в контакте со своими чувствами – не указывается в современном понятии ЭИ. Представляется, что важно и необходимо его уточнить, чтобы действительно реализовать исходное положение о том, что оно находится на стыке эмоций и интеллекта, обеспечивает целостное их рассмотрение.

Итак, с учетом включения данного аспекта как самостоятельного в обсуждаемое понятие ЭИ – это совокупность способностей чувствовать, понимать эмоции (собственные и других людей), выражать и управлять ими, проживать эмоции и чувства, а также компетенций, связанных с обработкой и преобразованием эмоциональной информации. Известно, что осознание, понимание эмоций и чувств возможно только на основе их чувственной представленности человеку [5; 13], поэтому сделанное уточнение в определении ЭИ не противоречит большинству существующих дефиниций, однако имеет большое практическое значение. Рассмотрим его далее.

В психотерапевтической литературе обсуждается важность умения человека систематически быть в контакте со своими эмоциями и чувствами [2–4]. Ранее было сделано обобщение имеющихся экспериментальных данных, что в процессе психотерапии показана и доказана важность единства и смены двух процессов в обращении с ними – это и глубокое их проживание, и дистанцирование от них [2]. Неосознанные и мало осознанные переживания раннего детства и взрослого состояния являются частью психики каждого человека. Осознание своих чувств включает их чувствование, однако в силу рационального склада личности или ее защитных механизмов (рационализации, интеллектуализации и др.) процесс проживания может быть поверхностным, недостаточным, может останавливаться, значительно ограничиваться рассуждением о своих чувствах. Более того, в случае невротизации, психопатизации личности [3; 4], психологических травм (далее – психотравма) [19] человек может оказываться не в контакте со своими чувствами, последнее актуально для каждого человека с учетом разной степени и непредсказуемости психотравм. В связи с этим важно выделить в структуре ЭИ отдельно компонент, касающийся переживания чувств. Название «эмоциональная сензитивность», или «эмоциональная чувствительность» (далее – ЭС или ЭЧ), представляется для него наиболее адекватным. ЭС – способность чувствовать себя, свои переживания именно как иррациональные чувства, находиться в них без сужения, подавления и дистанцирования, не бояться этого, не снижать их интенсивности в условиях, когда это возможно, умение создавать эти безопасные условия в своей жизни. В настоящем определении ЭС не является свойством темперамента с похожим или идентичным названием (В.М. Русалов). Попытка операционализировать способность ЭС была реализована в психологии в методике САТ (самоактуализационный тест) [20], созданной на основе теорий экзистенциальной, гуманистической психологии, гештальтпсихологии, где характеристика сензитивности к себе – это способность отдавать отчет в своих потребностях и чувствах, хорошо ощущать их и рефлексировать над ними. Термин «ЭС» (или «ЭЧ»), описания важности обращения внимания на эмоции и чувства, их проживание встречаются в работах многих психотерапевтов и исследователей: З. Фрейда, Л. Хорни, К. Хорни, Э.З. Фромма, Э. Берна, К.Р. Роджерса, А.Г. Маслоу, Ф.С. Перлза, В.Э. Франкла, А. Эллиса, Ж.М.Э. Лакана, Н. Холтса, Дж. Кортрихта, М. Мундера, Э. Лесера, Б. Брауна, М. Чиксентмихайи, Дж. Бьюдженталя и др. В определении сензитивности к себе входит осознание своих чувств. В более узком понятии ЭС предлагается выделить чувствование эмоций и чувств отдельно от их осознания.

Целью данной статьи является обоснование выделения ЭС в понятии ЭИ в качестве его самостоятельной составляющей. Методы – анализ, синтез, целостное рассмотрение и объяснение накопленных в науке современных экспериментальных фактов о нейрофизиологических основах ЭИ, психотравмы и ее лечения.

Известно, что научное признание понятия ЭИ произошло в психологической науке лишь с момента появления данных экспериментальных исследований о нейрофизиологических механизмах ЭИ. Кроме этого, целостное рассмотрение нейрофизиологических ЭИ, а также данных о работе мозга в состоянии психотравмы и ее лечении [5; 19; 21–25] убедительно, на наш взгляд, обосновывает необходимость выделить ЭС в понятии ЭИ как самостоятельную составляющую.

На сегодняшний день признаны три основные группы нейрофизиологических основ ЭИ в тесном и сложном взаимодействии: лимбическая система (миндалевидное тело) как часть древнего мозга, кора головного мозга, префронтальные зоны мозга. Отдельно выделяется роль зеркальных нейронов лобных долей мозга [5; 19; 21–25]. Некоторые современные специалисты для удобства обобщенно используют выражения «эмоциональный мозг» [19, с. 67], «рациональный (когнитивный) мозг» [19, с. 65].

МИНДАЛЕВИДНОЕ ТЕЛО КАК ОСНОВА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ

Главную роль в «эмоциональном мозге» нейробиологи отдают миндалевидному телу (амигдале). Оно признается хранилищем эмоциональной памяти, в том числе бессознательных чувств и эмоций, отвечает за привязанности, страсти, эмоциональные впечатления, образы, воспоминания. Если гиппокамп как часть лимбической системы больше участвует в регистрации и выяснении смысла воспринимаемых образов, то миндалевидное тело обеспечивает именно формирование эмоциональной реакции, отвечает за сам эмоциональный след. При нарушении связи амигдалы с остальными областями мозга у человека наступает эмоциональная, или аффективная, слепота [11, с. 46] – невозможность испытывать эмоции, оценивать эмоциональную значимость событий, безучастность, неспособность распознавать чувства, субъективное ощущение отсутствия их. «Все становится безрадостно нейтральным» для человека [11, с. 67]. Заметим, что человеку в этом случае оказывается нечего осознавать, чувства недоступны, никак не тревожат, проблем управления ими нет, но его ЭИ нельзя считать высоким.

По утверждению Д. Леду, цитируемым по Д. Гоулману, если необработанные, «невербализованные модели эмоционального поведения» миндалевидного тела стимулируются раздражителями извне во взрослой жизни, у человека по-прежнему «нет слов, чтобы описать сформировавшееся их воспоминание», а ощущает он тогда «сумбурные чувства» [5, с. 57–58]. Взрывные эмоции остаются для нас непознанными, но мы продолжаем им поддаваться. В экспериментах доказано: людям начинает нравиться то, с чем они уже встречались, хотя и не помнят, что они уже это видели; или испытывают вместо точки точку с запятой беспокойство на уровне потоотделения от изображений на фотографиях, хотя еще и не страх, даже если не успевают полностью осознать, что именно им показали. Люди обязательно волнуются после этого, а затем «по мере усиления предсознательное эмоциональное возбуждение в конце концов становится настолько сильным, что человек его осознает. В момент осознания эмоции она как таковая регистрируется в лобных долях коры головного мозга» [11, с. 107–108]. Эти данные обосновывают, что для осознания неясных, бессознательных, предсознательных ощущений, эмоций и чувств требуется некоторое их усиление и время. Для этого необходимо, чтобы человек продолжал быть в контакте с ними, продолжал погружаться в них. Именно так в процессе психотерапии происходит работа с чувствами клиента, развитие или восстановление ЭС, формируется навык систематического прислушивания к своим переживаниям.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИЛИ ДОМИНИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И РАЦИОНАЛЬНОГО

Важнейшим открытием стал установленный факт, что эмоциональная система может работать независимо от неокортекса. Благодаря узким и коротким проводящим путям от таламуса к миндалевидному телу возможна ответная реакция человека на сигналы непосредственно от органов чувств раньше неокортекса. Амигдала способна запускать эмоциональный отклик посредством экстренного реагирования, способна заставить человека резко начать действовать или замереть. Если человек не слишком взволнован, то лобные доли могут восстанавливать баланс. Медиальная префронтальная кора образно названа «сторожевой башней» [19, с. 72]. Она выдвигает варианты поведения, предсказывает последствия действий, делает сознательный выбор. При сильных чувствах происходит снижение деятельности различных участков в лобных долях, в особенности в медиальной префронтальной коре, а активность подкорковых областей мозга увеличивается. При повторных переживаниях сильных негативных чувств также доминирует поставить в кавычки, человек испытывает те же самые внутренние ощущения, которые испытывал во время первоначального неприятного происшествия [5; 19; 23]. Именно степень, сила эмоционального волнения является решающим фактором во взаимодействии «эмоционального» и «рационального» мозга. Большую часть времени, когда нет слишком сильного волнения, неокортекс

управляет реакциями и эмоциями человека. Префронтальные доли отдают приказ, ослабляя сигналы, посылаемые миндалевидным телом и другими лимбическими центрами, чтобы выбрать наилучшую реакцию для ответа [5; 21; 22], более адекватную, целесообразную, взвешенную, творческую. Считается, что чувству тогда предшествует некоторое размышление. Можно говорить о доминировании рационального мозга над «эмоциональным» в эти моменты со стороны левой префронтальной доли. В другой ситуации, когда лимбическая система решает, что перед человеком стоит вопрос небезопасности, нейронные пути между лобными долями и лимбической системой резко теряют свою силу.

Для восстановления баланса между «рациональным» и «эмоциональным» мозгом при их конфликте, улучшения управления эмоциями сегодня выделяют два пути: сверху вниз и снизу вверх [19]. Регулирование снизу вверх может происходить со стороны вегетативной нервной системы путем ее перенастройки через работу с дыханием, движениями и прикосновениями. Сверху вниз предлагается работать (экспериментально доказана эффективность методов медитации, йоги [19]) над отслеживанием ощущений тела с помощью активизации исполнительного мозга – медиальной префронтальной коры, когда восстанавливается «способность спокойно и беспристрастно парить над собственными мыслями, чувствами и эмоциями, не торопясь как-либо реагировать». Б. ван дер Колк назвал эту способность «самоосознанностью», она «позволяет нашему исполнительному мозгу подавлять, систематизировать и модулировать автоматические эмоциональные реакции, запрограммированные в эмоциональном мозге» [19, с. 73]. Обсудим эти утверждения. Фраза «спокойно и беспристрастно» предполагает отпустить самоконтроль, а для осознания себя (самоосознанности) обычно свойственен самоконтроль, о котором, по сути, и идет речь во второй части приведенной цитаты. Вероятно, здесь стоит заметить две способности – «парить» и осознавать. Сама способность «парить» не является ни рациональной, ни эмоциональной, ни метакогнициями, ни метанастроением. Это особая способность человека, включающая в себя внимание. В психологии только предстоит точнее понять и назвать данную способность. Возможно, подходящее слово – «метапоток».

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СЕНЗИТИВНОСТЬ КАК ЧАСТЬ МЕТАПОТОКА

Метапоток парадоксально означает одновременно быть со своим внутренним миром – мыслями, чувствами, образами, концентрироваться на них, погружаться в них, наблюдать и при этом отстраняться от них, в этом смысле быть над собой, за пределами себя. Чтобы было над чем «парить», вначале чувства и эмоции должны хорошо ощущаться. Кроме этого, вероятно, отстранение от них возможно, если человек не торопится обдумывать, понимать, анализировать, оценивать их, критически относиться к ним (впервые на это указывал З. Фрейд, говоря о свободных ассоциациях), управлять ими, дает чувствам, ощущениям, образам быть, проявиться сильнее, тогда совершается работа чувства: энергия чувства освобождается, протекает свободно, оно проживается (нарастает его сила, достигает пика, снижается). ЭС – часть метапотока, касающаяся чувств и эмоций человека. Вторая его часть – мысли. ЭС является способностью человека быть со своими чувствами, ощущать их полно, не торопиться их понять, обуздать, подавить, уничтожить их, управлять ими, избавиться от них. Важно, чтобы каждый человек знал о необходимости развивать ЭС, чтобы это происходило не только в процессе психотерапии. Дж.Д. Майер, Д. Гулман также пытались описать способность «парить» [5, с. 93–96], но остановились на обобщении о том, что в ней присутствует самосознание.

Осознание чувств и эмоций в структуре ЭИ в практической психологии сегодня чаще ограничивают способностью прислушаться к внутренним ощущениям и дать им название. При этом снижается интенсивность чувства, человек становится способен идентифицировать эмоцию и лучше управлять ею [13; 15; 16]. Однако проживание эмоций и чувств при этом может быть недостаточным, может останавливаться, если далее разворачивается только процесс размышления или управления ими. Важность навыка обращать отдельное внимание на ЭС всегда, когда это возможно в обыденной жизни (позволяют ситуация и условия), подтверждается данными о лечении серьезных эмоциональных проблем (например психотравм). Так, Б. ван дер Колк, описывая метод самоосознанности, отмечает важность не только различить, осознать, назвать чувства, но и научиться человеку быть с ними, в них, не бояться их, «дружить» с ними, постичь временность их протекания, не бояться чувствовать, преодолеть страх неприятных ощущений в теле, не стараться их избегать, а научиться испытывать, уделяя им сосредоточенное внимание, достигая и поддерживая относительную физическую расслабленность [19, с. 229–232]. Для более глубокого проживания и трансформации переживаний возможна и эффективная работа

с внутренними образами, как это происходит в некоторых направлениях психотерапии (эмоционально-образная терапия, гештальт-терапия, символдрама, психосинтез, психоанализ и др.). Образы сегодня признаются «языком» эмоций, чувств, бессознательного в целом.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ В СЛУЧАЕ ПСИХОТРАВМЫ

Рассмотрим данные о работе мозга при психотравме, полученные с помощью метода визуализации мозга. В процессе переживания травмы и при активации болезненных воспоминаний (спонтанно или при повторных переживаниях травмы, когда человека просят вспомнить о ней) происходит, как можно обобщить данные [19], значительное понижение активности практически по всему мозгу либо избирательно. При психотравме ослабляется мозговая деятельность в целом, либо в кавычки мозг побеждает «рациональный». Когда снижается активность всего мозга, человек говорит, что «не чувствовал» ничего в момент травматического события и/или «не чувствует» ничего при повторных воспоминаниях. Избирательные снижения активности мозга при психотравме следующие: снижение активности зоны Брока (поэтому «немой ужас»); активизация области зрительной коры, отвечающей за оценку увиденного – поле Бродмана 19 (поэтому переживание травмы живо, словно она происходит «прямо сейчас»); активизация лишь правой части мозга, подавление работы левого полушария (поэтому человек впадает в эмоциональную бурю (например бешенство, ужас, стыд, беспомощность) или оцепенение (неспособность чувствовать), снова и снова, а после бури, как правило, ищет оправдания своим чрезмерным реакциям, ищет виноватого, признать свою неправоту ему невозможно даже через некоторое время); отключение таламуса (что объясняет фрагментированность переживаний, невозможность последовательно рассказывать о пережитом событии); отключение зон мозга, ответственных за самовосприятие, самосознание (поэтому сложно отслеживать свое внутреннее состояние, нарушается связь человека со своим внутренним миром и оценка важности поступающей из окружающего мира информации; полностью неактивные при прямом зрительном контакте лобные доли (поэтому «зеркальные нейроны» не помогают понимать намерения другого человека, нет любопытства к незнакомцу); активизация «эмоционального» мозга в примитивных его участках – околотовопроводном сером веществе (поэтому появляется испуг, повышенная бдительность, съезживание и другие варианты защитного поведения) [19].

Итак, в случае психотравмы нарушается способность чувствовать свои эмоции вообще, или человек испытывает неуправляемую эмоциональную бурю различных сильных непонятных чувств, а в случае избирательного изменения мозга одновременно снижается еще и чувствительность к другим людям.

СОПОСТАВЛЕНИЕ, ОБОБЩЕНИЕ И ОБСУЖДЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Рассмотренные современные нейрофизиологические данные показывают, что различные участки мозга могут работать согласованно при реализации эмоциональной деятельности человека и ее регуляции, обеспечивая единство рационального и эмоционального в жизни человека; «рациональный» или «эмоциональный» мозг могут захватывать власть при саморегуляции; либо ЭЧ может вообще нарушаться. Последнее убедительно обосновывает, на наш взгляд, необходимость дифференцированного выделения ЭС в структуре ЭИ, помимо осознания (понимания) эмоций и чувств и отдельно от них. Если доказано, что ЭЧ может быть нарушена, тогда человек оказывается лишен информации о своих переживаниях, не может ее обрабатывать (нет доступа к существующим в психике эмоциям и чувствам), то понятие ЭИ недостаточно начинать с осознания эмоций и чувств. Вероятно, исследования ЭИ должны носить междисциплинарный характер, так как наиболее объективно требуются аппаратные методы регистрации наличия или отсутствия ЭЧ. На основе самоотчетов человека также можно изучить, ощущает ли он свои эмоции и чувства большую часть времени или нет. В случае использования самоотчетов ЭЧ интегрирована с осознанием переживаний человека, как это представлено в показателе сензитивности к себе в методике САТ, однако здесь необходимо помнить и отмечать, что не учитываются возможные нарушения ЭЧ, неизвестным остается их наличие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уточнение дефиниции ЭИ в плане отдельного выделения и включения в нее такой способности, как ЭС (ЭЧ) не противоречит ни одному из существующих в науке подходов к его определению, но и не было обосновано ни в одном из них. Обоснованием служат нейрофизиологические данные о работе мозга при управлении эмоциями и чувствами и при психотравме.

Предлагается новое (более широкое) определение ЭИ на основе уточнения его формулировки по И.Н. Андреевой: интегральный ЭИ – эмоционально-когнитивно-личностное образование, совокупность способностей чувствовать и ощущать эмоции, чувства, состояния и умственных способностей к их пониманию, управлению ими, а также компетенций, связанных с глубоким переживанием чувств, обработкой и преобразованием эмоциональной информации. Дефиниция расширена в части самостоятельной эмоциональной составляющей и умения чувствовать и ощущать, а также глубоко переживать чувства, состояния, эмоции.

Уточнение определения ЭИ позволяет более целостно, эффективно и осмысленно организовывать психологическую практику работы с человеком в единстве с его эмоциональными и рациональными аспектами, учитывать и показывать важность наличия и развития ЭЧ человека.

Успешная саморегуляция не всегда свидетельствует о высоком ЭИ в целом, если ЭС нарушена или снижена. Для перехода бессознательных и предсознательных ощущений, эмоций и чувств в осознанные человеку важно оставаться в контакте с ними: продолжать достаточное время направлять свое внимание на них, не стараясь избавиться или отключиться от них; быть в метапотоке, не переключаясь полностью только на мысли; усиливать неясные эмоции и чувства.

Список литературы

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. Новополюцк: Полоцкий государственный университет; 2020. 356 с.
2. Расторгуева Е.Н. Единство когнитивных и эмоциональных аспектов в современной психотерапии. Вестник университета. 2023;2:204–211. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-204-211>
3. Тутч Л. Эмоции в психотерапевтическом процессе переработки: активировать или управлять? Экзистенциальный анализ. 2012;4:117–136.
4. Корбей А. Специфические терапевтические реакции на различные уровни ограниченного структурой переживания. Экзистенциальный анализ. 2014;6:99–122.
5. Goleman D. Emotional intelligence. Why it can matter more than IQ. New York: Bantam; 2005. 352 p.
6. Cooper R.K., Sawaf A. Executive EQ: emotional intelligence in leadership and organizations. New York: Putnam Adult; 1997. 327 p.
7. Власова О.І. Психологія соціальних здібностей: структура, динаміка, чинники розвитку: монографія. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка; 2005. 308 с.
8. Ильин Е.П. Эмоции и чувства: учебное пособие. СПб.: Питер; 2001. 175 с.
9. Шадриков В.Д. К понятию эмоционального интеллекта. В кн.: Системогенез учебной и профессиональной деятельности: сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию В.Д. Шадрикова, Ярославль, 24–25 ноября 2009 г. Ярославль: ЯГПУ; 2009. С. 12–13.
10. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotional intelligence: new ability or eclectic traits? American Psychologist. 2008;63:503–517. <https://dx.doi.org/10.1037/0003-066X.63.6.503>
11. Goleman D. Working with emotional intelligence. New York: Bantam; 2000. 400 p.
12. Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. Emotional intelligence: science and myth. Cambridge: MIT Press; 2002. 697 p.
13. Шабанов С., Алешина А. Эмоциональный интеллект. Российская практика. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2021. 432 с.
14. Андреева И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта. В кн.: Социально-психологические проблемы ментальности: материалы 6-й Международной научно-практической конференции. Часть 1, Смоленск, 2004 г. Смоленск: Самарский государственный социально-педагогический университет; 2004. С. 22–26.
15. Ивановна Н.А., Винничук Д.Н. Состояние перфекто! Как эмоциональный интеллект помогает в бизнесе и жизни. Ростов-на-Дону: Феникс; 2021. 303 с.
16. Леви Э. Эмоциональный интеллект. Побеждай без манипуляций. М: АСТ; 2022. 288 с.
17. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). Psicothema. 2006;18:3–25.

18. *Buck R.* The communication of emotion. New York: Guilford press; 1986. 391 p.
19. *Колк ван дер Б.* Тело помнит все. Какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолеть. Пер. с англ. И. Чорного. М.: Бомбора; 2023. 560 с.
20. *Гозман А.Я., Кроз М.В., Латинская М.В.* Самоактуализационный тест. М: Российское педагогическое агентство; 1995. 43 с.
21. *Анохина А.С., Токарева О.А.* Психофизиологические основы эмоционального интеллекта. Проблемы современного педагогического образования. 2018;58–2:311–314.
22. *Гринченко Ю.В., Греченко Т.Н., Безденежных Б.Н.* Психофизиология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 521000 «Психология» и специальностям 020400 «Психология», 022700 «Клиническая психология». СПб.: Питер; 2011. 463 с.
23. *Damasio A.R.* Descartes' error: emotion, reason, and the human brain. New York: Putnam; 1994. 331 p.
24. *Риццолатти Д., Коррадо С.* Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. Пер. с ит. М.В. Фаликмана, О.А. Кураковой. М.: Языки славянских культур; 2012. 208 с.
25. *Махин С.А., Макаричева А.А., Луцук Н.В., Черный С.В., Орехова А.С.* Взаимосвязь между индивидуальным уровнем эмоционального интеллекта и реактивностью сенсомоторного ритма при синхронной имитации движений другого человека. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Биология. Химия. 2013;4(65):121–131.

References

1. *Andreeva I.N.* Emotional intelligence and emotional creativity: specificity and interaction. Novopolotsk: Saint Euphrosyne Polotsk State University; 2020. 356 p. (In Russian).
2. *Rastorgueva E.N.* The unity of cognitive and emotional aspects in modern psychotherapy. Vestnik universiteta. 2023;2:204–211. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-204-211>
3. *Tutch L.* Emotions in the psychotherapeutic process of processing: to activate or manage? Existential analysis. 2012;4:117–136. (In Russian).
4. *Korbej L.* Specific therapeutic reactions on different levels of the experience limited by structure. Existential analysis. 2014;6:99–122. (In Russian).
5. *Goleman D.* Emotional intelligence. Why it can matter more than IQ. New York: Bantam; 2005. 352 p.
6. *Cooper R.K., Sanaf A.* Executive EQ: emotional intelligence in leadership and organizations. New York: Putnam Adult; 1997. 327 p.
7. *Vlasova O.I.* Psychology of social abilities: structure, dynamics, development factors: monograph. Kyev: Taras Shevchenko National University of Kyiv; 2005. 308 p. (In Ukrainian).
8. *Ilin E.P.* Emotions and feelings: textbook. St. Petersburg: Piter; 2001. 175 p. (In Russian).
9. *Shadrikov V.D.* On the concept of emotional intelligence. In: Systemogenesis of educational and professional activities: collection of scientific papers of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of V.D. Shadrikov, Yaroslavl, November 24–25, 2009. Yaroslavl: USPU; 2009. Pp. 12–13. (In Russian).
10. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Emotional intelligence: new ability or eclectic traits? American Psychologist. 2008;63:503–517. <https://dx.doi.org/10.1037/0003-066X.63.6.503>
11. *Goleman D.* Working with emotional intelligence. New York: Bantam; 2000. 400 p.
12. *Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D.* Emotional intelligence: science and myth. Cambridge: MIT Press; 2002. 697 p.
13. *Shabanov S., Ahyoshina A.* Emotional intelligence. The Russian practice. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2021. 432 p. (In Russian).
14. *Andreeva I.N.* The concept and structure of emotional intelligence. In: Socio-psychological problems of mentality: proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference. Part 1, Smolensk, 2004. Smolensk: Samara State University of Social Sciences and Education; 2004. Pp. 22–26. (In Russian).
15. *Ivanova N.A., Vinnichuk D.N.* The state of perfect! How emotional intelligence helps in business and life. Rostov-on-Don: Fenix; 2021. 303 p. (In Russian).
16. *Levi E.* Emotional intelligence. Win without manipulation. Moscow: AST; 2022. 288 p. (In Russian).
17. *Bar-On R.* The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). Psicothema. 2006;18:3–25.
18. *Buck R.* The communication of emotion. New York: Guilford press; 1986. 391 p.
19. *Kolk van der B.* The body keeps the score. Brain, mind, and body in the healing of trauma. Trans. from Eng. I. Chornyj. Moscow: Bombora; 2023. 560 p. (In Russian).
20. *Gozman L.Ya., Kroz M.V., Latinskaya M.V.* Self-actualisation test. Moscow: Russian Pedagogical Agency; 1995. 43 p. (In Russian).

21. *Anokhina A.S., Tokareva O.A.* Psychophysiological foundations of emotional intelligence. Issues of modern pedagogical education. 2018;58–2:311–314. (In Russian).
22. *Grinchenko Yu.V., Grechenko T.N., Bezdenezhnykh B.N.* Psychophysiology: textbook for university students in the direction 521000 “Psychology” and specialties of 020400 “Psychology”, 022700 “Clinical psychology”. St. Petersburg: Piter; 2011. 463 p. (In Russian).
23. *Damasio A.R.* Descartes’ error: emotion, reason, and the human brain. New York: Putnam; 1994. 331 p.
24. *Rizzolatti D., Korrado S.* Mirrors in the brain: how our minds share actions and emotions. Trans. from It. M.V. Falikman, O.A. Kurakova. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2012. 2008 p. (In Russian).
25. *Makhin S.A., Makaricheva A.A., Lutsyuk N.V., Chyornyj S.V., Orekhova L.S.* Correlation between individual level of emotional intelligence and reactivity of the sensorimotor rhythm in synchronous imitation of movements of another person. Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Biology. Chemistry. 2013;4(65):121–131. (In Russian).

Сравнительный анализ высшего образования на примере отдельных стран Европейского и Азиатско-Тихоокеанского регионов

Титор Светлана Евгеньевна

Канд. юрид. наук, доц. каф. частного права
ORCID: 0000-0002-5930-9972, email: setitor@mail.ru

Черкасова Светлана Владимировна

Магистрант
ORCID: 0000-0001-7411-1158, email: cherkasova.s2000@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу и сравнению высшего образования в Германии, Франции и Сингапуре. Авторами выделены сходства и различия систем высшего образования в некоторых странах Европейского и Азиатско-Тихоокеанского регионов. Рассмотрена его структура с учетом особенностей каждого государства, место указанных стран в ведущих мировых рейтингах по уровню образования (Индекс уровня образования в странах мира 2022 Программы развития Организации Объединенных Наций и Индекс человеческого развития 2021–2022). Проведен сравнительный анализ сроков обучения, принципов построения системы высшего образования, также в качестве критерия этого метода изучено участие работодателей (организаций и предприятий) и государства в самом процессе и задачи трудоустройства выпускников. Выявлена роль относительной самостоятельности учебных заведений в решении вопросов приема абитуриентов. Авторами рассмотрены ступени освоения программ, требования, предъявляемые к студентам при поступлении в образовательные организации, разновидности научных степеней и порядок их присвоения. Исследована система дуального практико-ориентированного обучения (как база трудоустройства выпускников во Франции и Германии, принципы и цели ее функционирования в анализируемых государствах Европейского региона.

Ключевые слова

Сравнительно-правовой анализ, регулирование образования, образование в Азии, образование в Европе, высшее образование, трудоустройство выпускников, мировые рейтинги образования

Для цитирования: Титор С.Е., Черкасова С.В. Сравнительный анализ высшего образования на примере отдельных стран Европейского и Азиатско-Тихоокеанского регионов // Вестник университета. 2024. № 1. С. 240–248.

Comparative analysis of higher education on the example of certain countries of the European and Asia-Pacific regions

Svetlana E. Titor

Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. at the Private Law Department
ORCHID: 0000-0002-5930-9972, email: setitor@mail.ru

Svetlana V. Cherkasova

Graduate Student
ORCHID: 0000-0001-7411-1158, email: cherkasova.s2000@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

This study analyses and compares higher education in Germany, France, and Singapore. The authors highlight the similarities and differences between higher education systems in some countries of the European and Asia-Pacific regions. Its structure is described, with consideration to characteristics of each state, the place of these countries in the leading world rankings on the level of education is given (Education Index 2022 of the United Nations Development Programme and Human Development Report 2021–2022). A comparative analysis of the study duration, principles of building a higher education system was conducted. Also, the authors studied participation of employers (organisations and enterprises) and state in the process, along with issues of employment of graduates as a criterion for this method. The role of the relative independence of higher educational institutions in resolving admission issues was identified. The authors examined the stages of mastering programmes, the requirements for applicants when entering educational organisations, the types of degrees, and the procedure for awarding them. The system of dual (practice-oriented) training was explored as a basis for employment of graduates in France and Germany, the principles and goals of its functioning in the analysed states of the European region were clarified.

Keywords

Comparative legal analysis, regulation of education, education in Asia, education in Europe, higher education, employment of graduates, education world rankings

For citation: Titor S.E., Cherkasova S.V. (2024) Comparative analysis of higher education on the example of certain countries of the European and Asia-Pacific regions. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 240–248.

ВВЕДЕНИЕ

Высшее образование является основой подготовки квалифицированных кадров. Научно-технологическое развитие позволило создать места для трудоустройства, выявило потребность в обучении образованного населения для работы с новыми условиями, технологиями. На наш взгляд, необходимо рассмотреть системы высшего образования в отдельных странах как Европейского, так и Азиатско-Тихоокеанского региона. Актуальность исследования заключается в том, что выделенные нами государства демонстрируют наиболее высокие показатели в общемировых рейтингах образования: PISA (англ. Programme for International Student Assessment – Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), Индекс уровня образования в странах мира 2022 Программы развития Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Так, с учетом общемировой оценки уровня образования стран авторами выделены три государства для изучения: Франция, Германия и Сингапур. Целью исследования является проведение сравнительного анализа высшего образования в выбранных странах с точки зрения построения национальной образовательной системы и трудоустройства выпускников.

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГЕРМАНИИ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В рейтинге стран мира по индексу уровня образования ООН¹ Федеративная Республика Германия (далее – ФРГ, Германия) находится на 11-м месте (ожидаемая продолжительность обучения – 17 лет, средняя продолжительность обучения – 14,1 лет). Для сравнения, Российская Федерация (далее – РФ, Россия) занимает 29-ю строчку с показателями 15,8 и 12,8 лет соответственно. Франция расположена на 44-м месте (ожидаемая продолжительность обучения – 15,8 лет, средняя продолжительность обучения – 11,6 лет). Сингапур – на 31-й позиции с показателями 16,5 и 11,9 лет соответственно.

В Индексе человеческого развития (англ. Human Development Report 2021–2022)². Германия находится на 9-м месте с показателем 0,942 (средняя продолжительность жизни – 80,6 лет, ожидаемое количество лет обучения – 17, среднее время обучения в школе – 14,1 лет, валовый национальный доход – 54,534). Россия в рассматриваемом рейтинге занимает 52-ю позицию с показателем 0,822 (средняя продолжительность жизни – 69,4 лет, ожидаемое количество лет обучения – 15,8, среднее время обучения в школе – 12,8 лет, валовый национальный доход – 27,166). Франция расположена на 28-м месте с показателем 0,903 (средняя продолжительность жизни – 82,5 лет, ожидаемое количество лет обучения – 15,8, среднее время обучения в школе – 11,6 лет, валовый национальный доход – 45,937). Сингапур занимает 12-е место с показателем 0,939 (средняя продолжительность жизни – 82,8 лет, ожидаемое количество лет обучения – 16,5, среднее время обучения в школе – 11,9 лет, валовый национальный доход – 90,919).

Система высшего образования Германии объединяет в себе более 400 образовательных организаций, из которых более 300 получают финансирование из государственного бюджета. Обучение в них интегрирует все базовые направления программ международного высшего образования, такие как классические университеты (нем. Universität), технические вузы (нем. Technische Universität), а также общие университеты (нем. Gesamthochschulen). Кроме этого, существует несколько учебных заведений, обучение в которых приравнено к получению высшего образования: педагогические институты (нем. Pädagogische Hochschule), медицинские колледжи (нем. Hochschule für Medizin), философско-теологические колледжи (нем. Theologische Hochschule), колледжи спорта (нем. Sporthochschule) и т.д. Самыми популярными специальностями на территории ФРГ являются электротехника, экология, инженерия, строительство и машиностроение, а также аграрное образование.

С даты подписания Болонской декларации государствами-членами Европейского союза (далее – ЕС) вся европейская система высшего образования подверглась полномасштабным изменениям. На данный момент около 90 % немецких университетов реализуют свои учебные программы по системе двух ступеней: бакалавриата и магистратуры.

Классическое высшее университетское образование в ФРГ на первой ступени (бакалавриате) включает в себя такие два этапа, как обучение в университете (нем. Studium) и двухгодичную практику (нем. Referendariat), каждый из которых завершается сдачей государственного экзамена (нем. Staatsexamen).

¹ Human Development Reports. Официальный сайт. Режим доступа: <https://hdr.undp.org/> (дата обращения: 21.10.2023).

² Human Development Reports. Human Development Index (HDI). Режим доступа: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 23.11.2023).

Подготовка к последнему представляет собой усвоение междисциплинарного обширного учебного материала, что в свою очередь интегрирует в систему высшего образования ФРГ институт репетиторства (нем. Repetitorium) в виде так называемой консультативной работы с молодым практикующим специалистом с целью активного и углубленного повторения всех изучаемых дисциплин и успешного написания итоговой контрольной работы (нем. Klausur). Подготовка представляет собой неотъемлемый эквивалент немецкого высшего образования.

По окончании программы бакалавриата после написания дипломной работы и ее успешной защиты студентам присваивается ученая степень бакалавра (англ. Bachelor / нем. Bakkalaureus). Магистерские программы ориентированы в большей степени на научно-исследовательскую работу, а после сдачи государственных экзаменов и защиты дипломного проекта присваивается степень магистра (англ. Master). Также в настоящее время в Германии набирают популярность так называемые интегрированные формы высшего образования, сочетающие в себе процесс обучения в университете и специальную профессиональную подготовку. Они представляют собой, по сути, освоение специальных учебных курсов в сфере бизнеса, а также инженерных и компьютерных наук, являющихся дополнением к основной профессиональной подготовке студента. К таким программам относятся программы MBA (англ. Master of Business Administration – мастер делового администрирования) [1]. В Германии существует одна ученая степень – доктор наук, которая присваивается после защиты и полной публикации диссертации в учебном заведении.

При поступлении в вуз не предусмотрены вступительные испытания, абитуриенту достаточно успешно сдать выпускные экзамены в школе/гимназии. При приеме на обучение решающее значение имеет средний балл школьного аттестата.

ФРГ является родоначальником системы дуального образования (объединение теоретической подготовки и практики непосредственно у работодателя). По такой системе на предприятиях создаются специальные места для обучающихся (иногда с использованием виртуального оборудования). На данный момент ее активно внедряют многие иностранные государства, в том числе и РФ.

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Система французского образования основана на принципе свободы преподавания, бесплатного и доступного обучения, равных прав и обязанностей участников образовательного процесса, а также на принципе светскости (лаицизма), то есть нерелигиозном характере образования. Она характеризуется значимой ролью государства в самой системе и ее финансировании.

Как уже было отмечено нами выше, Франция, будучи членом ЕС и, соответственно, участником Болонского процесса, имеет двухуровневую систему высшего образования, как и Германия. Указом № 2002-481 от 8.04.2002 г. «Об ученых степенях, званиях и национальных дипломах»³ была введена новая система степеней:

- 1) первый цикл: бакалавр (фр. licence) – 3 года;
- 2) второй цикл: магистр – 2 года;
- 3) третий цикл: доктор – 3–4 года.

К задачам первого цикла относятся следующие: углубление имеющихся знаний по фундаментальным дисциплинам и приобретение новых, относящихся к широкому спектру деятельности; совершенствование владения французским языком; участие в научных исследованиях; помощь студентам в определении профессиональной ориентации на основе междисциплинарного обучения (постепенный переход к специализации обучения); помощь студентам с определением дальнейшего пути (подготовка к обучению во втором цикле или подготовка к трудоустройству после получения диплома об окончании первого цикла).

Зачислению на обучение на первый цикл предшествует национальная процедура предварительной регистрации, позволяющая поступающим воспользоваться информационным и ориентационным механизмом, который доводит до них сведения о характеристиках каждого вида обучения, а также статистические данные. Зачисление происходит с учетом характеристики студента и оценок, полученных в результате предыдущего обучения выпускника. Обладатели национального диплома бакалавра, дающего возможность обучения на первом цикле, которые не поступают на второй цикл, информируются о различных возможностях, доступных им в сфере профессиональной интеграции и продолжения образования.

³ Légifrance. Décret n°2002-481 du 8 avril 2002 relatif aux grades et titres universitaires et aux diplômes nationaux. Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT00000585864> (дата обращения: 25.10.2023).

Второй цикл объединяет курсы, включающие общее и профессиональное обучение. Проводятся тренинги, организованные с целью подготовки студентов к профессии. Они позволяют пополнять знания, получать практические навыки, проводить научные исследования. Поступить на второй цикл могут обладатели степени бакалавра. Учебные заведения вправе устанавливать правила приема на первый год второго цикла, например вводить вступительный экзамен и учитывать досье поступающего.

Третий цикл представляет собой подготовку в области исследований и разработок, включающую в рамках докторантуры индивидуальное или коллективное выполнение научных работ. Обучение происходит в тесной связи с исследовательскими лабораториями и группами, качество деятельности которых подтверждается национальной оценкой. После защиты диссертации и представления оригинальных научных работ присваивается докторская степень. Научные труды могут быть индивидуальными или коллективными, опубликованными или неопубликованными. По завершении процедуры защиты кандидат должен принести присягу, пообещав соблюдать принципы, правила и требования научной честности на условиях, установленных постановлением министра, ответственного за исследования. Докторская степень сопровождается указанием учреждения, которое ее выдало. Руководить научными работами могут ученые, получившие соответствующую лицензию. Монополию на присвоение ученых степеней и званий имеет государство. Учебные заведения могут под свою ответственность организовывать обучение, ведущее к получению собственных степеней, а также подготовку к конкурсным экзаменам.

Во Франции есть 87 государственных университетов – от старейших парижских, один из которых был основан в 1179 г. под названием «Сорбонна», до современного учебного центра Ниццы «Софья-Антиполис», открытого в 1968 г.⁴ Учреждены государственные организации научного, культурного и профессионального характера, обладающие правосубъектностью, административной и финансовой автономией. Функционируют технологические университеты (их основная задача – подготовка инженеров, развитие исследований и технологий), на базе которых существуют школы и институты за пределами университета, французские школы за рубежом, сообщества учреждений. Четыре государственных школы искусств с высокой репутацией напрямую подчиняются Министерству высшего образования: Буль, Оливье де Серр, Дюперре и Эстьен.

В стране, как и в Германии, внедрена система дуального образования, дающая студентам шанс получить практически любые сертификаты, зарегистрированные в специальном национальном каталоге профессиональных квалификаций. Существует возможность заключить контракт на обучение с конкретной организацией продолжительностью от одного года до трех лет, по которому студентам будут предоставлены все права и присвоен статус сотрудника предприятия. Обучение проходит как на рабочем месте на территории компании, так и в образовательной организации. Дуальная система образования во Франции регулируется федеральным законодательством, региональными советами, некоторыми политическими уставами и социальными партнерами, которые осуществляют основное руководство центрами подготовки кадров. Финансирование системы трехстороннее: от государства (освобождение предприятий, заключивших договоры, от установленных взносов ровно на сумму заработной платы каждого студента), от региональных советов (предоставление субсидий на обучение) и от компаний (налог на обучение) [2].

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИНГАПУРЕ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В Сингапуре в данный момент система высшего образования реализуется по трем привычным ступеням: бакалавриат, магистратура и докторантура. Национальный университет Сингапура и Наньянский технологический университет предлагают своим абитуриентам не только получение дипломов бакалавров, магистров, но также развитие в области научно-исследовательской деятельности. Учеба на бакалавриате длится три-четыре года, в магистратуре – один-два года, в докторантуре – от двух до пяти лет. Обучение в вузе является достаточно дорогим. Так, минимальная цена за год обучения на бакалавриате составляет примерно 9 056 долл. США. Эту степень можно получить по следующим направлениям: администрирование, архитектура, искусствоведение, авиация, бизнес, строительство, дизайн, экономика, образование, мода, инженерия, здравоохранение, туризм, менеджмент, маркетинг и др.⁵ В современном высшем образовании Сингапура уделяется особое внимание сотрудничеству с зарубежными университетами – американскими,

⁴ Wayback Machine. Университеты, высшие и специализированные школы. Режим доступа: <https://clc.ink/7124ZsyHc> (дата обращения: 27.10.2023).

⁵ Keystone Bachelor Studies. 44 Bachelor Programs in Singapore for 2024. Режим доступа: <https://www.bachelorstudies.com/bachelor/singapore> (дата обращения: 28.10.2023).

японскими, европейскими [3]. Для поступления на бакалавриат студенту необходимо получить 12-летнее школьное образование, которое реализуется до 11-го класса в школе, а затем в довузовских учреждениях (англ. Junior College)⁶ или в послесреднем учебном заведении (англ. post-secondary institution). Для поступления в университет Сингапура иностранцу также необходимо иметь 12 лет образования в школе, хотя некоторые вузы принимают иностранцев и после 11-го класса.

В магистратуре, как уже было упомянуто, обучение длится от одного года до двух лет, по программам MBA – год/полтора. Продолжительность обучения зависит от учебного заведения. Магистерские программы по форме обучения подразделяются на очные и заочные. В процесс обучения входят лекции, семинары, групповая и индивидуальная работа, написание диссертации или итогового проекта. Основные требования, предъявляемые к абитуриенту, выдвигает вуз. В большинстве случаев для поступления в магистратуру Сингапура студенту необходимо иметь диплом бакалавра, обязательны рекомендательные письма, результаты экзаменов. Например, Graduate Record Examinations (англ. стандартизированный тест, который необходимо сдать для поступления на значительное количество постдипломных программ в США и ряде иных стран), Graduate Management Admission Test (англ. стандартизированный тест для определения способности успешно обучаться в бизнес-школах). При поступлении учитывается опыт работы по специальности, сдача экзаменов TOEFL (англ. Test of English as a Foreign Language – стандартизированный тест на знание английского языка) или IELTS (англ. International English Language Testing System – международная система оценки знания английского языка).

Что касается докторантуры, она делится на два вида: исследовательская и курсовая. Первая представляет собой работу над независимым исследованием в течение всего периода под контролем научного руководителя, а также сдачу экзаменов. Вторая состоит из набора лекций, семинаров, лабораторных работ и письменных экзаменов в течение всего периода обучения. Занятия проводятся обычно по вечерам, а итоговая работа является проектом, на основе которого пишется диссертация.

Система высшего образования Сингапура схожа с европейской и не отличается какими-то особенностями. Уникальность заключается в некоторых аспектах. Во-первых, меньше времени уделяется подготовке магистров и докторов. Магистры в среднем учатся год, доктора – три года. Во-вторых, учеба в вузах разделяется на 6 семестров и именуется блоком. В-третьих, лекции занимают всего 30 % учебного времени, а практические занятия – 70 %. Образование строится на самообучении и способности студентов к самоорганизации. В-четвертых, в университетах Сингапура нет сессий, а аттестация происходит каждый раз после завершения курса лекций, нет зачетной сессии, но есть необходимый минимум для получения доступа к экзаменам.

Таким образом, с точки зрения построения национальных систем высшего образования мы видим, что в Германии, Франции и Сингапуре в основе лежат единые принципы: система включает в себя обучение на бакалавриате, в магистратуре и докторантуре (в Сингапуре те же ступени, что и в европейских странах, несмотря на тот факт, что страна не является участником Болонского процесса, в отличие от ФРГ и Франции). Требования к абитуриентам, продолжительность обучения в рассмотренных государствах различаются, влияние оказывают национальные особенности, относительная самостоятельность отдельных вузов в установлении правил приема и обучения и другие факторы.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Одним из основных критериев оценки системы высшего образования можно назвать дальнейшее трудоустройство выпускников. Так, в выбранных странах присутствуют свои отличительные черты и способы реализации данного критерия.

Вопросам трудоустройства выпускников в Сингапуре уделяется особое внимание. Каждое учебное заведение сотрудничает с несколькими организациями-партнерами, которые могут устроить на работу выпускников или обучающихся, также в каждой образовательной организации есть свой сайт или приложение для трудоустройства. Например, NUS Talent Connect в Национальном университете Сингапура⁷, где студенты могут найти подходящие вакансии. В университетах доступна консультация у специалистов по вопросам карьеры, которые помогут выпускникам с занятостью, определят сильные и слабые стороны, подберут нужную вакансию в соответствии с его образованием и личностными качествами. Любому гражданину Сингапура

⁶ National Junior College. About us. Режим доступа: <https://www.nationaljc.moe.edu.sg/about-us/> (дата обращения: 30.10.2023).

⁷ National University of Singapore. Официальный сайт. Режим доступа: <https://nus-csm.symplicity.com/> (дата обращения: 30.10.2023).

гарантируется доступ к государственным услугам по профессиональному развитию, подбору работы в центрах карьеры (Workforce Singapore)⁸ при Министерстве трудовых ресурсов.

В стране особую роль играет подготовка и трудоустройство педагогических кадров. Подготовкой педагогов занимается единственное заведение в Сингапуре – Национальный институт образования Наньянского технологического университета [4]. Для поступления недостаточно сдать на отлично выпускные экзамены, специальной комиссией обязательно оценивается мотивация потенциального педагога, по итогам отбора только лучшие допускаются до следующих вступительных испытаний. Так, набор кандидатов происходит благодаря определению психологического портрета соискателя, профессиональной пригодности, коммуникативных навыков и др. То есть к будущим учителям еще на этапе поступления в университет предъявляются довольно высокие требования. Необходимо отметить, что после окончания сингапурского педагогического института студенты обязаны отработать в школе четыре года. Профессиональное образование не заканчивается будущим педагогом после окончания учебного заведения. Напротив, в Сингапуре школа заинтересована в грамотном и ответственном преподавателе, поэтому выпускнику при трудоустройстве назначается наставник, который должен помогать адаптироваться на рабочем месте, получать навыки и совершенствовать их.

Что касается эффективности, высокий уровень образования в Сингапуре поддерживается благодаря внедренной в 2005 г. системе профессиональной оценки учителей (англ. Enhanced Performance Management System). Данной системой оцениваются черты личности педагога: как он преподносит материал, образ и структура мысли, действия, манера говорить [5]. Программой задаются высокие квалификационные стандарты, которые позволяют оценить учителю свою работу и усовершенствовать ее, определить потребность в повышении квалификации педагога или стимулирование его денежными выплатами.

Германия является родоначальником системы дуального образования, при которой теоретическая часть подготовки обучающихся проходит на базе образовательной организации, куда они зачислены, а практическая – на рабочем месте территории предприятия. Предприятия в свою очередь делают заказ образовательным учреждениям на определенное количество необходимых специалистов, работодатели могут даже принимать непосредственное участие в составлении образовательной программы и учебного плана. Студенты проходят практику в компании без отрыва от основной учебы. При такой системе обучения значительно усиливается роль работодателя, на территории которого создаются учебные рабочие места для студентов.

Немецкая система высшего образования в рассматриваемом ключе отличается развитым институтом наставничества и активным участием бизнеса в подготовке кадров. Дуальное обучение в стране функционирует в строгих законодательных рамках и осуществляется при непосредственном участии торгово-промышленных и ремесленных палат. По этой причине многие подростки выбирают технические специальности, после получения которых гарантировано рабочее место на предприятии.

Что касается занятости выпускников во Франции, необходимо отметить, что доступ выпускников к трудоустройству сегодня является одним из критериев оценки университетов. Закон № 2007-1199 от 10.08.2007 г. «О свободах и обязанностях университетов»⁹, известный как Закон LRU, определяет среди основных задач ориентацию и профессиональную интеграцию студентов. Таким образом, предназначение университетов больше не ограничивается производством знаний и их распространением. Хотя указанная задача изначально включалась в узкий круг специальностей (в основном в медицину и юриспруденцию), на данный момент она является особо актуальной для специальностей общего профиля.

Согласно проведенному опросу 2022 г.¹⁰, уровень занятости студентов бакалавриата в 2022 г. составил 82 % через год после окончания обучения (в период до пандемии COVID-19 этот показатель составлял 85 %). К 2022 г. условия трудоустройства выпускников значительно улучшились, расширился доступ к постоянной работе (практически 2/3 учащихся подписывают с работодателем бессрочный трудовой договор). Важно отметить, что факультет гуманитарных наук, языков и искусства занимает последнее место в рейтинге трудоустройства и имеет самый низкий уровень занятости выпускников (63 %). Для сравнения, технические науки на данный момент практически восстановили свой докризисный уровень

⁸ Workforce Singapore. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.wsg.gov.sg/> (дата обращения: 31.11.2023).

⁹ Légifrance. Loi n°2007-1199 du 10 août 2007 relative aux libertés et responsabilités des universités. Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000824315/> (дата обращения: 01.11.2023).

¹⁰ Juille M., Soussi R. Covid: quelle insertion pour les jeunes diplômés en sortie de crise? Режим доступа: <https://www.studyrama.com/emploi/premier-emploi/insertion-jeunes-diplomes-covid> (дата обращения: 05.11.2023).

занятости – 89 %. По окончании вуза основным каналом поиска первой работы являются объявления о вакансиях (30 %), стажировка занимает второе место (13 %).

Согласно статистике, молодые выпускники работают по специальности в основном в сфере услуг, промышленности и торговле. Среди наиболее привлекательных направлений набора руководителей начального уровня можно выделить «Инженерию-НИОКР, исследования» (НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), «Здравоохранение, социальные действия» и «Юридическую и бухгалтерскую деятельность».

Как уже было отмечено нами выше, во Франции, как и в Германии, введена дуальная система образования, которая открывает студентам доступ ко всем профессиональным сертификатам. В стране функционирует наблюдательный совет, который обязан ежегодно предоставлять Комитету по образованию и академической жизни отчет о количестве и качестве стажировок, а также о профессиональной интеграции студентов и их первом трудоустройстве (статья L611-5).

Таким образом, можно отметить, что в европейских государствах (ФРГ и Франции) в плане трудоустройства значительный упор делается на дуальную систему, при которой работодатели участвуют в подготовке кадров, определяют потребность в специалистах конкретного профиля, обучают студентов на территории предприятий и, соответственно, потом получают уже введенных в курс дела и относительно обученных сотрудников. Кроме того, образовательные организации во Франции и Германии тесно сотрудничают с работодателями, студентов регулярно консультируют специалисты по вопросам трудоустройства. Такая же система существует и в Сингапуре. Проводятся ярмарки вакансий, собеседования с обучающимися, активно функционируют центры занятости и карьерного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведенного сравнительно-правового анализа систем высшего образования в Сингапуре, Франции и Германии можно сделать следующие выводы.

Во-первых, рассмотренные государства, а вернее их образовательные системы, занимают верхние позиции в общемировых рейтингах образования в целом. Безусловно, сходств между французской системой и немецкой намного больше, чем с системой Сингапура, однако она несильно выделяется с точки зрения организации. Это обусловлено расположением стран и участием Франции и Германии в ЕС.

Во-вторых, с точки зрения общей характеристики систем образования мы видим единые принципы построения: обучение на бакалавриате, затем в магистратуре и докторантуре (при этом Франция и Германия входят в Болонский процесс, одним из условий которого является построение высшего образования согласно данным ступеням, а Сингапур его участником не является). Разумеется, условия поступления, экзамены, требования к подготовке абитуриентов, продолжительность обучения на каждом из этапов отличаются в рассмотренных государствах. Более того, благодаря относительной самостоятельности вузов многие упомянутые факторы различаются в университетах на территории одной страны.

В-третьих, с точки зрения трудоустройства выпускников после получения высшего образования можно сказать, что во Франции и Германии это реализуется в основном за счет дуальной образовательной системы (сочетания теории и практики у работодателя), в результате которой многие студенты еще в процессе обучения находят место в организации. Кроме того, во всех рассмотренных странах образовательные организации проводят ярмарки вакансий, специалисты помогают обучающимся в поиске себя и выборе дальнейшего пути, консультируют по вопросам трудоустройства, заключают договоры с организациями о сотрудничестве, тем самым обеспечивая выпускников работой.

Список литературы

1. *Кудашова Н.Н.* Система образования в современной Германии. Современное педагогическое образование. 2022;2:25–29.
2. *Булах К.В., Жукова Н.Н.* История развития дуальной системы профессионального образования в странах Европейского Союза. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2017;4(208):57–64.
3. *Лицарева Е.Ю.* «Мягкая инфраструктура» Тайваня, Республики Корея и Сингапура в области науки и образования по привлечению человеческих ресурсов. Вестник Томского государственного университета. 2017;421:133–143. <http://doi.org/10.17223/15617793/421/20>

4. Данилова Л.Н. Педагогическое образование в Сингапуре: компетентностно-ценностный подход. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022;3(41):473–484. <http://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-473-484>
5. Сергиенко А.Ю. Управление педагогическим образованием в Сингапуре. Управление образованием: теория и практика. 2018;1(29):23–35.

References

1. Kudashova N.N. The educational system in modern Germany. Modern Pedagogical Education. 2022;2:25–29. (In Russian).
2. Bulakb K.V., Zhukova N.N. History of development of dual system of professional education in the countries of the European Union. The Bulletin of the Adyghe State University, Series “Pedagogy and Psychology”. 2017;4(208):57–64. (In Russian).
3. Litsareva E.Yu. The “soft infrastructure” of Taiwan, the Republic of Korea and Singapore in the field of science and education on human resources attracting. Tomsk State University Journal. 2017;421:133–143. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/15617793/421/20>
4. Danilova L.N. Teacher training in Singapore: competence and value-based approach. Issues in Journalism, Education, Linguistics. 2022;3(41):473–484. (In Russian). <http://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-473-484>
5. Sergienko A.Yu. Teacher education management in Singapore. Education Management Review. 2018;1(29):23–35. (In Russian).